

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 23 · № 2

• 2026 •

Vol. 23 · No. 2

SIBERIAN LAW REVIEW

DOI: 10.19073/2658-7602

Учредитель и издатель:

частное образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский юридический университет»

Адрес издателя и редакции:

ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия
Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© Редакция научного журнала
«Сибирское юридическое обозрение», 2026

Founder and publisher:

private educational institution of higher education
“Siberian Law University”

Address of the publisher and the editorial office:

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia
Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© The editorial board of the scientific journal
“Siberian Law Review”, 2026

Журнал включен в:

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- Категорию 1 (К 1) журналов, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- базу данных «Российский индекс научного цитирования»;
- каталог Ulrich's Periodicals Directory – авторитетную базу данных, которая содержит библиографическую информацию о научных периодических изданиях мира;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – ведущую международную базу журналов открытого доступа;
- электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»;
- научную электронную библиотеку «КиберЛенинка» и др.

В соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 1 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» настоящий журнал знаком информационной продукции не маркируется.

The journal is included in:

- the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of sciences must be published;
- Category 1 (K 1) of the list of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of science must be published;
- the database “Russian science citation index”;
- Ulrich's Periodicals Directory is an authoritative database that contains bibliographic information about scientific periodicals of the world;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – a community-curated online directory that indexes and provides access to high quality, open access, peer-reviewed journals;
- legal information database “GARANT System”;
- scientific electronic library “CyberLeninka” and others.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель редакционной коллегии – главный редактор

Соловей Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора

Кирсанов Роман Васильевич – кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Ответственный секретарь

Агеева Алена Викторовна – кандидат юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Бабурич Василий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Бекетов Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Гатт Луисилла – профессор частного права (Университет Неаполя им. Сестры Орсола Бенинкасой, Неаполь, Италия; Республика);

Герасименко Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области, Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Гришковец Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация);

Гундур Раджив – доктор философии в области криминологии (PhD in Criminology) (Ирландский национальный университет, Мейнут, Республика Ирландия);

Деришев Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кодан Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация);

Кожеева Марина Анатольевна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Кононов Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор (Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Российская Федерация);

Коэн-Альмагор Рафаэль – профессор, доктор философии в области политики (Университет Халла, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Кузьмина Ирина Дмитриевна – доктор юридических наук, доцент (Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация);

Луговик Виктор Федорович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Мэггс Питер Б. – профессор-исследователь (Юридический колледж Университета Иллинойса, Шампейн, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Мюллер Амрей – доктор юридических наук, доцент (Юридическая школа Сазерленда UCD, Дублин, Республика Ирландия);

Озунгур Фахри – доктор философии в области права, семьи, бизнеса (Университет Мерсин, Мерсин, Турецкая Республика);

Паризи Франческо – профессор права (Университет Миннесоты, Миннеаполис, Миннесота, Соединенные Штаты Америки), профессор экономики (Болонский университет, Болонья, Италия; Республика);

Пфандер Джеймс Э. – профессор права (Юридическая школа Северо-Западного Притцкера, Чикаго, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Пьеткевич Михал – доктор философии в области права (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Республика Польша);

Руда-Гонсалес Альберт – доцент в области частного права (Университет Жироны, Жирона, Королевство Испания);

Торнхилл Кристофер – профессор права (Бирмингемский университет, Бирмингем, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Хоссейн Мд Саззад – доктор философии в области защиты прав человека (Университет Сонаргаон, Дакка, Народная Республика Бангладеш);

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация);

Чен Джеймс Мин – профессор права (Юридический колледж Университета штата Мичиган, Ист-Лансинг, Мичиган, Соединенные Штаты Америки);

Черников Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шарапов Роман Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация).

SIBERIAN LAW REVIEW

Scientific journal

Volume 23, no. 2

2026

Published since 2004

Published four times a year

Previous titles of the journal:

“Vestnik of the Omsk Law Institute” ISSN 2222-856X (2004 – first half of 2012);

“Vestnik of the Omsk Law Academy” ISSN 2306-1340 (print), 2410-8812 (online)

(second half of 2012 – first half of 2019)

EDITORIAL BOARD

The Chairman of the Editorial Board –

Editor-in-Chief

Yury P. Solovey – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Deputy Editor-in-chief

Roman V. Kirsanov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Executive Secretary

Alena V. Ageeva – Candidate of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Vasilii V. Baburin – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Oleg I. Beketov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

James Ming Chen – Professor of Law, Michigan State University College of Law, East Lansing, Michigan, United States of America;

Valerii V. Chernikov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Raphael Cohen-Almagor – D. Phil. in political theory, University of Hull, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Yury V. Derishev – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Lucilla Gatt – Professor of Private Law, Suor Orsola Benincasa University of Naples, Naples, Italian Republic;

Yury V. Gerasimenko – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ombudsman for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk Region, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Aleksei A. Grishkovets – Doctor of Legal Sciences, Professor, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;

Rajeev Gundur – PhD in Criminology, National University of Ireland in Maynooth, Maynooth, Republic of Ireland;

Md Sazzad Hossain – PhD in Law, Sonargaon University, Dhaka, People's Republic of Bangladesh;

Denis N. Karkhalev – Doctor of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Sergei V. Kodan – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation;

Pavel I. Kononov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Volga-Vyatka Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Kirov, Russian Federation;

Marina A. Kozhevina – Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Irina D. Kuzmina – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation;

Viktor F. Lugovik – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Peter B. Maggs – Research Professor, University of Illinois College of Law, Champaign, Illinois, United States of America;

Amrei Muller – PhD in Law, UCD Sutherland School of Law, Dublin, Republic of Ireland;

Fahri Ozsunger – PhD in Law, Family and Consumer Sciences, PhD in Business, Mersin University, Mersin, Republic of Turkey;

Francesco Parisi – Professor of Law, University of Minnesota, Minneapolis, Minnesota, United States of America; Professor of Economics, University of Bologna, Bologna, Italian Republic;

James E. Pfander – Professor of Law, Northwestern Pritzker School of Law, Chicago, Illinois, United States of America;

Michal Pietkiewicz – PhD in Law, University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Republic of Poland;

Albert Ruda-Gonzalez – PhD in Law, University of Girona, Girona, The Kingdom of Spain;

Roman D. Sharapov – Doctor of Legal Sciences, Professor, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation;

Christopher Thornhill – Professor of Law, University of Birmingham, Birmingham, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Nikolai N. Tsukanov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

С. А. Агамагомедова

Институты административного права: эволюция подходов и современное понимание . . . 178

А. С. Агафонов

Цифровая суверенность государства в российском праве. 192

Ю. В. Анохин, О. А. Колоткина, И. Д. Ягофарова

Угроза общественной безопасности как правовая категория 204

О. О. Базина, Ким Ен Ун

**Конституционное развитие Корейской Народно-Демократической Республики
сквозь призму конституционных изменений 221**

Е. А. Глухов

**Баланс публичных и частных интересов при привлечении сотрудников
и военнослужащих к исполнению дополнительных обязанностей 234**

А. В. Койдан

**Концепция воинствующей демократии в практике Европейского Суда
по правам человека 247**

С. Ю. Поярков

**Адаптация конституционного порядка к режиму нормализованной чрезвычайности:
сравнительно-правовое исследование 267**

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

А. А. Тишкевич

Обеспечение защиты прав потребителей при приобретении видеоигр 282

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Д. В. Воробьева

**Роль межведомственного взаимодействия в выявлении преступников,
анонимизирующих свою личность. 305**

В. Ф. Луговик

**Вспомогательное осведомительство как институт отечественного
оперативно-розыскного права. 319**

Д. В. Новохионов

Структурные элементы уголовной политики 337

П. В. Пошелов

К вопросу о современном состоянии уголовно-правовой политики России 360

А. В. Равинская

**Обеспечение прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних на досудебных
стадиях уголовного процесса (на примере надзорной деятельности прокуратур
г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области) 375**

А. А. Урусов

Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы. 388

Информация для авторов. 401

CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>S. A. Agamagomedova</i> Institutions of Administrative Law: The Evolution of Approaches and Their Contemporary Understanding	179
<i>A. S. Agafonov</i> State Digital Sovereignty in Russian Law	193
<i>Yu. V. Anokhin, O. A. Kolotkina, I. D. Yagofarova</i> Threat to Public Security as a Legal Category	205
<i>O. O. Bazina, Kim E. U.</i> The Constitutional Development of the Democratic People's Republic of Korea through the Prism of Constitutional Amendments	222
<i>E. A. Glukhov</i> Balancing Public and Private Interests When Assigning Additional Duties to Employees and Military Personnel	235
<i>A. V. Koydan</i> The Concept of Militant Democracy in the Case Law of the European Court of Human Rights	248
<i>S. Yu. Poyarkov</i> Adapting the Constitutional Order to a Regime of Normalized Emergency: A Comparative Legal Study	268

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>A. A. Tishkevich</i> Ensuring Consumer Protection in the Purchase of Video Games	283
---	-----

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>D. V. Vorobyeva</i> The Role of Interagency Cooperation in Identifying Offenders Who Anonymize Their Identity	306
<i>V. F. Lugovik</i> Auxiliary Informing as an Institution of Russian Operational-Search Law	320
<i>D. V. Novokshonov</i> Structural Elements of Criminal Policy	338
<i>P. V. Poshelov</i> On the Contemporary State of Russia's Criminal-Law Policy	361
<i>A. V. Ravinskaya</i> Ensuring the Rights, Freedoms, and Legitimate Interests of Minors at the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings: The Example of Prosecutorial Supervision in St. Petersburg and the Leningrad Region	376
<i>A. A. Urusov</i> Disciplinary Liability of Persons Sentenced to Imprisonment	389
Information for Authors	403

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ Public Law (State Law) Sciences

УДК 342.9

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-178-191

EDN: AKXUIW

Оригинальная научная статья

Институты административного права: эволюция подходов и современное понимание

С. А. Агамагомедова

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

✉ saniyat_aga@mail.ru

Аннотация. Предметом настоящего исследования выступает одна из универсальных и ключевых категорий административного права – административно-правовой институт. Целями исследования являются определение научных подходов к изучению институтов административного права, выделение их специфики, критериев для классификации, проблем в исследовании административно-правовых институтов и предложение способов их решения. Автором использованы методы системного анализа и классификации, сравнительно-правового и историко-правового анализа, формально-юридический и проблемный методы. На основе обзора эволюции подходов и современного понимания института административного права обосновываются понятие и существующие варианты классификации административно-правовых институтов. Выделены особенности административно-правового института, позволяющие отграничить его от иных отраслевых институтов, а также современные проблемы их научного обоснования. Сделаны выводы о позиционировании правового института в науке в качестве составной части отрасли, метода правового регулирования, средства для оценки состояния правового регулирования определенной группы общественных отношений на конкретном историческом этапе. В научном понимании института административного права выделены подходы, связанные с развитием сравнительных правовых методов в понимании и обосновании административно-правовой науки и отрасли административного права; подходы в рамках обоснования внутриорганизационной структуры административного права как отрасли права и науки; подходы, посредством которых обосновывается развитие пределов и глубины административно-правового регулирования; подходы, нацеленные на построение межотраслевых связей. Специфика административно-правовых институтов отражается в их множественности и разнообразии, неразрывной связи с управленческими институтами. В качестве проблем научного обоснования административно-правовых институтов обозначены проблемы обеспечения связи общесистемных институтов права с отраслевыми; смешения категорий и институтов, а также субинститутов, подотраслей в структуре административного права как отрасли и в содержании предмета административно-правовой науки; генерации новых институтов без достаточных для этого оснований; различного уровня доктринального обоснования и нормативно-правового закрепления институтов; взаимного влияния процессов трансформации административно-правовых институтов.

Ключевые слова: административное право; административно-правовой институт; административно-правовая норма; отрасль права; подотрасль права; категория; наука административного права

© Агамагомедова С. А., 2026

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Агагомедова С. А. Институты административного права: эволюция подходов и современное понимание // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 178–191. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-178-191>. EDN: <https://elibrary.ru/akxuiw>

Original scientific article

Institutions of Administrative Law: The Evolution of Approaches and Their Contemporary Understanding

S. A. Agamomedova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ saniyat_aga@mail.ru

Abstract. This study examines one of the universal and key categories of administrative law: the institution of administrative law. The aims of the study are to identify scholarly approaches to the study of institutions of administrative law, to determine their distinctive features and criteria for classification, to identify problems arising in the study of such institutions, and to propose ways of addressing those problems. The Author employs methods of systems analysis and classification, comparative and historical legal analysis, as well as formal legal and problem-oriented methods. On the basis of a review of the evolution of scholarly approaches and the contemporary understanding of the institution of administrative law, the article substantiates the concept of institutions of administrative law and the existing variants of their classification. It identifies the features of an institution of administrative law that make it possible to distinguish it from institutions of other branches of law, as well as current problems relating to their scholarly substantiation. The article concludes that, in legal scholarship, a legal institution may be positioned as a component of a branch of law, as a method of legal regulation, and as a means of assessing the state of legal regulation of a particular group of social relations at a specific historical stage. Within the scholarly understanding of the institution of administrative law, the article identifies approaches associated with the development of comparative-law methods in understanding and substantiating administrative-law scholarship and administrative law as a branch of law; approaches concerned with substantiating the internal organizational structure of administrative law as both a branch of law and a field of scholarship; approaches through which the evolution of the scope and depth of administrative-law regulation is substantiated; and approaches aimed at establishing inter-branch linkages. The specific nature of institutions of administrative law is reflected in their plurality and diversity, as well as in their inseparable connection with institutions of governance. The problems involved in the scholarly substantiation of institutions of administrative law include ensuring the connection between system-wide legal institutions and branch-specific institutions; the conflation of categories and institutions, as well as of sub-institutions and sub-branches, within the structure of administrative law as a branch of law and within the subject matter of administrative-law scholarship; the creation of new institutions without sufficient grounds; differing levels of doctrinal substantiation and legal recognition of institutions; and the mutual influence of processes transforming institutions of administrative law.

Keywords: administrative law; institution of administrative law; administrative-law norm; branch of law; sub-branch of law; legal category; administrative-law scholarship

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Agamomedova S. A. Institutions of Administrative Law: The Evolution of Approaches and Their Contemporary Understanding. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):178-191. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-178-191>. EDN: <https://elibrary.ru/akxuiw> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	180
II. Эволюция понимания правового и административно-правового институтов	180
III. Понятие и особенности института административного права в современной науке	183
IV. Виды административно-правовых институтов	186
V. Проблемы научного понимания и обоснования институтов административного права	187
VI. Заключение	189
Список литературы	189

I. ВВЕДЕНИЕ

Институты административного права, или административно-правовые институты, занимают важное место в содержании административно-правовой науки. Исследование их связано, с одной стороны, со структурным содержанием административного права как отрасли, стройностью его внутреннего строения, его систематизацией. С другой стороны, институты административного права являются отражением многообразия и разнонаправленности норм, питающих эту макроотрасль системы права. Институт, занимающий некое промежуточное положение между отдельной нормой и отраслью (подотраслью) в целом, свидетельствует о динамике, подвижности норм применительно к однородной группе общественных отношений и одновременно представляет собой уже определенный уровень общности, форму группирования, единения норм в целях более эффективного, адекватного и актуального регулирования социального взаимодействия в конкретной сфере.

Вопросы административно-правовых институтов – это вопросы устойчивости, стабильности административно-правового регулирования, но в то же время это вопросы развития, движения такого регулирования к идеальной модели, эталону. Совершенствование административно-правового регулирования основывается в том числе и на новых или относительно новых институтах, на традиционных институтах, но базирующихся на новом соотношении норм различной отраслевой и иной природы в таких институтах.

Наконец, проблемы административно-правовых институтов определенным образом формируют актуальные приоритеты в административно-правовом регулировании, обозначают современные векторы административно-правовых исследований, выявляют острые проблемы административно-правовой науки, административного законодательства и практики его применения.

В настоящей статье автором на основе анализа эволюции в научном понимании административно-правовых институтов предпринята попытка предложить современные подходы к их позиционированию, классификации и месту в современной теории административного права.

II. ЭВОЛЮЦИЯ ПОНИМАНИЯ ПРАВОВОГО

И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТОВ

Административно-правовые институты, которые являются разновидностью институтов правовых, следует отграничивать от институтов иной природы.

И. Л. Бачило в этой связи выделяла социальные институты (институт самого государства, институты государственного управления и гражданского общества), социально-политические институты (нравственности, этики) и управленческие институты (регистрации, лицензирования, контроля, юрисдикционной деятельности и др.) [1, с. 20–21]. Представляется, что административно-правовые институты с этой точки зрения очень близки управленческим институтам, во многом они пересекаются,

зачастую даже накладываются друг на друга. Примером может служить достаточно традиционный институт контроля, выступающий одновременно и управленческим, и административно-правовым институтом. Большое значение имеют институты в экономической науке, причем не только в теории институциональной или новой институциональной экономики. Ведущие ее представители утверждают, что институты имеют важное значение в любой национальной экономике, в том числе в российской; они связывают институты с удобством, принуждением, наказанием, борьбой, образом жизни, делят на формальные и неформальные (при этом государство и его правовые нормы относят к первой группе институтов)¹.

С точки зрения правовой теории вопрос правовых институтов отражает в первую очередь связь норм с системой права, включенность норм в нее посредством структурирования, целенаправленной систематизации. Отечественные юристы еще в 30-е гг. прошлого века признавали, что система права – это ключ к познанию самой природы, самих принципов и особенностей данного права в целом и каждого из его юридических институтов в частности [2].

В общей теории права правовой институт понимается как первичная правовая общность [3, с. 119] и одновременно как один из структурных элементов (наряду с отраслью, подотраслью, субинститутом), образующих юридическую структуру системы права. Институт права – это сравнительно небольшая устойчивая группа правовых норм, регулирующих определенную разновидность общественных отношений².

Вопросы изучения административно-правовых институтов выступают аспектами исследований административного права одновременно как отрасли и как науки. И. И. Евтихийев в 1946 г. признавал, что понятие науки административного права шире, чем понятие административного права, и включал в науку административного права учение об основных положениях административного права, изучение этапов его развития, самые существенные течения в его научной разработке, а также установление соотношения его главных институтов³. Представляется, что вопросы соотношения различных институтов, построения вариантов возможных связей (моделей зависимости и взаимовлияния) между ними на современном этапе развития административно-правовой теории становятся гораздо актуальнее, зачастую более значимыми, чем разработка административно-правовых институтов как таковых.

Исследование правовых институтов также позволяет охарактеризовать развитие правового регулирования определенной группы общественных отношений. Это развитие может происходить посредством генерации новых институтов (за счет появления регуляции общественных отношений, до этого не подлежащих регулированию), трансформации признанных институтов (уже устоявшихся), в том числе и с помощью изменения иерархии норм различного характера и отраслевой принадлежности внутри института. Р. О. Халфина полвека назад справедливо обращала внимание на то, что совершенствование правового регулирования, его динамика могут заключаться в изменении не только содержания норм, но и соотношения норм различных отраслей

¹ См.: Аузан А. А. Экономика всего. Институты и общество: жизнь по правилам и без. М. : Азбука Бизнес, 2025. С. 19–47.

² См.: Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2000. С. 396–397.

³ См.: Евтихийев И. И., Власов В. А. Административное право СССР : учеб. для юрид. ин-тов и фак. М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1946. С. 11.

права, регулирующих данное отношение [4, с. 272].

С этой точки зрения современному этапу правового регулирования присуще свойство, которое заключается в появлении и постепенном увеличении в содержании многих публично-правовых институтов норм информационного права. За счет этого большинство крупных, значимых в правовом регулировании институтов приобретает межотраслевой (или надотраслевой) характер.

Посредством институтов, их формирования и поэтапного обособления складываются и развиваются не только межинституциональные связи, но и межотраслевые, которые также могут строиться на взаимной зависимости различных институтов. Ю. Н. Старилов относит административные процедуры и административное судопроизводство к крупнейшим современным правовым институтам, которые, по мнению ученого, находятся сегодня в России в неполноценном юридическом развитии и противоречивом соотношении как друг с другом, так и с другими отраслями российского законодательства [5, с. 7].

Развивая выделенный выше аспект значения правовых институтов, отметим, что вопросы развития институтов во многом порождают условия формирования (обособления от материнской отрасли) и развития новых молодых отраслей права. Так, выделяя административно-деликтное право в структуре административного права, А. В. Кирин относит к его предмету такие административно-правовые институты, как институт административных правонарушений (деликтов), институт административной ответственности, институт административной юрисдикции и др. [6, с. 126]

Наконец, разработка административно-правовых институтов напрямую связана с вопросом предмета науки административного права. Несмотря на то

что единства относительно содержания предмета науки административного права среди административистов нет, во всех предлагаемых учеными вариантах такого содержания есть место для административно-правовых институтов. В. А. Юсупов в середине 1980-х гг. во внутренней структуре (содержании) административного права отмечал такие подсистемы, как нормы административного права, правоприменительные акты, а также субъективные права и обязанности участников управленческих отношений [7, с. 25–27]. К. С. Бельский в более поздний период в целостном предмете науки административного права выделял три составляющие: административно-правовые нормы, административно-правовые категории и практику применения норм административного права [8]. Не ставя целью обозреть все существующие по этому вопросу позиции, обратим внимание на то, что нормы административного права в структуре такого предмета споров у ученых не вызывают и включаются в предмет административно-правовой науки практически всегда. Представляется, что институты могут присутствовать в структуре предмета данной науки двояко: в нормах, которые группируются в институты, и в категориях, одной из которых (причем одной из универсальных и базовых) выступает категория института. В этой связи ведущие ученые обоснованно характеризуют категорию «институт» в праве как многоуровневое сложное образование, используемое в процессе упорядочения системы права и внутренних связей структурных и сущностных элементов его нормативной основы – законодательства [1, с. 23].

Изучение вопросов правовых институтов, и в частности административно-правовых институтов, может быть обусловлено и характеристикой методов в правовых исследованиях. Так, в конце XVIII – начале XIX в. при характеристике административно-правовой науки ведущие ученые

выделяют научно-правовой (юридический) метод, присущий тому периоду и распространяемый на сферу исследования административно-правовых вопросов. При этом использовались достижения сравнительно-правового подхода. Указанный метод был направлен на создание административного права путем выявления присущих ему собственных правовых институтов⁴.

Таким образом, правовой (юридический) институт позиционируется в науке в качестве:

- 1) составной части отрасли, подсистемы отрасли или системы права в целом [1, с. 21];
- 2) метода правового регулирования;
- 3) средства (инструмента) для оценки состояния (качества) правового регулирования определенной группы общественных отношений на конкретном историческом этапе.

Категория «институт» в праве призвана быть одним из аналитических и организационных инструментов для определения состояния правовой системы и организационно-функциональных структур в системе государственного аппарата [1, с. 23–24].

III. ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

С учетом понимания института права как совокупности норм права, обеспечивающей достаточную полноту и согласованность регулирования наиболее устойчивых и функционально однородных отношений в системе права [1, с. 22], определим понятие и особенности института административного права.

Характеризуя систему советского административного права, ученые в 80-е гг. XX в. подразделяли многообразные управ-

ленческие отношения на группы, объединявшие нормы по признаку регулирования однородных отношений. Этим целям послужило выделение таких самостоятельных правовых институтов, как субъекты административного права, акты управления, административная ответственность, контроль и надзор и др. Причем ученые подчеркивали, что нормы соответствующих административно-правовых институтов регулируют отношения, имеющие общий характер для всех направлений управленческой деятельности⁵.

Следует отметить, что ученые разграничивали структуру административного права: 1) на общую и особенную части; 2) основные и иные административно-правовые институты; 3) нормы, регулирующие отношения в различных областях, отраслях и сферах. К примеру, в общую часть административного права включались основные институты административного права, которые имеют общий характер для всей системы государственного управления, для всех его областей, отраслей и сфер. К таким основным институтам были отнесены нормы-принципы государственного управления; нормы, закрепляющие административно-правовой статус субъектов административного права, формы и методы осуществления управленческой деятельности, ответственность; нормы, устанавливающие порядок административно-процессуальной деятельности, порядок обеспечения законности и др.⁶

В середине 2000-х гг. ученые связывали начавшуюся административную реформу с содержанием административного права, пополнявшемся новыми административными институтами. Среди последних в тот период назывались институты

⁴ См.: Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право : учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2005. С. 81–83.

⁵ См.: Советское административное право : учеб. / под ред. заслуж. деятеля наук РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. Ю. М. Козлова. М. : Юрид. лит., 1985. С. 53–54.

⁶ Там же.

государственных услуг, управления государственной собственностью, передачи осуществления государственных функций, обеспечения антикоррупционности законодательства и государственного управления и др. [9] Признание появления новых, обновленных или новейших административно-правовых институтов [10, с. 284] происходит и в наши дни. Так, А. Ф. Ноздрачев говорит об обязательных требованиях как о новационном институте административного права [11; 12].

Ученые отмечают, что в основе выделения и обособления институтов лежит прежде всего разнообразие, специфика общественных отношений⁷. С этой точки зрения административно-правовые нормы могут группироваться в большое количество институтов с учетом широты и разнонаправленности общественных отношений, регулируемых ими. Пожалуй, множественность институтов может позиционироваться в качестве особенности как самой отрасли административного права, так и административно-правового института.

Административно-правовой институт выступает и своего рода критерием классификации административно-правовых норм. Наряду с нормами-принципами и нормами-процедурами в научно-категориальном аппарате появляются нормы-институты⁸. Под последними можно понимать совокупность норм, собранных, выстроенных, сгруппированных в целях регулирования однородных, близких общественных отношений. Подобные группирование и выстраивание – способы оптимизации существующего административно-правового регулирования. Такие признаки группируемых норм, как относительная автономия, направленность на регламентацию отдельных

участков, фрагментов, сторон общественной жизни⁹, формируются, на наш взгляд, не сразу. Они развиваются по мере систематизации норм, постепенного приобретения качеств полноты, беспробельности регулирования.

Проблема административно-правовых институтов – это проблема систематизации и структурирования административного права. Не случайно ученые среди вопросов, входящих в предмет науки административного права, выделяют в том числе проблемы, связанные с совершенствованием административно-правовых институтов, систематизацией и кодификацией административного права¹⁰.

Проведенный обзор позволяет выделить несколько подходов в ретроспективном и современном научном понимании института административного права:

1) подходы, связанные с развитием сравнительных правовых методов в понимании и обосновании административно-правовой науки и отрасли административного права. Административно-правовые институты способствуют систематизации, упорядочению структуры предмета административно-правовой науки, выступают теоретическим каркасом внутреннего устройства административного права как отрасли;

2) подходы в рамках обоснования внутриорганизационной структуры административного права (как отрасли права и науки). Отражением этого понимания может служить многолетний спор о позиционировании государственной службы в системе административного права (в качестве административно-правового института, подотрасли административного права или самостоятельной комплексной отрасли – отрасли служебного права) [13];

⁷ См.: *Теория государства и права : курс лекций ...* С. 395.

⁸ См.: *Кононов П. И.* Актуальные проблемы административного права : учеб. М. : КНОРУС, 2023. С. 50.

⁹ См.: *Теория государства и права : курс лекций ...* С. 397.

¹⁰ См.: *Советское административное право ...* С. 88.

3) подходы, посредством которых обосновывается расширение пределов и глубины административно-правового регулирования. В этом случае мы имеем дело с выделением новых или относительно новых (в том числе новационных) административно-правовых институтов. С помощью выделения и обоснования институтов можно (и нужно) акцентировать внимание на определенных чувствительных, проблемных зонах правового регулирования. В конце прошлого века ученые отмечали, что «институт – это тот инструмент, который позволяет усилить внимание к стратегии, к анализу состояния и правовой, и государственной системы и обнаружить причины конфликтности...» [1, с. 24];

4) подходы, нацеленные на построение межотраслевых связей и отражающие сквозной, системный характер отдельных категорий и процессов в развитии административно-правового регулирования. В этом смысле имеет значение вопрос отграничения категорий и институтов в административном праве. К таким традиционным категориям и одновременно базовым институтам административного права относится категория субъектов административного права. В то же время внутри института субъектов административного права ученые выделяют институты иного уровня (по сути, субинституты). К примеру, П. И. Кононов отмечает, что в настоящее время отсутствуют общие нормы, закрепляющие, например по аналогии с гражданским правом, основы административно-правового статуса физических лиц и организаций, в частности, такой базовый институт, как административная правосубъектность, которая включает в себя административную правоспособность, административную дееспособность и административную деликтоспособность, понятие и виды субъек-

тивов административного права, их общие административные права и обязанности¹¹.

К относительно новым категориям, имеющим сквозной характер и позиционируемым в качестве ключевых институтов, следует, на наш взгляд, отнести категорию публичной власти. Данная категория закономерно трансформировала и иные институты административного права, к примеру, институт государственной службы, который сегодня зачастую рассматривается в структуре публичной службы, объединяющей государственную и муниципальную службы.

Ценность институтов как определенного уровня общности правовых норм видится нам еще и в том, что они дают возможность осмыслить отдельные процессы и тенденции в правовом регулировании с точки зрения различного воздействия на отдельные институты административного права (процессы цифровизации или децентрализации [14] с позиций административно-правового регулирования).

Таким образом, институт, с одной стороны, отражает единство и общность (применительно к образующим его правовым нормам), с другой стороны, является катализатором обособления, формой отграничения одних групп норм от других в зависимости от специфики регулируемых ими общественных отношений. Особенности административно-правовых институтов являются их множественность и разнообразие, а также тесная связь с управленческими институтами. Неслучайно в научной литературе отмечалось, что институт в системе государственного управления может пониматься в функциональном, организационном и нормативном планах [1, с. 23]. Последний, на наш взгляд, и позволяет рассматривать административно-правовой институт как составляющую отрасли административного права.

¹¹ См.: Кононов П. И. Указ. соч. С. 83.

IV. Виды

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ

Ведущие ученые справедливо обращали внимание на важность определения критериев выделения совокупности норм, образующих институт [1, с. 21].

Эти критерии представляются нам достаточно условными и дискуссионными, что подтверждается многолетними спорами о самостоятельности многих институтов и (или) подотраслей административного права, а также отраслей системы права (служебного, таможенного, административно-деликтного и др.). Безусловно, речь идет о предмете регулирования, возможности обособления (отграничения) одной группы норм от других, целостности и самостоятельности такой группы. Представляется, что приобретение группой этой целостности и «сплоченности» происходит не сразу. Подтверждением этому может служить, с нашей точки зрения, институт жалобы или институт права жалобы¹², который, к примеру, в 1946 г. позиционировался не как институт, а как право жалобы¹³. В начале 2000-х гг. ученые говорили уже о нем как об институте необходимой защиты граждан, включая в него и нормы, регулирующие порядок подачи и рассмотрения жалобы [15].

И. Л. Бачило выделяла два основных критерия отграничения одних институтов от других: 1) предмет регулирования, который отражает такие признаки института, как устойчивость и однородность отношений, подлежащих регулированию; 2) признак «самой правовой материи», определяющий согласованность и достаточную полноту правовых средств [1, с. 21].

Выше нами уже отмечался такой признак правового института, как способ-

ность выступать критерием для внутреннего строения отраслей и подотраслей права. Именно этот признак используется учеными при обосновании возможности выделения в административном праве целого ряда подотраслей. К примеру, А. А. Гришковец при подобном обосновании применительно к управленческому праву определяет его как подотрасль административного права, состоящую из компактной системы взаимосвязанных, распределенных по институтам норм, регулирующих общественные отношения в сфере государственного управления [13, с. 11].

Основания выделения административно-правовых институтов базируются на критериях формирования правовых институтов как таковых. В теории права принято выделять виды институтов по отраслям (принадлежность к отрасли – наиболее общий критерий), делить их на материальные и процессуальные, отраслевые и межотраслевые (смешанные), простые и сложные (комплексные); регулятивные, охранительные и учредительные (закрепительные)¹⁴.

Административно-правовые институты можно дифференцировать на материальные и процессуальные, на институты, формирующие общую и особенную части, внутреннее и внешнее административное право¹⁵, с учетом их принадлежности к подотраслям административного права. И. Л. Бачило ставила вопрос о соотношении институтов права доктринального и позитивного, а также выделяла парные институты государственного управления и законодательства: например, принятие решений – управленческий институт, а закон (правовой акт) – институт права [1, с. 31, 36].

¹² См.: Козлов Ю. М. Институт права жалобы в советском административном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953. 17 с.

¹³ См.: Евтихийев И. И., Власов В. А. Указ. соч. С. 11.

¹⁴ См.: Теория государства и права : курс лекций ... С. 397–398.

¹⁵ См.: Общее административное право : учеб. : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2016. Ч. 1. С. 114–115.

Следует признать, что в настоящее время сложно обозначить исключительно отраслевые институты («чистые» в отраслевом плане), то есть состоящие исключительно из административно-правовых норм. Практически все административно-правовые институты включают в себя нормы конституционного, информационного права, иных отраслей.

А. П. Корнев в период становления отечественного законодательства о государственной службе в середине 1990-х гг. писал, что в данный институт, помимо норм конституционного, административного и трудового права, входят нормы гражданского, финансового и иных отраслей права¹⁶. В настоящее время таких институтов достаточно много.

Трудно сказать, можно ли разделить существующие административно-правовые институты на те, которые относятся к административному праву в целом, и те, которые включены в конкретные подотрасли административного права. Так, по мнению Ю. П. Соловья, сыск представляет собой институт административного права, точнее, одной из его подотраслей – полицейского права [16, с. 90].

Н. Ю. Хаманева в конце 1990-х гг. указывала на такие институты административного права, как исполнительная власть, государственная служба, административная ответственность, административная юстиция, административный процесс [17]. Современные ученые называют в их числе институты судебной юстиции (или права административной юстиции), досудебного обжалования, полицейского права [18]. В качестве новейшего института административного права специалисты обозначают институт административных процедур, которые, по их мнению, будучи предметом законодательной регламентации, смогут стать ключевым институтом

обеспечения баланса публичного интереса и свобод частных лиц в области административного регулирования [10, с. 284].

П. И. Кононов в структуре внутреннего административного права выделяет следующие группы административно-правовых норм-институтов, регулирующих соответствующие типы административных правоотношений: организационно-учредительное административное право; организационно-управленческое административное право; организационно-служебное административное право; организационно-нормотворческое административное право; организационно-координационное административное право¹⁷.

Представляется, что для каждого исторического этапа отдельные институты (или их части, признаки) могут позиционироваться как новые, прогрессивные и актуальные для своего времени. Так, ученые на рубеже XX и XXI вв. говорят о новом явлении публичной сферы – институте прозрачности власти [1, с. 33]. Думается, в современных условиях прозрачность власти, ее открытость позиционируются в большей степени как признаки власти, ее обязательные характеристики.

У. ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ПОНИМАНИЯ И ОБОСНОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Проведенный весьма краткий (ограниченный рамками отдельной научной статьи) анализ научного понимания и обоснования административно-правовых институтов позволяет выделить несколько проблемных моментов в их правовой характеристике.

Во-первых, необходимо и исключительно важно обеспечить связь общесистемных институтов права с отраслевыми. Практика показывает, что технология формирования институтов в праве может

¹⁶ См.: Корнев А. П. Административное право России : учеб. : в 3 ч. М. : МЮИ МВД России, 1996. Ч. I. С. 108.

¹⁷ См.: Кононов П. И. Указ. соч. С. 49–50.

быть различной – от общего к частному и наоборот [1, с. 21]. Общеправовые и отраслевые институты должны логически соотноситься, а последние должны обладать спецификой, обусловленной отраслевой принадлежностью. Примерами здесь могут служить институт юридической ответственности (общеправовой институт) и институт административно-правовой ответственности (отраслевой институт).

Во-вторых, как отмечалось нами выше, наблюдается смешение категорий и институтов (субинститутов, подотраслей) в структуре административного права как отрасли и в содержании предмета административно-правовой науки. Вариантом разрешения этой проблемы может служить отнесение категорий исключительно к научной сфере (включение категорий в предмет науки административного права), а институтов – к внутриотраслевым образованиям.

В-третьих, на основании обозначенной нами возможности использования института для выделения отдельных аспектов (акцентирования внимания на них) в административно-правовом регулировании в качестве проблемы обоснования институтов административного права можно позиционировать неудержимую дифференциацию таких институтов, процессы постоянного появления новых (относительно новых) институтов административного права. Так, сложность и объемность института административной ответственности позволяет ученым выделить в нем иные институты (субинституты), к примеру институт состояния административной наказанности лица, привлеченного к административной ответственности¹⁸. Целью такого углубления дифференциации правовых норм является обращение внимания на отдельные совокупности норм, призванных регулировать определенный блок (фрагмент) общественных отношений.

В-четвертых, административно-правовые институты различаются, на наш взгляд, по соотношению в них доктринального обоснования и нормативно-правового закрепления. С одной стороны, существуют институты, в теоретико-правовом (в нашем случае публично-правовом) отношении весьма устойчивые и обоснованные, но в то же время не получившие законодательного закрепления (например, институт административной процедуры). С другой стороны, имеются административные институты, получившие законодательное (в том числе конституционное-правовое) закрепление, но недостаточно разработанные в доктрине (с нашей точки зрения, к таким можно отнести институт публичной власти). Применительно к отдельным институтам ученые предлагают развивать оба направления, предполагающие устойчивость и эффективность административно-правовых институтов. Так, некоторые авторы поднимают вопрос о необходимости теоретической проработки и последующего нормативного закрепления института административного представительства субъектов административного права в возникающих с их участием административных правоотношениях¹⁹.

В-пятых, в современных условиях важно оценить не только трансформацию определенного административно-правового института под влиянием конкретного фактора (группы факторов), но и влияние изменений одного института на другой. В качестве примера можно привести трансформацию административно-правового института государственного контроля и надзора, который в условиях реформы нацелен не на выявление и пресечение правонарушений, а на снижение административного давления на подконтрольных лиц, стимулирование добросовестного исполнения ими обязательных требований и прежде всего на профилактику нарушений

¹⁸ См.: Кононов П. И. Указ. соч. С. 282.

¹⁹ Там же. С. 160.

в определенной сфере контрольно-надзорного внимания государства. Реформа контрольно-надзорных механизмов и обновление вектора, приоритетов правового регулирования государственного контроля и надзора обусловили изменения в регулировании и применении института административной ответственности. Речь идет, прежде всего, о правонарушениях, выявленных в ходе проведения или по результатам контрольно-надзорных мероприятий, при привлечении к ответственности за которые предусматривается учет факта прохождения контроля и надзора. В конечном счете мы можем говорить об определенной либерализации административной ответственности за отдельные правонарушения (например, в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности). Представляется, что развитие (реформирование) связанных (или смежных) административно-правовых институтов должно в определенном смысле сопрягаться (соотноситься) между собой. Это позволит повысить эффективность реформирования регулирования в определенной области общественных отношений, обеспечить реализацию конечных целей такого регулирования в деятельности различных институтов.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идея обеспечить эффективный и наименее конфликтный путь от правовых норм к правоприменению, правопорядку может иметь основание именно в более внимательном отношении и законодателя, и властных исполнительных структур к проблеме институтов в системе права и государственного управления [1, с. 25].

Административно-правовые институты как разновидность правовых институ-

тов имеют свои особенности, среди которых нами выделены их множественность и неразрывная связь с управленческими (организационно-управленческими) институтами. Представляется необходимым разграничивать понимание административно-правового института применительно к отрасли административного права и административно-правовой науке. В современных условиях видятся важными разработка вопросов взаимосвязи различных общеправовых и отраслевых институтов, а также построение теоретических конструкций их соотношения. Значимой тенденцией развития современных административно-правовых институтов является изменение совокупности образующих их правовых норм за счет норм конституционного, информационного и иных отраслей права.

Значение разработки административно-правовых институтов в современной науке административного права связано также с возможностью исследования различных устойчивых сквозных процессов в административно-правовом регулировании, важных тенденций такого регулирования с точки зрения их влияния на различные административно-правовые институты. Все это позволяет говорить о перспективности исследований административно-правовых институтов в современной науке. Ценность таких исследований заключается в возможности не только определения наполняемости самого института, но и построения межинституциональных, иных внутриотраслевых и надотраслевых связей, формирования приоритетов (векторов) регуляции отдельных блоков общественных отношений, призванных повысить эффективность административно-правового регулирования в целом.

Список литературы

1. Бачило И. Л. Государственно-правовые институты в условиях информатизации общества // Институты административного права России / отв. ред.: И. Л. Бачило, Н. Ю. Хаманеева. М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 1999. С. 17–36.
2. Вышинский А. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 1–26.

3. Алексеев С. С. Структура советского права. М. : Юрид. лит., 1975. 263 с.
4. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М. : Юрид. лит., 1974. 351 с.
5. Стариллов Ю. Н. О двух главных современных направлениях развития российского административного и административного процессуального законодательства (тезисы) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 3 (18). С. 6–10.
6. Административное право : в 10 т. М. : НП «ЕААН», 2015. Т. 6: Административно-деликтное право : моногр. / А. В. Киринов. 383 с.
7. Юсупов В. А. Теория административного права. М.: Юрид. лит., 1985. 160 с.
8. Бельский К. С. О предмете и системе науки административного права // Государство и право. 1998. № 10. С. 18–26.
9. Талапина Э. В. Новые институты административного права // Государство и право. 2006. № 5. С. 14–21.
10. Хван Л. Б. Новейшие институты административного права в Узбекистане: становление и перспективы // Актуальные проблемы административного судопроизводства : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 28 нояб. 2014 г.) / отв. ред. Ю. П. Соловей. Омск : Омск. юрид. акад., 2015. С. 281–293.
11. Ноздрачев А. Ф. Обязательные требования как новационный институт административного права: идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования (часть 1) // Административное право и процесс. 2022. № 3. С. 19–24. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-3-19-24>
12. Ноздрачев А. Ф. Обязательные требования как новационный институт административного права: идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования (часть 2) // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 8–15. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-5-8-15>
13. Гришконец А. А. К вопросу о служебном праве // Государство и право. 2013. № 4. С. 5–12.
14. Махина С. Н. Децентрализация как условие эффективного развития институтов административного права (на примере некоторых институтов) // Вестник филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института в г. Воронеже. 2005. № 3. С. 98–102.
15. Килиасханов И. Ш. Институт необходимой защиты граждан и его реализация в КоАП Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2003. № 1. С. 11–18.
16. Соловей Ю. П. Сыск как институт административного права // Институты административного права России : сб. ст. / отв. ред.: И. Л. Бачило, Н. Ю. Хаманева. М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 1999. С. 84–90.
17. Хаманева Н. Ю. Актуальные проблемы развития институтов административного права // Институты административного права России : сб. ст. / отв. ред.: И. Л. Бачило, Н. Ю. Хаманева. М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 1999. С. 7–17.
18. Костенников М. В., Куракин А. В., Адмиралова И. А. К вопросу о предмете и системе административного права // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. № 4 (64). С. 43–63.

References

1. Bachilo I. L. State and Legal Institutions in the Context of the Informatization of Society. In: Bachilo I. L., Khamaneeva N. Yu. (Eds.). *Institutes of Administrative Law in Russia*. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ.; 1999. P. 17–36. (In Russ.)
2. Vyshinskii A. The 18th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Tasks of the Science of Socialist Law. *Soviet State and Law*. 1939;3:1-26. (In Russ.)
3. Alekseev S. S. *The Structure of Soviet Law*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1975. 263 p. (In Russ.)
4. Khalfina R. O. *General Theory of Legal Relationships*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1974. 351 p. (In Russ.)
5. Starilov Yu. N. About Two Main Ways of Modern Development of Russian Administrative and Administrative Procedural Legislation (Thesis). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*. 2014;3:6-10. (In Russ.)
6. Kirin A. V. *Administrative Law. Vol. 6: Administrative Tort Law*. Moscow: Eurasian Academy of Administrative Sciences Publ.; 2015. 383 p. (In Russ.)
7. Yusupov V. A. *Theory of Administrative Law*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1985. 160 p. (In Russ.)
8. Bel'skii K. S. On the Subject and System of the Science of Administrative Law. *State and Law*. 1998;10:18-26. (In Russ.)
9. Talapina E. V. The New Institutes of Administrative Law. *State and Law*. 2006;5:14-21. (In Russ.)
10. Khvan L. B. The Newest Institutions of Administrative Law in Uzbekistan: Formation and Prospects. In: Solovoy Yu. P. (Ed.). *Actual Problems of Administrative Procedure*. Omsk: Omsk Law Academy Publ.; 2015. P. 281–293. (In Russ.)
11. Nozdrachev A. F. Mandatory Requirements as a New Administrative Law Institution: Ideas, Content, Principles and Legal Regulation Levels (Part 1). *Administrative Law and Procedure*. 2022;3:19-24. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-3-19-24> (In Russ.)

12. Nozdrachev A. F. Mandatory Requirements as a New Administrative Law Institution: Ideas, Content, Principles and Legal Regulation Levels (Part 2). *Administrative Law and Procedure*. 2022;5:8-15. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-5-8-15> (In Russ.)
13. Grishkovets A. A. To the Question of Service Law. *State and Law*. 2013;4:5-12. (In Russ.)
14. Makhina S. N. Decentralization as a Condition for the Effective Development of Administrative Law Institutions: (Based on the Example of Some Institutions). *Bulletin of the Branch of the All-Russian Correspondence Financial and Economic Institute in Voronezh*. 2005;3:98-102. (In Russ.)
15. Kilyaskhanov I. Sh. Institute of Necessary Protection of Citizens and its Implementation in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2003;1:11-18. (In Russ.)
16. Solovey Yu. P. Detective Work as an Institute of Administrative Law. In: Bachilo I. L., Khamaneva N. Yu. (Eds.). *Institutions of Administrative Law of Russia*. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ.; 1999. P. 84–90. (In Russ.)
17. Khamaneva N. Yu. Current Issues in the Development of Administrative Law Institutions. In: Bachilo I. L., Khamaneva N. Yu. (Eds.). *Institutions of Administrative Law of Russia*. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ.; 1999. P. 7–17. (In Russ.)
18. Kostennikov M. V., Kurakin A. V., Admiralova I. A. On the Subject and System of Administrative Law. *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. 2022;4:43-63. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саният Абдулганиевна Агамагомедова, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (ул. Знаменка, 10, Москва, 119019, Российская Федерация), доктор юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8265-2971>; SPIN-код: 6403-7316; AuthorID: 254638; e-mail: saniyat_aga@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Saniyat A. Agamagomedova, Senior Research Fellow of the Sector of Administrative Law and Administrative Procedure at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (10 Znamenka st., Moscow, 119019, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8265-2971>; SPIN-code: 6403-7316; AuthorID: 254638; e-mail: saniyat_aga@mail.ru

Поступила | Received
26.12.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
26.02.2026

Принята к публикации | Accepted
26.02.2026

УДК 342.3

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-192-203

EDN: AMYPPP

Оригинальная научная статья

Цифровая суверенность государства в российском праве

А. С. Агафонов

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург,
Российская Федерация

✉ aga.fonov@inbox.ru

Аннотация. Исследование посвящено цифровой суверенности (цифровому суверенитету) государства, которая выступает сегодня предметом междисциплинарной научной дискуссии. В настоящей статье утверждается, что единый подход к пониманию цифрового суверенитета в юридической науке пока что не сложился, в связи с чем выдвигается идея о том, что отечественная юридическая литература в контексте цифрового суверенитета формировалась в основном под влиянием технологических и программных вызовов (в условиях реализации принципа технологической обусловленности, который, как следует из идей И. Л. Бачило, В. А. Копылова, П. У. Кузнецова и А. Б. Венгерова, послужил одной из предпосылок формирования информационного права России). Анализируются различные отечественные подходы к пониманию цифрового суверенитета (П. В. Степанова, В. А. Никонова, А. А. Стрельцова и др.), выделяются их ключевые аспекты и преимущества. На основании данного анализа осуществляется критическое осмысление теории цифровой суверенности государства. В результате исследования положений действующего законодательства выявляются пробелы в правовой регламентации цифрового суверенитета, включая отсутствие его легального определения. Кроме того, в настоящей статье рассматриваются понятия «цифровые сети», «программное обеспечение» и «цифровые технологии» в контексте российской правовой действительности, в их содержании выделяются категории, напрямую относящиеся к цифровому суверенитету в рамках действующего отечественного законодательства. Констатируется, что цифровая суверенность государства не становилась ранее предметом публично-правовых диссертационных исследований, отечественными правоведами не предпринимались попытки моделирования цифровой суверенности государства посредством категориального ряда, включающего технологическую суверенность, цифровую суверенность и государственный суверенитет. В заключении исследования формулируется авторское определение понятия цифрового суверенитета, после чего констатируется, что соответствующее понимание, основанное на публично-правовых аспектах, может быть использовано в качестве основы для правовой регламентации понятия «цифровой суверенитет» в обозримом будущем, а также для построения теоретической модели цифровой суверенности государства.

Ключевые слова: цифровой суверенитет; технологический суверенитет; информационная безопасность; программное обеспечение; база данных; средства вычислительной техники; информационное право

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Агафонов А. С. Цифровая суверенность государства в российском праве // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 192–203. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-192-203>. EDN: <https://elibrary.ru/amyppp>

Original scientific article

State Digital Sovereignty in Russian Law

A. S. Agafonov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ aga.fonov@inbox.ru

Abstract. This study is devoted to the state's digital sovereignty, which is currently the subject of interdisciplinary scholarly debate. The article argues that no unified approach to the understanding of digital sovereignty has yet emerged in legal scholarship. In this regard, the Author advances the idea that Russian legal literature on digital sovereignty has developed primarily under the influence of technological and software-related challenges, in the context of the principle of technological conditioning. As follows from the ideas of I. L. Bachilo, V. A. Kopylov, P. U. Kuznetsov, and A. B. Vengerov, this principle served as one of the prerequisites for the formation of Russian information law. The article analyzes various Russian approaches to the understanding of digital sovereignty, including those of P. V. Stepanov, V. A. Nikonov, A. A. Streltsov, and others, and identifies their key aspects and advantages. On the basis of this analysis, the study offers a critical reconsideration of the theory of state digital sovereignty. An examination of current legislation reveals gaps in the legal regulation of digital sovereignty, including the absence of its statutory definition. In addition, the article considers the concepts of "digital networks," "software," and "digital technologies" in the context of Russian legal reality and identifies, within their content, categories directly related to digital sovereignty under current Russian legislation. The article states that state digital sovereignty has not previously been the subject of public-law dissertation research and that Russian legal scholars have not attempted to model state digital sovereignty through a categorical framework comprising technological sovereignty, digital sovereignty, and state sovereignty. In conclusion, the Author formulates a definition of digital sovereignty and states that this understanding, grounded in public-law aspects, may serve as a basis for the future legal regulation of the concept of "digital sovereignty," as well as for the construction of a theoretical model of state digital sovereignty.

Keywords: digital sovereignty; technological sovereignty; information security; software; database; computer hardware; information law

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Agafonov A. S. State Digital Sovereignty in Russian Law. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):192-203. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-192-203>. EDN: <https://elibrary.ru/amyppp> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	193
II. Цифровой суверенитет в российском праве	194
III. Цифровой суверенитет в публично-правовом пространстве	197
IV. Два структурных элемента цифрового суверенитета	198
V. Заключение	201
Список литературы	202

I. ВВЕДЕНИЕ

В отечественной юридической науке активно развивается исследование цифровой суверенности государства (далее – цифро-

вой суверенитет). Этот феномен рассматривается в различных аспектах и контекстах.

В то же время единый подход к пониманию цифрового суверенитета

в юридической науке пока что не сложилось, что подтверждается позицией Т. А. Полякова, которая выдвигает идею о том, что рассматриваемое понятие не имеет правовой определенности, то есть точного юридического определения [1, с. 13].

Так, российские специалисты в области права рассматривают цифровой суверенитет как верховенство государственной власти в виртуальной среде, как элемент государственного суверенитета, как возможность государства самостоятельно определять степень и способы своего участия или неучастия в отношениях, связанных с применением цифровых технологий, для реализации собственных интересов, как верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве, как право государства определять свою информационную политику и обеспечивать информационную и цифровую безопасность и т. д.

Для формирования представления о цифровом суверенитете в юридической науке необходимо обратиться к исследованиям российских ученых и рассмотреть специфику их исследовательских подходов.

Перед этим необходимо сделать одно важное уточнение. Указанные выше подходы в отечественной юридической литературе формировались в основном под влиянием технологических и программных вызовов (в условиях реализации принципа технологической обусловленности, восходящего к научно-техническому прогрессу, который, как следует из идей И. Л. Бачило, В. А. Копылова [2, с. 50], П. У. Кузнецова¹ и А. Б. Венгерова [3, с. 27], послужил одной из предпосылок формирования информационного права России в целом), а также угроз современной действительности, что подтверждается разобщи-

и несистематизированным характером исследуемой теории, раскрывающей содержание цифровой суверенности Российской Федерации.

На это обоснованно указывает и П. У. Кузнецов, отмечая, что в юридической науке еще не сформулированы теоретические основы цифровой формы государственного суверенитета: «Пока нет и единого выработанного понятия, отражающего логический терминологический ряд в части, касающейся обозначения государственного суверенитета в информационном пространстве и цифровой среде обитания человека» [4, с. 66].

Представляется целесообразным проанализировать некоторые существующие подходы к пониманию цифровой суверенности государства, выделить в них ключевые положения и особенности. При этом важно отметить, что в настоящем исследовании рассмотрены не все существующие подходы, а лишь те из них, анализ которых позволяет провести критическую оценку исследуемой теории, что поможет достичь цели настоящего исследования — определения правового содержания цифровой суверенности государства на основе исследования положений действующего законодательства в соответствующей области.

Необходимо отметить, что в настоящем исследовании термин «цифровой суверенитет» является сокращенной формой для обозначения категории «цифровая суверенность государства», понятия «суверенитет» и «суверенность» не отождествляются.

II. ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Исследуя различные аспекты цифрового суверенитета, в том числе правовое обеспечение и влияние на национальную безопасность, П. В. Степанов определяет данное понятие как верховенство

¹ См.: Кузнецов П. У. Информационное право : учеб. М. : Юстиция, 2019. 335 с.

государственной власти в виртуальной среде [5]. В рамках исследования национального сегмента информационно-телекоммуникационной сети Интернет, включающего домены, признанные национальными, ресурсы, размещенные на серверах в пределах страны, а также коммуникационные сети национальных операторов связи, П. В. Степанов стремится соотнести цифровые границы с государственными границами. Наряду с этим ученый, анализируя суверенитет как правовую категорию, утверждает, что национальные версии интернет-ресурсов должны подчиняться национальному законодательству соответствующего государства.

Данный подход характеризуется рядом существенных преимуществ. Во-первых, П. В. Степанов указывает на недостаточную разработанность в отечественной юридической науке вопросов, касающихся сущности и правовых средств обеспечения цифрового суверенитета, в то же время отмечая, что цифровой суверенитет сегодня выступает в качестве одной из центральных категорий государства и права. Во-вторых, П. В. Степанов раскрывает цифровой суверенитет государства через категорию «национальный сегмент Интернета», используя определение из Модельного закона Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, устанавливающего основы регулирования Интернета². В-третьих, ученый предлагает концепцию решения территориальной проблемы суверенитета в цифровой среде.

В свою очередь В. А. Никонов, понимая цифровой суверенитет как возможность государства самостоятельно определять

степень и способы своего участия или неучастия в отношениях, связанных с применением цифровых технологий, для реализации собственных интересов, исследует ряд его аспектов (правовой, технологический, политический, управленческий, социальный, геополитический и др.) [6]. Например, в правовом аспекте автор акцентирует внимание на формировании и поддержании нормативно-правовой базы, регулирующей функционирование цифрового пространства и обеспечивающей независимость государства в данной сфере. С технологической точки зрения В. А. Никонов подчеркивает необходимость развития национальной цифровой инфраструктуры и внедрения передовых технологий, включая разработку национальных операционных систем и инструментов для работы с большими данными. В рамках информационной безопасности автор затрагивает вопросы защиты национальной информационной среды от внешних угроз, таких как кибератаки и цифровой шпионаж.

Достоинством данного подхода следует признать стремление к всестороннему рассмотрению цифрового суверенитета, что позволяет подчеркнуть значимость разработки национальных эффективных и конкурентоспособных программных продуктов в целях его обеспечения. Кроме того, представляется, что акцент на геополитическом аспекте сделан не случайно.

Примечательно, что в юридической науке имеется позиция, при которой цифровой суверенитет должен выступать основой построения различных международных систем. В частности, А. А. Стрельцов, утверждая, что цифровой суверенитет должен стать основой формирования системы международной

² См.: *Об основах регулирования Интернета* : модел. закон Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств : принят на 36-м пленарном заседании МПА СНГ (постановление № 36-9 от 16 мая 2011 г.) // Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. 2011. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/278.pdf?ysclid=mpicrg9yh939094633> (дата обращения: 23.04.2026).

информационной безопасности, определяет его через реализацию государством своего суверенитета посредством упорядочения социального взаимодействия граждан в информационно-телекоммуникационной среде (далее – ИКТ-среда) и во всех сферах жизнедеятельности общества, а также через верховенство в вопросах применения норм права к реализуемым в ИКТ-среде социальным отношениям и защиту субъектов жизнедеятельности общества от угроз нарушения безопасности в информационном пространстве [7, с. 45–46].

В качестве достоинства такого подхода можно констатировать акцент А. А. Стрельцова на том, что цифровой суверенитет позволяет государству, во-первых, защищать свои национальные интересы в информационной сфере, во-вторых, контролировать и управлять информационно-коммуникационными технологиями в рамках своих границ, в-третьих, сохранять свою культурную идентичность.

В рамках подхода И. А. Петроченкова под цифровым суверенитетом понимается свойство субъектов информационно-правовых отношений самостоятельно или посредством кооперации осуществлять под контролем государства независимое воздействие на информацию и информационные технологии [8]. Ученым выдвигается идея, что соответствующее воздействие на информацию и информационные технологии должно среди прочего осуществляться посредством нормативного правового регулирования (как в пределах территориальных границ государства, так и в экстерриториальном и международном информационном пространстве). И. А. Петроченков включает в цифровой суверенитет категорию суверенитета данных, который подразделяется на слабый (касается защиты данных пользователей и цифровых прав частными компаниями) и сильный (связан с государ-

ственной политикой, направленной на национальную безопасность).

Преимуществом рассматриваемого подхода является акцент ученого на необходимости независимости государства от внешнего влияния в информационной сфере.

Г. Б. Романовский и О. В. Романовская рассматривают цифровой суверенитет как ответ на вызовы, связанные с трансграничностью цифрового мира, размывающей национальную юрисдикцию [9]. Авторы акцентируют, что цифровой суверенитет предполагает наличие развитой технологической инфраструктуры. Данная инфраструктура позволяет государству осуществлять контроль над цифровыми процессами и защищать свои интересы в информационном пространстве. Также Г. Б. Романовский и О. В. Романовская подчеркивают, что цифровой суверенитет возможен лишь при наличии соответствующей технологической базы. Цифровой суверенитет неразрывно связан с обеспечением информационной безопасности, включая защиту персональных данных. Особое значение придается технологической составляющей и правовому регулированию цифрового суверенитета. Без разработки и внедрения соответствующих программ, методов, инструментов и алгоритмов эффективное правовое регулирование данной сферы невозможно.

Признание ключевой роли технологий в контексте цифрового суверенитета является важным преимуществом данного подхода. Следует отметить и взаимосвязь между цифровым суверенитетом и информационной безопасностью, а также необходимость разработки и внедрения эффективной правовой регламентации.

Заслуживает внимания подход А. К. Жаровой, в рамках которого под цифровым суверенитетом понимается способность государства обеспечивать защиту информации в соответствии с действующим законодательством [10]. А. К. Жарова полагает, что концепция цифрового суверенитета

направлена на обеспечение защиты цифровой информации и предотвращение ее несанкционированного раскрытия при использовании иностранных технологий.

Анализ научной литературы по вопросам цифрового суверенитета свидетельствует об отсутствии фундаментальных монографий и диссертационных исследований по данной тематике в отечественной правовой науке. Цифровой суверенитет упоминается исключительно в отдельных научных публикациях и не стал предметом широких системных исследований.

В частности, исследуя информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации, А. А. Ефремов разрабатывает авторское определение категории «государственный суверенитет в информационном пространстве», под которым понимает юридическое свойство (признак) государства как особого субъекта информационно-правовых отношений, осуществляющего их правовое регулирование как в пределах своей территории (внутригосударственное информационное пространство), экстерриториальных режимов, так и при участии в международно-правовом регулировании (глобальное и региональные информационные пространства)³.

III. ЦИТРОВЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Анализ существующих отечественных концепций цифрового суверенитета государства дает возможность для их критического осмысления. Важно отметить, что соответствующая критическая оценка направлена не на опровержение или умаление научных результатов, полученных специалистами отечественной юридической науки, а на обозначение вопросов цифровой суверенности государства, ко-

торые до сих пор не получили теоретической конкретизации.

Так, в отечественной теории цифровой суверенности государства не сформулировано четкое понятие, раскрывающее содержание категории «цифровой суверенитет». Существующие подходы имеют общие черты лишь в отдельных аспектах (к примеру, в рамках констатации того, что цифровой суверенитет выступает гарантией национальной безопасности государства). На сегодняшний день такое положение дел создает неопределенность в понимании содержания цифрового суверенитета и, следовательно, объема исследуемого понятия.

Цифровой суверенитет необходимо рассматривать с точки зрения самостоятельного понятия, которое взаимосвязано и взаимозависимо с технологическим суверенитетом и государственным суверенитетом, но не входит в их содержание, имея собственное наполнение (объем), как и технологический суверенитет и государственный суверенитет представляют собой отдельные понятия, выступают самостоятельными категориями, имеющими собственную правовую регламентацию, и не могут входить в содержание цифрового суверенитета.

Кроме того, в отечественной теории остается не определённым место института цифровой суверенности государства в системе информационного права.

Анализ положений действующего законодательства позволяет констатировать, что в части правовой регламентации цифровой суверенитет лишь упоминается в некоторых правовых актах, при этом легальное определение в законодательстве Российской Федерации отсутствует.

Так, в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 25 июня 2022 г. № 1693-р «Об утверждении комплексной программы развития авиационной отрасли Российской Федерации до 2030 года»

³ См: Ефремов А. А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 418 с.

упоминается понятие «цифровой суверенитет гражданской авиации»⁴, в Приказе Минпромторга России от 29 мая 2019 г. № 1869 «Об утверждении концепции создания российского сегмента евразийской сети промышленной кооперации и субконтрактации» используется термин «цифровой суверенитет по защите информации»⁵.

Принимая во внимание перманентный характер связи между цифровым суверенитетом и технологическим суверенитетом, а также легальное определение последнего, представляется, что основой для формирования термина, отражающего содержание цифрового суверенитета, может служить дефиниция (по аналогии с подходом П. В. Степанова), закрепленная в ст. 2 Постановления № 55-9 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О модельном законе “О цифровой трансформации отраслей промышленности государств – участников СНГ”»⁶, где под цифровым суверенитетом понимается способность государства самостоятельно создавать и использовать в различных сферах деятельности собственные цифровые сети, программное обеспечение и цифровые технологии, которые являются критически важными для обеспечения благосостояния населения государства, его национальной безопасности и конкурентоспособности национальной экономики, а также возможность государства определять и проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику в цифровом пространстве.

IV. ДВА СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТА ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Исходя из анализа содержания представленной дефиниции, можно выделить ряд признаков данного понятия. Понятие цифрового суверенитета (по аналогии

с понятием технологического суверенитета) охватывает не столько цифровые сети, программное обеспечение и цифровые технологии, сколько две способности государства в данной области. Первая способность государства выражается в самостоятельном создании и использовании в различных сферах деятельности собственных цифровых сетей, программного обеспечения и цифровых технологий, которые имеют критическое значение для обеспечения благосостояния населения государства, его национальной безопасности и конкурентоспособности национальной экономики. Вторая способность государства выражается в определении и проведении самостоятельной внутренней и внешней политики в цифровом пространстве.

Исследуя первую способность государства в рамках цифрового суверенитета, необходимо провести анализ действующего отечественного правового регулирования в области цифровых сетей, программного обеспечения и цифровых технологий.

Так, в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁷ (далее – ФЗ № 149-ФЗ) не используется термин «цифровая сеть». Вместо этого используется понятие «информационно-телекоммуникационная сеть», под которой понимается технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники (ст. 2 ФЗ № 149-ФЗ). Использование информационно-телекоммуникационных сетей на территории Российской Федерации регламентируется ст. 15 ФЗ № 149-ФЗ.

Рассматривая легальную дефиницию «информационно-телекоммуникационная

⁴ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сеть» можно выделить три содержательных признака:

1) речь идет о технологической системе, содержание которой в ФЗ № 149-ФЗ не раскрывается. Из буквального толкования следует, что имеется в виду именно система, основное место в которой занимают технологии, что, в свою очередь, связано с технологическим суверенитетом;

2) назначение технологической системы проявляется в передаче по линиям связи информации. Линиями связи при этом выступают линии передачи, физические цепи и линейно-кабельные сооружения связи, что следует из ст. 2 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»⁸, в том числе с соблюдением которого, по смыслу ст. 15 ФЗ № 149-ФЗ, осуществляется использование информационно-телекоммуникационных сетей на территории Российской Федерации, что также относится к технологическому суверенитету;

3) доступ к технологической системе осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Содержание понятия «средства вычислительной техники» раскрыто в преамбуле руководящего документа «Средства вычислительной техники. Защита от несанкционированного доступа к информации. Показатели защищенности от несанкционированного доступа к информации»⁹, в которой под средствами вычислительной техники понимается совокупность программных и технических элементов систем обработки данных, способных функционировать самостоятельно или в составе других систем. Указанные программные и технические (не технологические) элементы, в свою очередь, относятся к цифровому суверенитету, поскольку они обеспечивают функционирование систем обработки данных, то есть технологий.

Следовательно, разбор легальной дефиниции «информационно-телекоммуникационная сеть» на содержательные элементы позволяет отнести к цифровому суверенитету лишь средства вычислительной техники, с помощью которых обеспечивается (осуществляется) доступ к технологическим системам, предназначенным для передачи информации по линиям связи.

По результатам анализа правового регулирования в области программного обеспечения можно констатировать, что в базовом отечественном нормативном правовом акте в сфере информации, информационных технологий и защиты информации не используется понятие «программное обеспечение». Вместо этого используется понятие «программа для электронной вычислительной машины» (далее – программа для ЭВМ), которое также используется в гражданском законодательстве Российской Федерации. В статье 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) содержится определение программы для ЭВМ, под которой понимается представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

Кроме того, соответствующее определение используется и в рамках уголовного законодательства Российской Федерации, а именно в гл. 28 (ст.ст. 273, 274.1) Уголовного кодекса Российской Федерации, что прямо следует из п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах

⁸ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: *Руководящий документ. Средства вычислительной техники. Защита от несанкционированного доступа к информации. Показатели защищенности от несанкционированного доступа к информации* : утв. Решением Гостехкомиссии России 30 марта 1992 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»»¹⁰.

Вызывает интерес, что аббревиатуру ПО (программное обеспечение) можно найти в п. 3.47 ГОСТ Р 51904-2002 «Государственный стандарт Российской Федерации. Программное обеспечение встроенных систем. Общие требования к разработке и документированию»¹¹ и п. 2 табл. 1 ГОСТ 19781-90 «Государственный стандарт Союза ССР. Обеспечение систем обработки информации программное. Термины и определения»¹². Так, в указанных документах под программным обеспечением понимается совокупность программ и программных документов, необходимых для эксплуатации этих программ, то есть тех же данных и материалов, полученных в ходе разработки, которые определены ст. 1261 ГК РФ, что позволяет сделать вывод об идентичности рассматриваемых понятий с точки зрения некоторых содержательных элементов.

В то же время дефиниция «программа для ЭВМ» по своему содержанию шире, так как включает в себя еще и порождаемые программой для ЭВМ аудиовизуальные отображения.

Фундаментальной нормой права, регулирующей общественные отношения в сфере программ для ЭВМ, является ст. 12.1 ФЗ № 149-ФЗ, которой предусмотрено создание Единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных (далее – Реестр российского программного обеспечения). Данный реестр направлен,

во-первых, на расширение использования российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных, во-вторых, на подтверждение их происхождения из Российской Федерации, в-третьих, на оказание правообладателям программ для электронных вычислительных машин или баз данных мер государственной поддержки. Необходимо учитывать, что наряду с понятием «программа для ЭВМ» в Реестре российского программного обеспечения используется и дефиниция «база данных», под которой понимается представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов, систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью ЭВМ (ч. 2 ст. 1260 ГК РФ).

Таким образом, в содержание цифрового суверенитета Российской Федерации, в соответствии с положениями российского законодательства, должны включаться понятия «программа для ЭВМ» и «база данных», а не «программное обеспечение».

Далее констатируем, что в ФЗ № 149-ФЗ не используется понятие «цифровые технологии». В то же время указанная дефиниция используется в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹³ федерального проекта «Цифровые технологии». Ключевой целью названного федерального проекта является обеспечение технологической независимости государства и возможности коммерциализации отечественных исследований и разработок, а также ускорение технологического развития российских компаний и обеспечение конкурентоспособности разрабатываемых ими продуктов и решений на глобальном

¹⁰ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См.: *Паспорт* национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» : утв. президиумом Совета при Президенте Рос. Федерации по стратег. развитию и нац. проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

рынке¹⁴. Проект направлен на технологический суверенитет, а не на цифровой, поскольку речь идет (в плане цели) именно о технологической самостоятельности государства.

Одновременно дефиниция «цифровые технологии» имеет место в ГОСТ Р 33.505-2003, где под ними понимаются технологии, использующие электронно-вычислительную аппаратуру для записи кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой¹⁵.

Следовательно, в рамках цифровых технологий речь идет именно о технологическом суверенитете, а технологическом.

Таким образом, в отечественном праве в содержание цифрового суверенитета должны входить не цифровые сети, программное обеспечение и цифровые технологии, а электронно-вычислительные средства, программы для ЭВМ и базы данных.

Отдельно следует отметить, что характерной особенностью указанных понятий выступает их критическая важность для обеспечения благосостояния населения государства, его национальной безопасности и конкурентоспособности национальной экономики, что объясняется приведенными выше положениями.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Системный анализ подходов к пониманию цифровой суверенности государства в отечественной литературе и их критическая оценка позволяют сделать вывод о том, что в отечественной литературе не сформировался единый подход к пониманию цифровой суверенности государства. Цифровая суверенность государства ранее не исследовалась на уровне публично-правовых дис-

сертационных исследований, отечественными правоведами не осуществлялось попыток ее моделирования через категориальный ряд, включающий технологическую суверенность, цифровую суверенность и государственный суверенитет.

Кроме того, в отечественной теории цифровой суверенности государства не выработано четкое понятие, раскрывающее содержание категориального (терминологического) ряда, а также не определено место цифровой суверенности государства в системе информационного права как отрасли научного знания.

На основании проведенного исследования положений отечественного законодательства можно предложить обоснованное с точки зрения отечественного права понимание цифровой суверенности государства (цифрового суверенитета) как способности государства самостоятельно создавать и использовать в различных сферах деятельности собственные средства вычислительной техники, программы для электронных вычислительных машин и базы данных, которые являются критически важными для обеспечения благосостояния населения государства, его национальной безопасности и конкурентоспособности национальной экономики, а также возможность государства определять и проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику в информационной сфере.

Соответствующее понимание, основанное на публично-правовых аспектах, может быть использовано в качестве основы для правовой регламентации легальной дефиниции «цифровой суверенитет» в обозримом будущем, а также для построения теоретической модели цифровой суверенности государства.

¹⁴ См.: *Паспорт* федерального проекта «Цифровые технологии»: утв. президиумом Правительств. комиссии по цифровому развитию, использованию информ. технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предприним. деятельности, протокол от 28 мая 2019 г. № 9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: *ГОСТ Р 33.505-2003*. Государственный стандарт Российской Федерации. Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием: принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 29 июля 2003 г. № 255-ст. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Список литературы

1. Полякова Т. А. Правовое обеспечение национального суверенитета в информационном пространстве в условиях цифровой трансформации государства // Седьмые Бачиловские чтения : сб. ст. участников междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов, Н. А. Троян, А. А. Смирнов. М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 2024. С. 9–18.
2. Бачило И. Л., Копылов В. А. Есть ли основания для создания отрасли «Информационное право» // Информационное общество. 1999. № 6. С. 49–50.
3. Венгеров А. Б. Право и информация в условиях автоматизации управления: теоретические вопросы. М. : Юрид. лит., 1978. 206 с.
4. Кузнецов П. У. Методологические особенности цифрового состояния государственного суверенитета // Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности : сб. докл. участников XVIII междунар. форума (Москва, 16–18 сент. 2024 г.). М. : Нац. Ассоц. междунар. информ. безопасности, 2024. С. 66–70.
5. Степанов П. В. Подходы к пониманию цифрового суверенитета России // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 4. С. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.4.1>
6. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) / В. А. Никонов, А. С. Воронов, В. А. Сажина, С. В. Володенков, М. В. Рыбакова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/60/18>
7. Стрельцов А. А. Цифровой суверенитет как основа формирования системы международной информационной безопасности // Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности : сб. докл. участников XVIII междунар. форума (Москва, 16–18 сент. 2024 г.). М. : Нац. Ассоц. междунар. информ. безопасности, 2024. С. 44–46.
8. Петроченков И. А. К вопросу о концепции цифрового суверенитета // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 69–73. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-7-69-73>
9. Романовский Г. Б., Романовская О. В. О цифровом суверенитете // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 25–31. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-9-25-31>
10. Жарова А. К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации // Юрист. 2021. № 11. С. 28–33. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2021-11-28-33>

References

1. Polyakova T. A. Legal Support of National Sovereignty in the Information Space: in the Context of the Digital Transformation of the State. In: Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Naumov V. B., Troyan N. A., Smirnov A. A. (Eds.). *The Seventh Bachilov Readings*. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ.; 2024. P. 9–18. (In Russ.)
2. Bachilo I. L., Kopylov V. A. Are There Grounds for Establishing Information Law as a Branch of Law? *Information Society*. 1999;6:49–50. (In Russ.)
3. Vengerov A. B. *Law and Information in the Context of Automated Governance: Theoretical Issues*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1978. 206 p. (In Russ.)
4. Kuznetsov P. U. Methodological Features of the Digital State of Sovereignty. In: *Proceedings of the XVIII International Forum “Partnership between the State, Business, and Civil Society in Ensuring International Information Security.”* Moscow, 2024. P. 67–70. (In Russ.)
5. Stepanov P. V. Approaches to Understanding Russia’s Digital Sovereignty. *Journal of Russian Law*. 2024;28(4):37–51. DOI: <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.4.1> (In Russ.)
6. Nikonov V. A., Voronov A. S., Sazhina V. A., Volodenkov S. V., Rybakova M. V. Digital Sovereignty of a Modern State: Content and Structural Components (Based On Expert Research). *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2021;60:206–216. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/60/18> (In Russ.)
7. Strel'tsov A. A. Digital Sovereignty as a Basis for the Formation of an International Information Security System. In: *Proceedings of the XVIII International Forum “Partnership between the State, Business, and Civil Society in Ensuring International Information Security.”* Moscow, 2024. P. 44–46. (In Russ.)
8. Petrochenkov I. A. On the Issue of the Concept of Digital Sovereignty. *Constitutional and Municipal Law*. 2022;7:69–73. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-7-69-73> (In Russ.)
9. Romanovsky G. B., Romanovskaya O. V. On Digital Sovereignty. *Constitutional and Municipal Law*. 2022;9:25–31. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-9-25-31> (In Russ.)
10. Zharova A. K. Ensuring the Information Sovereignty of the Russian Federation. *Jurist*. 2021;11:28–33. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2021-11-28-33> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Сергеевич Агафонов, аспирант кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (ул. Комсомольская, 21, Екатеринбург, 620066, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2888-7955>; e-mail: aga.fonov@inbox.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey S. Agafonov, postgraduate student of the Department of Information Law at the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (21 Komsomolskaya st., Yekaterinburg, 620066, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2888-7955>; e-mail: aga.fonov@inbox.ru

Поступила | Received
01.08.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
27.08.2025

Принята к публикации | Accepted
26.09.2025

УДК 343.3

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-204-220

EDN: AOGXVM

Оригинальная научная статья

Угроза общественной безопасности как правовая категория

Ю. В. Анохин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

✉ anohin1963@rambler.ru

О. А. Колоткина

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

✉ oks-kolotkina@yandex.ru

И. Д. Ягофарова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

✉ vaina3@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема теоретико-правового конструирования категории «угроза общественной безопасности» в контексте действующего законодательства. Угроза общественной безопасности не может быть понята сама по себе, она представляет собой институциональный синтез (органическое единство) трех фундаментальных категорий: вызова (как сигнальной формы), опасности (как объективной основы) и риска (как поведенческо-вероятностного фактора) – и только в этом синтетическом единстве она обретает свою полноценную правовую природу, позволяющую эффективно управлять общественной безопасностью в системе стратегического планирования. Обосновывается, что существующие законодательные акты и документы стратегического планирования – Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», действующая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, де-факто утратившая силу Концепция общественной безопасности в Российской Федерации – не предлагают четкой системы разграничения понятий «вызов», «опасность», «риск» и «угроза», что приводит к их неоправданному смещению в правоприменительной практике и документах стратегического планирования. Цель работы – разработка интегративной модели угрозы общественной безопасности, рассматривающей ее в динамической взаимосвязи с понятиями «вызов», «опасность» и «риск» как стадии единого деструктивного процесса, для последующего законодательного закрепления. Методологическую основу исследования составил междисциплинарный подход, интегрирующий системный анализ (позволивший рассматривать угрозу в иерархии смежных понятий), теоретико-правовой анализ нормативных источников, а также элементы теории риска, что дало возможность проследить трансформацию количественных параметров риска и качественных характеристик вызовов в правовую реальность угрозы, фиксируемую в законодательстве и документах стратегического планирования. Особое внимание уделяется анализу эволюции понятийного аппарата от утратившей силу Концепции общественной безопасности в Российской Федерации 2013 г. к действующим документам стратегического планирования. На основе полученных выводов предложена четырехзвенная стадийная модель «вызов – опасность – риск – угроза», раскрывающая логику эскалации деструктивных процессов в сфере общественной безопасности. Для каждой стадии сформулированы авторские определения и описаны соответствующие мероприятия (мониторинг, планирование превентивных мер, расчет ресурсов, введение специальных режимов). Теоретическая значимость исследования заключается в институциональном синтезе ранее разрозненных понятий в единую теоретико-правовую конструкцию. Практическая значимость состоит в возможности использования предложенной модели при разработке нового документа стратегического планирования в сфере общественной безопасности, что обеспечит преемственность с предшествующими документами, правовую определенность для правоприменителей.

© Анохин Ю. В., Колоткина О. А., Ягофарова И. Д., 2026

Ключевые слова: вызов общественной безопасности; опасность в сфере общественной безопасности; риск в сфере общественной безопасности; угроза общественной безопасности; общественная безопасность; национальная безопасность; институциональный синтез; стратегическое планирование

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Анохин Ю. В., Колоткина О. А., Ягофарова И. Д. Угроза общественной безопасности как правовая категория // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 204–220. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-204-220>. EDN: <https://elibrary.ru/aogxvm>

Original scientific article

Threat to Public Security as a Legal Category

Yu. V. Anokhin

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

✉ anohin1963@rambler.ru

O. A. Kolotkina

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ oks-kolotkina@yandex.ru

I. D. Yagofarova

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ vaina3@yandex.ru

Abstract. This article examines the theoretical and legal construction of the category of a “threat to public security” in the context of current legislation. A threat to public security cannot be understood in isolation: it constitutes an institutional synthesis, or organic unity, of three fundamental categories — challenge, as a signaling form; danger, as an objective basis; and risk, as a behavioral and probabilistic factor. Only within this synthetic unity does it acquire its full legal nature, enabling the effective management of public security within the strategic planning system. The article substantiates the argument that existing legislative acts and strategic planning documents — Federal Law No. 390-FZ of 28 December 2010 “On Security,” the current National Security Strategy of the Russian Federation, and the Concept of Public Security in the Russian Federation, which has de facto ceased to have effect — do not provide a clear system for distinguishing between the concepts of “challenge,” “danger,” “risk,” and “threat.” This leads to their unjustified conflation in law-enforcement practice and strategic planning documents. The aim of the study is to develop an integrative model of a threat to public security by examining it in dynamic interrelation with the concepts of “challenge,” “danger,” and “risk” as stages of a single destructive process, with a view to its subsequent legislative enshrinement. The methodological basis of the study is an interdisciplinary approach that integrates systems analysis, which makes it possible to consider a threat within the hierarchy of related concepts; theoretical and legal analysis of normative sources; and elements of risk theory. This approach makes it possible to trace the transformation of quantitative risk parameters and qualitative characteristics of challenges into the legal reality of a threat, as recorded in legislation and strategic planning documents. Particular attention is paid to the evolution of the conceptual apparatus from the 2013 Concept of Public Security in the Russian Federation, which has ceased to have effect, to current strategic planning documents. On the basis of the findings obtained, the Authors propose a four-stage model — “challenge – danger – risk – threat” — which reveals the logic of escalation of destructive processes in the sphere of public security. For each stage, the Authors formulate definitions and describe the corresponding measures: monitoring, planning of preventive measures, calculation of resources, and introduction of special regimes. The theoretical significance of the study lies in the institutional synthesis of previously fragmented concepts into a unified theoretical and legal construct. Its practical significance consists in the possibility of using the proposed model in the development of a new strategic planning document in the field of public security, thereby ensuring continuity with earlier documents and legal certainty for law-enforcement authorities.

Keywords: public-security challenge; danger in the sphere of public security; risk in the sphere of public security; threat to public security; public security; national security; institutional synthesis; strategic planning

Conflict of interest. The Authors declare no conflict of interest.

For citation: Anokhin Yu. V., Kolotkina O. A., Yagofarova I. D. Threat to Public Security as a Legal Category. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):204-220. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-204-220>. EDN: <https://elibrary.ru/aogxvm> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	206
II. Категория «угроза безопасности» в Федеральном законе «О безопасности»	208
III. Категория «угроза национальной безопасности» в действующей Стратегии национальной безопасности РФ	209
IV. Институциональный синтез понятий «вызов», «опасность», «риск» в контексте определения содержания правовой категории «угроза общественной безопасности»	213
V. Заключение	216
Список литературы	218

I. ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития российского общества и государства характеризуется качественным усложнением системы угроз национальной безопасности, что закономерно актуализирует теоретико-правовые исследования понятийного аппарата в сфере безопасности. Категория «угроза общественной безопасности», несмотря на отсутствие ее легальной дефиниции, занимает центральное место в механизме правового регулирования охранительных отношений. Однако ее содержание до настоящего времени остается дискуссионным как в доктрине, так и в законодательстве. Это обусловлено различными причинами, среди которых, прежде всего, можно назвать фактическое окончание срока действия в 2020 г. Концепции общественной безопасности в Российской Федерации¹, без ее дальнейшей пролонгации или принятия нового документа стратегического планирования в этой сфере, где категория «угроза общественной безопасности» была бы включена в перечень основных легальных понятий.

Усугубляет ситуацию с неоднозначным определением содержания категории «угроза общественной безопасности» и тот факт, что на доктринальном уровне не все исследователи рассматривают ее через взаимосвязь с понятиями «риск», «опасность» и «вызов». При этом становится очевидным, что в условиях стратегического планирования учет взаимосвязи перечисленных понятий является крайне необходимым, так как позволяет увидеть угрозу общественной безопасности в динамике через анализ стадий ее зарождения и развития. Таким образом, институциональный синтез указанных понятий позволит выстроить четкую иерархию этих явлений – «опасность», «вызов», «риск», «угроза» – в стратегическом планировании, устранить терминологическую неопределенность и создать своеобразную матрицу приоритетов и конкретных действий по предотвращению ущерба на различных уровнях с соблюдением принципа *приоритета предупредительных мер в целях обеспечения безопасности* (п. 4 ст. 2 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»)² (далее – ФЗ

¹ См.: Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации 14 нояб. 2013 г. № Пр-2685. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Документ де-факто утратил силу.)

² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«О безопасности»)): фундаментальный (опасность), сигнальный (вызов), управленческий (риск), непосредственный (угроза).

Такой подход преодолевает фрагментарность существующих теоретических моделей и позволяет концептуализировать угрозу не как статичное состояние, а как динамический процесс трансформации социальных и техногенных процессов. Предложенное исследование категории «угроза общественной безопасности» основано на разработке новой интегративной модели, в рамках которой угроза общественной безопасности представлена не в качестве простой суммы негативных факторов, а как результат сложного институционального синтеза объективных вызовов, вероятностных рисков и латентных опасностей в едином контексте стратегического планирования Российской Федерации. Институциональный синтез позволяет перейти от простого перечисления угроз (*характерного для многих документов стратегического планирования*) к пониманию механизма их институционализации, то есть закрепления в практике работы государственных органов.

В современной научной литературе фиксируется устойчивый плюрализм в определении категорий «опасность», «вызов», «риск» и «угроза», а также в установлении их диалектической взаимосвязи. Это объясняется тем, что данные явления изучаются на стыке различных научных отраслей знаний – философии, социологии, теории национальной безопасности, юриспруденции и т. д. В рамках философско-социологического подхода в зарубежной научной мысли были разработаны основы теории риска в работах У. Бека [1], Э. Гидденса [2], Н. Лумана [3]. Данные работы сыграли ключевую роль в разграничении понятий «риск» и «опасность», а также осознании идеи того,

что риск в современном обществе является объективно существующим явлением, характерным для функционирования сложных систем.

В рамках теории национальной безопасности можно выделить работы профессора А. А. Прохожева³, профессора А. В. Возженикова, И. Н. Германа [4], Д. В. Ирошникова [5], А. А. Кравчука [6] и иных представителей данной научной школы, в основе которой лежит системный подход к анализу угроз национальной безопасности, в рамках которого понятия «опасность», «вызов», «риск» и «угроза» рассматриваются как иерархические ступени единого процесса, отражающие различную степень конкретизации и непосредственности потенциального ущерба национальным интересам Российской Федерации.

Значительный вклад в разработку содержания категории «угроза общественной безопасности» внесли труды ученых, проводящих исследования в области административной деятельности полиции и административной юрисдикции. В частности, в работах профессора С. И. Гирько [7], В. М. Шеншина [8] и др. уделяется внимание анализу содержания понятия «угроза общественной безопасности», проведению классификации данного вида угроз.

Проведенный анализ степени научной разработанности проблемы позволяет констатировать, что, несмотря на наличие значительного числа фундаментальных исследований, посвященных категориям «опасность», «вызов», «риск» и «угроза» в философском, социологическом и общетеоретическом контексте, а также трудов по административно-правовому обеспечению безопасности, сохраняется существенный пробел в научном знании. До настоящего времени отсутствует комплексное, институционально завершенное

³ См.: Прохожев А. А. Национальная безопасность: теория, сущность, проблемы : лекция. М. : Изд-во РАГС, 2005. 25 с.

исследование угрозы общественной безопасности именно как правовой категории, органично интегрирующей философско-социологическое понимание риска, теоретико-правовое содержание опасности и вызова, а также их нормативное воплощение в документах стратегического планирования в сфере обеспечения как национальной, так и общественной безопасности.

Существующие работы, как правило, ограничиваются либо отраслевой классификацией угроз, либо общетеоретическим анализом понятийного аппарата вне привязки к конкретному объекту – общественной безопасности. Это порождает проблему правовой неопределенности: законодатель использует термины «угроза», «опасность», «вызов» в стратегических документах, зачастую не раскрывая их соотношения и механизма перерастания одного явления в другое. Отсутствие институционального синтеза данных понятий препятствует формированию единой непротиворечивой системы правового регулирования в сфере стратегического планирования и противодействия угрозам общественной безопасности.

Таким образом, цель настоящего исследования заключается в разработке институциональной (синтетической) модели угрозы общественной безопасности, интегрирующей понятия риска, опасности и вызова в единую теоретико-правовую конструкцию, ориентированную на законодательное закрепление и использование в правоприменительной практике.

II. КАТЕГОРИЯ «УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ» В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНЕ «О БЕЗОПАСНОСТИ»

Ключевой особенностью действующего в настоящее время ФЗ «О безопасности» является то, что он не содержит

определений понятия «угроза безопасности» и иных правовых категорий, используемых в законе. Это принципиально отличает его от ранее действующего Закона Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-I «О безопасности»⁴ (далее – Закон РФ – 1992), где в ст. 3 содержалось легальное определение угрозы безопасности как «совокупности условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства». В российской правовой системе сложилась практика, согласно которой концептуальные основы и понятийный аппарат часто закрепляются в документах стратегического планирования – доктринах, стратегиях, концепциях. В настоящее время именно действующая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации⁵ (далее – Стратегия-2021) является основой для разработки всех остальных документов стратегического планирования и формирования унифицированного понятийного аппарата национальной безопасности и отдельных ее приоритетов обеспечения.

Такой подход законодателя вполне оправдан, так как особенностью любого закона является его стабильность и статичность, в отличие, к примеру, от документов стратегического планирования, которые могут наиболее гибко и политически ответственно определять категориальный аппарат, делая его инструментом государственного управления, а не застывшей догмой. Таким образом, документы стратегического планирования предназначены в большей степени для фиксации ценностей, интересов и приоритетов, в том числе в сфере обеспечения национальной безопасности. Определение того, что такое «угроза национальной безопасности» или «угроза общественной безопасности», – это

⁴ Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Документ утратил силу.)

⁵ См.: *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

как раз вопрос очерчивания в определенном историческом периоде национальных приоритетов, а не административной процедуры.

Несмотря на отсутствие прямой дефиниции понятия «угроза безопасности» ФЗ «О безопасности» позволяет реконструировать понимание угрозы через анализ ст. 3, устанавливающей содержание деятельности по обеспечению безопасности. Согласно п. 1 ст. 3 ФЗ «О безопасности» указанная деятельность включает «прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности».

Из данной нормы можно вывести следующие характеристики *угрозы как правовой категории*:

1) *объективность*: угроза существует объективно и подлежит выявлению (п. 1 ст. 3 ФЗ «О безопасности» – выявление);

2) *познаваемость*: угроза может быть проанализирована и оценена (п. 1 ст. 3 ФЗ «О безопасности» – анализ и оценка);

3) *прогнозируемость*: возможное предвидение возникновения и (или) развития угроз (п. 1 ст. 3 ФЗ «О безопасности» – прогнозирование);

4) *управляемость*: возможность воздействия на угрозу мерами реагирования (п. 4 ст. 3 ФЗ «О безопасности» – меры по устранению).

В этих характеристиках просматриваются признаки таких понятий, как «опасность», «вызов» и «риск», текстуальное выражение которых отсутствует в нормах действующего Федерального закона.

Проследим данную логическую взаимосвязь более подробно. Характеристика «*объективность*» и предписанная законом обязанность по выявлению угроз указывают на то, что законодатель рассматривает угрозу не как иллюзию, а как проявление реально существующих деструктивных сил. Это коррелирует с пониманием опасности в качестве объективно существующего явления. Сама возможность выявления предполагает, что угроза

трансформировалась из абстрактной опасности в нечто фиксируемое.

Познаваемость (анализ и оценка) – это первый шаг к превращению неопределенного сигнала в конкретную проблему. Анализ угрозы – это процесс распознавания вызова, скрытого в ней. Требования ФЗ «О безопасности» анализировать такие неявные угрозы содержит в себе признание того, что они несут в себе *вызовы* для системы безопасности, которые необходимо расшифровать и понять. Невозможно прогнозировать угрозу, не используя понятие риска. *Прогнозирование* развития угрозы – это, по сути, *оценка риска*: с какой вероятностью угроза реализуется, каковы динамика этой вероятности и возможный масштаб последствий. Характеристика «прогнозируемость» напрямую переводит рассмотрение угрозы в плоскость управления рисками.

Таким образом, отсутствие в тексте ФЗ «О безопасности» прямых указаний на понятия «опасность», «вызов» и «риск» не означает, что эти категории игнорируются правовым регулированием. Законодатель, описывая процедуры работы с угрозой (выявление, анализ, прогноз, устранение), имплицитно заложил в них все ключевые элементы этих смежных понятий. Все обозначенные характеристики угрозы (объективность, познаваемость, прогнозируемость, управляемость) образуют логический мост, соединяющий единую правовую категорию «угроза» с доктринальными категориями «опасность», «вызов» и «риск», подтверждая их неразрывную связь в механизме правового регулирования безопасности.

III. КАТЕГОРИЯ «УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

Стратегия-2021 представляет собой базовый документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной

безопасности, что следует из ст. 2 Стратегии. По справедливому замечанию профессора Д. А. Афиногенова и В. П. Назарова, такая формулировка указывает на особое положение данного документа в архитектуре документов стратегического планирования и определяет его место в центре стратегического целеполагания [9, с. 35]. Другими словами, данный документ имеет высшую юридическую силу в системе документов, определяющих политику в сфере национальной безопасности и отдельных стратегических национальных приоритетов ее обеспечения. Именно Стратегия-2021, как было отмечено ранее, является тем документом стратегического планирования, который должен способствовать выстраиванию строгой унифицированной системы правовых категорий в сфере обеспечения национальной безопасности и на который должны ориентироваться все иные документы, действующие в данной сфере.

В отличие от ФЗ «О безопасности», где используется обобщенная формулировка понятия «угроза безопасности» (без привязки к конкретному перечню), Стратегия-2021 конкретизирует положение закона применительно к текущему историческому этапу и вводит в перечень основных понятий, используемых в документе, категорию «угроза национальной безопасности», привязывая ее к конкретному объекту защиты – национальным интересам Российской Федерации.

Для целей настоящего исследования принципиальное значение имеет анализ того, как в Стратегии-2021 употребляются ключевые категории «угроза», «опасность», «вызов» и «риск», а также каково их соотношение между собой. Это позволяет выявить сложившийся в официальном дискурсе подход к понятийному аппарату и определить направления его институционального синтеза. В пункте 5 Стратегии-2021 воспроизводится определение угрозы национальной безопасно-

сти, которое впервые было сформулировано еще в Законе РФ – 1992, с небольшой корректировкой в части объекта причинения ущерба. В Законе РФ – 1992 в качестве объекта причинения ущерба были обозначены *жизненно важные интересы личности, общества и государства* (ст. 3), а в действующей Стратегии-2021 в качестве объекта названы *национальные интересы Российской Федерации*. Стратегия-2021 демонстрирует институциональную преемственность в определении угрозы, сохраняя формулировку, восходящую к Закону РФ – 1992. Это свидетельствует о консервативности понятийного аппарата в документах стратегического планирования, несмотря на значительное развитие доктринальных представлений о природе угрозы национальной безопасности.

Термин «угроза» в тексте Стратегии-2021 упоминается 26 раз и используется в нескольких ключевых значениях:

1) как системообразующая правовая категория, закрепленная в качестве основы (п. 5 Стратегии-2021), используемая в качестве содержательного ориентира для всех документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности и ее отдельных национальных приоритетов. Под *угрозой национальной безопасности* понимается совокупность условий и факторов (как явных, так и латентных), создающих потенциальную возможность причинения ущерба охраняемым законом интересам, ценностям или субъектам правоотношений;

2) как родовое понятие для обозначения дестабилизирующих факторов. Так, в п. 84 Стратегии-2021 делается акцент на том, что с достижением высокого уровня социально-экономического и технологического развития человечество столкнулось с *угрозой утраты* традиционных ценностей и ориентиров;

3) в соответствии с определенными в Стратегии-2021 национальными

приоритетами угрозы подразделяются на конкретные виды – изменение характера современных войн, терроризм, экстремизм, коррупция, разведывательная деятельность специальных служб иностранных государств, кибератаки, высокий уровень инфляции и др.

Понятие «*опасность*» и его производные встречаются в Стратегии-2021 девять раз (пп. 12, 17, 79, 83 (подп. 12 и 14), 101 (несколько раз в подп. 28)). Например, п. 12 Стратегии-2021 изложен следующим образом: «...Последовательная реализация военной политики обеспечивает защищенность Российской Федерации от *военных опасностей и военных угроз*» (курсив наш. – Ю. А., О. К., И. Я.). В свою очередь, использование парной связки «*опасности и угрозы*» в тексте Стратегии-2021 указывает на то, что это близкие, но не тождественные понятия. Исходя из контекста, понятие «опасность» используется как более широкая категория (например, «военные опасности» в п. 12 Стратегии-2021), а также для описания фоновых состояний или природных явлений (опасные природные явления, опасные инфекционные заболевания в пп. 78, 83, 101 Стратегии-2021), которые могут перерасти в конкретные угрозы. Опасность существует как потенциальная возможность причинения вреда. Когда эта возможность конкретизируется, приобретает адресный характер и создает условия для нанесения ущерба национальным интересам, она квалифицируется как угроза. Из этого следует, что опасность – это более широкая сфера (потенциальная возможность), а угроза – более конкретное и актуальное состояние. Необходимо отметить, что Военная доктрина Российской Федерации является фактически единственным документом, в котором поня-

тия «военная опасность» (подп. «б» п. 8) и «военная угроза» (подп. «в» п. 8) определены в качестве самостоятельных легальных терминов⁶. Анализ данных понятий в Военной доктрине РФ позволяет прийти к выводу о том, что военная опасность отражает потенциальную возможность возникновения угрозы под воздействием различных факторов, тогда как военная угроза означает уже реально существующую и высокую готовность к применению военной силы. В то же время в п. 15 Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания приведен перечень потенциальных военных опасностей, которые, в зависимости от изменения военно-политической и стратегической обстановки, могут перерасти в военные угрозы (крупномасштабные военные учения противника вблизи границ, создание новых или расширение существующих военных блоков, приводящих к приближению их военной инфраструктуры к государственным границам, и т. д.)⁷.

Аналогичное понимание сущности термина «опасность» и установление взаимосвязи с категорией «угроза» мы наблюдаем и на доктринальном уровне. Так, по мнению профессора И. Б. Кардашовой, *опасность* содержит только намерение причинения ущерба национальным интересам, а угроза выступает в качестве высшей степени опасности [10; 11]. Схожая позиция изложена исследователем Д. В. Ирошниковым, который отмечает, что опасность существует всегда, при этом, не имея адресного характера, обладает свойством потенциальной угрозы нескольким объектам одновременно, выступая своеобразным триггером этой угрозы [5, с. 101]. Таким образом, *опасность* представляет собой потенциальную,

⁶ См.: Военная доктрина Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации от 25 дек. 2014 г. № Пр-2976. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания : Указ Президента Рос. Федерации от 19 нояб. 2024 г. № 991. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

но еще не обязательно реализованную возможность причинения ущерба, не имеющую адресного характера.

Термин «вызов» употребляется лишь в трех пунктах Стратегии-2021 (пп. 23, 33, 67) в контексте определенных негативных тенденций. Он употребляется как явление, предшествующее угрозе, что следует из формулировки, используемой в указанных пунктах Стратегии-2021, – «вызовы и угрозы». Например, согласно п. 23 Стратегии-2021, «Формирование новой архитектуры, правил и принципов мироустройства сопровождается для Российской Федерации появлением не только *новых вызовов и угроз*, но и дополнительных возможностей» (курсив наш. – Ю. А., О. К., И. Я.). Идентичная конструкция «вызовы и угрозы» используется и в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года⁸ (пп. 2, 3, подп. 7 п. 7, пп. 9, 11 и т. д.). Иной подход прослеживается в тексте Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации⁹ (далее – Стратегия НТР), где используется достаточно новый термин для стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности – «большие вызовы». Последнее понятие трактуется в Стратегии НТР как «объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения объема используемых ресурсов». В таком текстуальном выражении большие вызовы трактуются через понятие угрозы, и фактически оба этих термина используются в качестве взаимозаменяемых категорий, что, на наш взгляд, является неверным.

В то же время в Стратегии НТР четко обозначена иная важная характеристика больших вызовов – «*объективно требующая реакции со стороны государства*». Другими словами, категория «вызов» выполняет ту самую важную сигнальную функцию, реализация которой позволяет предвидеть угрозы и использовать время для принятия профилактических мер (мер реагирования) в целях недопущения их трансформации в угрозы.

На доктринальном уровне исследователи в большинстве своем единодушны в ключевых характеристиках категории «вызов», которая трактуется как совокупность обстоятельств, порождающих новые проблемы и требующих реакции, анализа и осмысления [12; 13]. Обращается внимание и на взаимосвязь вызовов и угроз в системе национальной безопасности. Так, по справедливому замечанию И. А. Сушковой, вызов представляет собой начальную стадию формирования угрозы и требует своевременной реакции на определенные явления и процессы для обеспечения безопасности, предотвращения угроз [14, с. 12]. Таким образом, *вызовы* – это новые обстоятельства или тенденции, которые при определенных условиях могут перерасти в угрозы, а также создают условия для их возникновения.

Термин «*риск*» используется в Стратегии-2021 в тесной взаимосвязи с категорией «угроза», выступает в качестве критерия, позволяющего определить момент, когда потенциальная опасность перерастает в конкретную угрозу, требующую реагирования. Без категории риска невозможно обосновать, почему то или иное явление начинает рассматриваться как угроза. В Стратегии-2021 риск понимается как мера возможности (вероятность) реализации угрозы, а также как фактор,

⁸ См.: О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 28 февр. 2024 г. № 145. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

требующий учета при планировании. Риски тесно связаны с процессом мониторинга и принятием управленческих решений в целях предотвращения угроз. Так, в подп. 8 п. 33 Стратегии-2021 среди задач, требующих решения в сфере сбережения народа России, обозначена задача развития системы *мониторинга биологических рисков* для предупреждения биологических угроз и реагирования на них. Основоположник социологического конструктивизма в теории риска Н. Луман отмечал, что риск, в отличие от опасности, возникает, когда ущерб рассматривается как следствие собственного решения. Если бы решение было принято иначе, ущерба можно было бы избежать [3]. По верному замечанию Д. В. Ирошникова, в риске объединяются «степень вероятности ущерба» и «поведение (деятельность)» [5, с. 102], что соотносится с положениями Стратегии-2021. Другими словами, без поведенческого решения конкретного субъекта (субъектов) риск причинения ущерба отсутствует. Риск как правовая категория имеет двойственную природу: с одной стороны, это объективно существующая вероятность наступления неблагоприятных последствий, с другой – субъективная оценка такой вероятности, влияющая на принятие решений. Именно эта двойственность позволяет рассматривать риск как связующее звено между объективно существующей опасностью и субъективно воспринимаемой угрозой [15]. Следовательно, *риск* – это поведенческий фактор (действие или бездействие субъекта), выступающий условием, повышающим степень вероятности трансформации потенциальной опасности в актуальную угрозу с целью причинения ущерба национальным интересам.

Таким образом, термины «угроза», «вызов», «опасность» и «риск» используются в тексте Стратегии-2021 неоднократно и в различных контекстах, однако

определение этих понятий, за исключением понятия «угроза», не дается, что затрудняет их четкое разграничение, а также установление взаимосвязи между ними в части возникновения и трансформации в новые состояния.

IV. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ПОНЯТИЙ «ВЫЗОВ», «ОПАСНОСТЬ», «РИСК» В КОНТЕКСТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (далее – КОБ), утвержденная Президентом РФ 14 ноября 2013 г., представляла собой специализированный документ стратегического планирования, конкретизирующий положения действовавшей на тот момент Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года¹⁰. Ее ключевая особенность заключалась в выделении общественной безопасности в относительно самостоятельный сегмент национальной безопасности.

Отсутствие пролонгации КОБ создает нормативный вакуум, в том числе в части категориального аппарата. По верному замечанию профессора С. И. Гирько, в КОБ были впервые закреплены легальные определения понятий, обсуждаемые на доктринальном уровне, – «общественная безопасность», «угроза общественной безопасности» и др. Ни одно из закреплённых в КОБ легальных определений в настоящее время не воспроизведено ни в Стратегии-2021, ни в иных документах стратегического планирования [16, с. 36].

При этом складывается парадоксальная ситуация, при которой большая часть научного сообщества продолжает ориентироваться на положения де-факто утратившей силу КОБ, так как она представляла собой систему научно обоснованных

¹⁰ См.: *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года* : Указ Президента Рос. Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Документ утратил силу.)

взглядов на обеспечение общественной безопасности, в значительной мере сохраняющих актуальность и сегодня. Таким образом, с принятием Стратегии-2021 произошла определенная унификация понятийного аппарата: центральная категория «общественная безопасность» была интегрирована в общую систему национальной безопасности, что привело к утрате КОБ самостоятельного значения. В таких условиях актуализируется вопрос об институализации общественной безопасности посредством придания ей правовой и нормативной форм [16, с. 34]. В научном сообществе справедливо поднимается вопрос о необходимости разработки законодательного акта¹¹, закрепляющего основные правовые положения общественной безопасности как правового института и регулирующего основные государственные подходы [17]. В то же время, на наш взгляд, наряду с таким законодательным актом должен быть разработан и принят новый документ стратегического планирования в сфере обеспечения общественной безопасности¹².

Однако внедрение новой модели невозможно без критического осмысления понятийного аппарата предшествующих документов. Как показал анализ де-факто утратившей силу КОБ, понятия «угроза общественной безопасности», «вызовы», «опасности» и «риски» использовались с разной степенью интенсивности, что отражает определенную иерархию между ними и логику взаимодополняемости.

В соответствии с подп. «а» п. 6 КОБ «угроза общественной безопасности» определялась как «прямая или косвенная возможность нанесения ущерба правам

и свободам человека и гражданина, материальным и духовным ценностям общества». Обращает на себя внимание тот факт, что данная дефиниция практически дословно воспроизводила общее определение угрозы национальной безопасности, существовавшее в тот период, но с важным уточнением объекта посягательства: объектами выступали не абстрактные «национальные интересы государства», а конкретные ценности общества и права личности. Угроза общественной безопасности выступает в качестве интегральной категории, обозначающей момент, когда опасность, вызов и риск уже идентифицированы. В КОБ большое внимание было уделено перечислению основных источников угроз общественной безопасности: неблагоприятная криминогенная обстановка (п. 8), угроза терроризма (п. 9), экстремистская деятельность (п. 11), незаконная миграция (п. 17) и др.

Термин «вызов» в тексте КОБ напрямую не используется. В отличие от Стратегии-2021, где категория «вызов» является отдельной (обычно предшествующей угрозе), КОБ использует иные понятия, схожие по своей природе с вызовами: «факторы» (п. 15), «тенденции» (п. 17) и «причины и условия» (пп. 17, 28).

Термин «опасность» используется в КОБ для описания объективных свойств объектов, явлений или состояний, которые сами по себе еще не являются актом посягательства, но уже создают негативный фон, например, «потенциально опасные объекты инфраструктуры» (подп. «а» п. 5), «опасные производственные объекты» (п. 19), «опасные природные явления» (п. 24). Таким образом, опасность

¹¹ Обсуждается вопрос о разработке проекта Федерального закона «Об обеспечении общественной безопасности».

¹² См., напр.: Колоткина О. А. Значение унификации понятийно-категориального аппарата национальной безопасности в контексте уточнения содержания категории «общественная безопасность» // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13, № 3 (51). С. 49–58. DOI: <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-3-6>; Ягофарова И. Д. Уточнение понятийно-категориального аппарата национально-государственной идентичности в контексте исследования вопросов обеспечения общественной безопасности // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13, № 3 (51). С. 82–92. DOI: <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-3-9>

первична по отношению к угрозе, так как она создает предпосылки для угрозы.

Понятие «*риск*» используется в КОБ преимущественно в двух контекстах, связывая вероятность и последствия:

– *количественная мера угрозы*: в п. 21 говорится о «снижении основных показателей риска пожаров», в п. 18 – о «повышении риска возникновения чрезвычайных ситуаций», в п. 22 – о «серьезных рисках наводнений». В данном случае риск – это математическое или статистическое выражение вероятности того, что угроза/опасность реализуется с определенными последствиями;

– *объект управления*: КОБ прямо указывает на необходимость управления рисками, например, «совершенствование профилактических мер по снижению риска террористических актов» (подп. «ж» п. 26), «существуют серьезные риски причинения вреда» (п. 20). Таким образом, риск выступает в качестве связующего звена между констатацией угрозы и принятием решения. Если угроза выражает возможность ущерба, то риск уточняет конкретные вероятность и последствия. Это позволяет перейти от политических деклараций к практическим действиям сил обеспечения безопасности (МЧС России, МВД России), которые рассчитывают свои ресурсы исходя из степени риска.

Анализ положений фактически утратившей силу КОБ позволил проследить следующую причинно-следственную иерархию: опасности (объективные свойства) и негативные социальные факторы (аналог вызовов) порождают риски (вероятностные параметры), которые, если их не устранить, трансформируются в конкретные угрозы, требующие реагирования сил обеспечения общественной безопасности. При этом понятие «*риск*» выполняет ключевую инструментальную функцию, связывая статичное описание угроз с динамичным процессом управления ими (снижения, минимизации, предотвращения).

Для нового документа стратегического планирования в сфере общественной безопасности предлагается внедрение четырехзвенной модели, основанной на стадийном развитии деструктивных процессов: «*вызов – опасность – риск – угроза*». Рассмотрим данную модель на конкретном сквозном примере с определением понятия для каждой из рассматриваемых стадий.

Этап 1. Вызов – совокупность факторов и тенденций, возникающих как следствие объективных процессов (техногенных, социальных, природных), которые потенциально способны инициировать дестабилизацию общественного порядка. *Пример 1: в зарубежных средствах массовой информации фиксируются сообщения о новой тактике действий террористических групп, ориентированной на использование малой авиации (беспилотных летательных аппаратов) для атак на объекты транспортной инфраструктуры. Прямых данных о подготовке подобных актов на территории Российской Федерации не имеется.*

Мероприятия этапа 1: фиксация вызова позволяет начать *мониторинг и прогнозирование*.

Этап 2. Опасность – объективно существующая, но не фатальная возможность негативного воздействия на общественную безопасность, исходящая от идентифицированного источника, при которой параметры воздействия не превышают пороговых значений. *Пример 2: сотрудниками Федеральной службы безопасности Российской Федерации выявлен факт незаконного ввоза на территорию региона нескольких промышленных дронов, способных нести полезную нагрузку. Получатель установлен, однако его связи с террористическими организациями документально не подтверждены. Закупка квалифицируется как нарушение таможенных правил.*

Мероприятия этапа 2: переход от наблюдения к планированию превентивных мер.

Этап 3. Риск – мера возможной опасности, характеризующаяся количественными и качественными параметрами (вероятность наступления и тяжесть последствий). Риск является управляемой стадией, на которой возможно применение механизмов минимизации. *Пример 3: аналитическим подразделением Национального антитеррористического комитета произведена оценка вероятности применения данных дронов для атаки на железнодорожный вокзал областного центра (исходя из траектории перемещения подозреваемых и наличия у них навыков пилотирования). Рассчитаны возможные потери и материальный ущерб.*

Мероприятия этапа 3: основание для расчета сил и средств, планирования бюджетных ассигнований.

Этап 4. Угроза – непосредственная и реальная возможность нанесения ущерба общественной безопасности, требующая принятия немедленных мер по нейтрализации. *Пример 4: получена оперативная информация о выдвигении группы лиц в район железнодорожного вокзала с заряженным дроном. Зафиксирована попытка подъема дрона в воздух в непосредственной близости от путей прибытия пассажирских поездов.*

Мероприятия этапа 4: юридический факт для введения специальных режимов (чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции, особых условий службы).

Учитывая вышесказанное, в целях совершенствования понятийно-категориального аппарата общественной безопасности авторы считают целесообразным при разработке документа стратегического планирования в сфере обеспечения общественной безопасности включить в раздел «Основные понятия» следующие дефиниции, подчеркнув их взаимосвязь:

– *вызов общественной безопасности* – совокупность объективных или прогнозируемых обстоятельств, процессов и явлений, возникающих в социальной,

техногенной или природной сферах, способных при определенных условиях привести к возникновению опасностей, рисков и угроз общественной безопасности;

– *опасность в сфере общественной безопасности* – состояние, характеризующееся наличием идентифицированных источников деструктивного воздействия, при котором параметры такого воздействия не превышают пороговых значений, но создают условия для дестабилизации обстановки;

– *риск в сфере общественной безопасности* – количественно-качественная мера возможной реализации опасности, включающая вероятность наступления события и тяжесть его последствий, управляемая посредством применения превентивных правовых, организационных и материально-технических мер;

– *угроза общественной безопасности* – совокупность условий и факторов, создающих непосредственную и реальную опасность причинения вреда жизни, здоровью, имуществу граждан, общественному порядку и общественной безопасности, требующая применения экстраординарных мер реагирования, включая введение специальных правовых режимов.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в настоящей статье исследование категории «угроза общественной безопасности» сквозь призму ее взаимосвязи с понятиями «вызов», «опасность» и «риск» позволяет сформулировать ряд теоретико-правовых выводов, имеющих значение как для развития доктрины, так и для совершенствования законодательства в сфере стратегического планирования.

Институциональный синтез понятий «вызов – опасность – риск – угроза» позволяет преодолеть фрагментарность действующего законодательства, которое, как было показано в ходе анализа ФЗ «О безопасности» и Стратегии-2021, использует данные категории бессистемно либо имплицитно, не раскрывая

их соотношения. Предлагаемая авторами модель этапов формирования угрозы общественной безопасности предполагает не просто механическое объединение рассмотренных смежных терминов, а их органичное встраивание в единую теоретико-правовую конструкцию, где каждое понятие занимает строго определенное место в логике эскалации деструктивного процесса и выполняет специфическую правовую функцию.

По нашему мнению, включение данной стадийной модели в новый документ стратегического планирования в сфере обеспечения общественной безопасности обеспечит:

1) преемственность с утратившей силу Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации 2013 г., но на более высоком теоретическом уровне. Как показал анализ КОБ, в ней уже прослеживалась определенная иерархия рассматриваемых явлений. Предлагаемая модель не отвергает этот опыт, а развивает его, раскрывая логику, неявно существовавшую в КОБ, и восполняя пробелы (например, в отношении категории «вызов», которая в КОБ напрямую не использовалась, замещаясь понятиями «факторы» и «тенденции»). Это позволяет сохранить накопленный научный потенциал, придав ему более стройную и завершенную форму;

2) правовую определенность для правоприменителя (МВД России, ФСБ России, МЧС России) при выборе мер реагирования. Четкое нормативное закрепление стадий развития деструктивных процессов устраняет существующую в настоящее время неопределенность, когда один и тот же термин «угроза» может использоваться для описания явлений различной интенсивности. Это позволит исключить как запоздалое реагирование, так и неоправданное применение чрезмерных мер на ранних этапах;

3) эффективность планирования бюджетных и административных ресурсов

на ранних стадиях развития деструктивных процессов (на этапах вызова и опасности), а не только в момент наступления реальной угрозы. Современная практика, как было показано в ходе анализа, зачастую ориентирована на реагирование по факту возникновения угрозы, что требует экстренного привлечения значительных ресурсов и создает риск причинения невосполнимого ущерба. Стадийная модель позволяет сместить акцент на предупреждение. Юридическая фиксация стадий вызова и опасности создает основания для планового (а не экстренного) выделения бюджетных средств на мониторинг, прогнозирование и профилактические мероприятия. Это соответствует закрепленному в п. 4 ст. 2 ФЗ «О безопасности» принципу приоритета предупредительных мер и позволяет более рационально распределять административные и финансовые ресурсы, предотвращая развитие деструктивных процессов до стадии, требующей экстренного вмешательства, сопряженного со значительными затратами.

Таким образом, предлагаемый институциональный синтез понятий «вызов – опасность – риск – угроза» представляет собой не просто теоретическую конструкцию, а практически значимый инструмент совершенствования правового регулирования в сфере общественной безопасности. Его реализация в новом документе стратегического планирования позволит создать целостную, непротиворечивую и функциональную систему категорий, отвечающую как потребностям правоприменительной практики, так и стандартам защиты прав и свобод человека и гражданина. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку методик количественной оценки параметров перехода от одной стадии к другой и на определение конкретных правовых механизмов реализации каждой из выделенных правовых функций.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича, вступ. ст. Т. А. Дмитриева. М. : Праксис, 2011. 343 с.
3. Луман Н. Понятие риска / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 135–160.
4. Возжеников А. В., Герман И. Н. Национальная безопасность России: вызовы, опасности и угрозы: вопросы теории и практики. М. : Дело, 2015. 206 с.
5. Ирошников Д. В. Соотношение понятий «опасность», «угроза», «вызов» и «риск» в правовой доктрине, действующем законодательстве и документах стратегического планирования // Транспортное право и безопасность. 2017. № 12 (24). С. 96–103.
6. Кравчук А. А. Категории «вызов», «опасность», «угроза» в теории национальной безопасности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22, № 11. С. 65–74.
7. Гирько С. И. Общественная безопасность Российской Федерации: состояние и дальнейшие шаги развития // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 3–8. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-8-3-8>
8. Шеншин В. М. О теоретических подходах к проблеме обеспечения безопасности России // Теория государства и права. 2025. № 4 (46). С. 261–271. DOI: https://doi.org/10.47905/MATGIP_2025_4_46_261
9. Назаров В. П., Афиногенов Д. А. Стратегическое планирование в России: новый этап развития // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 32–46. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.04>
10. Кардашова И. Б. Тенденции правового регулирования в сфере национальной безопасности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1 (81). С. 51–59.
11. Кардашова И. Б. Векторы развития законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11 (99). С. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.99.11.041-049>
12. Шехова Н. В., Портунова А. М. Моделирование системы категорий «вызов», «опасность», «угроза», «ущерб», «риск» на основе сопоставления и анализа их экономического содержания // Теоретическая экономика. 2023. № 7 (103). С. 86–97.
13. Феоничев А. Б., Мелешин К. Ю. Теоретико-методологические особенности анализа базовых понятий современной теории национальной безопасности // Управленческое консультирование. 2021. № 1 (145). С. 32–42. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-1-32-42>
14. Сушкова И. А. Соотношение и взаимосвязь понятий «вызов», «опасность», «угроза», «риск» // Экономическая безопасность и качество. 2018. № 4 (33). С. 10–15.
15. Тихомиров Ю. А. Риск в праве: природа и причины // Право и современные государства. 2016. № 6. С. 9–19.
16. Гирько С. И. Реальные шаги к институализации общественной безопасности Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2025. № 1 (69). С. 33–39.
17. Гирько С. И., Долгополов А. А. Актуальные вопросы национальной безопасности Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. 2025. № 2 (54). С. 74–84.

References

1. Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2000. 383 p. (In Russ.)
2. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praksis Publ.; 2011. 343 p. (In Russ.)
3. Luhmann N. *Der Begriff Risiko. Thesis*. 1994;5:135-160. (In Russ.)
4. Vozzhenikov A. V., German I. N. *Russia's National Security: Challenges, Dangers and Threats: Issues of Theory and Practice*. Moscow: Delo Publ.; 2015. 206 p. (In Russ.)
5. Iroshnikov D. V. The Relationship Between the Concepts “Danger”, “Threat”, “Challenge” and “Risk” in Legal Doctrine, Legislation and Strategic Planning Documents. *Transportation Law and Security*. 2017;12:96-103. (In Russ.)
6. Kravchuk A. A. Categories “Challenge”, “Danger”, “Threat” in the National Security Theory. *Transbaikals State University Journal*. 2016;22(11):65-74. (In Russ.)
7. Girko S. I. Public Security in the Russian Federation: the Status and Further Development Steps. *Administrative Law and Procedure*. 2023;8:3-8. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-8-3-8> (In Russ.)
8. Shenshin V. M. On Theoretical Approaches to the Problem of Ensuring Russia's Security. *Theory of State and Law*. 2025;4:261-271. DOI: https://doi.org/10.47905/MATGIP_2025_4_46_261 (In Russ.)
9. Nazarov V. P., Afinogenov D. A. Strategic Planning in Russia: a New Stage of Development. *Polis. Political Studies*. 2022;4:32-46. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.04> (In Russ.)
10. Kardashova I. B. Trends in Legal Regulation in the Field of National Security. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2021;1:51-59. (In Russ.)
11. Kardashova I. B. Vectors of Development of Legislation in the Field of National Security. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;11:41-49. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.99.11.041-049> (In Russ.)

12. Shekhova N. V., Portunova A. M. Modeling of System for Categories “Challenge”, “Danger”, “Threat”, “Damage”, “Risk” Based On Comparison and Analysis of Their Economic Content. *Theoretical Economics*. 2023;7:86-97. (In Russ.)
13. Feonichev A. B., Meleshin K. Yu. Theoretical and Methodological Features of the Analysis of the Basic Concepts of the Modern Theory of National Security. *Administrative Consulting*. 2021;1:32-42. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-1-32-42> (In Russ.)
14. Sushkova I. A. Correlation of the Concepts “Challenge”, “Danger”, “Threat”, “Risk”. *Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo*. 2018;4:10-15. (In Russ.)
15. Tikhomirov Yu. A. Risk in Law: Nature and Causes. *Law and Modern States*. 2016;6:9-19. (In Russ.)
16. Girko S. I. Real Steps Towards Institutionalizing Public Security in the Russian Federation. *Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior*. 2025;1:33-39. (In Russ.)
17. Girko S. I., Dolgoplov A. A. Current Issues of National Security of the Russian Federation. *Transportation Law and Security*. 2025;2:74-84. (In Russ.)

ВКЛАД АВТОРОВ

Ю. В. Анохин – концептуализация (постановка проблемы, разработка концепции статьи, эволюция общих исследовательских целей).

О. А. Колоткина – проведение исследования (вторая и третья части); администрирование хода выполнения научной статьи.

И. Д. Ягофарова – проведение исследования (четвертая часть); описание результатов; оформление выводов исследования.

CONTRIBUTIONS OF THE AUTHORS

Yu. V. Anokhin – conceptualization (problem formulation, development of the article’s concept, and formulation of the general research objectives).

O. A. Kolotkina – research (parts two and three); administration of the preparation of the scholarly article.

I. D. Yagofarova – research (part four); presentation of the results; formulation of the study’s conclusions.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юрий Васильевич Анохин, профессор кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5051-2053>; e-mail: anohin1963@rambler.ru

Оксана Анатольевна Колоткина, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования Уральского государственного экономического университета (ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45, Екатеринбург, 620144, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2587-5378>; e-mail: okskolotkina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Yuri V. Anokhin, Professor of the Department of Constitutional and International Law at the Altai State University (68 Lenin ave., Barnaul, 656049, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5051-2053>; e-mail: anohin1963@rambler.ru

Oksana A. Kolotkina, Associate Professor of the Department of Competition Law and Antimonopoly Regulation at the Ural State University of Economics (62/45 8 Marta/Narodnoy Voli str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2587-5378>; e-mail: okskolotkina@yandex.ru

Инара Дамировна Ягофарова, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования Уральского государственного экономического университета (ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45, Екатеринбург, 620144, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8508-7920>; e-mail: vaina3@yandex.ru

Inara D. Yagofarova, Associate Professor of the Department of Competition Law and Antimonopoly Regulation at the Ural State University of Economics (8 Marta/Narodnoy Voli str., 62/45, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8508-7920>; e-mail: oks-kolotkina@yandex.ru

Поступила | Received
25.02.2026

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
04.04.2026

Принята к публикации | Accepted
04.04.2026

УДК 342.401(519.3)
 DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-221-233
 EDN: AVL DSP

Оригинальная научная статья

Конституционное развитие Корейской Народно-Демократической Республики сквозь призму конституционных изменений

О. О. Базина

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

✉ maksimova_o@mail.ru

Ким Ен Ун

ИКСА РАН, Москва, Российская Федерация

✉ kim@iccaras.ru

Аннотация. Исследование основных проблем конституционного развития Корейской Народно-Демократической Республики представляет собой важную задачу, имеющую как теоретическую, так и практическую значимость. Современная правовая система Корейской Народно-Демократической Республики, ее Конституция и законы формируются под влиянием специфических политических и исторических факторов, включая наследие обычного права, конфуцианских норм, социалистической идеологии, идей чучхе и уникальные условия, в которых функционирует данное государство. Развитие конституционного права Корейской Народно-Демократической Республики прошло через несколько ключевых этапов с момента принятия первой Конституции в 1948 г. Каждая новая редакция Конституции отражала изменяющиеся социально-экономические, культурные, политические реалии и идеологические установки руководства страны, включая принятие Конституции 1972 г. и ее последующие корректировки. В контексте международных отношений изучение данной тематики является особенно актуальным для стран, стремящихся наладить контакты с Корейской Народно-Демократической Республикой. Правовая база и механизмы правового регулирования, выработанные в условиях уникального социально-экономического и политического развития, должны учитываться в процессе дипломатических переговоров и экономического сотрудничества. Исследование конституционного развития Корейской Народно-Демократической Республики не только обогащает наше понимание специфики данного государства, но и способствует формированию более взвешенного подхода к взаимодействию с ним на международной арене. Понимание правовых основ, на которых строится государственность Корейской Народно-Демократической Республики, позволяет выявить потенциал для дальнейшего сближения и сотрудничества, что, несомненно, обуславливает необходимость глубокого и внимательного анализа. Исследование конституционной риторики дает ключ к пониманию идеологических сдвигов, таких как переход от идеологии чучхе и сонгун к идеям кимирсенизма-кимчениризма. Не менее значимым представляется вопрос о том, как конституционные нормы адаптируются к вызовам глобализации и международного давления. Проведенный анализ позволяет критически оценить тезис о декларативности Основного закона и выявить его реальные функции в легитимации режима. Рассмотрение указанных аспектов необходимо для формирования целостной картины политико-правовой системы Корейской Народно-Демократической Республики, выходящей за рамки поверхностных трактовок.

Ключевые слова: конституционное право; идеи чучхе; социалистическая идеология; конфуцианство; КНДР

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Базина О. О., Ким Ен Ун. Конституционное развитие Корейской Народно-Демократической Республики сквозь призму конституционных изменений // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 221–233. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-221-233>. EDN: <https://elibrary.ru/avldsp>

Original scientific article

The Constitutional Development of the Democratic People's Republic of Korea through the Prism of Constitutional Amendments

O. O. Bazina

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ maksimova_o@mail.ru

Kim E. U.

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ kim@iccaras.ru

Abstract. The study of the principal issues of the constitutional development of the Democratic People's Republic of Korea is an important task of both theoretical and practical significance. The modern legal system of the DPRK, including its Constitution and legislation, has been shaped by specific political and historical factors, including the legacy of customary law, Confucian norms, socialist ideology, Juche ideas, and the unique conditions in which this state functions. The development of constitutional law in the DPRK has passed through several key stages since the adoption of its first Constitution in 1948. Each new version of the Constitution has reflected changing socio-economic, cultural, and political realities, as well as the ideological positions of the country's leadership, including the adoption of the 1972 Constitution and its subsequent amendments. In the context of international relations, the study of this subject is particularly relevant for states seeking to establish contacts with the DPRK. The legal framework and mechanisms of legal regulation developed under the conditions of the DPRK's unique socio-economic and political development must be taken into account in the course of diplomatic negotiations and economic cooperation. The study of the constitutional development of the DPRK not only deepens our understanding of the specific features of this state, but also contributes to the formation of a more balanced approach to engagement with it in the international arena. Understanding the legal foundations on which DPRK statehood is built makes it possible to identify potential avenues for further rapprochement and cooperation, which undoubtedly makes a thorough and careful analysis necessary. The study of constitutional rhetoric provides a key to understanding ideological shifts, such as the transition from Juche and Songun ideology to the ideas of Kimilsungism-Kimjongilism. No less significant is the question of how constitutional norms adapt to the challenges of globalization and international pressure. The analysis conducted makes it possible to critically assess the thesis that the Basic Law is merely declaratory and to identify its actual functions in legitimizing the regime. Consideration of these aspects is necessary for forming a comprehensive picture of the political and legal system of the DPRK, one that goes beyond superficial interpretations.

Keywords: constitutional law; Juche ideas; socialist ideology; Confucianism; DPRK

Conflict of interest. The Authors declare no conflict of interest.

For citation: Bazina O. O., Kim E. U. The Constitutional Development of the Democratic People's Republic of Korea through the Prism of Constitutional Amendments. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):221-233. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-221-233>. EDN: <https://elibrary.ru/avldsp> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	223
II. Конституционное развитие	223
III. Разработка и принятие народно-демократической Конституции 1948 г.	225
IV. Разработка и принятие социалистической Конституции 1972 г.	227
V. Заключение	231
Список литературы	232

I. ВВЕДЕНИЕ

При исследовании северокорейского опыта развития основ конституционного строя необходимо абстрагироваться от сформировавшихся стереотипов о государстве, конституционном строе, порядке формирования органов государственной власти в целом. Исследования конституционного развития Корейской Народно-Демократической Республики (далее – КНДР) практически отсутствуют.

КНДР является близким соседом Российской Федерации, с которым имеется многолетний опыт сотрудничества. При этом становление и развитие КНДР на первоначальном этапе во многом зависело от СССР.

Конституционное развитие КНДР представляет собой сложный и многогранный процесс, который нельзя свести лишь к изучению текстов конституций [1, р. 101–117]. Важно учитывать, что Конституция КНДР не является статичным документом, а отражает изменяющиеся социально-экономические, культурные, политические реалии, идеологические установки и властные отношения. Анализ конституционного развития КНДР требует комплексного подхода, учитывающего не только тексты конституций, но и более широкий контекст политических процессов, идеологических изменений и их влияния на жизнь общества [2, с. 69–110; 3, с. 68–70; 4, с. 109]. Однако в настоящей статье преимущественно исследуется конституционное развитие КНДР.

II. КОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

9 февраля 1946 г. в Пхеньяне был создан Временный народный комитет Северной Кореи. В Комитет состояли представители различных партий и организаций, что подчеркивало мультипартийный подход на начальном этапе [2, с. 119–254]. Однако фактическое влияние и полномочия этого комитета были ограничены, так как он действовал в рамках, установленных советским военным командованием, и не мог противоречить его решениям. В то же вре-

мя необходимо учитывать, что советская военная и гражданская администрации действовали в соответствии с директивой руководства СССР от 21 сентября 1945 г., которая определила, что перед Кореей стоят задачи буржуазно-демократических преобразований, и поэтому запрещала вводить советские порядки. В связи с этим представители СССР поощряли создание народных комитетов, в работе которых принимали участие представители всех классов и слоев общества, за исключением прояпонских коллаборационистов, и в которых люди набирались опыта решения общественных дел и управления местными, а затем и региональными и общегосударственными делами после формирования соответствующего уровня народных комитетов, то есть провинциальных комитетов, затем комитетов пяти провинций, а в начале 1946 г. – Временного народного комитета. На территории северной части Кореи поощрялось создание антиколониальных, буржуазно-демократических, антиимпериалистических партий и общественных организаций. Так были созданы Социал-демократическая партия, Демократическая партия, Народная партия, Новая народная партия, а также партия Чонудан, выражавшая интересы религиозных кругов страны. 10 октября 1946 г. из числа коммунистов, многие из которых состояли ранее в Коммунистической партии Китая (до начала сентября 1946 г. на территории Кореи не было коммунистической партии, во-первых, из-за жесточайших репрессий японских властей, во-вторых, из-за роспуска Коммунистической партии Кореи решением Исполкома Коминтерна в 1928 г.), было создано Оргбюро Коммунистической партии Кореи, которая в свою очередь была организована в начале сентября в Сеуле, в зоне, где капитуляцию японских войск и властей должны были принять американские силы. Партию создали бывшие коммунисты, находившиеся в годы японского колониального правления в тюрьмах

и вышедшие на свободу после освобождения Кореи. Большинство партий и общественных организаций (профсоюзы, молодежные, женские, аграрные, творческие союзы) входили в Единый демократический отечественный фронт, объединявший антиимпериалистические демократические организации. Такой подход объяснялся тем, что изначально СССР не имел намерения оставаться надолго в Корее и был заинтересован в том, чтобы корейцы самостоятельно и успешно управляли своими делами и, разумеется, проводили бы дружественную по отношению к СССР политику.

Временным комитетом были приняты Закон о земельной реформе от 5 марта 1946 г., Закон о равноправии женщин от 30 июля 1946 г.¹

Вышеперечисленные общественные организации и партии создавались явочным порядком, а затем регистрировались советской гражданской администрацией (далее – СГА). В создании законов также принимали участие представители юридического сообщества из числа работников СГА. Все эти мероприятия и законы были положительно восприняты местным населением в первую очередь потому, что отвечали настроениям народа, а также потому, что соответствовали правовой системе Кореи того времени. Нормы обычного права, регулирующие бытовые и семейные отношения, конечно, отличались от советских законов. Но собственно правовая система Кореи, созданная в годы японского колониального правления, была основана на принципах и нормах римского права. Поскольку советская правовая система также в основе своей имела нормы и принципы римского права, то жителям Кореи было легче понять мотивы и содержание законов, принимаемых Временным Народным Комитетом. В дальнейшем правовая система КНДР также в качестве основы использовала

нормы и принципы римского права. Понятно, что уже в Конституции возникшей в сентябре 1948 г. КНДР были новеллы, заимствованные из советского права, к примеру, форма государственной власти в виде парламентской республики, при этом сами парламентарии не были профессиональными законодателями и собирались на сессии парламента 1–2 раза в году, а в остальное время работали по месту своей основной деятельности. Отсюда такой феномен, как представительство в парламенте людей всех профессиональных групп, то есть рабочих, крестьян, служащих, деятелей культуры, представителей вооруженных сил, органов правопорядка [5, с. 123–139]. В связи с этим в КНДР появился такой институт в системе парламента, как президиум парламента – постоянно действующий орган, имеющий право принимать в межсессионный период законы, которые затем утверждаются на сессии парламента. Эта система действовала во всех странах народной демократии и сохраняется в современных социалистических государствах (Китайской Народной Республике, Республике Куба, КНДР, Социалистической Республике Вьетнам, Лаосской Народно-Демократической Республике). В Южной Корее с момента образования парламента его члены являются профессиональными законодателями, то есть осуществляют деятельность на профессиональной постоянной основе в парламенте и получают зарплату, а также имеют штат помощников. Институт депутатской неприкосновенности также был заимствован из советской правовой системы. Советская правовая система оказала влияние и на судебную систему КНДР: судьи различного уровня избираются и отзываются народными советами соответствующего уровня на срок их полномочий, а также присутствует институт народных заседателей, которые также избираются

¹ См.: 조선민주주의인민공화국 법집. 평양, 1961. 제 1권. 23–26 페이지 [Сборник законов КНДР. Пхеньян, 1961. Т. 1. С. 23–26]; Государственное право стран народной демократии: [учеб. для ун-тов и юрид. вузов] / Л. М. Гудошников, В. Ф. Коток, В. А. Туманов, Н. П. Фарберов; под ред. доц. В. Ф. Котока. М.: Госюриздат, 1961. С. 378.

и отзываются народными советами. Советская система изначально предполагала многопартийность (первый состав Совнаркома включал, как известно, не только представителей РСДРП(б), но и партии эсэров). В КНДР до сих пор сохраняется многопартийная система: кроме правящей Трудовой партии Кореи (далее – ТПК) функционируют также две партии, которые, кстати, представлены в парламенте страны.

III. РАЗРАБОТКА И ПРИНЯТИЕ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ Конституции 1948 г.

Процесс формирования государственной власти и политической системы в Северной Корее начался после Второй мировой войны и разделения Кореи на две части. В 1946 году были проведены выборы в представительный орган, который стал основой будущей государственной структуры.

Создание Комитета по установлению временной Конституции Кореи (조선임시헌법제정위원회) в 1947 г. стало важным шагом в разработке правовой основы новой власти. В 1948 году проект временной Конституции был одобрен Народным собранием и направлен на всеобщее обсуждение, что свидетельствовало о стремлении создать легитимную правовую базу для нового государства. II объединенное совещание в июне 1948 г. стало значимым событием, так как оно сплотило политические силы обеих частей полуострова с целью проведения всеобщих выборов. Выборы в высший представительный ор-

ган – Верховное народное собрание (далее – ВНС) – состоялись в августе 1948 г. на севере и юге страны. В связи с тем, что население южной части полуострова почти вдвое превышало численность населения северной части, на юге было избрано 360 депутатов, а на севере – 212. Первая сессия ВНС начала свою работу 8 сентября 1948 г. и приняла Конституцию (조선민주주의인민공화국헌법), в соответствии с которой 9 сентября 1948 г. была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика. Конституция КНДР 1948 г. заложила основы политической системы. На первой сессии ВНС были избраны ключевые органы государственной власти, включая Кабинет министров, Президиум ВНС, Верховный Суд, а также был назначен Генеральный прокурор. Это событие ознаменовало формирование официальной политической структуры и начало нового этапа в истории Северной Кореи.

Конституция КНДР 1948 г., именуемая народно-демократической, действительно вступила в силу 9 сентября и стала важным шагом в формировании новой политической системы. Она сыграла ключевую роль в юридическом закреплении власти трудового народа, представленного избираемыми органами, которые несли ответственность перед народом. Структура Конституции, состоявшей из 10 глав и 104 статей², охватывала различные аспекты государственного устройства, прав и обязанностей граждан, а также механизмы управления³. Этот документ заложил основы для политической и социальной

² Структура Конституции КНДР 1948 г.: глава 1 «Основные принципы» (ст.ст. 1–10); глава 2 «Основные права и обязанности граждан» (ст.ст. 11–31); глава 3 «Высшие органы власти», включавшая раздел I «Верховное Народное Собрание» (ст.ст. 32–46), раздел II «Президиум Верховного Народного Собрания» (ст.ст. 47–51); глава 4 «Государственные центральные исполнительные органы», включавшая раздел I «Кабинет министров» (ст.ст. 52–62), раздел II «Министерства» (ст.ст. 63–67); глава 5 «Местные органы власти» (ст.ст. 68–81); глава 6 «Суд и прокуратура» (ст.ст. 82–94); глава 7 «Государственный бюджет» (ст.ст. 95–99); глава 8 «Национальная оборона» (ст. 100); глава 9 «Герб, флаг, столица» (ст.ст. 101–103); глава 10 «Порядок внесения поправок в конституцию» (ст. 104).

³ См.: Юрковский А. В. Общая характеристика некоторых особенностей государственно-правового строительства в Корейской Народно-Демократической Республике. URL: https://world.lib.ru/k/kim_o_i/ah.shtml (дата обращения: 20.06.2026).

жизни, ориентированной на интересы широких слоев населения [6, с. 119].

По своей направленности Конституция КНДР 1948 г. была социалистической, хотя и не содержала упоминания о социализме и диктатуре пролетариата [6, с. 121]. На наш взгляд, нельзя согласиться с отношением Конституции КНДР 1948 г. к числу социалистических, так как для данного типа конституций характерно закрепление руководящей роли коммунистической партии. Соответственно, считаем, что Конституция КНДР 1948 г. была буржуазно-демократической в народно-демократической форме. Она действительно отразила ключевые аспекты политической и экономической системы страны, сформировав основу для социалистических идеалов. Многоукладность экономики позволяла учитывать различные формы собственности, что, однако, в контексте реальной практики часто приводило к доминированию государственного сектора и централизованного управления.

В соответствии с принципами демократического централизма ВНС КНДР имело ключевое значение в системе власти, обладая полномочиями по созданию и контролю за другими государственными органами. Конституция КНДР 1948 г. сформировала иерархическую структуру государственного управления, где определяющую роль играли решения, принимавшиеся высшими органами власти. ВНС являлось высшим законодательным органом КНДР, который принимал законы, утверждал бюджеты и программы, а также избирал членов других государственных органов, включая Президиум ВНС. Президиум ВНС – постоянный орган ВНС, который исполнял функции власти в период между сессиями ВНС. Этот орган отвечал за оперативные вопросы и координацию работы ВНС. Кабинет министров – высший исполнительный орган, который занимался реализацией государственной политики и управлением экономикой.

Кабинет министров подчинялся ВНС и выполнял его решения. Глава 9 Конституции КНДР 1948 г. установила герб, флаг и столицу КНДР, которой стал Сеул (ст. 103). Заключительная глава Конституции КНДР 1948 г. была посвящена порядку внесения поправок в текст Основного закона.

Характеризуя Конституцию КНДР 1948 г. как народно-демократическую, следует выделить такие основные моменты, как закрепление принципа народной демократии и принципа демократического централизма. Данный документ оформил переход власти в руки представительных органов советского типа. Власть в КНДР, согласно ст. 2 Конституции КНДР 1948 г., принадлежала народу и осуществлялась высшим органом его власти – ВНС – при содействии местных органов власти в лице народных комитетов.

Позднее в связи с развитием и совершенствованием структуры государственных органов, изменениями административно-территориального деления страны в текст Конституции КНДР 1948 г. вносились поправки *пять раз*: в апреле и октябре 1954 г., в 1955, 1956 и 1962 гг. Следует обратить внимание, что внесенные поправки в целом пытались отобразить реальное соотношение политических сил, экономического строя, формировавшегося на территории КНДР [5, с. 395].

С 1954 года в стране начались значительные изменения в избирательной системе и местном самоуправлении. Увеличение срока полномочий ВНС с трех до четырех лет позволило укрепить стабильность власти. Создание народных собраний, которые заменили единые народные комитеты, способствовало более эффективному управлению на местах и повысило уровень участия граждан в местных делах. Также важным шагом стало снижение возраста активного избирательного права с 20 до 18 лет, что расширило возможности молодежи для участия

в политической жизни страны. Изменение нормы представительства в выборах депутатов ВНС с одного депутата на 50 тыс. чел. до одного депутата на 30 тыс. чел. привело к более прямому представлению интересов населения и улучшению работы законодательных органов. Эти изменения в целом были направлены на демократизацию власти и усиление вовлеченности граждан в политические процессы.

IV. РАЗРАБОТКА И ПРИНЯТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ Конституции 1972 г.

Во второй половине XX в. в КНДР произошли существенные изменения, которые действительно повлияли на политическую, экономическую и культурную жизнь страны. Установление социалистических основ и укрепление режима диктатуры пролетариата привели к необходимости ревизии Основного закона, что в свою очередь отражало стремление власти институционализировать вновь созданный социально-политический порядок. Так, необходимость принятия новой конституции была вызвана желанием отразить эти изменения и укрепить новую идеологию, что также послужило основой для легитимации существующей политической системы.

С точки зрения процесса принятия социалистической конституции следует обратить внимание на то, что в 1958 г. был создан Редакционный комитет по конституционным поправкам и дополнительным документам. Его целью стала разработка нового текста Основного закона, который должен будет отразить достижения социалистической реализации. В то же время среди солдат армии и членов ТПК набирала популярность идеология Чучхе (주체) [7, с. 1–19, 26], которая была принята в ка-

честве основной и единственной идеологии партии на 15-м пленарном заседании на IV съезде ТПК в 1967 г.⁴, что впоследствии было закреплено в тексте Основного закона. V съезд ТПК, прошедший в ноябре 1970 г., стал важной вехой: были подведены итоги работы партии в предыдущие десятилетия и проведена реорганизация внутрипартийной структуры.

Проект социалистической конституции, обсужденный 23 октября 1972 г. на 5-м пленуме Центрального комитета ТПК (далее – ЦК ТПК), также стал ключевым моментом в развитии законодательства и политической системы страны. Принятие ВНС новой Конституции через два месяца после дебатов, 27 декабря 1972 г., свидетельствовало о стремлении укрепить социалистические основы государственного устройства и зафиксировать достижения в области права и социальной политики.

Конституция КНДР (조선민주주의인민공화국 사회주의헌법) 1972 г. получила название «социалистическая». Отражая произошедшие в КНДР изменения, она закрепила политические, экономические, классовые и идеологические основы корейского социалистического государства и его политического механизма, функционирование которого было основано на режиме личной власти Генерального секретаря ЦК ТПК Ким Ир Сена. Конституция КНДР 1972 г. состояла из 11 глав (149 статей)⁵. Данная Конституция характеризуется как уникальная из-за сочетания сильных социалистических и националистических тенденций, а также наличия отсылок к идеологии чучхе.

Конституция, принятая в 1972 г., провозгласила Корейскую Народно-Демократическую Республику суверенным социалистическим государством,

⁴ См.: 1972년 제정된 조선 민주주의 인민 공화국 사회주의 헌법 // 사료로 본 한국사. 2025. URL: https://contents.history.go.kr/front/hm/view.do?levelId=hm_152_0030 (дата обращения: 25.02.2025).

⁵ Глава I «Политика», глава II «Экономика», глава III «Культура», глава IV «Основные права и обязанности граждан», глава V «Верховное народное собрание», глава VI «Президент КНДР», глава VII «Центральный народный комитет», глава VIII «Административный совет», глава IX «Местные народные собрания, народные комитеты и административные комитеты», глава X «Суд и прокуратура», глава XI «Герб, флаг, столица».

служащим интересам всего корейского народа. В статье 1 Конституции КНДР 1972 г. было закреплено, что суверенитет принадлежит корейскому народу, а власть осуществляется от имени народа. Статья 2 Конституции КНДР 1972 г. определяла основой народной власти союз рабочего класса и крестьянства под руководством первого. Народ считался единственным источником власти в государстве. Конституция КНДР 1972 г. определяла характер власти как диктатуру пролетариата. В КНДР основным способом осуществления государственной власти считалась представительная демократия. В статье 7 Конституции КНДР 1972 г. было указано, что «трудящиеся осуществляют власть через свои представительные органы – Верховное народное собрание и местные народные собрания всех уровней».

Конституция КНДР 1972 г. провозгласила руководящую роль ТПК в механизме власти и определила, что «КНДР руководствуется в своей деятельности идеями чучхе Трудовой партии Кореи, в которых марксизм-ленинизм находит свое творческое применение к действительности нашей страны»⁶ (ст. 4) [8, с. 80; 9].

В Конституции КНДР 1972 г. была закреплена многопартийность (ст. 53), однако она имела свои особенности. В стране действовали несколько партий, но все они подчинялись основной политической линии ТПК. Так, в КНДР действовали Социал-демократическая партия Кореи (조선사회민주당) [5, с. 130–139]⁷ и Рели-

гиозная партия Чондогё – Ченудан (천도교청우당) [10, с. 128–145; 11, с. 60–65]⁸. Эти политические партии признавали ведущую роль ТПК в политической системе и выступали за построение социализма. В стране функционировал важный политический институт – Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ), который объединял все политические партии и общественные организации под руководством ТПК с целью достижения мирного демократического объединения Кореи. С 2024 года этот орган был упразднен в связи с отказом КНДР от объединения с Республикой Кореей.

Конституция КНДР 1972 г. заложила основы совершенно новой системы государственной власти, определив при этом принципы формирования и функционирования органов управления, а также их структуру и полномочия. Этот документ стал важной вехой в развитии правовой системы страны, поскольку он не только определил ключевые институты государственной власти, но и установил основу для их взаимодействия, что позволило создать устойчивую и структурированную систему управления. Данная Конституция отражала обязательства государства по реализации социалистических принципов, обеспечению прав граждан и укреплению единства народа в борьбе за построение коммунистического общества. Она также способствовала формированию обширного правового фундамента, направленного на защиту

⁶ В КНДР чучхе как официальная идеология считается гармоничной трансформацией идей марксизма-ленинизма на основе древнекорейской (конфуцианской) философской мысли. Впервые термин «чучхе» прозвучал в речи Ким Ир Сена «Об искоренении догматизма и формализма в идеологической работе и об установлении чучхе» (사상사업에서 교조주의와 형식주의를 퇴치하고 주체를 확립할 데 대하여), произнесенной 28 декабря 1955 г. См.: *Kim Il Sung. On Eliminating Dogmatism and Formalism and Establishing Juche in Ideological Work : speech to party propaganda and agitation workers, December 28, 1955.* Pyongyang : Foreign Languages Publishing House, 1973.

⁷ Демократическая партия Кореи – политическая партия, основанная 3 ноября 1945 г. В 1981 году название партии было изменено на «Социал-демократическая партия Кореи» (조선사회민주당), а идеологической основой партии была объявлена концепция националистической социал-демократии.

⁸ Религиозная партия Чондогё – Ченудан (천도교청우당), преемницей которой стала Молодёжная партия Чхондогё («Партия молодых друзей небесного пути») (천도교청년당), с 1946 г. активно занялась миссионерской деятельностью с одобрения советского военного командования.

государственности КНДР в условиях динамично меняющегося мира. Так, вместо Президиума ВНС и Кабинета министров (сформированные Конституцией КНДР 1948 г.) были учреждены Постоянный совет ВНС (ст.ст. 85–88 гл. V), Президент КНДР⁹ (гл. VI), Центральный народный комитет (гл. VII) и Административный совет (гл. VIII). Полномочия Президиума ВНС были перераспределены между новообразованными органами – Постоянным советом ВНС, Президентом КНДР¹⁰, Центральным народным комитетом¹¹.

В период с 1972 по 1992 г. в текст Конституции КНДР не было внесено ни одной поправки, что в целом свидетельствует о достаточно стабильной внутренней политике государства. Изменения конституционно-правовых институтов в КНДР в 1990-х гг. стали следствием как внутренней динамики, так и внешнего давления, отразив сложное взаимодействие между традициями и необходимостью реформ в контексте новых вызовов. Эти события значительно повлияли на дальнейшее развитие политической системы и общественной жизни, сформировав уникальный путь, которого КНДР придерживалась в следующие десятилетия [12, с. 109–114].

Первая и вторая серии поправок к Конституции КНДР были внесены 9 апреля 1992 г. и 5 сентября 1998 г. Основной целью поправок стало корректирование механизма власти в изменившихся условиях, а также изменение имиджа государства в глазах

мирового сообщества. Учитывая общее количество конституционных поправок, внесенных в 1992 и 1998 гг. [13, с. 68–70], можно сделать вывод, что фактически был принят новый текст Конституции КНДР¹².

Измененному тексту Конституции КНДР предшествует введение (서문), которое невелико по объему, но пространно по содержанию и в котором неоднократно упоминается имя Ким Ир Сена. Сохранена характеристика КНДР как суверенного социалистического государства, представляющего интересы всего корейского народа (ст. 1). Следует обратить внимание на то, что КНДР распространяла свою юрисдикцию на весь полуостров, а не только на его северную часть.

В 1992 году в Конституции КНДР фиксируется руководящая роль ТПК в государстве и обществе (ст. 11). Этим руководство страны попыталось обезопасить свое влияние в связи с событиями, происходившими в России.

Особого внимания заслуживают идеологические основы Северокорейского государства. В новой редакции Конституции КНДР исключены упоминания о марксизме-ленинизме, сплоченности с социалистическими странами, пролетарском интернационализме и т. п. Идеологической основой были провозглашены идеи чучхе, однако ст. 3 Конституции КНДР получила новую интерпретацию: КНДР отныне руководствовалась в своей деятельности идеями чучхе (мировоззрение, в центре

⁹ Следует обратить внимание, что корейский термин 주석 следует переводить как «Председатель».

¹⁰ Конституция КНДР 1972 г. заменила коллегиальную главу государства единоличным, учредив должность Президента КНДР. Президент избирался ВНС на 4 года и был ответственен перед ВНС в своей деятельности. Президент являлся главой государства и представлял государственную власть. Был наделен широкими полномочиями. Президент также являлся Верховным главнокомандующим и председателем Комитета обороны. От имени Президента КНДР опубликовывались законы, принятые ВНС, и указы.

¹¹ Центральный народный комитет – высший руководящий орган государственной власти. Он формировался в составе Президента КНДР и вице-президента КНДР, а также секретаря и других членов на 4 года.

¹² В новой редакции 1998 г. Конституция КНДР состояла из преамбулы (введения) и 7 глав (166 статей): глава I «Политика»; глава II «Экономика»; глава III «Культура»; глава IV «Оборона страны»; глава V «Основные права и обязанности граждан»; глава VI «Государственные органы», включающая раздел 1 «Верховное народное собрание», раздел 2 «Государственный комитет обороны», раздел 3 «Президиум Верховного народного собрания», раздел 4 «Кабинет министров», раздел 5 «Местные народные собрания», раздел 6 «Местные народные комитеты», раздел 7 «Прокуратура и суд»; глава VII «Герб, флаг, гимн и столица».

которого находится человек) и революционными идеями, нацеленными на осуществление самостоятельности народных масс. Ранее – до внесения поправок – суть идей чучхе заключалась в творческом применении марксизма-ленинизма в условиях КНДР (ст. 4 Конституции КНДР 1972 г.).

Вопрос объединения Корейского полуострова занимал значительное место в государственной идеологии и законодательстве обоих государств. Внесение изменений в ст. 9 Конституции КНДР (ред. 1992 г.) означало стремление к воссоединению обеих частей полуострова на принципах, подчеркивающих важность независимости, мирного сосуществования и национальной консолидации. Эти принципы отражали не только стремление к диалогу и взаимопониманию между Севером и Югом, но и акцентировали внимание на единстве корейской нации, которое подрывалось интервенцией иностранных государств и политическими разногласиями.

Изменениям подверглись механизм функционирования государственных органов, их структура и компетенция. Как указывает Н. П. Гуреева, в 1992 г. были сокращены полномочия Президента КНДР [13, с. 69]. Если Конституция КНДР 1972 г. предусматривала, что Президент являлся главой государства и представлял государственную власть КНДР, то в редакции 1992 г. были опущены слова «государственная власть» и определялось, что Президент только представлял КНДР (ст. 105). Поправками 1998 г. были упразднены институт Президента КНДР и возглавляемый им Центральный народный комитет как «высший руководящий орган государственной власти КНДР». В редакции 1992 г. появился новый раздел «Комитет обороны КНДР».

Третья серия поправок носила точечный характер. Во введение, наряду с идео-

логией чучхе, была отмечена и идеология сонгун (선군정치), также систематизированная в качестве правящей.

Четвертая серия поправок к Конституции КНДР была введена 9 апреля 2010 г. Одним из ключевых изменений стало преобразование Центрального суда и Центральной прокуратуры в Верховный суд и Верховную прокуратуру соответственно. Эти преобразования не только изменили название указанных органов, но и, вероятно, отразили стремление власти усилить централизованное управление судебной системой и повысить авторитет последней.

Пятая серия поправок к Конституции КНДР была внесена 13 апреля 2012 г. Во введении Ким Чен Ир был провозглашен «вечным председателем Государственного комитета обороны КНДР». В разделе 2 «Государственный комитет обороны» главы VI была введена должность Первого председателя указанного комитета, которую занял Ким Чен Ын.

Шестая серия поправок была принята 1 апреля 2013 г. Изменениям подверглось введение, также был изменен срок образования: «Государство развивает общее 12-летнее обязательное образование...». Ранее он составлял 11 лет.

Седьмая серия поправок была внесена 29 июня 2016 г. Поправки вновь затронули введение. Также была реорганизована структура государственных органов. В главу 6 были добавлены раздел 2 «Председатель Государственного совета КНДР» (ст.ст. 100–106) и раздел 3 «Государственный совет КНДР» (ст.ст. 107–112). Так, Государственный комитет обороны КНДР был реорганизован в Государственный совет КНДР (조선민주주의인민공화국 국무위원회, буквально «Комитет по государственным делам КНДР») и определен как высший орган политического руководства [14, с. 54]¹³.

¹³ См.: Базина О. О. Правовое пространство Корейской Народно-Демократической Республики // Юридическая география мира : учеб. : в 2 т. М. : Прометей, 2026. Т. 2. Правовые пространства Азии, Африки, Америки, Австралии и Океании / А. А. Малиновский, С. С. Агеев, О. О. Базина и др. ; под ред. А. А. Малиновского. С. 260.

Председатель Государственного совета КНДР определен в качестве высшего руководителя КНДР, представляющего государство как внутри страны, так и на международном уровне. Председатель Государственного совета КНДР избирается ВНС КНДР сроком на 5 лет, после чего он может быть переизбран. В соответствии со ст. 101 Конституции КНДР Председатель Государственного совета КНДР не избирается депутатом Верховного народного собрания¹⁴.

В 2019 году в Конституции КНДР был закреплён статус Государственного совета КНДР. Он является высшим органом политического руководства государства, который состоит из Председателя, первого заместителя Председателя, заместителя Председателя и других членов. При этом численный состав не определен. Основными полномочиями Государственного совета КНДР, в соответствии со ст. 110 Конституции КНДР, являются обсуждение и принятие решений по национальной политике, контроль за исполнением указов Председателя Государственного совета КНДР, решений и постановлений Государственного совета КНДР, отмена решений или постановлений государственных органов, противоречащих указам Председателя Государственного совета КНДР или постановлениям Государственного совета КНДР.

Восьмая серия поправок была принята 11 апреля 2019 г. Поправки коснулись введения. Так, оба лидера теперь именуются «Великий вождь товарищ Ким Ир Сен» (위대한 김일성 동지) и «Великий вождь товарищ Ким Чен Ир» (위대한 령도자 김정일 동지).

Ранее ст. 3 Конституции КНДР определяла идеологию чучхе и идеологию сонгун в качестве руководящих принципов КНДР, но после пересмотра обе идеологии были объединены, получив новое

наименование – «кимирсенизм-кимчениризм», ставший единственным руководящим принципом.

Девятая серия поправок была внесена спустя всего несколько месяцев – 29 августа 2019 г. Были усилены авторитет Председателя Государственного совета КНДР и полномочия Государственного совета КНДР, в основном это произошло за счет внесения поправок в полномочия ВНС.

Обязанности и полномочия Председателя Государственного совета КНДР были расширены в части обнародования законов, принятых ВНС, а также указов и решений, принятых Государственным советом КНДР (ст. 104). Кроме того, Председателю Государственного совета КНДР было предоставлено право назначения и отзыва послов, находящихся в зарубежных странах, которое ранее, согласно п. 15 ст. 115 Конституции КНДР, входило в полномочия Президиума ВНС.

Десятая поправка была введена 27 сентября 2023 г. на 9-й сессии ВНС 14-го созыва. Данная поправка делает Конституцию КНДР первой социалистической конституцией и в целом первым Основным законом, в котором законодательно закреплено принятие политики использования ядерного оружия (ст. 58).

7–8 октября 2024 г. прошла 11 сессия ВНС 14 созыва, в ходе которой депутаты единогласно проголосовали за Закон КНДР «О принятии поправок и дополнений в ряд содержаний Социалистической Конституции»¹⁵.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конституция КНДР 1972 г. ознаменовала формальное установление режима власти Ким Ир Сена и закрепление идеологических основ государства. Ее принятие завершило процесс институционализации идеологии

¹⁴ См.: Ким Чен Ына переизбрали председателем Госсовета КНДР // Комсомольская правда. 2019. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3445485/> (дата обращения: 20.06.2026).

¹⁵ См.: О сессии ВНС КНДР // New Eastern Outlook. 2024. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/11/02/o-sessii-vns-kndr/> (дата обращения: 20.06.2026).

чучхе в качестве руководящих идей государственной и общественной жизни.

Последующие поправки отражали эволюцию политической системы в ответ на внутренние и внешние вызовы. В 1990-е годы после распада СССР и смерти Ким Ир Сена ключевые изменения были направлены на легитимизацию преемственности власти и усиление роли Ким Чен Ира, в частности, через учреждение поста Председателя Комитета обороны КНДР как высшей государственной должности. Поправки 1998 г. официально закрепили идеологию сонгун в качестве основного политического принципа, отражая милитаризацию государства в условиях экономического кризиса. В 2009–2012 гг. в период перехода власти к Ким Чен Ыну в Конституцию КНДР были внесены поправки для укрепления статуса нового лидера как Верховного главнокомандую-

щего и затем Председателя Государственного совета КНДР, а также для закрепления за КНДР статуса ядерной державы.

Таким образом, конституционное развитие КНДР после 1972 г. демонстрирует адаптацию исходной модели к задачам обеспечения преемственности власти. Вектор абсолютного приоритета военной силы сместился в сторону авторитета исполнительной функции власти, сохранив при этом неизменным идеологический стержень режима.

Конституционное развитие КНДР во многом отражает внутренние и внешние вызовы, с которыми сталкивалась страна, и продолжает подтверждать авторитарный характер политической системы, ориентированной на власть верховного лидера, руководящую роль Трудовой партии Кореи, а также демонстрирует свою самобытность.

Список литературы

1. Constitutionalism in Asia in the Early Twenty-First Century / ed. by A. H. Y. Chen. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 435 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107338333>
2. Асмолов К. В. Корейская политическая культура: традиции и трансформация. М. : ИДВ РАН, 2009. 483 с.
3. Григорьева О. Г. Современный социализм: правовое регулирование собственности (на примере Китая, Вьетнама, Северной Кореи) // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 62–72. DOI: <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2023-3-62-72>
4. Ланьков А. Н. КНДР вчера и сегодня: неформальная история Северной Кореи. М. : Восток-Запад, 2005. 448 с.
5. Симотомаи Нобуо. Ким Ир Сен и Кремль: Северная Корея эпохи холодной войны (1945–1961 гг.) : моногр. / пер. с яп. под общ. ред. Д. В. Стрельцова. М. : МГИМО-Университет, 2009. 332 с.
6. Чиркин В. Е. Правовые системы современности: взаимовлияние, сближение и антагонизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 118–131.
7. Жебин А. З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен / отв. ред. М. Д. Демченко. М. : Рус. панорама, 2006. 214 с.
8. Супрунов А. Г., Васильева Е. В. Историко-юридический и лингвистический анализ особенностей конституционного строительства в Корейской Народно-Демократической Республике // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 76–82. DOI: <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2020-1-76-82>
9. Захарова Л. В. VIII съезд Трудовой партии Кореи и его экономические задачи // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2022. М. : ИККА РАН, 2022. С. 103–112. DOI: <https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.93.90.035>
10. Севрюгин С. Особенности корейской религиозной организации «Чхондогё» и причины её сотрудничества с коммунистами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40, № 2. С. 128–145. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-128-145>
11. Ершова Е. В. Религиозное общество «Чхондогё»: история, политика, идеология // Роль религиозного фактора в жизни корейского общества / под ред. И. А. Толстокулакова. Владивосток, 2004. С. 160–236.
12. Баранова Е. С. Особенности становления правовой системы КНДР: факторы развития и основные этапы // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2 (77). С. 109–114.
13. Юрковский А. В. Особенности правовых систем Корейской Народно-Демократической Республики и Китайской Народной Республики // Сибирский юридический вестник. 2008. № 2 (41). С. 68–73.
14. Асмолов К. В., Захарова Л. В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021) : моногр. М. : ИККА РАН, 2022. 440 с. DOI: <https://doi.org/10.48647/IFES.2022.83.95.009>

References

1. Chen A. H. Y. (Ed.). *Constitutionalism in Asia in the Early Twenty-First Century*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 435 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107338333>
2. Asmolov K. V. *Korean Political Culture. Traditions and Transformation*. Moscow: IFES RAS Publ.; 2009. 483 p. (In Russ.)
3. Grigorieva O. G. Modern Socialism: Legal Regulation of Property (on the Example of China, Vietnam, North Korea). *Moscow Juridical Journal*. 2023;3:62-72. DOI: <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2023-3-62-72> (In Russ.)
4. Lan'kov A. N. *The DPRK Yesterday and Today: An Informal History of North Korea*. Moscow: Vostok-Zapad Publ.; 2005. 448 p. (In Russ.)
5. Simotomai Nobuo. *Kim Il Sung and the Kremlin: North Korea in the Cold War Era, 1945–1961*. Moscow: MGIMO-Universitet Publ.; 2009. 332 p. (In Russ.)
6. Chirkin V. E. The Legal Systems of Modern Times: Mutual Influences, Convergence and Antagonisms. *RUDN Journal of Law*. 2014;2:118-131. (In Russ.)
7. Zhebin A. Z. *The Evolution of the Political System of the DPRK in the Context of Global Changes*. Moscow: Russkaya panorama Publ.; 2006. 214 p. (In Russ.)
8. Suprunov A. G., Vasil'eva E. V. Historical-Legal and Linguistic Analysis of Constitutional Construction in the Democratic People's Republic of Korea. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;1:76-82. DOI: <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2020-1-76-82> (In Russ.)
9. Zakharova L. V. Eighth Congress of the Workers' Party of Korea and Its Economic Agenda. In: *East Asia: past, present and future*. 2022. Moscow: ICCA RAS Publ.; 2022. P. 103–112. DOI: <https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.93.90.035> (In Russ.)
10. Sevriugin S. Characteristics of the Korean Religious Organization Cheondogyo and the Reasons for Its Cooperation with the Communists. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2022;40(2):128-145. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-128-145> (In Russ.)
11. Ershova E. V. Religions Society "Chondogyo": History, Policy, Ideology. In: Tolstokulakov I. A. (Ed.). *The Role of the Religious Factor in Korean Society*. Vladivostok: Far East University Publ.; 2004. P. 160–236. (In Russ.)
12. Baranova E. S. The Peculiarities of the DPRK Legal System's Formation: The Factors of Evolution and Main Stages. *Siberian Law Herald*. 2017;2:109-114. (In Russ.)
13. Yurkovskii A. V. Specific Features of the Legal Systems of the Democratic People's Republic of Korea and the People's Republic of China. *Siberian Law Herald*. 2008;2:68-73. (In Russ.)
14. Asmolov K. V., Zakharova L. V. Contemporary North Korea: the First Decade of the Kim Jong Un Era (2012–2021). Moscow: ICCA RAS Publ.; 2022. 440 p. DOI: <https://doi.org/10.48647/IFES.2022.83.95.009> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Олеговна Базина, доцент кафедры конституционного права, МГИМО МИД России (пр. Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0427-4047>; e-mail: maksimova_o@mail.ru;

Ким Эн Ун, ведущий научный работник ИКСА РАН (Нахимовский пр., 32, Москва 117997, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8449-7135>; e-mail: kim@iccaras.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga O. Bazina, Associate Professor of the Department of Constitutional Law at the MGIMO University (76 Vernadsky ave., Moscow, 119454, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0427-4047>; e-mail: maksimova_o@mail.ru;

Kim En Un, Leading Research Fellow at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky ave., Moscow 117997, Russian Federation), Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8449-7135>; e-mail: kim@iccaras.ru

УДК 349.22

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-234-246

EDN: BFRAFE

Оригинальная научная статья

Баланс публичных и частных интересов при привлечении сотрудников и военнослужащих к исполнению дополнительных обязанностей

Е. А. Глухов

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

✉ evgenijgluhov@yandex.ru

Аннотация. Временная или постоянная необходимость выполнения определенной трудовой функции, для которой не предусмотрена должность в штате государственного учреждения, стала распространенной тенденцией в настоящее время. При этом законодательство по-разному регламентирует порядок возложения дополнительных (нештатных) обязанностей на сотрудников в зависимости от их правового статуса – работник, государственный гражданский служащий, военнослужащий. Методологической основой исследования послужили общенаучные и специальные методы познания, главным образом диалектический, формально-юридический, формально-логический методы, а также метод толкования права. Использование всеобщих принципов научного познания сделало возможным выявить дефекты законодательства, регулирующего процесс возложения дополнительных обязанностей на сотрудников с различным правовым статусом. В статье сопоставляются договорной характер трудовых отношений, основанный на равенстве и свободной воле сторон, и более властный характер служебных отношений на государственной службе, выделяются их общие и отличительные черты. В контексте изучения правоотношений между работодателем (его представителем) и наемным сотрудником делается акцент на субординационных правоотношениях в военной среде как разновидности отношений по прохождению государственной службы. Выявляются алгоритмы возложения на работников, государственных гражданских служащих и военнослужащих дополнительных, не предусмотренных их должностью обязанностей. Правоприменитель расценивает подобное возложение обязанностей как незаконное в отношении работников, государственных гражданских служащих, как законное в условиях строго определенных правовых режимов – в отношении сотрудников полиции, как законное по умолчанию – в отношении военнослужащих. Делается вывод о наличии в служебном праве элементов договорного характера, касающихся профессиональной деятельности сотрудников любого вида государственной службы в части определения особенностей труда и времени профессиональной деятельности. Вносятся предложения о необходимости корректировки законодательства о прохождении военной службы относительно устранения произвольной возможности расширения объема и характера выполняемых военнослужащим обязанностей.

Ключевые слова: трудовая функция; объем служебных обязанностей; виды государственной службы; дополнительные обязанности; оплата труда; приказ; штатное расписание; определенность взаимоотношений; служебная необходимость; доплаты

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Глухов Е. А. Баланс публичных и частных интересов при привлечении сотрудников и военнослужащих к исполнению дополнительных обязанностей // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 234–246. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-234-246>. EDN: <https://elibrary.ru/bfrafe>

Original scientific article

Balancing Public and Private Interests When Assigning Additional Duties to Employees and Military Personnel

E. A. Glukhov

North-Western Institute of Management (Branch), RANEPA, St. Petersburg, Russian Federation

✉ evgenijgluhov@yandex.ru

Abstract. The temporary or permanent need to perform a particular labour function for which no position is provided in the staffing structure of a state institution has become a widespread trend. At the same time, legislation regulates the procedure for assigning additional, non-staff duties to personnel differently depending on their legal status: employee, state civil servant, or military serviceman. The methodological basis of the study consists of general scientific and special methods of cognition, primarily the dialectical, formal legal, and formal logical methods, as well as the method of legal interpretation. The use of universal principles of scientific inquiry made it possible to identify defects in the legislation governing the assignment of additional duties to personnel with different legal statuses. The article compares the contractual nature of labour relations, which is based on equality and the free will of the parties, with the more authoritative nature of service relations in the public service, identifying their common and distinctive features. In examining the legal relationship between an employer, or the employer's representative, and an employee, particular emphasis is placed on relations of subordination in the military environment as a type of relationship arising in the course of public service. The article identifies the procedures for assigning to employees, state civil servants, and military personnel additional duties not provided for by their position. Law-enforcement practice treats such assignment of duties as unlawful in relation to employees and state civil servants; as lawful under strictly defined legal regimes in relation to police officers; and as lawful by default in relation to military personnel. The article concludes that service law contains elements of a contractual nature concerning the professional activity of personnel in any type of public service, particularly with regard to determining the specific features of their work and the time devoted to professional activity. The Author proposes amendments to legislation governing military service in order to eliminate the arbitrary possibility of expanding the scope and nature of the duties performed by military personnel.

Keywords: labour function; scope of official duties; types of public service; additional duties; remuneration; order; staffing schedule; certainty of legal relations; service necessity; additional payments

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Glukhov E. A. Balancing Public and Private Interests When Assigning Additional Duties to Employees and Military Personnel. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):234-246. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-234-246>. EDN: <https://elibrary.ru/bfraf> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	235
II. Правовое закрепление функций и обязанностей между служащими организации	236
III. Возложение дополнительных обязанностей на работников	237
IV. Возложение дополнительных обязанностей на государственных гражданских служащих	239
V. Возложение дополнительных обязанностей на военнослужащих	240
VI. Заключение	243
Список литературы	245

I. ВВЕДЕНИЕ

Не требует специальных обоснований постулат о том, что органы государствен-

ной власти должны создаваться не по произвольному усмотрению высших должностных лиц, а строго в целях реализации

© Glukhov E. A., 2026

определенных Конституцией Российской Федерации и законодательством РФ публично значимых функций. Эти функции и детерминируют организационные элементы государственных органов, субординационные связи между ними, компетенцию и полномочия государственных организаций, что, в свою очередь, влечет построение штатной структуры указанных организаций. Следовательно, штат организации в некотором смысле является инструментом, обеспечивающим выполнение возложенных функций оптимальным образом.

Одновременно полномочия, права, обязанности любого публичного органа власти предполагают *юридическое закрепление* его организационной структуры, а также форм, методов и процедур ее функционирования. Ведь реализация компетенции требует соответствующего организационного ресурса (штатного расписания) органа и правовой организации деятельности его подразделений и лиц, занимающих в нем должности¹. Иными словами, структура органов власти должна быть закреплена внутренним документом – штатом, а также необходимо нормативное определение его компетенции, причем уже на этапе создания. Это требуется для уведомления заинтересованных лиц о создании властного субъекта и устранения неопределенности в его взаимоотношениях с иными субъектами.

В. Г. Вишняков писал: «Под структурой органа власти понимается совокупность его подразделений, схема распределения между ними функций и полномочий, возложенных на орган, и система взаимоотношений этих подразделений, включающая набор внутренних и внешних связей» [1, с. 16].

В служебном праве уже оформилось представление о том, что должность – это оформленный юридически для одного сотрудника объем функций и правомочий

по его участию в реализации компетенции соответствующего органа, учреждения, организации [2, с. 24]. Включение должности в структуру публичного органа производится посредством штатного расписания (штата), в котором содержится перечень структурных подразделений, должностей и количество последних. Система должностей в штате организации составляется таким образом, чтобы функции по каждой должности дополняли и при этом в идеале не дублировали друг друга, а в совокупности позволяли выполнять функцию организации стабильно, слаженно, оптимальным образом с синергетическим эффектом.

II. ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ФУНКЦИЙ И ОБЯЗАННОСТЕЙ МЕЖДУ СЛУЖАЩИМИ ОРГАНИЗАЦИИ

Анализируя распределение должностей в структуре военной организации, ученые справедливо отмечают, что штат первичной воинской единицы – воинской части – должен определять ее наименование, состав, организационную структуру, наименование структурных подразделений, численность личного состава, количество вооружения и техники. Каждая должность в штате характеризуется соответствующим ей воинским званием, военно-учетной специальностью, размером должностного оклада, конкретными должностными обязанностями, квалификационными требованиями [3, с. 128]. Полагаем, что указанный подход с учетом определенных особенностей применим ко всем государственным и муниципальным структурам.

Поскольку общественные отношения, средства производства, механизмы управляющего воздействия и даже задачи публичных органов власти не являются постоянными, а видоизменяются и трансформируются, то в каждом конкретном государственном учреждении периодически

¹ См.: Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : учеб. М. : Омега-Л, 2014.

возникает необходимость реализации новых, ранее не предусмотренных функций, которые необходимо возложить на конкретных сотрудников. В любом случае работодатель (руководство организации), во-первых, обладает более полной информацией о технологическом процессе и необходимости его корректировки в связи с новыми задачами, во-вторых, более заинтересован в оптимизации деятельности организации, нежели конкретный ее сотрудник, поэтому инициатива процесса корректировки обязанностей, как правило, исходит сверху, то есть от руководства. Данный процесс не в полной мере урегулирован правовыми нормами, что далее будет проиллюстрировано конкретными примерами.

Предварительно необходимо сделать две оговорки:

1) в настоящей статье не рассматриваются экстраординарные случаи (особые правовые режимы, стихийные бедствия и т. д.), а также необходимость возложения обязанностей сотрудника, заболевшего, ушедшего в отпуск или командировку. Такие случаи должны являться предметом отдельного исследования. Далее сосредоточимся на возложении дополнительных обязанностей на сотрудников и военнослужащих в режиме мирного времени в повседневной деятельности;

2) не претендуя на абсолютную точность терминологии, далее в тексте настоящей статьи будем использовать следующие термины в значениях: «работник» – лицо, работающее по трудовому договору, «служащий» – гражданин, проходящий один из видов государственной службы, «сотрудник» – обобщенное наименование служащих и работников, не включающее военнослужащих.

III. Возложение дополнительных обязанностей на работников

Функция руководителя любого уровня заключается в том числе в оперативном вмешательстве в деятельность управле-

мого коллектива для устранения внезапно возникающих помех и решения задач, не определенных плановыми алгоритмами. Руководитель вправе отдавать подчиненному распоряжения, корректируя тем самым его трудовую деятельность. Распоряжения работодателя могут касаться как исполнения собственно должностных обязанностей, так и более общих вопросов: дисциплины труда, охраны здоровья, регламента рабочего времени, командировок и т. п. Но и в этом случае такие распоряжения должны даваться в рамках трудовой функции работника, которому они адресованы, и/или правил внутреннего распорядка.

Работнику только с его письменного согласия может быть поручено выполнение дополнительной работы, причем за это ему положена соответствующая дополнительная оплата согласно ст. 60.2 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ). Существуют различные мнения о применении норм данной статьи: о необходимости подписания письменного соглашения о дополнительной работе, включении в трудовую функцию исполнения обязанностей временно отсутствующего работника, оплате дополнительной работы [4, с. 519].

В любом случае без согласия работника возложение на него дополнительных обязанностей незаконно. Поэтому вполне естественно, что преподаватель, например, вправе отказаться мыть пол в своем кабинете, даже при наличии соответствующего приказа руководителя (хотя может и согласиться). Также повар вовсе не обязан ремонтировать варочную плиту, несмотря на наличие распоряжения об этом. Невыполнение подобных распоряжений не должно влечь каких-либо негативных последствий для отказавшегося со стороны работодателя.

Приведенная логика подкрепляется материалами судебной практики. Так, начальник автоколонны отправил истца

(машиниста автокрана) ремонтировать закрепленный за ним сломавшийся автокран. Истец отказался, за что и был уволен. При рассмотрении спора суд установил, что истец правомерно не исполнил распоряжение о переводе его в ремонтную зону для участия в ремонте автокрана, поскольку это не входило в его должностные обязанности, в установленном порядке перевод истца на иную работу ответчиком не был осуществлен [5, с. 91].

В другом споре краевой суд признал неправомерным возложение на работника обязанности по ведению фотоотчета о своей работе и направлению его руководству, поскольку эта новая обязанность истца хоть и была определена письменным приказом, но не была внесена в трудовой договор в качестве трудовой функции данного работника².

В третьем деле возложение на сторожа-вахтера ранее не предусмотренной его трудовым договором обязанности уборки помещений было признано судом незаконным. Суд указал, что должности сторожа и уборщика не являются родственными, при этом письменного согласия работника на выполнение дополнительной работы работодателем получено не было [6, с. 266].

Рассматривая другой иск, суд установил, что на работника, в чьи обязанности входило оформление документов для закупки материальных ценностей, была возложена дополнительная обязанность по последующей проверке условий хранения этих ценностей на складах. Суд признал такие действия работодателя неправомерными, указав, что возложение на работника обязанностей, не связанных с трудовой функцией, определенной за-

ключенным трудовым договором, нарушает принцип правовой определенности выполняемой работы. При этом работодатель не вправе ссылаться на возникновение срочных задач, стоящих перед предприятием. Не изменяет приведенного подхода и тот факт, что в должностной инструкции сотрудника был указан пункт о необходимости исполнять приказы и распоряжения работодателя, поскольку такие приказы выходят за пределы трудовой функции работника [7, с. 19].

В этой связи абсолютно обоснованной представляется позиция А. В. Жугина о том, что установление в должностной инструкции обязанности выполнять иные распоряжения руководства (за пределами изначально зафиксированной трудовой функции) по своей сути направлено на квалификацию фактически любой работы как «предусмотренной трудовым договором», что ухудшает положение работника по сравнению с законом и не подлежит применению [8, с. 388].

Обобщая изложенное, следует привести позицию Конституционного Суда Российской Федерации, который указал, что в сфере трудовых отношений свобода труда проявляется в его *договорном характере*. На основе соглашения гражданина и работодателя решается вопрос о работе по той или иной профессии, специальности, квалификации или должности³. Зафиксированные в письменном виде трудовые обязанности работника являются своеобразной гарантией правовой определенности его положения, характера и объема его труда. Причем зафиксированная единожды при трудоустройстве трудовая функция впоследствии не может быть изменена работодателем в одностороннем порядке

² См.: Постановление Президиума Хабаровск. Краев. суда от 8 апр. 2019 г. по делу № 4г-44/2019 // Гос. автоматизир. система Рос. Федерации «Правосудие». 2019. URL: https://kraevoy-hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9539655&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 10.11.2025).

³ См.: По делу о проверке конституционности части первой статьи 281 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. А. Третьяковой : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 16 окт. 2018 г. № 37-П // Рос. газ. 2018. 26 окт.

без согласия на то работника. Изменить трудовую функцию работника в одностороннем порядке работодатель может лишь в случае организационных и технологических изменений условий труда, но их нужно будет обосновывать и доказывать в случае вынесения спора на рассмотрение суда.

IV. ВОЗЛОЖЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ НА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Рассматривая возложение дополнительных обязанностей на государственных гражданских служащих, следует отметить, что по общему правилу такое действие допускается только с письменного согласия самого служащего. В соответствии с ч. 5 ст. 24 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁴ (далее – ФЗ № 79-ФЗ) запрещается требовать от служащего исполнения должностных обязанностей, не установленных его служебным контрактом и должностным регламентом. Как верно указывает С. Е. Чаннов, перевод государственного служащего без его согласия может рассматриваться как требование выполнения работы или службы, для которой данное лицо не предложило добровольно своих услуг, что запрещено в соответствии с Конвенцией Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда»⁵ [9, с. 92]. И хотя государственные гражданские служащие также обязаны исполнять поручения (приказы) своих непосредственных руководителей, однако закон прямо запрещает им выполнять по-

ручения, если они неправомерны (ст. 15 ФЗ № 79-ФЗ). Неправомерность распоряжений выражается, кроме всего прочего, в том, что требования таких распоряжений разнятся с ранее оговоренной и зафиксированной сторонами трудовой (служебной) функцией.

Приведенная выше позиция подтверждается материалами судебной практики. Так, руководитель Гостехнадзора области письменным приказом определил своего заместителя уполномоченным на решение задач в области гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций, а через полгода привлек его к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее исполнение новых обязанностей, что послужило основанием для судебного разбирательства. Суд установил, что истец и прежде был обязан организовывать проведение мероприятий по гражданской обороне, предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Однако дополнительно истцу было вменено непосредственное проведение мероприятий гражданской обороны, поддержание в готовности систем оповещения, нештатных формирований, создание и содержание запасов материальных средств.

Суды двух инстанций пришли к одинаковому выводу о том, что обязанности привлеченного к ответственности истца были изменены незаконно, увеличены в объеме без внесения соответствующих изменений и дополнений в служебный контракт. Таким образом, ответчик фактически в одностороннем порядке без получения письменного согласия истца расширил круг его обязанностей⁶.

⁴ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2004. № 31, ст. 3215.

⁵ См., напр.: *Относительно принудительного или обязательного труда* : конвенция № 29 Междунар. организации труда : принята в г. Женеве 28 июня 1930 г. на 14-ой сессии Генер. конф. МОТ // Ведомости ВС СССР. 1956. № 13, ст. 279 ; *О ратификации Конвенций Международной организации труда № 29 от 28 июня 1930 года относительно принудительного или обязательного труда и № 47 от 22 июня 1935 года о сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю* : Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 4 июня 1956 г. // Ведомости ВС СССР. 1956. № 13, ст. 279.

⁶ См.: *Определение* Восьмого кассационного суда общ. юрисдикции от 20 марта 2025 г. № 88-4710/2025. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В связи с этим следует согласиться с С. А. Ивановым, который отмечал, что наличие специфики в деятельности государственных служащих отнюдь не означает, что их деятельность не может регулироваться трудовым правом, ибо служение государству есть труд, трудовая деятельность граждан [10, с. 56]. Д. Н. Бахрах полагал, что «фактически такие отношения являются трудовыми, но, как и труд колхозников, они регулируются не трудовым правом»⁷. Вместе с тем внешневластный характер деятельности государственных и муниципальных учреждений по отношению к населению и организациям, характерный для методов административного регулирования, не распространяется на правоотношения внутри коллектива этих учреждений. Административное принуждение в данном случае не выполняет функцию дисциплинарного воздействия на сотрудника аппарата государственного органа, поскольку правоотношения носят внутриорганизационный характер [11, с. 128].

V. ВОЗЛОЖЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ НА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Прежде всего, следует отметить, что деятельность военнослужащих по защите Отечества также подчинена Конституции Российской Федерации и законодательству РФ. Согласно части 1 ст. 37 Конституции РФ каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Свобода труда означает в конечном счете свободу выбора формы приложения труда. В свободе выбора проявляются интересы человека, его право на свободу выбора рода занятий в соответствии со своими субъективными при-

страстями, способностями, профессиональной подготовкой и образованием [12].

Бесспорно, военная служба отличается от других видов трудовой деятельности, и поэтому реализация конституционного права на труд в условиях военной службы имеет свои особенности⁸. На военнотружущих возлагаются обязанности, которые связаны с необходимостью беспрепятственного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни. Важностью и опасностью военного дела продиктована и специфика прохождения военной службы, которая связана с повышенной степенью подчиненности, более строгой юридической ответственностью за упущения по службе, использованием в ходе служебной деятельности источников повышенной опасности (вооружения, техники, оружия), зависимостью подчиненного от начальника в вопросах реализации социальных прав, законодательным ограничением ряда прав и свобод.

У военнослужащего отсутствует явно выраженная, согласованная сторонами (командованием и военнотружущим) и зафиксированная в документе трудовая функция. Законодательство о прохождении военной службы не использует такое понятие, как трудовая функция военнотружущего. Понятийный аппарат трудового права и нормы трудового законодательства не применяются к воинским правоотношениям в силу ст. 11 ТК РФ.

Подразумевается, что военнотружущий должен быть специалистом широчайшего профиля в сфере применения военного дела («военного насилия» в терминологии С. П. Хантингтона [13]), а это, в свою очередь, означает, что военнотружущего готовят к исполнению различных

⁷ Бахрах Д. Н. Административное право : учеб. для вузов. М. : БЕК, 1999. С. 135.

⁸ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Францына Валерия Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 2 статьи 2 Федерального закона «О статусе военнотружущих», пункта 4 статьи 32 и пункта 11 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 30 сент. 2004 г. № 322-О // Вестник Конституц. Суда Рос. Федерации. 2005. № 2.

действий, как связанных, так и не связанных с его должностными обязанностями. Главное, чтобы его воинское мастерство было направлено на решение служебно-боевых задач, могло использоваться в целях защиты Отечества военными методами. И здесь уже не так важны формулировки должностных обязанностей, если речь идет о жизни и смерти, достижении победы в бою. Поражение противника или применение боевого оружия, как правило, вообще не описываются в должностных обязанностях военнослужащих.

Вместо трудовой функции гражданин в период военной службы обязуется добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих. Кроме того, в контракте о прохождении военной службы закрепляется добровольность поступления гражданина на военную службу и ее срок⁹. Следовательно, такие отношения между военнослужащим и его командованием в некотором роде можно назвать договорными, поскольку стороны все же договариваются о самом наличии служебных отношений, их сроке, правах и обязанностях, пусть и в самом общем виде.

Контракт о прохождении военной службы не раскрывает характеристику существенных условий относительно прав и обязанностей сторон, носит отсылочный характер к нормам действующего законодательства. Фактически вместо конкретной трудовой функции в контракте о прохождении военной службы указано возложение на военнослужащего трех видов обязанностей (общих, должностных и специальных), которые лишь в общих

чертах характеризуют реальный объем и интенсивность воинского труда. И если типовые должностные обязанности определены в Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации¹⁰ (ст.ст. 93–162) хотя и в весьма широком виде, но они стабильны по времени и урегулированы на уровне Указа Президента РФ, то иные виды обязанностей (общие и специальные), интенсивность их исполнения и связанный с ними объем работы в контракте не конкретизированы.

Поясним подробнее. Во-первых, многие формулировки общих и специальных обязанностей военнослужащих сконструированы таким образом, что позволяют подводить под их действие крайне широкий спектр мероприятий воинской повседневной деятельности. Например, одна из общих обязанностей «совершенствовать воинское мастерство» вполне может означать, что военнослужащий должен изучать оружие и военную технику, уметь образцово использовать их по назначению, отлично стрелять, заниматься спортом, на высоком уровне сдавать зачеты по предметам подготовки, грамотно составлять служебные документы, овладевать новыми знаниями в рамках занимаемой должности и должности, соответствующей его боевому предназначению, и т. д. Однако, помимо приведенной обязанности, любой военнослужащий должен исполнять и целый ряд других обязанностей, также сформулированных кратко, но чрезвычайно емко.

Во-вторых, поскольку отношения между военнослужащим и его командиром (начальником) отличаются повышенной

⁹ Типовая форма контракта о прохождении военной службы приведена в приложении № 1 к Положению о порядке прохождения военной службы. См.: *Вопросы прохождения военной службы* (вместе с «Положением о порядке прохождения военной службы») : Указ Президента Рос. Федерации от 16 сент. 1999 г. № 1237 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 38, ст. 4534.

¹⁰ См.: *Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации* (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») : Указ Президента Рос. Федерации от 10 нояб. 2007 г. № 1495 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 47 (ч. 1), ст. 5749.

степенью подчиненности и приказ любого командира по различным вопросам, в том числе не связанным с занимаемой должностью, обязателен для военнослужащего, то путем отдания устных приказов воинский руководитель всегда может корректировать (увеличивать) круг служебных обязанностей подчиненного. Поэтому военнослужащий, выполняя полученный приказ, даже не связанный с его должностными обязанностями, тем самым осуществляет свои общие обязанности, а потому условия заключенного контракта, касающиеся круга и объема возложенных обязанностей, формально не нарушаются (ведь этот объем в контракте и не был указан).

В-третьих, контракт о прохождении военной службы является своего рода универсальным договором длительного действия, то есть он не изменяется, не перезаключается, не теряет силы при переводе военнослужащего на иную воинскую должность, в том числе в другую военную организацию. Подобные переводы могут производиться и без согласия военнослужащего. Следовательно, условия контракта не связаны с определением обязанностей по конкретной замещаемой на момент подписания контракта должностью.

Учитывая изложенное, следует отметить, что отдача любого нового приказа — весьма простая и удобная для командования форма изменения объема обязанностей подчиненного военнослужащего¹¹. Иными словами, характер и объем обязанностей военнослужащего даже на одной и той же воинской должности могут изменяться (то в одном, то в другом направлении) безо всякого его согласия в зависимости от усмотрения прямого командира (начальника) и служебной необходимости.

Военное законодательство содержит императивное требование об обязательности исполнения любого приказа. В свя-

зи с этим приказ о возложении дополнительных обязанностей (за пределами уже имеющихся) также подлежит исполнению априори. В данном случае приоритет отдается интересам служебной необходимости и стремлению командира исполнить возложенные уже на него обязанности по достижению заданных целей силами имеющегося у него в подчинении личного состава.

Кроме того, приказ о возложении дополнительных обязанностей на конкретного военнослужащего зачастую издается во исполнение приказа вышестоящего должностного лица, как правило Министра обороны Российской Федерации (иного руководителя военного ведомства). Именно в приказах Министра обороны РФ указывается необходимость возложения на имеющихся подчиненных обязанностей должностных лиц, которые отсутствуют в штате военной организации. Подобные требования содержатся в приказах практически всех руководителей военных ведомств применительно к должностям тыловых и технических служб, экологов, руководителей физической подготовки, специалистов по защите государственной тайны, метрологов, специалистов противопожарной защиты, сотрудников службы делопроизводства, комендантов и других, если соответствующие должности не предусмотрены штатом воинского формирования.

Руководящие документы военных ведомств предписывают создавать целые нештатные подразделения (лазареты [14, с. 37], курсы молодого бойца, запасные командные пункты и т. п.) за счет перераспределения людских резервов внутри воинских формирований. Назначенные в такие подразделения военнослужащие либо отрываются от своих штатных обязанностей, либо выполняют дополнительные обязанности сверх обязанностей

¹¹ См.: Глухов Е. А. Пределы правового регулирования военно-служебных отношений // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 1. С. 29. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-1-22-38>

по штатной должности. В обоих случаях это происходит без предварительного согласия военнослужащих на обременение их новыми обязанностями.

Случаи судебного оспаривания возложения нештатных обязанностей крайне редки вследствие особенностей военной корпоративной культуры, традиции подчинения командиру и латентного характера нарушения прав. Обычно такого рода споры возникают лишь тогда, когда некачественное исполнение нештатных обязанностей служит поводом для увольнения либо привлечения военнослужащего к юридической ответственности. Но и в таких случаях военные суды, как правило, не видят нарушения закона в самом факте возложения командиром на подчиненного нештатных (дополнительных) обязанностей без согласия последнего. Так, на военнослужащего были возложены дополнительные, не предусмотренные по его должности и не выполняемые им ранее обязанности ежемесячно разрабатывать определенного вида финансовые документы, за некачественное выполнение данной работы военнослужащий был наказан. Три судебных инстанции не усмотрели здесь нарушения закона¹².

Кроме того, для большинства военнослужащих отсутствуют четко определенные нормы выработки продукции, а также стандартный объем работ. К тому же ранее утвержденные руководителем планы деятельности могут изменяться и корректироваться любым вышестоящим начальником.

Подобное положение дел, конечно, крайне удобно для командования и вряд ли устраивает самого военнослужаще-

го, осознающего возможность изменения его обязанностей и интенсивности труда. Тем более в системе военной службы не предусмотрено дополнительное денежное вознаграждение за исполнение нештатных обязанностей и обязанностей сверх занимаемой должности¹³. Тем самым не реализуется один из главных принципов в области оплаты труда – равная оплата за равный труд [15, с. 28].

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крайней формой разрешения противоречия в вопросе определения объема и характера трудовой функции сотрудника является возможность расторжения им трудового договора ввиду несогласия с предлагаемым работодателем режимом труда. Однако такой подход в рамках оперативного двухнедельного срока увольнения можно реализовать лишь в отношении работников, осуществляющих деятельность по трудовому договору, тогда как для государственных служащих процесс увольнения может занимать больше времени ввиду длительного оформления и согласования соответствующих документов. Вместе с тем возможность увольнения нужного работника и, как следствие, угроза срыва выполнения возложенных задач стимулирует работодателя соблюдать баланс во взаимоотношениях с сотрудником и не обременять его чрезмерными обязанностями.

Правомочия военного руководства по увеличению объема обязанностей любого из подчиненных военнослужащих влекут угрозу нарушения их прав, а также создают предпосылки для бездействия в вопросе приведения штатов военных

¹² См.: Кассационное определение Кассац. воен. суда от 5 окт. 2021 г. № 88а-1889/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Согласно части 29 ст. 2 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» денежное довольствие в повышенном размере выплачивается лишь в случае исполнения обязанностей по вакантной воинской должности, если военнослужащий в установленном порядке назначен временно исполняющим эту должность письменным приказом соответствующего должностного лица. За совместительство размер денежного довольствия не увеличивается. См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2011. № 45, ст. 6336.

организаций в соответствие с характером возложенных задач. Таким образом, формируется своего рода замкнутый круг: возложенные задачи необходимо исполнять, но людских ресурсов в штате недостаточно, в результате командование вынуждено возлагать дополнительные обязанности на уже имеющихся подчиненных.

Кроме всего прочего, приведенный подход формирует систему чиновничества и угодничества [16, с. 74], лояльности к любым пожеланиям руководства и неформальным отношениям в военной среде в целях снижения бремени служебной нагрузки.

Единство правовых и организационных основ государственной службы предполагает законодательное закрепление единого подхода к организации государственной службы, который закреплен в ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»¹⁴. Военная служба, конечно, имеет свою специфику, но для большинства профессиональных военнослужащих (по контракту) прохождение военной службы означает реализацию ими прав на труд и выбор профессии «под влиянием внутренних потребностей самореализации» [17, с. 31] как и для федеральных государственных служащих иных видов. Поэтому для военнослужащих тоже должен быть законодательно установлен подход к договорным, паритетным отношениям, касающийся характера трудовой деятельности и объема возложенных обязанностей. По крайней мере в мирных условиях при отсутствии особых правовых режимов.

Законодательный подход, согласно которому на любого военнослужащего кроме собственно должностных обязанностей можно возложить неограниченное

количество других обязанностей и функций, может быть оправдан с точки зрения необходимости поддержания боевой готовности и выполнения функций воинского формирования, но не с позиций правовой определенности и защиты конституционных прав служащего от произвольного вмешательства. Тем более такой принцип уважения к человеку труда получил конституционное закрепление в Российской Федерации лишь в 2020 г. (ч. 5 ст. 75 Конституции РФ).

На основании изложенного считаем, что приведенный подход требует законодательной корректировки. По аналогии с сотрудниками полиции на военнотруждающих также необходимо распространить действие правовой нормы, согласно которой возложение дополнительных обязанностей без согласия военнослужащих допускается лишь в период действия особых правовых режимов¹⁵ (мобилизации, военного и чрезвычайного положений, боевых действий, ликвидации последствий стихийных бедствий и т. п.). В период мирного времени возложение дополнительных обязанностей должно производиться лишь с согласия военнослужащего и с доплатой за увеличение объема его воинского труда. В противном случае возможны последствия в виде прекаризации воинского труда и распространения пренебрежительного отношения командования к законным правам и интересам подчиненных [18, с. 689], что в конечном счете повлечет снижение престижа военной службы и отток из нее наиболее квалифицированных кадров.

В рамках настоящей статьи, естественно, невозможно рассмотреть все аспекты процедуры привлечения сотрудника к исполнению сверхштатных обязанностей. Очевидно, что правовое регулирование

¹⁴ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2003. № 22, ст. 2063.

¹⁵ См. часть 1 ст. 35 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (*Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2011. № 49 (ч. 1), ст. 7020).

указанных отношений различных категорий государственных служащих (сотрудников полиции, таможи, следователей, прокуроров и др.) может иметь свои особенности, однако, исходя из общих принципов осуществления государственной службы, требуется разрешить принципиальный вопрос о необходимости получения согласия служащего на обременение его дополнительными обязанностями либо об отсутствии такой необходимости по крайней мере в условиях обычных правовых режимов.

Приведенные в настоящей статье позиции не устраняют все противоречия в данном вопросе, однако требуют широкого научного обсуждения, результатом которого должно стать совершенствование так называемого служебного законодательства. Следует признать, что некоторые сделанные выводы небесспорны, что обуславливает необходимость дальнейшей научной дискуссии по вопросам выбора оптимальной модели процедуры возложения дополнительных обязанностей на государственных служащих.

Список литературы

1. Вишняков В. Г. Структура и штаты органов советского государственного управления. М. : Наука, 1972. 278 с.
2. Манохин В. М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М. : Юристъ, 1997. 294 с.
3. Кудашкин А. В., Холиков И. В. Правовое положение «военных добровольцев» в Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 11. С. 125–138. DOI: <https://doi.org/10.31857/S1026945224110118>
4. Амельченко М. Н. Сложности применения ст. 60.2 Трудового кодекса Российской Федерации // Вопросы трудового права. 2025. Т. 21, № 9 (248). С. 516–527. DOI: <https://doi.org/10.33920/pol-2-2509-01>
5. Суслов А. Оспаривание наказаний сотрудников за выполнение (невыполнение) устных приказов руководителя // Трудовое право. 2018. № 1. С. 87–99.
6. Офман Е. М. Изменение трудовой функции работника: возможности работодателя // Ежегодник трудового права. 2014. № 9. С. 265–277.
7. Москалева О. Возложение на работника дополнительных обязанностей // Трудовое право. 2016. № 7. С. 15–27.
8. Жугин А. В. Трудовая функция работника: содержание, уточнение, изменение // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 382–397.
9. Чаннов С. Е. Служебное право: направления развития // Государство и право. 2025. № 3. С. 88–97. DOI: <https://doi.org/10.31857/S1026945225030088>
10. Иванов С. А. Трудовое право переходного периода: некоторые проблемы // Государство и право. 1994. № 4. С. 53–61.
11. Емельянов А. С. Механизм административно-правового регулирования // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 8. С. 127–145. DOI: <https://doi.org/10.61205/S160565900031186-8>
12. Лавриненко О. В. Правовая природа норм, регулирующих служебно-трудовые отношения: теоретико-правовой анализ // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2008. № 6-2 (51). С. 20–34.
13. Huntington S. P. American Military Strategy. Berkeley : Institute of International Studies, University of California, 1986. 55 p.
14. Организация работы нештатного изолятора (лазарета) воинской части (военной образовательной организации) / К. В. Жданов, С. Н. Сидорчук, С. М. Захаренко, И. С. Гришин, Е. В. Передельский // Военно-медицинский журнал. 2018. Т. 339, № 12. С. 35–39.
15. Долженкова Ю. В., Сафонов А. Л., Чуб А. А. Архитектура оплаты труда преподавателей высшей школы в бюджетной сфере Российской Федерации // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 7. С. 25–41. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-7-25-41>
16. Самарин В. Г. Деструктивная направленность конформизма // Правоохранительные органы: теория и практика. 2012. № 1. С. 74–75.
17. Сагандыков М. С. Конституционная аксиология свободы труда // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 2. С. 28–41. DOI: <https://doi.org/10.61205/S160565900027846-4>
18. Шураева С. В. Трудовое правоотношение в контексте прекаризации труда и занятости в России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 4 (66). С. 687–705. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2024-66-687-705>

References

1. Vishnyakov V. G. *The Structure and Staffing of Soviet State Administrative Bodies*. Moscow: Nauka Publ.; 1972. 278 p. (In Russ.)
2. Manokhin V. M. *Service and Employees in the Russian Federation: Legal Regulation*. Moscow: Yurist Publ.; 1997. 294 p. (In Russ.)
3. Kudashkin A. V., Kholikov I. V. Legal Status Of “Military Volunteers” in the Russian Federation. *State and Law*. 2024;11:125-138. DOI: <https://doi.org/10.31857/S1026945224110118> (In Russ.)
4. Amelchenko M. N. On Difficulties of Application of Article 60.2 of the Labor Code of the Russian Federation. *Labor Law Issues*. 2025;21(9):516-527. DOI: <https://doi.org/10.33920/pol-2-2509-01> (In Russ.)
5. Suslov A. Challenging Disciplinary Sanctions Imposed on Employees for Complying or Failing to Comply with a Supervisor’s Oral Orders. *Trudovoe pravo*. 2018;1:87-99. (In Russ.)
6. Ofman E. M. Changing the Employee’s Labor Function: Possibilities of the Employer. *Russian Journal of Labour and Law*. 2014;9:265-277. (In Russ.)
7. Moskaleva O. Assigning Additional Duties to an Employee. *Trudovoe pravo*. 2016;7:15-27. (In Russ.)
8. Zhugin A. V. Labor Function of an Employee: Content, Clarification, Change. *Voprosy rossiiskoi yustitsii*. 2021;15:382-397. (In Russ.)
9. Channov S. E. Service Law: Areas of Development. *State and Law*. 2025;3:88-97. DOI: <https://doi.org/10.31857/S1026945225030088> (In Russ.)
10. Ivanov S. A. Labour Law in the Transitional Period: Selected Issues. *State and Law*. 1994;4:53-61. (In Russ.)
11. Emelyanov A. S. Mechanism of Administrative and Legal Regulation. *Journal of Russian Law*. 2024;28(8):127-145. DOI: <https://doi.org/10.61205/S160565900031186-8> (In Russ.)
12. Lavrinenko O. V. The Legal Nature of Norms Regulating Service and Labour Relations: A Theoretical Legal Analysis. *Proceedings of Francisk Scorina Gomel State University*. 2008;6-2:20-34. (In Russ.)
13. Huntington S. P. *American Military Strategy*. Berkeley: Institute of International Studies, University of California; 1986. 55 p.
14. Zhdanov K. V., Sidorchuk S. N., Zakharenko S. M., Grishin I. S., Peredelskii E. V. Organization of Work of Non-Standard Isolation Ward (Infirmary) of a Military Unit (Military Educational Organization). *Military Medical Journal*. 2018;339(12):35-39. (In Russ.)
15. Dolzhenkova Yu. V., Safonov A. L., Chub A. A. Faculty Salary Structure for Publicly Funded Higher Education Institutions of the Russian Federation. *Higher Education in Russia*. 2022;31(7):25-41. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-7-25-41> (In Russ.)
16. Samarin V. G. The Destructive Orientation of Conformism. *Pravookhranitel'nye organy: teoriya i praktika*. 2012;1:74-75. (In Russ.)
17. Sagandykov M. S. Constitutional Axiology of Freedom of Labor. *Journal of Russian Law*. 2024;28(2):28-41. DOI: <https://doi.org/10.61205/S160565900027846-4> (In Russ.)
18. Shuraleva S. V. Labor Relations in the Context of the Precarity of Labor and Employment in Russia. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki*. 2024;4:687-705. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2024-66-687-705> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгений Александрович Глухов, доцент кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС (пр. Средний В.О., 57/43, лит. А, Санкт-Петербург, 199178, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7212-8156>; e-mail: evgenijgluhov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Glukhov, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at the North-Western Institute of Management (Branch), RANEPa (57/43 Sredniy V.O. ave., St. Petersburg, 199178, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7212-8156>; e-mail: evgenijgluhov@yandex.ru

Поступила | Received
01.12.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
27.02.2026

Принята к публикации | Accepted
27.02.2026

УДК 341.1/6
DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-247-266
EDN: BMAXKK

Оригинальная научная статья

Концепция воинствующей демократии в практике Европейского Суда по правам человека

А. В. Койдан

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
✉ akoydan@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье исследуется концепция воинствующей демократии (*démocratie militante*, *wehrhafte Demokratie*) в контексте ее применения в практике Европейского Суда по правам человека. Несмотря на выход России из Совета Европы и прекращение юрисдикции Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации в 2022 году, изучение данной концепции сохраняет актуальность для отечественной конституционно-правовой науки: оно позволяет глубже понять универсальные механизмы защиты конституционного строя, предоставляет сравнительный материал для развития национальных правовых доктрин и дает представление о подходах, которые могут оказаться ценными при совершенствовании российских инструментов противодействия экстремизму и злоупотреблению правами. Доктрина воинствующей демократии, разработанная немецким ученым Карлом Лёвенштайном в 1930-х гг., предусматривает правовые механизмы превентивной защиты демократических режимов от антидемократических политических сил. В работе анализируется нормативное воплощение данной концепции в статье 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, запрещающей злоупотребление правами, и выделяются основные инструменты – «жесткий», предполагающий полный отказ в правовой защите, и «мягкий», действующий в рамках контроля соразмерности. В статье содержится детальный анализ дел, связанных с расистскими высказываниями, отрицанием Холокоста (негационизмом), оправданием преступлений нацизма, а также роспуском политических партий, преследующих антидемократические цели. Помимо конкретных кейсов, при написании статьи использовались работы европейских конституционалистов, а также документы Совета Европы, касающиеся подготовительной работы над текстом Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Делается вывод, что Европейский Суд по правам человека выработал конкретные критерии оценки правомерности ограничительных мер: совместимость продвигаемого политического режима с демократическими принципами; законность используемых средств; наличие реальной и непосредственной угрозы; реальная способность упразднить демократические институты. Концептуальный аппарат и критерии, разработанные Европейским Судом по правам человека, представляют собой ценный ресурс, выходящий за рамки юрисдикционных границ и способный обогатить развитие сбалансированных подходов к защите основ государственности при уважении прав личности в любой правовой системе.

Ключевые слова: воинствующая демократия; Европейский Суд по правам человека; злоупотребление правами; статья 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; свобода выражения мнения; негационизм; язык ненависти; роспуск политических партий; контроль соразмерности; защита демократического общества

Благодарности. Автор выражает благодарность профессору кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова доктору юридических наук, профессору Александре Алексеевне Троицкой за идею настоящего исследования и ценные рекомендации, высказанные в процессе работы над статьей.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Койдан А. В. Концепция «воинствующей демократии» в практике Европейского суда по правам человека // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 247–266. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-247-266>. EDN: <https://elibrary.ru/bmaxkk>

Original scientific article

The Concept of Militant Democracy in the Case Law of the European Court of Human Rights

A. V. Koydan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ akoydan@gmail.com

Abstract. This article examines the concept of militant democracy (*démocratie militante*, *wehrhafte Demokratie*) in the context of its application in the case law of the European Court of Human Rights. Despite Russia's withdrawal from the Council of Europe and the cessation of the European Court of Human Rights' jurisdiction in respect of the Russian Federation in 2022, the study of this concept remains relevant for Russian constitutional-law scholarship. It makes it possible to gain a deeper understanding of universal mechanisms for protecting the constitutional order, provides comparative material for the development of national legal doctrines, and offers insight into approaches that may prove valuable in improving Russian legal instruments for countering extremism and the abuse of rights. The doctrine of militant democracy, developed by the German scholar Karl Loewenstein in the 1930s, provides for legal mechanisms for the preventive protection of democratic regimes against anti-democratic political forces. The article analyzes the normative embodiment of this concept in Article 17 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, which prohibits the abuse of rights, and identifies its principal instruments: a "hard" instrument, involving the complete denial of legal protection, and "soft" instruments, operating within the framework of proportionality review. The article offers a detailed analysis of cases concerning racist speech, Holocaust denial, or negationism, the justification of Nazi crimes, and the dissolution of political parties pursuing anti-democratic objectives. In addition to specific cases, the study draws on the works of European constitutional scholars and on Council of Europe documents relating to the *travaux préparatoires* of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. The article concludes that the European Court of Human Rights has developed specific criteria for assessing the lawfulness of restrictive measures: the compatibility of the political regime being promoted with democratic principles; the legality of the means employed; the existence of a real and immediate threat; and the actual capacity to abolish democratic institutions. The conceptual framework and criteria developed by the European Court of Human Rights constitute a valuable resource that extends beyond jurisdictional boundaries and is capable of enriching the development of balanced approaches to protecting the foundations of statehood while respecting individual rights in any legal system.

Keywords: militant democracy; European Court of Human Rights; abuse of rights; Article 17 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms; freedom of expression; negationism; hate speech; dissolution of political parties; proportionality review; protection of democratic society

Acknowledgments. The Author expresses his gratitude to Aleksandra A. Troitskaya, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, for suggesting the idea of this study and for her valuable recommendations during the preparation of the article.

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Koydan A. V. The Concept of Militant Democracy in the Case Law of the European Court of Human Rights. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):247-266. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-247-266>. EDN: <https://elibrary.ru/bmaxkk> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	249
II. Воинствующая демократия: теоретические и нормативные аспекты	251
III. «Жесткий» инструмент воинствующей демократии: ст. 17 Конвенции	253
IV. «Мягкие» инструменты воинствующей демократии: контроль соразмерности ограничений	258
V. Заключение	262
Список литературы	265

I. ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и новизна исследования. Ограничение прав и свобод противников демократии остается одной из наиболее сложных проблем современного конституционализма. Европейскому Суду по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд) неоднократно приходилось оценивать правомерность ограничительных мер, вводимых государствами для защиты основ конституционного порядка, и разрешать конфликт между демократией – «единственной политической моделью, предусмотренной Конвенцией и совместимой с ней», – и злоупотреблениями теми самыми правами, гарантом которых является ЕСПЧ.

Новизна настоящего исследования состоит в комплексном анализе практики ЕСПЧ сквозь призму концепции воинствующей демократии с выделением двух различных инструментов ее реализации – «жесткого» (полное лишение правовой защиты на основании ст. 17 Конвенции Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹ (далее также – Конвенция)) и «мягкого» (ограничение прав в рамках контроля соразмерности), а также в систематизации критериев, выработанных Судом для оценки правомерности ограничительных мер.

Обзор литературы. Концепция воинствующей демократии была впервые

сформулирована немецким исследователем К. Лёвенштайном в серии работ, опубликованных в 1930-х гг., написанных под впечатлением от краха Веймарской республики [1; 2; 3]. К. Лёвенштайн указывал, что приход к власти национал-социалистов был предопределен слабостью демократических механизмов, которые были использованы нацистами для уничтожения самой демократии, и предлагал сделать демократию «воинствующей» с помощью превентивных правовых инструментов.

В европейской доктрине концепция воинствующей демократии получила значительное развитие. У. Килинч в своем исследовании практики ЕСПЧ выделяет два основных механизма защиты демократии – через ст. 17 Конвенции и контроль соразмерности – и анализирует критерии их применения [4]. Г. Харшер обращает внимание на опасности, которые несет в себе сама концепция воинствующей демократии, в частности на так называемые стратегии маскировки, используемые современными экстремистами для обхода правовых ограничений [5]. С. ван Дрогенбрук исследует вопрос о необходимости ст. 17 Конвенции и ее соотношении с другими механизмами защиты [6]. П. Ваксманн и М. Левине анализируют практику ЕСПЧ в делах о негационизме и отрицании Холокоста [7; 8]. Х. Теада рассматривает

¹ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод : закл. в г. Риме 4 нояб. 1950 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Россия перестала являться Высокой Договаривающейся Стороной данной Конвенции 16 сентября 2022 г. (см.: *О последствиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы в свете статьи 58 Европейской конвенции о правах человека* : Резолюция Европ. Суда по правам человека от 22 марта 2022 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

доктрину Суда в отношении запрета политических партий [9]. Ж.-Ф. Флаусс характеризует ст. 17 как «гильотину», подчеркивая радикальность этого инструмента [10].

В последние годы концепция воинствующей демократии привлекает повышенное внимание исследователей в связи с новыми вызовами цифровой эпохи. Н. В. Нетанель в своей работе 2023 г. анализирует применимость принципов воинствующей демократии к угрозам, исходящим от социальных сетей, и обосновывает необходимость адаптации классических инструментов защиты демократии к условиям цифровой коммуникации [11]. В коллективной монографии 2019 г. А. Малкопулу и А. Киршнер систематизируют современные дискуссии о пределах и возможностях воинствующей демократии в условиях роста популизма и правого экстремизма в Европе [12]. А. Шайо исследует концепцию воинствующего конституционализма как развитие идей Лёвенштайна применительно к современным механизмам конституционной защиты демократии [13].

В отечественной науке проблематика воинствующей демократии разработана в меньшей степени, что обуславливает необходимость обращения к зарубежным источникам и практике ЕСПЧ для формирования комплексного представления о данной концепции.

Постановка проблемы. Центральной исследовательской проблемой является определение критериев, позволяющих разграничить правомерную реализацию прав и свобод и злоупотребление ими в целях подрыва демократического строя. Эта задача особенно сложна в современных условиях, когда возможности для выражения мнений и политических убеждений экспоненциально возросли благодаря цифровым технологиям, а противники демократии всё чаще прибегают к завуалированным формам экстремиз-

ма, формально не выходящим за рамки закона.

Гипотеза исследования. В практике ЕСПЧ сформировалась устойчивая система критериев, позволяющих оценивать правомерность ограничительных мер, принимаемых государствами для защиты демократии. Эти критерии носят универсальный характер и могут быть использованы в любой правовой системе, стремящейся к сбалансированной защите конституционного строя при уважении прав личности.

Методология исследования. В настоящей работе использовались общенаучные методы анализа и синтеза, а также специальные юридические методы: формально-юридический метод при анализе норм Конвенции; сравнительно-правовой метод при сопоставлении различных подходов к реализации концепции воинствующей демократии; метод анализа нормативно-правовых актов и судебной практики. Эмпирическую основу исследования составили нормы Конвенции, решения Европейской комиссии и ЕСПЧ, документы Совета Европы, касающиеся подготовительной работы над текстом Конвенции, а также доктринальные источники европейских конституционалистов.

Цель и задачи исследования. Целью статьи является анализ практики ЕСПЧ в контексте концепции воинствующей демократии и выявление критериев, которыми руководствуется Суд при оценке правомерности ограничений прав и свобод. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: рассмотреть теоретические основы концепции воинствующей демократии и ее нормативное закрепление в Конвенции; проанализировать практику применения ст. 17 Конвенции как «жесткого» инструмента лишения правовой защиты; исследовать «мягкие» механизмы воинствующей демократии, действующие в рамках контроля соразмерности ограничительных мер.

II. ВОИНСТВУЮЩАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Основная идея доктрины воинствующей демократии (*militant democracy*) состоит в разработке правовых механизмов превентивной защиты, которые нивелируют или снижают риск того, что демократический режим и другие основы конституционного строя будут поставлены под угрозу со стороны «врагов свободы» – антидемократических (авторитарных и тоталитарных) политических сил. В литературе справедливо отмечается, что демократия – это уязвимый строй, подверженный злоупотреблениям и изначально не имеющий надежных процедур и механизмов, позволяющих защитить себя от врагов, желающих уничтожить ее под предлогом осуществления прав и свобод [4]. Эта уязвимость и является основной причиной, по которой конституционные демократии должны создавать дополнительные правовые механизмы, защищающие от подобных злоупотреблений.

Большая часть таких механизмов носит рестриктивный характер. Однако, учитывая важность защиты демократии, ограничение или даже лишение некоторых конституционных прав и свобод отдельных субъектов политической жизни может быть вполне оправдано политико-правовыми соображениями.

Сам термин «воинствующая демократия» впервые был применен в работах немецкого исследователя К. Лёвенштайна, который в 1930-е гг. эмигрировал в США, скрываясь от преследований на родине [1; 2; 3]. Основываясь на опыте конституционного строя Веймарской республики, он указывал, что приход к власти национал-социалистов во главе с А. Гитлером был предопределен слабостью демократических механизмов, которые,

по сути, были использованы нацистами, формально действовавшими в пределах предоставленных им прав и свобод. Описывая демократический строй, Лёвенштайн использовал метафору троянского коня, указывая, что именно неограниченный подход к возможностям осуществления прав и свобод позволяет приходить к власти политическим группам, которые ставят своей целью уничтожение демократии, свержение конституционного порядка. Во избежание этого необходимо изменить сам характер демократии, сделать ее воинствующей при помощи определенных механизмов, позволяющих ограничивать врагов демократии правовыми инструментами.

До окончания Второй мировой войны доктрина Лёвенштайна оставалась преимущественно теоретической разработкой, однако во второй половине XX в. она получила практическое воплощение как в национальном законодательстве европейских государств, так и в международных актах. Первым и наиболее ярким примером такого воплощения стал Основной закон ФРГ, принятый в 1949 г.² В этом конституционном акте впервые была воспринята модель самозащищающейся демократии, которая может сопротивляться попыткам свержения установленного демократического строя. Очевидно, это было предопределено горьким опытом тоталитаризма, который, по замыслу авторов Основного закона ФРГ, никогда больше не должен повториться.

Так, в п. 2 ст. 9 Основного закона ФРГ запрещаются объединения, цели или деятельность которых противоречат уголовным законам или направлены против конституционного строя или идеи взаимопонимания народов. Кроме того, ст. 18 Основного закона ФРГ предусматривает лишение некоторых основных

² См.: *Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland*, 23. Mai 1949 // 100(0) Schlüsseldokumente. 2025. URL: https://www.1000dokumente.de/Dokumente/Grundgesetz_f%C3%BCr_die_Bundesrepublik_Deutschland?setlang=de (дата обращения: 16.11.2025)

прав и свобод (свобода печати, свобода преподавания, свобода собраний, свобода объединений и др.) для лиц, которые используют эти права для борьбы против основ свободного демократического строя. Помимо этого, п. 2 ст. 21 Основного закона ФРГ позволяет Федеральному конституционному суду объявлять неконституционными политические партии, которые «стремятся, судя по их целям или действиям их сторонников, причинить ущерб основам свободного демократического строя или уничтожить его».

Впоследствии были приняты и другие европейские конституции, в которых также предусматривались превентивные меры для защиты конституционного порядка от противников демократии. Однако ключевым шагом для европейского правопорядка в целом стало внедрение концепции воинствующей демократии в текст базового регионального каталога прав человека – Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Наличие механизмов воинствующей демократии в Конвенции объясняется историческим контекстом ее разработки. Как пишет А. Шпильман, сама идея принятия Конвенции стала проявлением «защитной реакции европейских демократий против потенциальной опасности диктатуры в Европе» [14, р. 5]. Разработчики Конвенции стремились порвать с самыми темными страницами истории человечества и обеспечить, чтобы осуществление прав и свобод, закрепленных в ней, не могло использоваться для подрыва демократии [6].

Об этом желании красноречиво свидетельствуют документы подготовительной стадии разработки Конвенции. Так,

на первой сессии Консультативной ассамблеи Совета Европы при обсуждении содержания будущей ст. 17 Конвенции представитель Греции отмечал, что «свобода человека не должна становиться арсеналом, из которого враги могут свободно выхватывать оружие, чтобы полностью подавить эту свободу»³. Схожее мнение выразил и представитель Великобритании сэр Дэвид Максвелл-Файф: «Мы не хотим быть чрезмерно сентиментальными и предоставлять злонамеренным людям возможность создавать тоталитарные движения, которые полностью разрушат [институт] прав человека»⁴.

Примечательно и выступление представителя Турции М. Дюсюнселя, который подчеркивал, что «если однажды в демократической стране какая-нибудь партия... нацистского, фашистского или коммунистического направления, воспользовавшись Декларацией прав человека, попытается подавить демократию и положить ей конец, эта страна окажется в *состоянии самозащиты* прав человека и демократии»⁵ (курсив наш. – А. К.).

Как и составители Конвенции, судьи ЕСПЧ также высказываются в поддержку концепции воинствующей демократии. Как отмечается в решении по делу «Жданок против Латвии», Суд призван не только обеспечить защиту прав и свобод, гарантированных Конвенцией, на общеевропейском уровне, но и не допустить, чтобы осуществление этих прав и свобод подрывало демократию, которая представляет собой фундаментальный элемент «европейского общественного порядка»⁶.

Суд неоднократно признавал, что защита демократии находится в неразрывной связи с реализацией Конвенции

³ См.: *Recueil des Travaux Préparatoires*. Vol. I: 1953–1954. P. 46–47 // Portail du Conseil de l'Europe. 2025. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806c1be5> (дата обращения: 16.11.2025).

⁴ Ibid. P. 49.

⁵ Ibid. P. 150.

⁶ См.: *Affaire Ždanoka c. Lettonie* : Arrêt, 16 mars 2006, requête № 58278/00 // Cour européenne des droits de l'homme. 2006. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-72795> (дата обращения: 16.11.2025).

и ее ценностей. В связи с этим можно сделать парадоксальный вывод: если в рамках воинствующей демократии ограничиваются права и свободы, то это делается не только для защиты демократического строя, но и для защиты самих прав и свобод как института. Это обусловлено тем, что права человека, предусмотренные в Конвенции, могут эффективно признаваться и соблюдаться лишь в «подлинно демократической политической системе», как указано в Преамбуле Конвенции. Неслучайно ЕСПЧ в своих решениях отмечал, что «демократия – это единственный политический режим, предусмотренный в Конвенции, и, соответственно, единственный совместимый с ней»⁷.

Следовательно, можно констатировать, что ЕСПЧ в своих решениях пользуется концепцией воинствующей демократии, прямо ссылаясь на ее базовые положения. Однако каким образом, на основании какого положения или положений обеспечивается защита демократии от ее врагов, злоупотребляющих правами, предусмотренными Конвенцией?

Так, можно выделить два основных механизма: полное лишение лица правовой защиты, предусмотренной Конвенцией, которое осуществляется ЕСПЧ на основании ст. 17, а также менее радикальные способы оправдания государственных мер ограничительного характера, введенных для защиты основ конституционного порядка.

III. «Жесткий» инструмент воинствующей демократии ст. 17 Конвенции

С момента принятия Конвенции предусмотренные ею органы регулярно рас-

сматривали вопросы ограничения деятельности или действий, противоречащих демократическому устройству общества, однако формально выражающихся в реализации прав и свобод, предусмотренных Конвенцией. По сути, речь шла о применении инструментов воинствующей демократии. Эта концепция была нормативно закреплена в ст. 17 Конвенции, которая запрещает любую деятельность или любые действия, направленные на упразднение прав и свобод или на их ограничение в большей степени, чем это предусмотрено Конвенцией. Судья Ямбрек в своем особом мнении по делу «Леиде и Изорни против Франции» указал, что цель ст. 17 Конвенции состоит в *защите* демократического общества и его институтов, и в этом плане данная статья отражает идею «*демократии, способной себя защитить*» (*wehrhafte Demokratie*)⁸. В уже упомянутом деле «Жданок против Латвии» Суд подтвердил, что именно такой смысл и заложен в ст. 17 Конвенции: «Нельзя исключать, что лицо или группа лиц будут ссылаться на права, закрепленные в Конвенции или Протоколах к ней, чтобы обосновать свое право заниматься деятельностью, нарушающей такие права и свободы. Подобная ситуация положила бы конец демократии. Именно эти опасения и побудили авторов Конвенции ввести статью 17»⁹.

Представляется целесообразным рассмотреть некоторые примеры применения ст. 17 Конвенции в практике ЕСПЧ.

Впервые ссылка на ст. 17 Конвенции была сделана в Решении Европейской комиссии по правам человека (далее – Комиссия) от 20 июля 1957 г.

⁷ См., напр.: *Parti communiste unifié de Turquie et autres c. Turquie* : Arrêt, 30 janvier 1998 № 19392/92 // Cour européenne des droits de l'homme. 1998. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/tpk19/view.asp?i=002-8948> (дата обращения: 16.11.2025) ; *Affaire Refah Partisi (Parti de la Prospérité) et autres c. Turquie* : Arrêt, 13 février 2003, requêtes № 41340/98, 41342/98, 41343/98 et 41344/98 // Cour européenne des droits de l'homme. 2003. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/tpk19/view.asp?i=001-65493> (дата обращения: 16.11.2025).

⁸ См.: *Affaire Lehideux et Isorni c. France* : Arrêt, 23 septembre 1998, requête 24662/94 // Cour européenne des droits de l'homme. 1998. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-62802> (дата обращения: 16.11.2025).

⁹ См.: *Affaire Ždanoka c. Lettonie* ... Para 99.

по делу «Коммунистическая партия Германии против ФРГ»¹⁰. Объявляя жалобу неприемлемой, Комиссия подчеркнула, что целью Коммунистической партии Германии было установление посредством революции политического режима «диктатуры пролетариата», что несовместимо с Конвенцией, поскольку оно влечет за собой нарушение множества прав и свобод, закрепленных в ней. Иными словами, деятельность заявителей прямо запрещена ст. 17 Конвенции.

Вместе с тем важно определить объем действия ст. 17 Конвенции. В частности, возникает закономерный вопрос: может ли указанная статья служить основанием для отказа в защите любых прав и свобод, предусмотренных Конвенцией? Данный вопрос был прояснен Комиссией еще в конце 1950-х гг. Так, жалоба по делу «Лоулесс против Ирландии» была признана приемлемой, поскольку в ней шла речь о нарушении ст.ст. 5 и 6 Конвенции (права на свободу и личную неприкосновенность и права на справедливое судебное разбирательство соответственно). Комиссия указала, что ст. 17 Конвенции охватывает лишь злоупотребления определенным перечнем прав – на свободу мысли, свободу печати и свободу собраний и ассоциаций¹¹. В решении ЕСПЧ по данному делу, принятому в 1961 г., тоже указывалось, что ст. 17 Конвенции «не может рассматриваться и толковаться как лишаящая любого, кто стремится разрушить демо-

кратию, всех прав и свобод, изложенных в Конвенции»¹². В деле «Де Беккер против Бельгии» Комиссия также указала, что «человек не может быть навсегда лишен своих прав и свобод на основании статьи 17 лишь потому, что в определенный момент он отстаивал тоталитарные убеждения и действовал в соответствии с ними»¹³.

При этом ст. 17 Конвенции лишь однажды использовалась для обоснования запрета партии или политического движения – в уже упомянутом деле Коммунистической партии Германии. Другие же известные кейсы касались преимущественно свободы мысли, свободы слова и печати, когда эти свободы использовались для выражения и распространения идей расизма, ксенофобии или оправдания преступлений нацистского режима в рамках ревизионистских исследований.

Отказ в защите в отношении расистских высказываний. Отметим, что ЕСПЧ еще в 1976 г. в Постановлении по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства»¹⁴ указал, что свобода выражения мнений представляет собой одну из ключевых опор демократического общества, одно из основных условий общественного прогресса и индивидуального развития каждого человека. Здесь была сделана важная ремарка: «Даже с учетом п. 2 ст. 10 (Конвенции. – А. К.) эта свобода применима не только к мнениям или идеям, которые воспринимаются как положительные,

¹⁰ См.: *German Communist Party and others v. Germany* : Decision, 20 July 1957, application № 250/57 // Cour européenne des droits de l'homme. 1957. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/tpk19/view.asp?i=001-110191> (дата обращения: 16.11.2025).

¹¹ См.: *Lawless v. Ireland* : Report of the Commission, 9 December 1959, application № 332/57 // Cour européenne des droits de l'homme. 1959. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-73438&filename=LAWLESS%20v.%20IRELAND.pdf> (дата обращения: 16.11.2025).

¹² См.: *Affaire Lawless c. Irlande* : Arrêt, 1 juillet 1961, requête 332/57 // Cour européenne des droits de l'homme. 1961. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-62076> (дата обращения: 16.11.2025).

¹³ См.: *De Becker c. Belgique* : Rapport de la Commission, 22 janvier 1960, requête № 214/56 // Cour européenne des droits de l'homme. 1957. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-73711&filename=DE%20BECKER%20contre%20la%20BELGIQUE.pdf> (дата обращения: 16.11.2025).

¹⁴ См.: *Affaire Handyside c. Royaume-Uni* : Arrêt, 7 décembre 1976, requête № 5493/72 // Cour européenne des droits de l'homme. 1976. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/tpk19/view.asp?i=001-62057> (дата обращения: 16.11.2025).

индифферентные или безобидные, но и к идеям, которые шокируют, оскорбляют или беспокоят государство или часть населения. Таковы требования плюрализма, терпимости и духа открытости, без которых не может существовать демократическое общество». При этом Суд также указал, что «лицо, пользующееся свободой выражения мнений, принимает на себя также обязанности и ответственность».

Так, например, неприемлемым является использование свободы слова для распространения расистских взглядов. Такие убеждения, по сути, являются формой унижения личности и ее достоинства, то есть тех ценностей, которые в силу Конвенции подлежат абсолютной защите [15]. В силу этого в деле «Начова и другие против Болгарии» ЕСПЧ прямо указал, что государства «должны использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для борьбы с расизмом, тем самым укрепляя демократическую концепцию общества, согласно которой разнообразие является не угрозой, а преимуществом»¹⁵.

По мнению исследователей, практически во всех случаях, когда имело место злоупотребление свободой выражения мнений (ст. 10 Конвенции) или свободой собраний и объединений (ст. 11 Конвенции), ЕСПЧ применял ст. 17 Конвенции, в результате чего жалобы противников демократии признавались неприемлемыми вследствие несовместимости *ratione materiae* с положениями Конвенции [16].

Например, в деле «W. P. и другие против Польши»¹⁶ заявители жаловались, что национальные власти Польши отказали им в создании ряда объединений, включая «Национально-патриотическую ассоциацию польских жертв большевизма

и сионизма». В уставе этой ассоциации был выдвинут довольно спорные тезисы о том, что поляки преследовались еврейским меньшинством и между поляками и евреями существовало неравенство в пользу последних.

Схожее решение было принято и в отношении жалобы члена праворадикального британского движения, который публично демонстрировал плакат, направленный против мусульман, проживающих в Соединенном Королевстве. Суд констатировал, что «яростное нападение, совершенное против религиозного меньшинства», несовместимо с ценностями, установленными и гарантированными Конвенцией, в частности терпимостью, социальным миром и принципом недискриминации. В итоге было констатировано, что действия заявителя не подпадают под действие ст. 10 Конвенции (свобода выражения мнения), в их отношении была применена ст. 17 Конвенции, и, как следствие, жалоба была признана неприемлемой в силу несовместимости *ratione materiae*¹⁷.

В настоящее время ситуация осложнилась. ЕСПЧ все чаще стал сталкиваться с ситуациями, когда противники демократии избегают открытого выражения своих расистских взглядов, чтобы не привлекать внимание правоохранительных органов. При этом некоторые формально не запрещенные с точки зрения формы и содержания мнения и идеи в завуалированном виде все же представляли собой проявления расизма и ксенофобии. Так, например, под предлогом обеспокоенности насущными социально-экономическими проблемами (неконтролируемой миграцией, ростом исламского фундаментализма и экстремизма) некоторые радикальные

¹⁵ См.: *Natchova et autres c. Bulgarie* : Arrêt, 6 juillet 2005, requêtes № 43577/98, 43579/98 // Cour européenne des droits de l'homme. 2005. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/tkp19/view.asp?i=002-4483> (дата обращения: 16.11.2025).

¹⁶ См.: *W. P. et autres c. Pologne* : Décision, 2 septembre 2004, requête № 42264/98 // Cour européenne des droits de l'homme. 2004. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/tkp19/view.asp?i=002-4229> (дата обращения: 16.11.2025).

¹⁷ См.: *Norwood v. the United Kingdom* : Decision, 16 November 2004, application № 23131/03 // European Court of Human Rights. 2004. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-67632> (дата обращения: 16.11.2025).

группы и индивиды стали в скрытой форме оправдывать расизм, антисемитизм, исламофобию и иные взгляды, представляющие собой злоупотребление свободой выражения мнения. Как пишет Г. Харшер, противостоять таким практикам стало сложнее ввиду стратегии маскировки, затрудняющей и без того сложную правовую дифференциацию расистских высказываний и допустимых мнений, находящихся в рамках свободы слова [5].

Ярким примером таких сложностей стало Постановление ЕСПЧ, принятое по делу «Фере против Бельгии»¹⁸. Заявитель по данному делу – председатель бельгийской ультраправой политической партии «Национальный фронт» и член Палаты представителей Бельгии – был привлечен к уголовной ответственности за подстрекательство к дискриминации и возбуждение ненависти против иностранцев неевропейского происхождения, которое осуществлялось посредством распространения листовок, а также размещения материалов на сайте партии.

Суд не увидел в действиях бельгийских властей нарушения ст. 10 Конвенции, поскольку «высказывания, порочащие, высмеивающие или оскорбляющие часть населения или определенные социальные группы, могут и должны запрещаться государством, поскольку они представляют опасность для социального мира и политической стабильности в современных демократиях»¹⁹.

В листовках партии, по мнению Суда, заявитель стремился представить мигрантов как криминогенную среду, заинтересованную в использовании преимуществ, связанных с их размещением в Бельгии, а также высмеивал иностранцев, прибывающих из неевропейских стран. Формируемый таким образом нарратив по-

влек за собой риск того, что у публики (в особенности недостаточно информированной) могло быть вызвано чувство презрения, неприятия или даже открытой ненависти к мигрантам²⁰.

В этом деле Суд продемонстрировал, что высказывания расистского и ксенофобского характера не могут обмануть его бдительность даже в том случае, когда их авторы пытаются придать этим высказываниям политкорректный характер. При этом важно подчеркнуть, что в данном деле ст. 17 Конвенции не была применена, так как ЕСПЧ воспользовался менее жесткими гарантиями, предусмотренными п. 2 ст. 10 Конвенции. По мнению исследователей, это связано с тем, что высказывания заявителя были квалифицированы как «относительно умеренные» по сравнению с откровенно расистскими идеями [5].

Отказ в защите в отношении негационизма и оправдания нацизма. Далее рассмотрим, каким образом ст. 17 Конвенции использовалась для лишения правовой защиты лиц, которые обвинялись в своих государствах в оправдании нацизма и отрицании Холокоста (негационизме). В данных случаях Суд традиционно был довольно последовательным, поскольку, как отмечал профессор А. Шпильман, «Европейская конвенция зародилась в Освенциме, Берген-Бельзене, Биркенау и Бухенвальде» [14, р. 10]. Другой европейский исследователь, профессор П. Ваксманн, обосновывая важность данной категории дел для ЕСПЧ, писал, что «отрицание геноцида, совершенного нацистами и их пособниками против евреев, является частью самого проекта геноцида» [7]. Разумеется, подобные антиценности несовместимы с демократическим устройством общества.

¹⁸ См.: *Affaire Féret c. Belgique* : Arrêt, 16 juillet 2009, requête № 15615/07 // Cour européenne des droits de l'homme. 2009. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-93626> (дата обращения: 16.11.2025).

¹⁹ Ibid. Para 73.

²⁰ Ibid. Para 78.

Так, Комиссия в 1995 г. отклонила жалобу немецкого нацистского политика и публициста Э. Рёмера на действия немецких властей, приговоривших его к тюремному заключению за его издательскую деятельность. Как было указано Комиссией, в публикациях Э. Рёмера содержались утверждения, что в Третьем рейхе никогда не существовало газовых камер как инструмента массовых убийств евреев и что эта «ложь» была изобретена самими евреями с целью вымогательства денег у правительства Германии. Подобное отрицание фактов, установленных Нюрнбергским трибуналом, было совершенно правомерно криминализовано национальными властями ФРГ, поэтому как обжалуемые положения Уголовного уложения ФРГ, так и их применение были направлены на обеспечение мирного сосуществования населения Германии. Сам же заявитель не мог пользоваться свободой выражения мнения для распространения своих негационистских взглядов и убеждений в силу ст. 17 Конвенции²¹.

Аналогичное решение было принято Комиссией и в отношении французского отрицателя Холокоста П. Марэ, который, обжалуя действия властей по привлечению его к ответственности, ссылался на свободу выражения мнения, представавшую, с его точки зрения, в его ревизионистских трудах как «самое благородное выражение исследовательского духа»²². П. Марэ в своих работах доказывал, что массового истребления еврейского народа в Третьем рейхе никогда не было, как не существовало и газовых камер для массовых убийств. Однако Комиссия применила ст. 17 Конвенции и признала жалобу неприемлемой. Было

указано, что заявитель злоупотребляет правом, предусмотренным ст. 10 Конвенции, используя его в целях, которые противоречат тексту и духу этого документа²³.

Аналогичную позицию Суд высказал в деле «Гарауди против Франции»²⁴, признав жалобу заявителя неприемлемой. В данном случае заявитель также ссылался на научный характер своих исследований преступлений нацистского режима. Суд установил, что в этих исследованиях Гарауди фактически отрицал реальность, масштабы и серьезность преступлений против человечности, совершенных нацистами в отношении еврейской общины, игнорировал исторические факты, которые произошли во время Второй мировой войны и являются установленными международным трибуналом. Следовательно, его позиция никоим образом не могла являться научным историческим исследованием, проведенным с целью поиска истины. Напротив, целями публикаций заявителя были реабилитация национал-социалистического режима и, следовательно, обвинение самих жертв в фальсификации истории²⁵.

В литературе указывается, что и в процитированных делах, и в других решениях ЕСПЧ традиционно придерживается мнения о том, что отрицание Холокоста и других преступлений нацистского режима против человечности является, по сути, формой дискриминации по национальному признаку, разжиганием ненависти к евреям и другим жертвам нацистов. Как следствие, пересмотр общепринятой позиции по этому вопросу (негационизм) может привести к отрицанию ценностей, на которых базируются и Конвенция, и демократия как политический режим [8].

²¹ См.: *Remer c. Allemagne* : Décision, 6 septembre 1995, requête № 25096/94 // Cour européenne des droits de l'homme. 1995. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/tpk19/view.asp?i=001-87063> (дата обращения: 16.11.2025).

²² См.: *Maraïs c. France* : Décision, 24 juin 1996, requête № 31159/96 // Cour européenne des droits de l'homme. 1996. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/tpk19/view.asp?i=001-28086> (дата обращения: 16.11.2025).

²³ Ibid.

²⁴ См.: *Garaudy c. France* : Décision, 24 juin 2003, requête № 65831/01 // Cour européenne des droits de l'homme. 2003. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-44357> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁵ Ibid.

**IV. «МЯГКИЕ» ИНСТРУМЕНТЫ
ВОИНСТВУЮЩЕЙ ДЕМОКРАТИИ:
КОНТРОЛЬ СОРАЗМЕРНОСТИ
ОГРАНИЧЕНИЙ**

Как отмечает У. Килинч, лишение правовой защиты, предусмотренной ст. 17 Конвенции, не является единственным инструментом Суда для защиты демократии и ее ценностей посредством признания правомерными рестрикционных мер, которые принимаются на национальном уровне. Демократия также может быть защищена в рамках контроля соразмерности, осуществляемого ЕСПЧ в соответствии со ст.ст. 8–11 Конвенции и ст. 3 Протокола № 1 к ней [4]. В таком случае речь идет об ограниченной защите Конвенции в отношении взглядов, идей и политических объединений, которые могут угрожать демократии и самому институту прав человека. Следовательно, в рамках такого подхода речь идет о переходе от «жесткого» инструментария, предусмотренного ст. 17 Конвенции, к «мягким» механизмам концепции воинствующей демократии [17].

ЕСПЧ довольно часто использует эти «мягкие» механизмы воинствующей демократии. В этом случае Суд не считает необходимым объявлять жалобы неприемлемыми из-за несовместимости *ratione materiae*, а предпочитает применять к ним защиту, предусмотренную Конвенцией. Однако при контроле соразмерности принимаются во внимание возможные угрозы, которые определенные политические проекты представляют для демократических институтов государства и его конституционных основ.

Контроль соразмерности подразумевает, что любые ограничительные меры должны быть пропорциональны преследуемой законной цели и применены только в той мере, которая является абсолютно необходимой. Поскольку не существует

единой модели демократического общества, общество, которое уважает права человека, предусмотренные в общепризнанных международных документах в области прав человека, может считаться соответствующим данному определению. Важно, что слово «необходимость» не означает «абсолютную необходимость» или «обязательность», тем более оно не должно трактоваться столь же гибко, как слова «полезность» или «целесообразность». Термин «необходимость» означает, что должна присутствовать *наущная общественная потребность* для вмешательства. Таким образом, государство должно иметь серьезные основания для введения ограничений и их применения: в этом случае они будут признаны отвечающими тем требованиям, которые установлены во вторых частях ст.ст. 8–11 Конвенции²⁶.

Чаще всего на практике «мягкие» механизмы воинствующей демократии применяются в делах, где усматриваются риски установления тоталитарных режимов.

У. Килинч полагает, что основными политическими идеологиями, которые считаются несовместимыми с демократией и правами человека, безусловно, являются национал-социализм и фашизм, непосредственно связанные с построением тоталитарных режимов [4]. Более сложной представляется ситуация с коммунизмом. С одной стороны, можно вспомнить уже упомянутое дело Коммунистической партии Германии, где диктатура пролетариата была признана режимом, несовместимым с Конвенцией, поскольку он включает в себя нарушение множества прав и свобод, закрепленных в Конвенции. У этой позиции есть свои исторические причины: Конвенция была составлена и принята непосредственно после Второй мировой войны, то есть в контексте противостояния западных

²⁶ См., напр.: *Affaire Morice v. France* : Arrêt, 23 avril 2015, requête № 29369/10 // Cour européenne des droits de l'homme. 2015. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-154264> (дата обращения: 16.11.2025).

либеральных демократий сразу несколькими тоталитарным идеологиям, в том числе коммунизму.

Однако после падения Берлинской стены политический контекст в Европе резко изменился, и государства социалистического лагеря (в частности, республики бывшего СССР, а также государства Центральной и Восточной Европы) стали членами Совета Европы и подписали Конвенцию. Следовательно, угроза коммунизма для либеральных демократий стала, по сути, гипотетической, а коммунистические партии в различных европейских государствах перестали поддерживать диктатуру пролетариата, предпочитая *идти другим путем*.

Впрочем, эти тенденции не всегда мешают Суду одобрять некоторые меры, принимаемые на национальных уровнях для защиты новых демократий от потенциального коммунистического реванша. Одно из наиболее знаковых решений здесь было принято по уже упоминавшемуся делу «Жданок против Латвии». Здесь заявительница, Т. А. Жданок, полагала, что примененный в отношении нее запрет избираться в латвийский Парламент был нарушением ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции. Правительство Латвии указывало, что на рубеже 1980–1990-х гг. Т. А. Жданок была активной участницей так называемого Интерфронта – общественной организации, выступавшей против независимости Латвии и за сохранение руководящей роли КПСС. Кроме того, она длительное время была членом КПСС. Также Т. А. Жданок участвовала в попытке насильственного государственного переворота 13 января 1991 г., целью которого было недопущение построения независимой и демократической Латвии.

Суд указал, что подобные ограничения со стороны латвийских властей могут быть признаны правомерными с учетом историко-политического контекста, при-

ведшего к установлению нового демократического порядка, а также угрозы демократии, которую несет возрождение поддерживаемых заявительницей идей и ценностей. Помимо этого, по мнению Суда, латвийские власти лишь установили специфические меры публичного права, регулирующие доступ к политическому процессу на высшем уровне, и тот факт, что заявительница не соответствовала этим требованиям, не является нарушением ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции.

Особый интерес представляет блок решений ЕСПЧ, связанных с правовой оценкой запретов религиозно-ориентированных партий Турецкой Республики. Дело в том, что со времен М. К. Ататюрка Турция является светским государством, при этом подавляющее большинство населения исповедует ислам. В связи с этим на турецком политическом поле нередко появляются движения и партии, в той или иной степени выступающие за отмену секуляризма и внедрение принципов шариата в сферу государственного управления.

Эти дела любопытны в первую очередь потому, что теократические режимы и опасность, которую они представляют для демократии, не рассматривались разработчиками Конвенции. Однако это не означает, что экстремистам может быть разрешено установление таких режимов посредством использования демократических институтов для прихода к власти. Когда такая опасность присутствует, государство, вооруженное механизмами воинствующей демократии, «должно быть в состоянии предотвратить установление политического [режима] до того, как он будет претворен в реальность и будут разрушены гражданский мир и демократическое правление»²⁷. Превентивное вмешательство государств для защиты демократии является их позитивным обязательством в соответствии со ст. 1

²⁷ *Affaire Refah Partisi (Parti de la Prospérité) et autres c. Turquie ...* Para 102.

Конвенции (обеспечение прав и свобод лиц, находящихся под их юрисдикцией)²⁸.

Вопрос об опасности установления теократических режимов поднимается в знаковом деле «Партия Благоденствия и другие против Турции»²⁹, которое касалось правомерности роспуска политической партии «Рефах» Конституционным судом Турецкой Республики. Турецкие судьи признали незаконными цели партии по установлению мультиправовой системы – введению норм шариата наряду со светскими законами.

ЕСПЧ, со своей стороны, согласился с выводами Конституционного суда Турецкой Республики и заявил, что шариат – это система, несовместимая с демократией, поскольку она буквально отражает догмы и каноны, установленные религией, имеет стабильный и неизменный характер и отличается от ценностей Конвенции. Суд подчеркнул сразу несколько отличий: нормы уголовного права и уголовного процесса; место женщины в исламском правопорядке; вмешательство религии в частные сферы жизни и т. д. ЕСПЧ указал, что методы уголовного наказания, разрешенные и предписанные шариатом (забивание камнями, порка плетью, отрубание рук и др.), принципиально несовместимы с Конвенцией, которая основана на уважении прав человека и достоинства личности. Кроме того, определенные принципы демократии, такие как политический плюрализм или постоянный прогресс в области прав человека, чужды исламским теократиям.

Также Суд выделил и другие важные причины несовместимости шариата как политической и правовой системы с Конвенцией. Во-первых, концепция правопорядка шариата исключает роль государства в качестве гаранта прав и свобод.

Иными словами, установление исламской теократии противоречит позитивному обязательству государства гарантировать всем лицам, находящимся под его юрисдикцией, осуществление прав и свобод, признанных Конвенцией. Во-вторых, мультиправовая система открыто противоречит принципу недискриминации лиц при использовании прав и свобод, являющемуся основополагающим для любого демократического общества. Различие в обращении в важных сферах публичного и частного права не находит никакого оправдания в тексте Конвенции [9].

Исследователи отмечают, что именно дело «Партии благоденствия» является хрестоматийным примером использования Судом концепции воинствующей демократии [9].

Практика ЕСПЧ в области воинствующей демократии продолжает развиваться. Важным прецедентом стало дело «Вона против Венгрии»³⁰, в котором Суд впервые рассмотрел вопрос о роспуске не политической партии, а общественно-го объединения – «Венгерской гвардии» (венг. *Magyar Gárda*). Это движение, основанное членами праворадикальной партии «Йоббик», проводило военизированные марши в населенных пунктах с компактным проживанием цыганского меньшинства, используя изображения, напоминавшие символику нацистской организации «Скрещенные стрелы». Суд констатировал, что государство вправе принимать превентивные меры для защиты демократии от объединений, деятельность которых создает непосредственную угрозу правам других лиц, подрывая фундаментальные ценности демократического общества. Примечательно, что одной из таких ценностей Суд назвал сосуществование членов общества без расовой

²⁸ *Affaire Refah Partisi (Parti de la Prospérité) et autres c. Turquie* ... Para 103.

²⁹ Ibid.

³⁰ См.: *Affaire Vona c. Hongrie* : Arrêt, 9 juillet 2013, requête № 35943/10 // Cour européenne des droits de l'homme. 2013. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122804> (дата обращения: 16.11.2025).

сегрегации, без которого демократическое общество немислимо.

Особый интерес представляет дело «Перинчек против Швейцарии»³¹, которое выявило границы применения концепции воинствующей демократии к отрицанию иных геноцидов, помимо Холокоста. Турецкий политик Д. Перинчек был осужден швейцарским судом за публичное отрицание геноцида армян. Однако ЕСПЧ, в отличие от дел о негационизме в отношении Холокоста, признал нарушение ст. 10 Конвенции. Суд провел различие между отрицанием Холокоста, которое в европейском контексте неизбежно связано с разжиганием ненависти, и высказываниями Перинчека, которые хотя и были резкими, но не представляли непосредственной угрозы общественному порядку в Швейцарии. Это решение подверглось критике за создание иерархии геноцидов и было принято десятью голосами против семи, что свидетельствовало о глубоких разногласиях внутри Суда относительно пределов воинствующей демократии.

В целях признания каких-либо ограничительных мер государства защитными по смыслу концепции воинствующей демократии ЕСПЧ в своей практике разработал определенные критерии, оценивающие соответствие введенных ограничений Конвенции:

1) изучение политического режима, который пропагандируется или продвигается на практике. Любой режим в государстве – члене Совета Европы должен являться совместимым с основополагающими демократическими принципами. Очевидно, таковыми не являются режимы, основанные на таких идеологиях,

как национал-социализм, фашизм, коммунизм (если он подразумевает диктатуру пролетариата) и шариат. Иначе обстоит дело с конституционной монархией, поскольку она установлена в некоторых европейских странах, включая либеральные демократии. Суд неслучайно подчеркивал, что принципы, вытекающие из его собственного прецедентного права в отношении демократии и республиканского режима, применимы и к монархическому режиму³²;

2) оценка средств, используемых противниками демократии для достижения их целей. По мнению Суда, указанные средства должны быть законными и демократическими. Иными словами, заявитель не должен прибегать к насилию или поощрять его – в таком случае концепция воинствующей демократии не применима, так как речь идет об уголовно наказуемых деяниях. Указанные два критерия дополняют друг друга: как Суд разъяснил в Решении по делу «Жечев против Болгарии», политические кампании за изменение правопорядка и основ конституционного строя сами по себе не являются несовместимыми с принципами демократии, если только средства достижения этих целей не являются насильственными и недемократическими³³. Сочетание первых двух критериев также подчеркивается в деле «Гюндюз против Турции», в котором Суд заявил, что собственно факт поддержки шариата без призывов к насилию для его установления допустим в рамках свободы выражения мнений, гарантированной ст. 10 Конвенции³⁴;

3) наличие реальной, явной и непосредственной опасности для демократии

³¹ См.: *Affaire Perinçek c. Suisse* : Arrêt [GC], 15 octobre 2015, requête № 27510/0810 // Cour européenne des droits de l'homme. 2015. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-158216> (дата обращения: 16.11.2025).

³² См.: *Affaire Otegi Mondragon c. Espagne* : Arrêt, 15 mars 2011, requête № 2034/07 // Cour européenne des droits de l'homme. 2011. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103950> (дата обращения: 16.11.2025).

³³ См.: *Case of Zhechev v. Bulgaria* : Judgment, 21 June 2007, application № 57045/00 // Cour européenne des droits de l'homme. 2007. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-81209> (дата обращения: 16.11.2025).

³⁴ См.: *Affaire Gündüz c. Turquie* : Arrêt, 4 décembre 2003, requête № 35071/97 // Cour européenne des droits de l'homme. 2003. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-81209> (дата обращения: 16.11.2025).

и ее институтов. Иными словами, простого подозрения недостаточно для оправдания ограничения прав и свобод во имя защиты демократии. Проявление данного критерия можно найти всё в том же деле «Партии благоденствия». Суд констатировал, что на момент роспуска политическая партия обладала реальной возможностью получения всей полноты власти легальным путем: электоральные успехи и рост числа сторонников свидетельствовали о том, что она могла бы действительно реализовать свои представления о политическом устройстве Турции (очевидно, противоречащие демократии).

4) определение возможности упразднения демократии путем установления режима, несовместимого с ней. Данный критерий, тесно связанный с третьим, нашел свое отражение в деле «Гюндюз против Турции», где заявитель тоже был обвинен национальными властями в продвижении шариатского режима в Турции. Однако ЕСПЧ провел различие между делами «Партии благоденствия» и М. Гюндюза, подчеркнув, что «Партия благоденствия» имела реальный потенциал для захвата политической власти, тогда как М. Гюндюз не имел возможности трансформировать политическую и правовую систему государства³⁵.

Х. Теада писал, что ограничение основных прав и свобод на основе концепции воинствующей демократии может быть оправдано ЕСПЧ лишь при соблюдении рассмотренных выше критериев. В этом случае превентивные действия государства по защите демократии и предотвращению установления авторитарных режимов могут считаться законными [9]. Суд четко заявляет, что от государства нельзя требовать воздерживаться от вмешательства и ждать, пока какая-либо партия получит власть и начнет реализацию политического проекта, несовместимого

со стандартами Конвенции и демократии³⁶. Когда предпринимаются конкретные действия, направленные на реализацию этого проекта, и когда власти могут убедительно доказать наличие реальной и непосредственной угрозы демократии, рестрикционные меры государства являются оправданными.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ограничение деятельности и действий, которые прямо или косвенно угрожают демократии в государствах, испытывших на себе опыт нацизма, фашизма, коммунизма, теократии и прочих тоталитарных режимов, считается правомерным согласно концепции воинствующей демократии. В европейских правовых порядках эта концепция также воплощена в формуле «демократия, способная себя защитить».

Когда конкретные действия или деятельность считаются расистскими или направленными на отрицание преступлений нацизма (так называемый негационизм), применяется ст. 17 Конвенции, влекущая отказ в правовой защите. Это «жесткий» механизм, предполагающий, что в случае таких преступлений не может быть и речи о контроле соразмерности ограничительных мер государства. Именно поэтому Ж.-Ф. Флаусс квалифицирует злоупотребление правами по смыслу ст. 17 Конвенции как «гильотину» [10]. В этих случаях от государств не требуется доказывать, что вмешательство было предусмотрено законом, преследовало законную цель и было необходимым в демократическом обществе, как того требуют вторые части ст.ст. 8–11 Конвенции. Также государствам-ответчикам в таких делах не предоставляется широких пределов усмотрения для оправдания ограничения основных прав и свобод. Нет необходимости оценивать, являются ли риски и угрозы, исходящие от расистских и негационистских

³⁵ См.: *Affaire Gündüz c. Turquie* ...

³⁶ *Affaire Refah Partisi (Parti de la Prospérité) et autres c. Turquie* ... Para 102.

высказываний и деятельности, непосредственными или неизбежными для демократии, поскольку такие высказывания и деятельность сами по себе неприемлемы в условиях демократии и представляют собой преступления, караемые уголовным законодательством.

Однако для Суда подобное лишение защиты на основании ст. 17 Конвенции является радикальным решением, которое должно применяться только в исключительных обстоятельствах. Этот инструмент действительно может стать поводом для злоупотреблений со стороны национальных властей. Следовательно, необходимо избегать «злоупотребления обращением к злоупотреблению правами» на основании ст. 17 Конвенции, поскольку под предлогом защиты демократии можно запретить любую политическую деятельность оппозиции. Это может не только подорвать плюрализм в обществе, но и привести к установлению подлинно авторитарного режима, не терпящего различий.

Действительно, вполне возможно, что чрезмерная защита демократии приведет к подавлению самой демократии. Вот почему меры, принятые во внутреннем законодательстве для защиты от злоупотребления правами, должны быть законными и демократическими по своей сути. Когда в конкретных ситуациях идет речь о рисках установления авторитарного режима, принцип воинствующей демократии проявляется в контроле ЕСПЧ за соразмерностью принятых рестрикционных мер. Иными словами, Суд должен найти справедливый баланс между императивами защиты демократического общества, с одной стороны, и императивами защиты прав личности, с другой стороны.

Таким образом, в основе идеи воинствующей демократии, которая фигурирует в прецедентной практике Суда как оправдание для ограничения основных прав и свобод, лежит принцип со-

размерности. Когда существует реальная и непосредственная угроза демократии, баланс смещается в сторону демократии, и интересы общества превалируют над интересами отдельных лиц. При этом государству предоставляется широкая свобода усмотрения, однако любая ограничительная мера оценивается на предмет того, насколько она необходима в демократическом обществе.

Вместе с тем анализ практики ЕСПЧ позволяет выявить ряд проблемных аспектов в применении концепции воинствующей демократии. Прежде всего, обращает на себя внимание определенная избирательность Суда: если в отношении негационизма и расистских высказываний позиция ЕСПЧ последовательно жесткая, то применительно к иным формам экстремизма – например, радикальному национализму или агрессивному сепаратизму – критерии остаются размытыми. Дело «Жданок против Латвии» наглядно демонстрирует, что Суд готов предоставлять молодым демократиям широкую свободу усмотрения в ограничении политических прав, однако границы этой свободы не всегда очевидны. Возникает вопрос: не создает ли такой подход риск двойных стандартов, при которых одни государства получают карт-бланш на ограничения, а другие подвергаются более строгому контролю?

Особую остроту приобретает проблема адаптации концепции воинствующей демократии к вызовам цифровой эпохи. Классические инструменты, рассмотренные в статье (запрет партий, уголовное преследование за высказывания, отказ в регистрации объединений), разрабатывались для эпохи, когда распространение идей требовало организационных структур и материальных ресурсов [13]. Сегодня экстремистский контент мгновенно распространяется через социальные сети, алгоритмы рекомендаций радикализируют пользователей, а децентрализованные

сетевые движения не имеют формальных лидеров, которых можно было бы привлечь к ответственности [12]. Практика ЕСПЧ пока не дает убедительных ответов на вопрос о том, как применять критерий «реальная и непосредственная угроза» к вирусному контенту, а критерий «возможность прихода к власти» — к сетевым сообществам, которые не стремятся к электоральному успеху, но способны дестабилизировать общество иными способами.

Наконец, нельзя игнорировать фундаментальное противоречие, заложенное в самой концепции воинствующей демократии: защищая демократию от ее врагов, государство неизбежно ограничивает те самые свободы, которые составляют сущность демократического строя. История знает немало примеров, когда механизмы защиты демократии использовались для подавления легитимной оппозиции и инакомыслия. В этом контексте выработанные ЕСПЧ критерии приобретают значение не только как инструменты оправдания ограничений, но и как гарантии против злоупотреблений со стороны властей. Однако эффективность этих гарантий напрямую связана с наличием независимого наднационального контроля, что ставит под вопрос применимость данной модели в государствах, не признающих юрисдикцию международных судебных органов.

Полагаем, что для российской правовой системы концепция воинствующей демократии представляет интерес не столько как готовый образец для заимствования, сколько как предмет критического осмысления. Опыт ЕСПЧ демонстрирует как возможности, так и пределы правовых механизмов защиты конституционного строя. Ключевой вывод здесь состоит в том, что любые ограничитель-

ные меры должны быть встроены в систему способов сдерживания и противовесов, включающую независимый судебный контроль, четкие законодательные критерии и механизмы обжалования. Без этих гарантий инструменты воинствующей демократии рискуют превратиться в орудие авторитаризма, то есть в свою противоположность.

Выработанные ЕСПЧ критерии контроля за соразмерностью представляют особый интерес для совершенствования практики применения российского законодательства о противодействии экстремизму. В частности, критерий «реальная и непосредственная угроза» и требование оценки фактической способности субъекта реализовать антидемократический проект могут быть адаптированы при толковании ст.ст. 280 и 282 Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако заимствование европейских стандартов невозможно без учета специфики национальной правовой системы и институционального контекста.

К перспективным направлениям дальнейших исследований относятся, во-первых, разработка критериев оценки угроз демократии в цифровой среде, поскольку в условиях вирусного распространения экстремистского контента сетевые сообщества не имеют формальных лидеров, а алгоритмы рекомендаций способствуют радикализации пользователей [11; 12; 18], во-вторых, сравнительный анализ законодательства об экстремизме в государствах Совета Европы и Российской Федерации с выявлением общих закономерностей и национальных особенностей, в-третьих, исследование правовых стандартов модерации контента на цифровых платформах с учетом требований соразмерности и защиты свободы выражения мнений.

Список литературы

1. Loewenstein K. Autocracy Versus Democracy in Contemporary Europe, I // *The American Political Science Review*. 1935. Vol. 29, iss. 4. P. 571–593. DOI: <https://doi.org/10.2307/1947789>
2. Loewenstein K. Legislative Control of Political Extremism in European Democracies // *Columbia Law Review*. 1938. Vol. 38, № 4. P. 591–622. DOI: <https://doi.org/10.2307/1116432>
3. Loewenstein K. Militant Democracy and Fundamental Rights, I // *The American Political Science Review*. 1937. Vol. 31, № 3. P. 417–432. DOI: <https://doi.org/10.2307/1948164>
4. Kiliņ U. La conception de la démocratie militante dans la jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme // *Revue trimestrielle des droits de l'homme*. 2012. № 90. P. 297–328.
5. Haarscher G. Les périls de la démocratie militante // *Revue trimestrielle des droits de l'homme*. 2010. № 84. P. 977–1003.
6. Van Drooghenbroeck S. L'article 17 de la Convention européenne des droits de l'homme est-il indispensable? // *Revue trimestrielle des droits de l'homme*. 2001. № 46. P. 541–566.
7. Wachsmann P. Liberté d'expression et négationnisme // *Revue trimestrielle des droits de l'homme*. 2001. № 46. P. 585–599.
8. Levinet M. La fermeté bienvenue de la Cour européenne des droits de l'homme face au négationnisme // *Revue trimestrielle des droits de l'homme*. 2004. № 59. P. 653–678.
9. Tejada J. T. La doctrine de la Cour européenne des droits de l'homme sur l'interdiction des partis politiques // *Revue française de droit constitutionnel*. 2012. № 90. P. 339–371. DOI: <https://doi.org/10.3917/rfdc.090.0339>
10. Flauss J.-F. L'abus de droit dans le cadre de la Convention européenne des droits de l'homme // *Revue universitaire des droits de l'homme*. 1992. Vol. 4, № 1. P. 461–468.
11. Netanel N. Applying Militant Democracy to Defend Against Social Media Harms // *Cardozo Law Review*. 2023. Vol. 45, № 2. P. 101–190.
12. *Militant Democracy and Its Critics: Populism, Parties, Extremism* / ed. by A. Malkopoulou, A. S. Kirshner. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. 296 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781474445627>
13. Sajó A. *Militant Constitutionalism* // *Militant Democracy and Its Critics: Populism, Parties, Extremism* / ed. by A. Malkopoulou, A. S. Kirshner. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. P. 187–206. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781474445627-013>
14. Spielmann A., Spielmann D. La notion de l'abus de droit à la lumière de la Convention européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales // *L'abus de droit et les concepts équivalents: principe et applications actuelles*. Strasbourg: Conseil de l'Europe, 1990. P. 58–77.
15. Cohen-Jonathan G. Le droit de l'homme à la non-discrimination raciale // *Revue trimestrielle des droits de l'homme*. 2001. № 46. P. 665–704.
16. De Gouttes R. A propos du conflit entre le droit à la liberté d'expression et le droit à la protection contre le racisme // *Mélanges en hommage à Louis Edmond Pettiti*. Bruxelles: Bruylant, 1998. P. 251–260.
17. Tulkens F. Les relations entre le négationnisme et les droits de l'homme: la jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme // *Le droit dans une Europe en changement*. Vilnius: Mykolo Romerio universiteto Leidybos centras, 2008. P. 215–232.
18. Capoccia G. Militant Democracy: The Institutional Bases of Democratic Self-Preservation // *Annual Review of Law and Social Science*. 2013. Vol. 9. P. 207–226. DOI: <https://dx.doi.org/10.1146/annurev-lawsoeci-102612-134020>

References

1. Loewenstein K. Autocracy Versus Democracy in Contemporary Europe, I. *The American Political Science Review*. 1935;29(4):571-593. DOI: <https://doi.org/10.2307/1947789>
2. Loewenstein K. Legislative Control of Political Extremism in European Democracies. *Columbia Law Review*. 1938;38(4):591-622. DOI: <https://doi.org/10.2307/1116432>
3. Loewenstein K. Militant Democracy and Fundamental Rights, I. *The American Political Science Review*. 1937;31(3):417-432. DOI: <https://doi.org/10.2307/1948164>
4. Kiliņ U. La conception de la démocratie militante dans la jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme. *Revue trimestrielle des droits de l'homme*. 2012;90:297-328. (In French.)
5. Haarscher G. Les périls de la démocratie militante. *Revue trimestrielle des droits de l'homme*. 2010;84:977-1003. (In French.)
6. Van Drooghenbroeck S. L'article 17 de la Convention européenne des droits de l'homme est-il indispensable? *Revue trimestrielle des droits de l'homme*. 2001;46:541-566. (In French.)
7. Wachsmann P. Liberté d'expression et négationnisme. *Revue trimestrielle des droits de l'homme*. 2001;46:585-599. (In French.)
8. Levinet M. La fermeté bienvenue de la Cour européenne des droits de l'homme face au négationnisme. *Revue trimestrielle des droits de l'homme*. 2004;59:653-678. (In French.)

9. Tejada J. T. La doctrine de la Cour européenne des droits de l'homme sur l'interdiction des partis politiques. *Revue française de droit constitutionnel*. 2012;90:339-371. DOI: <https://doi.org/10.3917/rfdc.090.0339> (In French.)
10. Flauss J.-F. L'abus de droit dans le cadre de la Convention européenne des droits de l'homme. *Revue universitaire des droits de l'homme*. 1992;4(1):461-468. (In French.)
11. Netanel N. Applying Militant Democracy to Defend Against Social Media Harms. *Cardozo Law Review*. 2023;45(2):101-190.
12. Malkopoulou A., Kirshner A. S. (Eds.). *Militant Democracy and Its Critics: Populism, Parties, Extremism*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. 296 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781474445627>
13. Sajó A. Militant Constitutionalism. In: Malkopoulou A., Kirshner A. S. (Eds.). *Militant Democracy and Its Critics: Populism, Parties, Extremism*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. P. 187–206. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781474445627-013>
14. Spielmann A., Spielmann D. La notion de l'abus de droit à la lumière de la Convention européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales. In: *L'abus de droit et les concepts équivalents: principe et applications actuelles*. Strasbourg: Conseil de l'Europe Publ.; 1990. P. 58–77. (In French.)
15. Cohen-Jonathan G. Le droit de l'homme à la non-discrimination raciale. *Revue trimestrielle des droits de l'homme*. 2001;46:665-704. (In French.)
16. De Gouttes R. A propos du conflit entre le droit à la liberté d'expression et le droit à la protection contre le racisme. In: *Mélanges en hommage à Louis Edmond Pettiti*. Bruxelles: Bruylant Publ.; 1998. P. 251–260. (In French.)
17. Tulkens F. Les relations entre le négationnisme et les droits de l'homme: la jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme. In: *Le droit dans une Europe en changement*. Vilnius: Mykolo Romerio universiteto Leidybos centras Publ.; 2008. P. 215–232. (In French.)
18. Capoccia G. Militant Democracy: The Institutional Bases of Democratic Self-Preservation. *Annual Review of Law and Social Science*. 2013;9:207-226. DOI: <https://dx.doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-102612-134020>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Васильевич Койдан, аспирант кафедры конституционного права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3799-1912>; e-mail: akoydan@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Koydan, postgraduate student of the Department of Constitutional Law at the Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3799-1912>; e-mail: akoydan@gmail.com

Поступила | Received
28.11.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
20.02.2026

Принята к публикации | Accepted
24.02.2026

УДК 342.4

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-267-281

EDN: BUNKGH

Оригинальная научная статья

Адаптация конституционного порядка к режиму нормализованной чрезвычайности: сравнительно-правовое исследование

С. Ю. Поярков

ФГУП «ВНИИФТРИ», Менделеево, Московская область, Российская Федерация

✉ psu@vniiftri.ru

Аннотация. Современные конституционные порядки все чаще функционируют в условиях устойчивой структурной чрезвычайности, вызванной пандемиями, вооруженными конфликтами, террористическими угрозами и климатическими катастрофами. В отличие от классической модели временного отклонения от нормального правопорядка чрезвычайные меры сегодня институционализируются и превращаются в элемент повседневного управления, что ставит под угрозу само ядро конституционной легитимности. В этих условиях возникает фундаментальное противоречие: с одной стороны, государство должно обладать способностью к гибкой и оперативной реакции на кризисы; с другой – любая адаптация не должна подрывать принципы верховенства права, разделения властей и уважения неотчуждаемых прав человека. Целью настоящего исследования является выявление конституционно-правовых условий, при которых адаптация к перманентной чрезвычайности остается легитимной и не превращается в системную эрозию конституционного строя. Для достижения поставленной цели использован комплекс методов: сравнительно-правовой анализ судебной практики (Колумбии, Южной Кореи, Индии, Европейского Суда по правам человека, США), нормативно-доктринальный подход, институционально-функциональный анализ. В ходе исследования выделены три ключевых компонента нормативного ядра конституции, которые не подлежат легитимному ограничению даже в условиях официально введенного чрезвычайного положения: абсолютные права человека (право на жизнь, запрет пыток, защита человеческого достоинства); институциональные гарантии демократического конституционализма (независимость судебной власти, разделение властей, избирательная легитимность); принцип верховенства права (предсказуемость регулирования, равенство перед законом, обязательность судебного контроля). На основе этих компонентов сформулированы операционализируемые критерии различения легитимной адаптации и конституционной эрозии. В качестве конструктивного результата предложена модель конституционной устойчивости через институционализированную гибкость, предполагающая не отказ от адаптации, а ее строгое процедурное оформление: автоматическое прекращение действия чрезвычайных мер по истечении срока (*sunset clauses*), обязательное мотивированное продление полномочий парламентом, проведение публичной оценки воздействия на права человека, усиление проактивной роли конституционных судов. Особое значение придается международно-правовым стандартам Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Международного пакта о гражданских и политических правах, которые устанавливают непреодолимые границы для любых отступлений от прав.

Ключевые слова: нормализованная чрезвычайность; конституционная адаптация; нормативное ядро конституции; конституционная эрозия; закатные положения; проактивный конституционный контроль; верховенство права; конституционная устойчивость

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Поярков С. Ю. Адаптация конституционного порядка к режиму нормализованной чрезвычайности: сравнительно-правовое исследование // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 267–281. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-267-281>. EDN: <https://elibrary.ru/bunkgh>

Original scientific article

Adapting the Constitutional Order to a Regime of Normalized Emergency: A Comparative Legal Study

S. Yu. Poyarkov

FSUE «VNIIFTRI», Mendeleyevo, Moscow Region, Russian Federation

✉ psu@vniiftri.ru

Abstract. Contemporary constitutional orders increasingly function under conditions of persistent structural emergency caused by pandemics, armed conflicts, terrorist threats, and climate disasters. Unlike the classical model of a temporary departure from the normal legal order, emergency measures today are becoming institutionalized and are being transformed into an element of everyday governance, thereby threatening the very core of constitutional legitimacy. Under these conditions, a fundamental contradiction arises: on the one hand, the state must possess the capacity to respond to crises flexibly and promptly; on the other hand, any adaptation must not undermine the principles of the rule of law, the separation of powers, and respect for inalienable human rights. The aim of this study is to identify the constitutional and legal conditions under which adaptation to permanent emergency remains legitimate and does not turn into systemic erosion of the constitutional order. To achieve this aim, the study employs a set of methods: comparative legal analysis of judicial practice in Colombia, South Korea, India, the European Court of Human Rights, and the United States; a normative and doctrinal approach; and institutional and functional analysis. The study identifies three key components of the normative core of the constitution that may not be legitimately restricted even under an officially declared state of emergency: absolute human rights, including the right to life, the prohibition of torture, and the protection of human dignity; institutional guarantees of democratic constitutionalism, including judicial independence, separation of powers, and electoral legitimacy; and the principle of the rule of law, including the predictability of legal regulation, equality before the law, and mandatory judicial review. On the basis of these components, the article formulates operationalizable criteria for distinguishing legitimate adaptation from constitutional erosion. As a constructive result, it proposes a model of constitutional resilience through institutionalized flexibility. This model does not imply a rejection of adaptation; rather, it requires that adaptation be placed within a strict procedural framework: the automatic expiration of emergency measures after a specified period, or sunset clauses; mandatory reasoned renewal of emergency powers by parliament; public assessment of the impact on human rights; and an enhanced proactive role for constitutional courts. Particular importance is attached to the international legal standards of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the International Covenant on Civil and Political Rights, which establish insurmountable limits on any derogations from rights.

Keywords: normalized emergency; constitutional adaptation; normative core of the constitution; constitutional erosion; sunset clauses; proactive constitutional review; rule of law; constitutional resilience

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Poyarkov S. Yu. Adapting the Constitutional Order to a Regime of Normalized Emergency: A Comparative Legal Study. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):267-281. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-267-281>. EDN: <https://elibrary.ru/bunkgh> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	269
II. От исключения к перманентности: трансформация чрезвычайных режимов в условиях кризисной нормальности	271
III. Нормативное ядро конституции как предел адаптации: критерии и индикаторы эрозии ..	273
IV. Институционализация адаптивности: конституционные механизмы предотвращения эрозии	275
V. Заключение	278
Список литературы	279

I. ВВЕДЕНИЕ

Современное конституционное право сталкивается с фундаментальным вызовом, обусловленным трансформацией природы чрезвычайных ситуаций: пандемии, террористические угрозы, вооруженные конфликты и климатические катастрофы перестают восприниматься как временные отклонения от нормального правопорядка и превращаются в устойчивые структурные элементы политической и правовой реальности. Этот глобальный сдвиг требует переосмысления классических конституционных конструкций, в частности, конструкций, связанных с режимами чрезвычайного положения, которые традиционно предполагали строгую временность, ограниченность по содержанию и подконтрольность парламенту и суду. Однако сегодня наблюдается устойчивая тенденция, при которой исключительное состояние становится нормой, а норма – исключением. Именно этот феномен, получивший в доктрине наименование «нормализация исключительного состояния», был впервые последовательно описан Дж. Агамбенom, который указал, что современное государство все чаще функционирует в режиме постоянной чрезвычайности, при котором правовые гарантии оказываются в зоне неопределенности между публичным правом и политическим фактом [1]. Эта концепция получила дальнейшее развитие в работах У. Шойермана, который подчеркивал, что постглобализационная эпоха характеризуется не только частыми кризисами, но и системной институциона-

лизацией кризисного управления, в рамках которого чрезвычайные полномочия становятся стандартным инструментом исполнительной власти [2].

В этих условиях возникает острое и, по сути, парадоксальное противоречие, лежащее в самой основе современного конституционализма. С одной стороны, от государства объективно требуется способность гибко, оперативно и эффективно реагировать на быстро развивающиеся угрозы, что предполагает определенную степень адаптивности его институтов и процедур. С другой стороны, именно эта необходимость приспособления создает беспрецедентные риски для самого ядра конституционного порядка – принципов верховенства права, разделения властей, независимости судебной власти и, что наиболее важно, для неотчуждаемых прав и свобод человека. Расширение дискреционных полномочий исполнительной власти, сопровождаемое «замораживанием» или формализацией демократических процедур, таких как парламентский надзор и судебный контроль, может привести не к временной корректировке, а к деградации конституционной системы, ее постепенной эрозии изнутри.

Именно данное фундаментальное напряжение и определяет проблему настоящего исследования, заключающуюся в выявлении тех конституционно-правовых условий и механизмов, которые позволяют конституционному порядку адаптироваться к реалиям устойчивой, перманентной чрезвычайности, не теряя при этом легитимности и не подрывая

собственного нормативного ядра. Это требует четкого ответа на два взаимосвязанных вопроса. Во-первых, каким образом конституция может быть гибкой, не становясь при этом пустой формой, лишенной содержания? Во-вторых, где проходит та тонкая, но принципиальная граница, которая отделяет легитимную адаптацию, необходимую для выживания и функционирования государства в условиях кризиса, от конституционной эрозии, ведущей к постепенному утверждению авторитарного правления и утрате демократических основ? Цель данной статьи состоит в определении этих условий и разработке критериев их разграничения.

Для достижения указанной цели ставятся следующие конкретные задачи. Первая задача состоит в анализе трансформации понятия чрезвычайного положения в условиях его нормализации, то есть в переходе от модели временного отклонения к модели устойчивого кризисного управления, что требует обращения к фундаментальному труду *Law in Times of Crisis: Emergency Powers in Theory and Practice* (2006) О. Гросса и Ф. Ни Аолайна, которые выделяют целый спектр моделей реагирования на чрезвычайные ситуации, включая те, что предполагают выход за рамки действующего права [3]. Вторая задача направлена на выявление конкретных признаков и механизмов, посредством которых происходит эрозия конституционного ядра. Здесь особенно важен анализ доктрины автократического легализма, предложенной К. Л. Шеппеле, которая описывает, как современные авторитарные лидеры используют формально легальные процедуры для систематического подрыва демократических

институтов [4]. Третья задача носит конструктивный характер и заключается в предложении модели институциональных «конституционных тормозов» – набора процедур и гарантий, способных обеспечить устойчивость конституционного порядка даже в условиях затяжной чрезвычайности. В этом контексте ключевое значение приобретает концепция устойчивой конституции (англ. *resilient constitution*), разрабатываемая Д. Дайценхаусом, который утверждает, что конституция должна быть способна не только выдерживать кризисы, но и адаптироваться к ним, оставаясь при этом верной своим основополагающим принципам [5].

Методологический арсенал исследования опирается на несколько взаимодополняющих друг друга подходов. Основу составляет сравнительно-правовой анализ, позволяющий выявить общие тенденции и национальные особенности реакции различных правовых систем на вызовы перманентной чрезвычайности. Особое внимание уделяется судебной практике, которая служит наиболее чувствительным индикатором состояния конституционного порядка. В качестве ключевых примеров рассматриваются решения Конституционного суда Республики Колумбии¹, который в ряде постановлений занял проактивную позицию по защите прав уязвимых групп в условиях пандемии [6], практика Конституционного суда Республики Корея, юриспруденция которого по вопросам чрезвычайных полномочий, закрепленных в ст. 77 Конституции Республики Корея, показывает баланс между необходимостью безопасности и защитой прав², а также практика Верховного суда Республики Индии, который, в частности,

¹ См.: *Colombia: Legal Response to Covid-19* / C. Bernal, D. González Medina, M. Barraza Díaz, S. Rubiano-Groot, N. Serrato Pedraza, D. Ramírez Pabón // *The Oxford Compendium of National Legal Responses to Covid-19* / ed. by J. King, O. L. M. Ferraz et al. 2021. URL: <https://oxcon.oup.com/display/10.1093/law-occ19/law-occ19-e34> (дата обращения: 23.10.2025).

² См.: *Won Y. A Nightmare of Emergency Martial Law in South Korea – Followed by Charges of Insurrection and Impeachment* // I-CONnect Blog. 2024. URL: <https://www.icconnectblog.com/a-nightmare-of-emergency-martial-law-in-south-korea-followed-by-charges-of-insurrection-and-impeachment/> (дата обращения: 23.10.2025).

в своих постановлениях по вопросам приостановления сроков исковой давности во время пандемии стремился смягчить ее негативные последствия для доступа к правосудию³.

Нормативно-доктринальный анализ позволяет интегрировать эти эмпирические данные в более широкую теоретическую рамку, опираясь на работы как зарубежных, так и российских ученых. Среди зарубежных авторов центральное место занимают работы М. Тушне, исследующего различные модели судебного контроля и их эффективность в защите социальных прав [7], а также труды К. Л. Шеппеле и Д. Дайценхауса, уже упомянутые выше. Среди российских исследователей необходимо отметить труды С. С. Алексеева [8], В. В. Гущина⁴, С. А. Старостина [9] и др., заложивших основы понимания правового регулирования чрезвычайных положений в российской доктрине. Наконец, институциональный и функциональный подходы позволяют не просто описывать правовые нормы, но и анализировать, как именно механизмы конституционного контроля и парламентского надзора функционируют (или дают сбой) в реальных условиях кризиса.

Научная новизна данного исследования заключается в трех взаимосвязанных аспектах. Во-первых, в статье предлагается ввести в научный оборот и всесторонне проанализировать понятие «нормализованная чрезвычайность» не только как эмпирическое наблюдение, но и как системный вызов для теории адаптивного конституционализма, требующий разработки новых аналитических инструментов. Во-вторых, работа направлена на разработку четких операционализируемых критериев, позволяющих различать легитимную адаптацию конституционно-

го порядка к кризису и его конституционную эрозию. Эти критерии выводятся из анализа судебной практики и доктринальных концепций и охватывают такие параметры, как наличие и эффективность положений об автоматическом прекращении действия чрезвычайных мер (англ. *sunset clauses*), качество парламентского надзора, степень судебной подконтрольности исполнительной власти и соблюдение прав, не подлежащих ограничению. В-третьих, на основе проведенного анализа обосновывается модель конституционной устойчивости через институционализированную гибкость, которая отходит от дихотомии «жесткость/гибкость» и предлагает видеть в гибкости не угрозу, а потенциальный ресурс укрепления конституционного порядка – при условии, что такая гибкость строго институционализирована и подконтрольна.

II. От исключения к перманентности: трансформация чрезвычайных режимов в условиях кризисной нормальности

Классическая дихотомия «норма/исключение», восходящая к политической теологии К. Шмитта, предполагает, что чрезвычайное положение представляет собой временное отклонение от правового порядка, вводимое сувереном в условиях экзистенциальной угрозы и подлежащее строгому ограничению по сроку и содержанию. Однако в условиях, характеризующихся множественностью, длительностью и взаимным перекрытием кризисов (будь то пандемии, вооруженные конфликты, миграционные потоки или климатические катастрофы), данная модель теряет объяснительную силу. Как отмечают О. Гросс и Ф. Ни Аолайн, современные кризисы редко укладываются в рамки «острого»

³ URL: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s3ec01748d6b6ed8e13f857ceaa6cfbdca/uploads/2023/09/2023090851.pdf> (дата обращения: 23.10.2025).

⁴ См.: Гушин В. В. Чрезвычайное положение: административно-правовой аспект : пособие. М. : ВНИИ МВД РФ, 1996. 73 с.

исключения, вместо этого они порождают «длительные состояния чрезвычайности», в которых временные меры приобретают устойчивый институционализированный характер [3]. У. Шойерман развивает эту мысль, указывая на переход от парадигмы временного отклонения к парадигме управляемой перманентности, в рамках которой чрезвычайные полномочия не отменяют норму, а становятся ее скрытым, но функционально доминирующим компонентом [10]. В этом контексте суверенитет перестает быть актом единовременного решения о введении исключения и превращается в постоянную практику управления рисками и угрозами через инструменты, изначально предназначенные для экстраординарных обстоятельств.

Эмпирические проявления этой нормализации чрезвычайности многообразны и носят системный характер. Пандемия COVID-19 послужила глобальным катализатором трансформации временных ограничений в постоянные режимы цифрового контроля [11]. В Израиле, например, использовавшиеся в 2020 г. меры цифрового слежения за перемещениями граждан в целях эпидемиологического надзора, основанные на положениях Закона Израиля «О полномочиях Службы общей безопасности (ШАБАК) по оказанию содействия в борьбе с коронавирусом»⁵, были признаны Верховным судом Израиля частично неконституционными, однако

сама логика применения систем массового наблюдения для обеспечения охраны общественного здоровья сохранилась и была положена в основу дальнейших законодательных инициатив в сфере электронного здравоохранения [12]. В Сингапуре синдромный надзор (отслеживание заболеваний по совокупности симптомов) и цифровые платформы, развернутые в ответ на пандемию, были интегрированы в долгосрочную национальную стратегию готовности к новым угрозам⁶. Аналогичным образом в Индии программы цифровой идентификации⁷ и национальные базы медицинских данных, внедренные в пандемический период, продолжают расширяться, формируя инфраструктуру управления на основе биометрических данных, которая уже не требует формального режима чрезвычайного положения для своего функционирования [13].

Подобная институционализация наблюдается и в сфере борьбы с терроризмом. Закон США «Патриотический акт»⁸, изначально принятый как временное расширение полномочий спецслужб, не только не утратил силы, но и стал основой для создания устойчивых механизмов превентивного контроля, включая сбор метаданных и расширенные полномочия по обыскам без ордера⁹. Во Франции Закон о разведке¹⁰, принятый после терактов в Париже, легализовал массовое электронное наблюдение, введя систему

⁵ URL: https://www.nevo.co.il/law_html/law01/502_316.htm (дата обращения: 23.10.2025).

⁶ См.: *Singapore Pandemic Preparedness and Response Framework* // Singapore Communicable Diseases Agency. 2025. URL: https://isomer-user-content.by.gov.sg/18/ade74388-de38-4ad1-ba24-c6af8a41acde/Singapore%20Pandemic%20Preparedness%20and%20Response%20Framework_2025.pdf (дата обращения: 23.10.2025).

⁷ См.: *Sharma A.* Digital Health in the Aftermath of COVID-19 // Strategic Investment Research Unit, Invest India. 2025 URL: https://www.indembassyisrael.gov.in/pdf/Invest_India_Digital_Health_2_V4.pdf (дата обращения: 23.10.2025).

⁸ См.: *Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required To Intercept and Obstruct Terrorism (USA Patriot Act)* : public law 107–56—Oct. 26, 2001. URL: http://frwebgate.access.gpo.gov/cgi-bin/getdoc.cgi?dbname=107_cong_public_laws&docid=f:publ056.107.pdf (дата обращения: 23.10.2025).

⁹ См.: *Le Patriot Act: Coopération entre services chargés de la prévention et services chargés de la répression du terrorisme* : Rapport n° 263 (2005–2006) du Sénat français. URL: <https://www.senat.fr/lc/lc263/lc263.pdf> (дата обращения: 23.10.2025).

¹⁰ См.: *Loi relative au renseignement* : du 24 juillet 2015 n° 2015-912 // Légifrance. 2015. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000030931899> (дата обращения: 23.10.2025).

административного, а не судебного контроля за его применением, что, по сути, закрепило чрезвычайные методы в рамках обычного законодательства¹¹. Особенно показателен феномен военных, или специальных, режимов, вводимых без формального объявления чрезвычайного положения: ограничения свобод, усиленные полномочия силовых структур и режимы цензуры реализуются через специальные федеральные законы, указы или даже подзаконные акты, что позволяет избежать конституционных процедур и гарантий, предусмотренных для официально объявленного чрезвычайного положения.

Конституционные последствия такой трансформации носят глубокий и структурный характер. Прежде всего, происходит фундаментальное стирание границ между обычным и чрезвычайным правом. Чрезвычайные нормы перестают быть внешними по отношению к правовому порядку и становятся его неотъемлемой, хотя и скрытой, частью. Это ведет к смещению баланса в пользу исполнительной власти, которая получает устойчивые, плохо подконтрольные инструменты для вмешательства в права и свободы граждан под предлогом обеспечения безопасности или общественного порядка. Горизонтальные механизмы сдержек и противовесов — в первую очередь судебный и парламентский контроль — оказываются ослаблены: парламенты зачастую делегируют чрезвычайные полномочия правительству в условиях кризиса, а суды проявляют сдержанность в проверке мер, обоснованных соображениями безопасности. Вертикальные механизмы, такие как разграничение полномочий между центром и субъектами федерации, также подвергаются эрозии, поскольку кризисное управление требует централизации решений. В российском контексте, несмотря на наличие

Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»¹², который формально сохраняет шмиттовскую логику временного исключения, на практике наблюдается тенденция к достижению схожих целей через иные правовые конструкции, например, режим контртеррористической операции или антикризисные законодательные пакеты, которые позволяют обойти строгие конституционные процедуры введения чрезвычайного положения, одновременно обеспечивая широкие полномочия исполнительной власти. Таким образом, нормализация чрезвычайности не отменяет конституцию, но трансформирует ее изнутри, заменяя принцип верховенства права логикой управляемого исключения, в рамках которой постоянная готовность к кризису становится новой нормой.

III. НОРМАТИВНОЕ ЯДРО КОНСТИТУЦИИ КАК ПРЕДЕЛ АДАПТАЦИИ:

КРИТЕРИИ И ИНДИКАТОРЫ ЭРОЗИИ

Понятие «нормативное ядро конституции» функционирует в доктрине как аналитический инструмент, позволяющий идентифицировать те элементы конституционного строя, которые не подлежат ревизии даже в условиях чрезвычайных обстоятельств и не могут быть предметом легитимной трансформации через обычные процедуры формального конституционного изменения. В российской конституционно-правовой традиции указанное понятие тесно соотносится с категориями материального ядра конституции или конституционных ценностей, которые, по мнению Т. С. Масловской, образуют неизменяемый фундамент правопорядка, обеспечивающий преемственность и устойчивость конституционной идентичности [14]. С. Кабышев развивает эту идею, подчеркивая, что конституция

¹¹ См.: Chardel P.-A., Harvey R., Volat H. The French Intelligence Act: Resonances with the USA PATRIOT Act // Tech Science. 2016. URL: <https://techscience.org/a/2016031501/> (дата обращения: 23.10.2025).

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23, ст. 2298.

представляет собой не только нормативный, но и ценностный код, в котором нормативное ядро выступает как стратегическая модель всей правовой жизни¹³. Операционализация этого понятия требует выделения конкретных компонентов, утрата или систематическое ослабление которых свидетельствуют о наступлении конституционной эрозии.

К первому такому компоненту относятся неотчуждаемые права и свободы человека, которые обладают статусом *jus cogens* и не подлежат ограничению даже в условиях официально введенного чрезвычайного положения. Статья 2 Конституции Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а также ст.ст. 20, 21 и 22, гарантирующие право на жизнь, достоинство и неприкосновенность личности и запрещающие пытки, насилие, другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение, воспроизводят стандарты, закрепленные в ст.ст. 2, 3 и 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция). Указанные нормы носят абсолютный характер и не допускают никаких исключений, что подтверждается постоянной практикой Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). В деле Лупша против Румынии ЕСПЧ подчеркнул, что любое вмешательство в сферу частной и семейной жизни, даже в целях обеспечения общественного порядка, должно быть строго пропорциональным и основанным на законе, а использование секретных материалов, недоступных для оспаривания, ведет к нарушению ст. 8 Конвенции и, по сути, подрывает саму возможность судебной защиты неотчуждаемых прав¹⁴.

Вторым критическим элементом нормативного ядра выступают институци-

ональные гарантии демократического конституционализма. К ним относятся принцип разделения властей, независимость судебной власти и избирательная легитимность органов публичной власти. Независимость суда, как отмечает В. М. Лебедев, является не статической нормой, а динамическим процессом, требующим постоянного укрепления правовых и институциональных гарантий, включая функциональную, институциональную и материальную автономность судебных органов от исполнительной и законодательной ветвей власти [15]. В условиях нормализованной чрезвычайности именно эти гарантии подвергаются наиболее интенсивному давлению. Б. Акерман в своей концепции чрезвычайной конституции предупреждает, что механизмы чрезвычайных полномочий, изначально задуманные как временные, имеют тенденцию к нормализации, превращаясь в обычный инструментарий исполнительной власти и подрывая баланс властей [16].

Третьим компонентом является принцип верховенства права (англ. *rule of law*), который предполагает предсказуемость правового регулирования, равенство всех перед законом и обязательность судебного контроля за действиями публичной власти. Названный принцип является неотъемлемой частью как российской конституционной системы (ст. 15 Конституции РФ), так и общепризнанных стандартов Совета Европы. Его эрозия проявляется в конкретных, эмпирически фиксируемых признаках: 1) отсутствие четких временных рамок действия чрезвычайных мер; 2) игнорирование или сведение к формальности процедур парламентского и судебного контроля за исполнительной властью;

¹³ См.: Сергей Кабышев: Конституция – источник, ценностное, нормативное ядро и одновременно стратегическая модель всей правовой жизни // Справедливо.ru. 2023. URL: <https://spravedlivo.ru/13843510> (дата обращения: 23.10.2025).

¹⁴ См.: *Case of Lupsa v. Romania* (application № 10337/04) : Judgment of the European Court of Human Rights (Third Section) of 8 June 2006 // European Court of Human Rights. 2006. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75688> (дата обращения: 23.10.2025).

3) тенденция к трансформации временных указов и распоряжений в постоянные административные регламенты без прохождения полноценной законодательной процедуры, что нарушает принцип законности; 4) неконтролируемое расширение дискреционных полномочий силовых структур, сопровождающееся отсутствием прозрачных и эффективных процедур подотчетности.

Судебная практика служит наиболее чувствительным индикатором состояния нормативного ядра, отражая либо его устойчивость, либо деградацию. Позитивным примером может служить позиция ЕСПЧ в деле «Гиллан и Куинтон против Соединенного Королевства»¹⁵, в котором признано, что полномочия полиции на допрос без наличия обоснованного подозрения, предоставленные разделом 44 Закона о терроризме 2000 г., не были предусмотрены законом в смысле ст. 8 Конвенции, поскольку отсутствовали достаточные гарантии от произвола, что привело к нарушению права на уважение частной жизни.

В противоположность этому негативные тенденции иллюстрирует практика США в период после событий 11 сентября 2001 г. Введение режима вражеских комбатантов и создание тюремного комплекса в Гуантанамо привели к фактическому приостановлению действия института *habeas corpus* – одной из древнейших и фундаментальных гарантий защиты от произвольного задержания. Хотя в деле Бумедьена против Буша¹⁶ Верховный суд США и восстановил территориальную применимость *habeas corpus*, сам факт его приостановления демонстрирует, как чрезвычайная риторика может привести к подрыву ядра конституционной защиты [17].

Особую обеспокоенность вызывает феномен отмены или систематического ослабления института конституционного контроля в режимах, демонстрирующих тенденцию к авторитаризации, в которых суды превращаются из элемента системы сдержек и противовесов в инструмент легитимации решений исполнительной власти, что приводит к подмене права волей правящей элиты.

IV. Институционализация

АДАПТИВНОСТИ:

КОНСТИТУЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ

ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЭРОЗИИ

Институционализация адаптивности представляет собой не просто техническое совершенствование процедурных механизмов, а фундаментальный сдвиг в парадигме конституционного регулирования кризисных ситуаций, направленный на предотвращение постепенной, но системной эрозии конституционного порядка под прикрытием исключительных обстоятельств. Эта эрозия, как показывает сравнительный анализ, зачастую происходит не в результате единовременного акта конституционного разрушения, а через накопление кратковременных, якобы необходимых отступлений от нормального правового режима, которые, утрачивая свой временный характер, становятся постоянными элементами правовой системы. Для противодействия этому процессу конституционная теория и практика вырабатывают комплекс «конституционных тормозов» – институтов, обеспечивающих легитимную гибкость, то есть возможность адаптации к вызовам без ущерба для ядра конституционной идентичности. Среди них наиболее действенными являются положения об автоматическом

¹⁵ См.: *Case of Gillan and Quinton v. the United Kingdom* (application № 4158/05) : Judgment of the European Court of Human Rights (Grand Chamber) of 12 January 2010 // European Court of Human Rights. 2010. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-118306> (дата обращения: 22.10.2025).

¹⁶ См.: *Boumediene v. Bush*, 553 U.S. 723 (2008) // Justia. 2008. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/553/723/> (дата обращения: 22.10.2025).

прекращении действия, или так называемые закатные положения (англ. *sunset clauses*), которые устанавливают автоматический механизм прекращения действия чрезвычайных мер по истечении заранее определенного срока. Классическим примером служит § 215 Закона США «Патриотический акт», который, несмотря на свой спорный характер, содержал встроенную временную границу, в связи с чем в 2015 г. срок его действия истек, что ограничило возможности для бесконтрольного сбора данных спецслужбами¹⁷. Как справедливо отмечают отдельные авторы, такие положения являются не простым выключателем, а функционируют как институциональный триггер, принуждающий законодателя к повторному, осознанному и публичному обсуждению необходимости и пропорциональности продления исключительных мер, тем самым восстанавливая демократический контроль над исполнительной властью [18; 19].

Этот механизм дополняется требованием обязательного парламентского продления чрезвычайных полномочий, сопровождаемого мотивированным обоснованием, которое должно продемонстрировать не только актуальность угрозы, но и необходимость применения именно этих мер, а также их соразмерность ущербу, причиняемому правам и свободам. Такой подход трансформирует чрезвычайное положение из режима, основанного на доверии к исполнительной власти, в режим, опирающийся на постоянную проверку и обоснование, что соответствует принципам правового государства. Более того, современные стандарты легитимности требуют проведения публичной оценки воздействия чрезвычайных мер на права

человека, что предполагает сбор и анализ эмпирических данных о реальных последствиях таких мер для различных социальных групп, их доступа к правосудию, свободы выражения мнений и других фундаментальных гарантий. Такая оценка превращает абстрактные нормы о пропорциональности в конкретный инструмент анализа, позволяя выявить скрытые или непреднамеренные последствия, которые способны подорвать саму основу конституционного строя.

Эта система внешних «тормозов» эффективна лишь в сочетании с проактивным конституционным контролем, роль которого в условиях кризиса принципиально меняется. Конституционные суды перестают быть пассивными арбитрами споров и превращаются в активных защитников ядра конституции, обязанность которых состоит в защите неотъемлемых прав и принципов даже тогда, когда политические институты склонны жертвовать ими ради мнимой безопасности. Наиболее ярким проявлением такого проактивного подхода является использование интеримных мер и структурных решений, которые направлены не на устранение единичного нарушения, а на реформирование всей системы, порождающей структурные угрозы правам уязвимых групп.

Опыт Конституционного суда Республики Колумбии, в частности его знаменитое решение T-760/08 по вопросам права на здоровье¹⁸, демонстрирует, как суд может не только констатировать нарушение, но и предписать властям комплексные меры по реформированию системы здравоохранения, установить четкие временные рамки для их выполнения и создать механизм независимого мониторинга соблюдения своих предписаний [20; 21].

¹⁷ См., напр.: *Wright A.* The Patriot Act's Sunset Recess // Just Security. 2015. URL: <https://www.justsecurity.org/23308/patriot-acts-sunset-recess/> (дата обращения: 23.10.2025); *Li K.* Section 215 of the Patriot Act Expected to Sunset in December // Harvard Journal of Law & Technology Digest. 2019. URL: <https://jolt.law.harvard.edu/digest/section-215-of-the-patriot-act-expected-to-sunset-in-december> (дата обращения: 23.10.2025).

¹⁸ URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2008/t-760-08.htm> (дата обращения: 23.10.2025).

Аналогичная судебная активность, наблюдаемая также в практике Конституционного суда Республики Корея, свидетельствует о переходе от ретроспективного контроля к проспективному управлению конституционными рисками, где суд выступает гарантом того, что кризис не станет предлогом для маргинализации целых слоев населения. В российской доктрине этот вопрос остается дискуссионным, однако растущее внимание к вопросам эффективности конституционного контроля в условиях системных вызовов указывает на потенциал для развития подобных проактивных инструментов, адаптированных к национальному правовому контексту [22].

Дополнительную, внешнюю по отношению к национальной системе защиты от эрозии обеспечивает интеграция международно-правовых опорных стандартов, которые фиксируют конституционный порядок в глобальном правовом пространстве, предотвращая его дрейф в сторону авторитарных практик. Ключевую роль здесь играют стандарты, разработанные ЕСПЧ и органами ООН. Резолюция 74/270 Генеральной Ассамблеи ООН от 2 апреля 2020 г., принятая в разгар пандемии COVID-19, недвусмысленно подчеркивает, что борьба с кризисом не может служить оправданием для дискриминации, расизма или ограничения прав на информацию, тем самым устанавливая минимальные стандарты поведения государств в чрезвычайных обстоятельствах¹⁹.

Еще более жестким ограничителем является принцип недопустимости отступления от неотъемлемых прав, закрепленный в ст. 15 Конвенции и ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических

правах²⁰. Этот принцип проводит непреодолимую черту, за которой лежат абсолютные права – право на жизнь, запрет пыток и бесчеловечного обращения, запрет рабства, – не подлежащие ограничению ни при каких обстоятельствах, даже в условиях войны или опасности для жизни нации. В свою очередь, в ч. 2 ст. 55 Конституция РФ прямо запрещается принятие законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина, что в доктрине рассматривается как императив имплементации международных стандартов в сфере отступления от обязательств (англ. *derogation*) и как внутренний юридический барьер против любых попыток легализовать пытки или произвольное лишение жизни под предлогом чрезвычайной ситуации [23].

В перспективе институционализация адаптивности должна выйти на качественно новый уровень разработки и внедрения стандартизированных конституционных протоколов кризиса. Такие протоколы должны представлять собой не просто набор общих принципов, а детально проработанные, прозрачные и подконтрольные процедуры, применимые ко всем типам чрезвычайных ситуаций – от эпидемий и природных катастроф до гибридных угроз и экономических шоков. В протоколах должны четко определяться основания для введения исключительных мер, круг уполномоченных субъектов, предельные сроки их действия, механизмы парламентского и судебного надзора, а также процедуры немедленного прекращения мер при исчезновении угрозы. Критически важным элементом таких протоколов должно стать включение принципов межвременной справедливости и устойчивости (англ. *resilience*). Данный принцип,

¹⁹ См.: *Глобальная солидарность в борьбе с коронавирусом* 2019 года (COVID-19) : резолюция 74/270 Генер. Ассамблеи ООН от 2 апр. 2020 г. // Организация Объединенных Наций. 2020. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/74/270> (дата обращения: 23.10.2025).

²⁰ См.: *Международный пакт о гражданских и политических правах* : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генер. Ассамблеи от 16 дек. 1966 г. // Организация Объединенных Наций. 2025. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 23.10.2025).

как отмечают некоторые ученые, требует учитывать долгосрочные последствия кризисных решений для будущих поколений, предотвращая перекладывание экономических и социальных издержек на них [24].

В свою очередь, концепция конституционной устойчивости (англ. *constitutional resilience*), разрабатываемая А. Якабом, определяется как способность конституционной системы противостоять попыткам изменить или нарушить ее основополагающие элементы²¹. Интеграция этого принципа в протоколы означает, что каждая мера должна оцениваться как по критерию эффективности здесь и сейчас, так и по критерию влияния на способность конституционного порядка сохранять свою целостность и функциональность в долгосрочной перспективе, то есть после окончания кризиса. Таким образом, конституционные протоколы кризиса становятся не инструментом управления исключением, а инструментом его конституционализации, превращая хаос в управляемый, подотчетный и ограниченный процесс, в котором адаптивность служит не разрушению, а укреплению основ конституционного строя.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщение ключевых выводов, к которым привел анализ взаимодействия конституционного порядка и режимов чрезвычайности, позволяет констатировать принципиальную необходимость институционализации адаптационных механизмов и вместе с тем показывает, что такая адаптация не может быть безграничной. Конституционный порядок сохраняет легитимность и нормативную силу лишь в тех случаях, когда, несмотря на экстраординарные обстоятельства, соблюдается неприкосновенность его

нормативного ядра — совокупность неотчуждаемых принципов, включающих в себя разделение властей, верховенство права, неотъемлемость прав и свобод человека и гражданина, а также институциональную независимость судебной власти. Именно эти элементы составляют то, что в доктрине адаптивного конституционализма определяется как «конституционный минимум», за пределами которого любая трансформация становится деформацией, а не адаптацией. В этом смысле адаптация не тождественна безусловной гибкости, а представляет собой стратегически выверенный процесс, в котором временные отклонения от обычного правопорядка компенсируются усилением процедурных гарантий и внешнего контроля.

Нормализация исключительного состояния, наблюдаемая в ряде современных юрисдикций, представляет собой не просто временное отступление от конституционных норм, а устойчивую тенденцию к институционализации чрезвычайности как нового порядка. Такой подход может вести к формированию двойного государства, в котором формальные конституционные гарантии сосуществуют с неформальными режимами чрезвычайного управления. Данная трансформация требует не реактивного, а проактивного конституционного проектирования, поскольку традиционные механизмы сдержек и противовесов оказываются недостаточными в условиях, когда чрезвычайные полномочия становятся обыденной практикой. Проактивность в данном случае означает заблаговременную разработку четких критериев введения, продления и отмены чрезвычайных мер, а также институционализацию независимого надзора, включающего обязательный парламентский и судебный контроль, а также

²¹ См.: *Jakab A. Constitutional Resilience* // Max Planck Encyclopedia of Comparative Constitutional Law (MPECCoL) / eds.: R. Grote, F. Lachenmann, R. Wolfrum. Oxford : Oxford University Press, 2022. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4656217 (дата обращения: 23.10.2025).

участие международных надзорных органов в рамках обязательств по международным договорам.

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в развитии концепции адаптивного конституционализма за счет введения дифференцированного подхода к кризисным сценариям. В отличие от традиционных моделей, рассматривающих чрезвычайность как монологическое явление, предлагаемый концептуальный подход различает краткосрочные, среднесрочные и структурные кризисы, каждому из которых должны соответствовать специфические институциональные ответы. К примеру, в случае эпидемий или стихийных бедствий уместны временные и целенаправленные ограничения, тогда как в условиях геополитической нестабильности или системных экономических кризисов требуется более глубокая институциональная перестройка, не затрагивающая при этом конституционное ядро. Подобный подход позволяет избежать универсализации чрезвычайных мер и способствует повышению их легитимности, поскольку каждая мера соотносится с конкретным характером угрозы и соразмерна ей. В этой связи следует подчеркнуть, что адаптивный конституционализм не является оправданием авторитарных сдвигов, а, напротив, представляет собой инструмент защиты демократического конституционализма в условиях политико-правовой турбулентности.

Практическая значимость исследования проявляется в возможности применения его выводов в нормотворческой и судебной практике. Предложенные механизмы, такие как институт «конституционных тормозов» – процедур, автоматически ограничивающих срок действия чрезвычайных мер без явного одобрения законодательного органа, могут быть инкорпорированы в конституционное законодательство. Аналогичные институты уже функционируют в ряде стран: например, в Германии действие чрезвычайных полномочий подлежит немедленному пересмотру Бундестагом, а Конституционный суд Южно-Африканской Республики обладает правом немедленного пересмотра любых актов, принятых в условиях чрезвычайного положения. В российском контексте подобные меры позволили бы преодолеть существующий дисбаланс между исполнительной и законодательной властью в кризисных ситуациях, зафиксированный в положениях ст. 88 Конституции РФ, согласно которым роль Федерального Собрания сводится к формальной констатации уже введенного режима. Кроме того, разработанные критерии соразмерности и необходимости могут быть использованы как Конституционным Судом Российской Федерации, так и ЕСПЧ при оценке законности ограничений прав в чрезвычайных обстоятельствах, что особенно актуально в свете сложившейся в период пандемии практики и последующих геополитических потрясений.

Список литературы

1. Agamben G. State of Exception. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 104 p.
2. Scheuerman W. E. Emergency Powers and the Rule of Law after 9/11 // Journal of Political Philosophy. 2006. Vol. 14, № 1. P. 61–84.
3. Gross O., Ni Aoláin F. Law in Times of Crisis: Emergency Powers in Theory and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 485 p.
4. Scheppele K. L. Autocratic Legalism // University of Chicago Law Review. 2018. Vol. 85, Iss. 2, Art. 2. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol85/iss2/2> (дата обращения: 24.10.2025).
5. Dyzenhaus D., Diamond A. The Resilient Constitution / in: Constitutionalism: Old Dilemmas, New Insights / ed. by A. Linares Cantillo. Oxford: Oxford University Press, 2021. 277 p.
6. Leani L. COVID-19, Scarce Health Resources Allocation and Standard View of Disability: On the Colombian Constitutional Court's Judgement T-237 of 2023 // Medical Law International. 2025. Vol. 25, № 3. P. 259–271.

7. Tushnet M. *Weak Courts, Strong Rights: Judicial Review and Social Welfare Rights in Comparative Constitutional Law*. Princeton: Princeton University Press, 2009. 312 p.
8. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 361 с.
9. Старостин С. А. Чрезвычайное положение: монография. М.: Проспект, 2019. 120 с.
10. Scheuerman W. E. Emergency Powers // *Annual Review of Law and Social Science*. 2006. Vol. 2. P. 257–277.
11. Варламова Н. В. Пандемия COVID-19 как вызов конституционному правопорядку // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2020. № 6 (139). С. 17–30.
12. Babbar M., Agrawal S., Hossain D., Husain M. M. Adoption of Digital Technologies amidst COVID-19 and Privacy Breach in India and Bangladesh // *Policy Design and Practice*. 2023. Vol. 6, № 1. P. 103–125.
13. Ramachandran A., Sarbadhikari S. N. Digital Health for the Post-COVID-19 Pandemic in India: Emerging Technologies for Healthcare // 2021 8th International Conference on Computing for Sustainable Global Development (INDIACom). New Delhi, India, 2021. P. 244–249.
14. Масловская Т. С. Материальное ядро конституции: правовой режим // *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*. 2022. № 5 (134). С. 140–145.
15. Лебедев В. М. Гарантии независимости судебной власти в Российской Федерации: концепция, история становления и современное состояние // *Журнал российского права*. 2019. № 11. С. 5–24.
16. Ackerman B. The Emergency Constitution // *Yale Law Journal*. 2004. Vol. 113, № 5. P. 1029–1091.
17. Modjeska J. The Privilege of the Writ: The Supreme Court and Post-9/11 Detainee Habeas Corpus Entitlement // SSRN. 2010. URL: <https://ssrn.com/abstract=1672941> (дата обращения: 23.10.2025).
18. Ranchordás S. *Constitutional Sunsets and Experimental Legislation: A Comparative Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2014. 256 p.
19. Gangur P. A Framework for Conditional Sunset Clauses // *Review of European and Comparative Law*. 2025. Vol. 61, № 2. P. 179–191.
20. Fiero A. Protecting Health through Courts; Structural Judgments // *UNISANTA Law and Social Science*. 2025. Vol. 14, № 1. P. 6–11.
21. Yamin A. E., Parra-Vera O. Judicial Protection of the Right to Health in Colombia: From Social Demands to Individual Claims to Public Debates // *Hastings International and Comparative Law Review*. 2010. Vol. 33, № 2. P. 431–467. URL: https://repository.uclawsf.edu/hastings_international_comparative_law_review/vol33/iss2/4 (дата обращения: 24.10.2025).
22. Несмеянова С. Э. Опыт и перспективы развития конституционного контроля: отечественная и зарубежная практика // *European and Asian Law Review*. 2024. Т. 7, № 1. С. 24–34.
23. Яшина М. С. Категории «отмена» и «умаление» прав и свобод человека и гражданина в конституционной доктрине современной России // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2020. Т. 20, № 1. С. 97–107.
24. Teodoro J. D., Doorn N., Kwakkel J. et al. Flexibility for Intergenerational Justice in Climate Resilience Decision-Making: An Application on Sea-Level Rise in the Netherlands // *Sustainability Science*. 2023. Vol. 18. P. 1355–1365.

References

1. Agamben G. *State of Exception*. Chicago: University of Chicago Press; 2005. 104 p.
2. Scheuerman W. E. Survey Article: Emergency Powers and the Rule of Law after 9/11. *Journal of Political Philosophy*. 2006;14(1):61–84. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2006.00256.x>
3. Gross O., Ní Aoláin F. *Law in Times of Crisis: Emergency Powers in Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. 485 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511493997>
4. Scheppele K. L. Autocratic Legalism. *University of Chicago Law Review*. 2018;85(2):545–583.
5. Dyzenhaus D., Diamond A. The Resilient Constitution. In: Linares Cantillo A. (Ed.). *Constitutionalism: Old Dilemmas, New Insights*. Oxford: Oxford University Press; 2021. P. 277–309. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780192896759.003.0014>
6. Leani L. COVID-19, Scarce Health Resources Allocation and Standard View of Disability: On the Colombian Constitutional Court's Judgement T-237 of 2023. *Medical Law International*. 2025;25(3):259–271. DOI: <https://doi.org/10.1177/09685332251362388>
7. Tushnet M. *Weak Courts, Strong Rights: Judicial Review and Social Welfare Rights in Comparative Constitutional Law*. Princeton: Princeton University Press; 2008. 312 p.
8. Alekseev S. S. *General Theory of Law*. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1981. 359 p. (In Russ.)
9. Starostin S. A. *State of Emergency*. Moscow: Prospekt Publ.; 2019. 119 p. (In Russ.)
10. Scheuerman W. E. Emergency Powers. *Annual Review of Law and Social Science*. 2006;2:257–277. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.lawsocsci.2.061206.074644>
11. Varlamova N. V. COVID-19 Pandemic as a Challenge to Constitutional Legal Order. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2020;6:17–30. DOI: <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2020-6-17-30> (In Russ.)

12. Babbar M., Agrawal S., Hossain D., Husain M. M. Adoption of Digital Technologies amidst COVID-19 and Privacy Breach in India and Bangladesh. *Policy Design and Practice*. 2023;6(1):103-125. DOI: <https://doi.org/10.1080/25741292.2022.2162255>
13. Ramachandran A., Sarbadhikari S. N. Digital Health for the Post-COVID-19 Pandemic in India: Emerging Technologies for Healthcare. In: *2021 8th International Conference on Computing for Sustainable Global Development (INDIACom)*. New Delhi, 2021. P. 244–249.
14. Maslovskay T. S. The Material Core of the Constitution: The Legal Regime. *Proceedings of Francisk Scorina Gomel State University*. 2022;5:140-145. (In Russ.)
15. Lebedev V. M. Guarantees of Judicial Independence in the Russian Federation: Concept, History of Formation and Current State. *Journal of Russian Law*. 2019;11:5-24. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.1> (In Russ.)
16. Ackerman B. The Emergency Constitution. *Yale Law Journal*. 2004;113(5):1029-1091.
17. Modjeska J. The Privilege of the Writ: The Supreme Court and Post-9/11 Detainee Habeas Corpus Entitlement. SSRN. 2010. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1672941> (accessed 23.10.2025).
18. Ranchordás S. *Constitutional Sunsets and Experimental Legislation: A Comparative Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar Publ.; 2014. 256 p.
19. Gangur P. A Framework for Conditional Sunset Clauses. *Review of European and Comparative Law*. 2025;61(2):179-191. DOI: <https://doi.org/10.31743/recl.18369>
20. Fiero A. Protecting Health through Courts; Structural Judgments. *UNISANTA Law and Social Science*. 2025;14(1):6-11.
21. Yamin A. E., Parra-Vera O. Judicial Protection of the Right to Health in Colombia: From Social Demands to Individual Claims to Public Debates. *Hastings International and Comparative Law Review*. 2010;33(2):101-129.
22. Nesmeyanova S. E. Experience and Prospects for the Development of Constitutional Control: Domestic and Foreign Practice. *European and Asian Law Review*. 2024;7(1):24-34. DOI: https://doi.org/10.34076/27821668_2024_7_1_24 (In Russ.)
23. Yashina M. S. Categories of “Abolition” and “Derogation” of Human and Civil Rights and Freedoms in the Constitutional Doctrine of Modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 2020;20(1):97-107. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-1-97-107> (In Russ.)
24. Teodoro J. D., Doorn N., Kwakkel J., Comes T. Flexibility for Intergenerational Justice in Climate Resilience Decision-Making: An Application on Sea-Level Rise in the Netherlands. *Sustainability Science*. 2023;18:1355-1365. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11625-022-01233-9>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Юрьевич Поярков, ученый секретарь ФГУП «ВНИИФТРИ» (промзона ФГУП «ВНИИФТРИ», р. п. Менделеево, г. Солнечногорск, Московская область, 141570, Российская Федерация), кандидат педагогических наук; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3304-2309>; ResearcherID: C-3780-2017; e-mail: psu@vniiftri.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey Yu. Poyarkov, Academic Secretary of the FSUE “VNIIFTRI” (industrial zone of the Federal State Unitary Enterprise “VNIIFTRI”, Mendeleyevo, Moscow region, 141570, Russian Federation), Candidate of Pedagogical Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3304-2309>; ResearcherID: C-3780-2017; e-mail: psu@vniiftri.ru

Поступила | Received
24.10.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
27.11.2025

Принята к публикации | Accepted
28.11.2025

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ Private Law (Civil Law) Sciences

УДК 347.451/004.048

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-282-304

EDN: BYMSLN

Оригинальная научная статья

Обеспечение защиты прав потребителей при приобретении видеоигр

А. А. Тишкевич

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

✉ tishkevich_a_a@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию качественных свойств видеоигры как товара, определению возможности применения норм права к сфере видеоигр, в том числе в связи с выявлением недостатков в видеоиграх. Называются и анализируются качественные свойства видеоигры, которые рассчитывает получить потребитель, приобретая ее. Развитие гражданского оборота требует переосмысления и расширения круга отношений, к которым подлежат применению нормы о качестве товара и средствах защиты, в частности в сфере видеоигр. Целью настоящей работы является формирование представления о качественных свойствах и недостатках видеоигр в отношениях с участием потребителей, а также о защите прав потребителей на основе анализа подходов в доктрине и выработки авторской позиции. В рамках работы исследуется современное состояние научной дискуссии о существовании видеоигр. С опорой на структурно-функциональный, формально-юридический методы и методы системности, анализа делаются выводы, что видеоигра представляет собой товар в широком смысле, поскольку обладает имущественной ценностью и удовлетворяет неимущественные интересы потребителей. Такой товар обладает определенным качеством. К качественным свойствам видеоигры следует отнести интерактивность, удобство использования интерфейса, цифровую форму, внешние обстоятельства, влияющие на качественные свойства видеоигры (доступ к видеоигре), аудиовизуальные отображения, иммерсивность и линию повествования. При выявлении недостатков в указанных свойствах, как правило, потребитель вправе рассчитывать на средства защиты, применение которых обусловлено спецификой видеоигр. Предлагается новый подход к квалификации качественных свойств видеоигры как товара, основанный в том числе на положениях отечественной доктрины. Следует учитывать, что отношения, складывающиеся по поводу видеоигр, обусловлены взаимодействием потребителей и правообладателей видеоигр посредством функциональных возможностей специализированной интернет-площадки. Также продемонстрирована необходимость урегулирования вопросов, связанных с определением статуса и степени участия специализированной интернет-площадки во взаимоотношениях потребителей с правообладателями видеоигр.

Ключевые слова: видеоигры; качество товара; качественные свойства видеоигр; потребительское законодательство; договор; интерактивность; программа для ЭВМ

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Тишкевич А. А. Обеспечение защиты прав потребителей при приобретении видеоигр // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 282–304. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-282-304>. EDN: <https://elibrary.ru/bymsln>

© Тишкевич А. А., 2026

Original scientific article

Ensuring Consumer Protection in the Purchase of Video Games

A. A. Tishkevich *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation*✉ tishkevich_a_a@mail.ru

Abstract. This article examines the quality characteristics of video games as goods and considers the possibility of applying legal rules to the video-game sector, including in cases where defects in video games are identified. The article identifies and analyzes the quality characteristics of a video game that a consumer expects to receive when purchasing it. The development of civil circulation requires a reconsideration and expansion of the range of relations to which rules on the quality of goods and remedies may apply, particularly in the field of video games. The aim of this study is to develop an understanding of the quality characteristics and defects of video games in consumer relations, as well as of consumer protection, on the basis of an analysis of doctrinal approaches and the formulation of the Author's own position. The article examines the current state of scholarly debate concerning the legal nature of video games. Relying on structural-functional and formal legal methods, as well as on the methods of systemic analysis, the Author concludes that a video game constitutes goods in the broad sense, since it has economic value and satisfies consumers' non-property interests. Such goods possess specific quality characteristics. The quality characteristics of a video game include interactivity, ease of use of the interface, digital form, external circumstances affecting the quality characteristics of the video game, including access to the video game, audiovisual representation, immersiveness, and narrative structure. Where defects are identified in these characteristics, the consumer is generally entitled to rely on remedies, the application of which is determined by the specific nature of video games. The article proposes a new approach to the legal qualification of the quality characteristics of a video game as goods, based, among other things, on Russian legal doctrine. It should also be taken into account that relations concerning video games are shaped by interaction between consumers and video-game rights holders through the functionality of a specialized online platform. The article further demonstrates the need to regulate issues relating to the status and degree of participation of such a specialized online platform in relations between consumers and video-game rights holders.

Keywords: video games; quality of goods; quality characteristics of video games; consumer legislation; contract; interactivity; computer program

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Tishkevich A. A. Ensuring Consumer Protection in the Purchase of Video Games. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):282-304. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-282-304>. EDN: <https://elibrary.ru/bymsln> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	284
II. Качественные свойства и недостатки в видеоиграх	287
III. Функциональные свойства видеоигр	288
IV. Эстетические свойства видеоигр	297
V. Заключение	300
Список литературы	301

1. ВВЕДЕНИЕ

В последние годы государство проявляет интерес к развитию игровой индустрии в России¹. Это выражается, во-первых, в том, что финансируется разработка² некоторых видеоигр³. Во-вторых, организуются игровые конференции⁴, а также соревнования по отдельным видеоиграм. Например, в начале 2024 г. в России проходил международный мультиспортивный турнир «Игры будущего»⁵ (англ. *The Games of the Future*). В-третьих, планируется разрабатывать и выпускать отечественную игровую консоль⁶. В-четвертых, разработан проект федерального закона «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации»⁷. Кроме того, объем отечественного рынка видеоигр с каждым годом увеличивается⁸.

Такое развитие отечественной игровой индустрии не может не затрагивать вопросы качества видеоигр, возникающие в связи с выявлением недостатков в них в процессе гражданского оборота⁹. Однако в законодательстве и научной литературе данной проблематике не уделяется должного внимания.

По существу, правила ст. 469 «Качество товара» Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) касаются такого товара, который, так же как и видеоигра, обладает имущественной ценностью и удовлетворяет интересы потребителей, что выражается в извлечении полезных свойств из приобретенного предмета, в том числе путем его использования для собственных нужд. Следовательно, отношения, складывающиеся по поводу товара или видеоигры,

¹ См.: *В России* готовятся сразу несколько планов развития игровой отрасли // Интернет-портал «Российской газеты». 2023. URL: <https://rg.ru/2023/12/26/v-rossii-gotoviatsia-srazu-neskolko-planov-razvitiia-igrovoj-otrasli.html> (дата обращения: 18.05.2025).

² См.: *Более 40 игр в России* получили гранты от государства – на это ушло более 1,5 млрд // Киберспорт.ру. 2024. URL: <https://www.cybersport.ru/tags/games/bolee-40-igr-v-rossii-poluchili-granty-ot-gosudarstvana-eto-ushlo-bolee-1-5-mlrd> (дата обращения: 30.05.2025).

³ В рамках настоящей статьи понятия «компьютерная игра», «видеоигра», «игры, функционирующие посредством игровых консолей» и «игры для мобильных устройств» рассматриваются как синонимы и в дальнейшем используется обобщающий термин «видеоигра».

⁴ См.: *10+* игровых конференций в России // Геймдев от первого лица. 2024. URL: <https://russiagames.me/russian-gamedev-conferences/> (дата обращения: 30.05.2025).

⁵ URL: <https://gofuture.games/> (дата обращения: 30.05.2025).

⁶ См.: *В России* займются созданием игровых приставок и консолей // Интернет-портал «Российской газеты». 2024. URL: <https://rg.ru/2024/03/28/v-rossii-zajmutsia-sozdaniem-igrovyyh-pristavok-i-konsoley.html> (дата обращения: 30.05.2025).

⁷ См.: *Законопроект № 795581–8* «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации» // СОЗД ГАС «Законотворчество». 2024. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8#bh_histtras (дата обращения: 30.05.2025).

⁸ См., напр.: *Российские* геймеры потратили за год 173 млрд рублей на игры // Ведомости. 2025. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/01/22/1087583-rossiiskie-geimeri-potratili-za-god-173-mlrd-rublei?from=copy_text (дата обращения: 30.05.2025) ; *Российские* геймеры в 2024 году потратили в играх более 200 млрд рублей // Forbes. 2025. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/530468-rossijskie-gejmery-v-2024-godu-potratili-v-igrah-bolee-200-mlrd-rublej> (дата обращения: 18.05.2025) ; *Объем* рынка видеоигр в России достигнет 187 млрд в 2024 году // РБК.Тренды. 2025. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/66f278579a79473fcf76b842> (дата обращения: 30.05.2025).

⁹ См., напр.: *Вне игры*: чем сейчас занимается бывший миллиардер, предвидевший проблемы Cyberpunk 2077 // Forbes. 2020. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/416919-vne-igry-chem-seychas-zanimaetsya-byvshiy-milliardier-predvidevshiy-problemy> (дата обращения: 30.05.2025) ; *«Провал года»*: игроки обрушили рейтинг GTA: The Trilogy – The Definitive Edition // Игромания. 2021. URL: https://www.igromania.ru/news/110783/Proval_goda_igroki_obrushili_reyting_GTA_The_Triology-The_Definitive_Edition.html (дата обращения: 18.05.2025) ; *Главные* провалы 2024 года в игровой индустрии: нелепая «Смута», позор Ubisoft и всем надоевшая соевая пропаганда // Sport24. 2024. URL: <https://sport24.ru/cybersport/article-glavnyye-provaly-2024-goda-v-igrovoy-industrii-nелепaya-smuta-pozor-ubisoft-i-vsem-nadoevshaya-soyevaya-propaganda> (дата обращения: 30.05.2025).

имеют схожий характер. Отличие же между ними выражается лишь в том, что товар выражен по смыслу, заложенному в ГК РФ, в материальной форме, а видеоигра – в нематериальной форме. И поскольку есть имущественная ценность и возможность приобретения предметов, выраженных в нематериальной форме, за реальные деньги, то это должно обуславливать распространение на них правовой охраны, как предлагает А. И. Савельев [1].

Однако в отдельных судебных актах¹⁰ и среди ученых сформировался подход, согласно которому нормы ГК РФ о качестве товара (ст. 469) не распространяются на нематериальные предметы¹¹, в частности на видеоигры, поскольку они не имеют вещественного характера [2, с. 272] или предоставляются на условиях «как есть», что освобождает правообладателей от ответственности за их недостатки [3]. Впрочем, в литературе встречается и противоположный подход к вопросу о допустимости применения правил о качестве товара к видеоиграм [4, с. 239]¹².

Между тем отдельные нематериальные явления, которые выступают

объектами правового регулирования, могут быть оценены на предмет соответствия определенным требованиям о качестве. К таковым в судебной практике и доктрине относят оказание услуг¹³ [5, с. 185, 187, 189], доли участия в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью¹⁴, энергию, подаваемую по договору энергоснабжения¹⁵ [6] (ст. 542 ГК РФ). Следовательно, предъявление требований к качеству того или иного блага не всегда зависит от формы его выражения (материальной или нематериальной).

Поскольку различия между подобными объектами договора, отличающимися лишь формой выражения, отсутствуют, то, вероятно, к ним следует применять одни и те же нормы права и не допускать различного отношения к лицам, оказавшимся в сходных обстоятельствах. Это соответствует позиции Конституционного Суда Российской Федерации об обязательном соблюдении правоприменителем конституционного принципа равенства, который устанавливает запрет различного отношения к лицам, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях¹⁶, но не исключает учета фактических

¹⁰ См., напр.: *Постановление* Федер. арбитражного суда Москов. окр. от 2 июля 2013 г. по делу № А40-111104/12-26-947 ; *Постановление* Федер. арбитражного суда Москов. окр. от 30 сент. 2009 г. по делу № А40-1245/09-110-16. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: *Методьева К. А.* Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 188.

¹² См., напр.: *Общие положения о купле-продаже, поставка товара и купля-продажа недвижимости: комментарий к статьям 454–491, 506–524, 549–558 Гражданского кодекса Российской Федерации* / [А. Г. Архипова, Р. С. Бевзенко, А. А. Громов и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут : М-Логос, 2023. С. 569 ; *Интернет-интервью с И. А. Блинецом, ректором Российской государственной академии интеллектуальной собственности: «Реализация государственной политики в области интеллектуальной собственности»* // КонсультантПлюс. 2015. URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/bliznets2/> (дата обращения: 30.05.2025).

¹³ См.: *Определение* Судеб. коллегии по эконом. спорам Верхов. Суда Рос. Федерации от 13 февр. 2024 г. № 305-ЭС23-18507 по делу № А40-111577/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См., напр.: *Общие положения о купле-продаже* ... С. 470 ; *Постановление* Арбитражного суда Сев.-Кавказ. окр. от 28 янв. 2025 г. № Ф08-10678/2024 по делу № А53-22430/2022 ; *Постановление* Арбитражного суда Центр. окр. от 13 марта 2024 г. № Ф10-378/2024 по делу № А83-5623/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: *Постановление* Арбитражного суда Зап.-Сиб. окр. от 21 февр. 2025 г. № Ф04-6493/2024 по делу № А45-82/2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: *По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой* : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 мая 2001 г. № 8-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

различий между субъектами, относящимися к одной категории¹⁷.

Отнесение видеоигры к товару, выраженный в нематериальной форме, не исключает ее одновременного отнесения и к сфере интеллектуальных прав. Данное пересечение будет рассмотрено нами лишь в части разрешения возможных противоречий между сферами. Так, в доктрине доминирует подход, в соответствии с которым видеоигра рассматривается в качестве разновидности сложного объекта – мультимедийного продукта (ст. 1240 ГК РФ) [7, с. 54; 8; 9; 10]. В составе такого мультимедийного продукта (видеоигры) преобладают объекты авторских прав [11; 12; 13]. Зарубежные исследователи прямо относят видеоигры к объектам авторского права¹⁸. Объекты авторского права подлежат охране независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения (п. 1 ст. 1259 ГК РФ). Развивая данное положение, п. 1 ст. 1266 ГК РФ предусматривает, что без согласия автора не допускается внесение в его произведение изменений и дополнений (право на неприкосновенность произведения). Дополнительно п. 4 ст. 129 ГК РФ предусматривает, что результаты интеллектуальной деятельности (ст. 1225 ГК РФ) не могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому. Однако права на такие результаты, а также материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты, могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому в случаях и в порядке, которые установлены ГК РФ.

Это контрастирует с реальным положением видеоигр в гражданском обороте, поскольку их качественные свойства имеют значение и служат мотивом для приобретения видеоигр покупателями. Нередко выявление недостатков в видеоиграх может побудить покупателей воздержаться от приобретения новых или отказаться от уже приобретенных. Для устранения (исправления) недостатков в видеоиграх требуется оперативное внесение изменений в их содержание.

Однако эти и другие вопросы пока не нашли своего разрешения ни в законодательстве, ни в доктрине в целом.

В связи с изложенным настоящее исследование направлено на изучение вопросов, связанных с качеством видеоигры как товара в рамках отношений с участием потребителей и защиты их прав в данном аспекте. Это обусловлено тем, что видеоигры, как правило, приобретаются и используются физическими лицами для удовлетворения личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. И такие потребители видеоигр «не имеют цели приобретения правомочий в отношении каких-либо объектов интеллектуальной собственности или их составляющих» [14, с. 104], а заинтересованы прежде всего в игровом процессе (прохождении видеоигры). Иными словами, приобретение видеоигры осуществляется в потребительских целях [14, с. 104]¹⁹, вследствие этого потребитель намерен удовлетворить свой *неимущественный интерес*. Следует также отметить,

¹⁷ См., напр.: *По жалобе гражданина Галеева Конспая Амамбаевича на нарушение его конституционных прав положением подпункта 1 пункта 1 статьи 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»* : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 27 июня 2005 г. № 231-О. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

¹⁸ См.: *Dmytrenko K. Protection of Video Games by Copyright: Comparative Analysis of the US, the UK and German Legal Frameworks* // Central European University. 2018. P. 28, 51. URL: https://www.etd.ceu.edu/2018/dmytrenko_kateryna.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

¹⁹ Потребительскую характеристику отношений, складывающихся по поводу видеоигр, отмечают К. М. Бычкова [15, с. 103], А. И. Бычков (см.: *Бычков А. И. Рынок мобильных приложений в России* : учеб. пособие. М. : Инфотропик Медиа, 2017. 236 с.), А. И. Савельев [16, с. 3], Е. С. Котенко [13], Н. А. Андрианова (см.: *Андрианова Н. А. Как создавать истории. Основы игровой сценаристики и нарративного дизайна за 12 шагов*. М. : Эксмо, 2023. С. 28).

что в литературе наметилась позиция о возможности распространения потребительского законодательства на отношения, обусловленные видеоиграми [4, с. 613; 17; 18, с. 334]. Поэтому для обозначения участника игрового процесса (того, кто приобретает и осуществляет прохождение видеоигры) в настоящем исследовании будут использоваться термины «пользователь» и «потребитель» в качестве синонимичных.

В силу указанной специфики в рамках данной статьи качественные свойства и недостатки видеоигры будут исследованы путем определения ее основных элементов как товара, существующего в нематериальной форме.

II. КАЧЕСТВЕННЫЕ СВОЙСТВА И НЕДОСТАТКИ В ВИДЕОИГРАХ

Как отмечает А. С. Панова, «с правовой точки зрения качество товара означает соответствие свойств товара, характеризующих его потребительную стоимость, положениям стандартов, иной технико-правовой документации, условиям договоров либо требованиям, устанавливаемым в порядке и способами, которые предусмотрены законами, другими правовыми актами, обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями»²⁰.

Однако категорию «качество» применительно к видеоигре следует воспринимать шире, поскольку, во-первых, видеоигра, в отличие от обычного товара, имеющего материальную форму, не обладает материальными недостатками, наличие или отсутствие которых традиционно связано с качеством. Во-вторых, видеоигры редко разрабатываются в соответствии с какими-либо обязательными стандартами. Однако основное нормирование организации и выполнения процесса раз-

работки видеоигры осуществляется на основании договора. Это допускается п. 1 ст. 469 ГК РФ. В литературе данное правило предлагается понимать как способ описания свойств и состояния определенного предмета, поскольку термин «качество» слишком абстрактен, само качество может быть высоким, средним или низким, а рассмотрение конкретного предмета (объекта договора) через его определенные свойства точнее отражает намерения сторон [19, с. 44]²¹. В связи с этим качество видеоигры будет рассматриваться в настоящем исследовании через призму ее определенных свойств, наличие которых характеризует видеоигру и отвечает разумным ожиданиям участников гражданского оборота, намеревающимся ее приобрести.

Обязательных для видеоигр государственных стандартов или технических положений выявить не удалось. Однако среди наиболее близких по своему содержанию документов можно назвать ГОСТ 28806–90 «Государственный стандарт Союза ССР. Качество программных средств. Термины и определения»²², который носит рекомендательный характер. В соответствии с ним к характеристикам качества программного средства относят функциональность, надежность, удобство использования, эффективность, сопровождаемость и мобильность.

В научной литературе видеоигры чаще всего рассматриваются в контексте интеллектуальных прав, при этом их качественным свойствам практически не уделяется внимания. Для устранения этого упущения в данной статье в теоретическом ключе систематизированы отдельные свойства видеоигры, которые исследуются в литературе, посвященной в основном результатам интеллектуальной деятельности. Затем указанные свойства были разделены

²⁰ Панова А. С. Правовое обеспечение качества и безопасности товаров : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2020. С. 58.

²¹ См.: Общие положения о купле-продаже ... С. 469.

²² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

по критерию *значимости для возникновения правового эффекта*, преимущественно охранительного, и были получены две группы свойств видеоигры, на которые предлагается посмотреть через призму качества товара, разумно ожидаемого его потребителями.

К первой группе можно отнести те свойства видеоигры, которые непосредственно связаны с воспроизведением (производством запуска) и прохождением видеоигры. Наличие недостатков в свойствах этой группы существенно затрудняет процесс прохождения видеоигры или делает его невозможным. Другими словами, потребитель утрачивает возможность извлечения полезных свойств из видеоигры и, значит, не получает того, на что он был вправе рассчитывать при ее приобретении. Соответственно, появляются основания для возникновения охранительного правоотношения по защите прав и интересов потребителя. Условно обозначим данную группу свойств как функциональные.

В состав второй группы можно включить те свойства видеоигры, которые связаны с вовлеченностью потребителей в игровой процесс. Недостатки, затрагивающие данные свойства, препятствуют этому, но не затрудняют процесс прохождения видеоигры. К ним можно отнести, например, неинтересный или нелогичный сюжет, однообразные игровые механики, устаревшие аудиовизуальные отображения (графики) по сравнению с видеоиграми, вышедшими в тот же период и относящимися к аналогичному классу (разница в качестве графики в крупных и независимых проектах – типичное явление), неудобное управление (нетипичное расположение кнопок), низкая эффективность отображаемых элементов интер-

фейса (перегруженность экрана мелким текстом вместо иконок) и т. п. Иными словами, в видеоигре отсутствует удобство либо обеспечивается лишь минимальный уровень комфорта для ее прохождения, а потребитель получает преимущественно отрицательные впечатления. Для потребителя это означает, что он может «перестать играть в видеоигру, что приведет к снижению уровня удержания игроков»²³ в совершении активных действий при прохождении видеоигры. Для правообладателя (разработчика) видеоигры это повлечет негативные последствия. И такие свойства видеоигры мы охарактеризуем как эстетические.

В целом обнаружение недостатков, затрагивающих качественные свойства видеоигр, означает, что потребители получили товар ненадлежащего качества, а правообладатели (разработчики) видеоигр столкнутся с отрицательными последствиями, которые могут выражаться в снижении количества приобретаемых потребителями копий (экземпляров) видеоигры, причинении вреда деловой репутации правообладателя (разработчика) и невозможности покрытия их расходов, понесенных в связи с разработкой этой видеоигры, что затруднит создание новых видеоигр.

III. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ВИДЕОИГР

1. Интерактивность. Данное свойство состоит в том, что видеоигра функционирует («работает») в процессе взаимодействия с человеком [9], в рамках чего пользователь активно участвует в прохождении видеоигры [8]²⁴.

В неактивном состоянии (без воспроизведения и прохождения сюжетной

²³ См.: *The Importance of Quality Assurance in the Game Development Cycle* // GlobalStep. 2023. URL: <https://globalstep.com/the-importance-of-quality-assurance-in-the-game-development-cycle/> (дата обращения: 30.05.2025).

²⁴ Наличие у видеоигры признака интерактивности отмечают, например, Р. А. Будник, М. О. Зверева [12], Е. С. Гринь [20, с. 116], А. Ю. Копылов [21], А. Трапова [22, р. 4] и Э. Бонадио [23, р. 5], Н. А. Андрианова (см.: *Андрианова Н. А. Указ. соч. С. 13, 125*).

линии) видеоигра не представляет интереса для пользователя. Ценность видеоигры для потребителя проявляется лишь в ее динамике. Это происходит в ходе выполнения основной сюжетной линии видеоигры, а также второстепенных (необязательных) заданий, в рамках которых потребителю предоставляется возможность самостоятельно выбирать действия и порядок их совершения. Другими словами, пользователю дается определенная свобода поведения в рамках игрового (виртуального) мира. В рамках взаимодействия с видеоигрой (в ходе игрового процесса) потребитель самостоятельно определяет тактику прохождения отдельных этапов видеоигры (например, участие в обособленных игровых столкновениях с рядовыми противниками (NPC²⁵)). Выполнение данных действий дает потребителю возможность улучшать характеристики своего персонажа (получать отдельные навыки и повышать их уровень, поднимать показатели игровых предметов), облегчая дальнейшее прохождение видеоигры. Без этого процесс выполнения основной сюжетной линии видеоигры для потребителя будет осложнен или станет невозможным. Следовательно, степень вовлеченности и интенсивность участия потребителя в игровом (виртуальном) мире непосредственно влияет на процесс прохождения видеоигры, по результатам которого потребитель получает игровой опыт и эстетическое удовольствие.

Однако стоит оговориться, что такая свобода поведения пользователя в игровом (виртуальном) мире является иллюзорной. В связи с этим справедливо замечание К. Дмитренко, что «пользователь осуществляет свой выбор в заранее определенных и предвидимых пределах, таким образом, интерактивность является относительным понятием»²⁶. Это обуслов-

ливается естественными или намеренными ограничениями условий прохождения видеоигры, которые созданы ее разработчиками (правообладателями).

Ограничения свободы поведения пользователя не означают, что интерактивность как признак видеоигры обладает недостатком. Это, скорее, соответствует природе видеоигры, предполагающей удержание внимания пользователя на процессе ее прохождения. К тому же совершение тех или иных действий, осуществление того или иного выбора в рамках основной сюжетной линии видеоигры (а иногда и в ходе выполнения некоторых дополнительных заданий) может влиять на варианты итоговой развязки (на завершение сюжета), например, это имеет место в видеоиграх *Red Dead Redemption 2* (2018), *Until Dawn* (2015), *Tormented Souls* (2021) и др.

Исходя из указанного, можно заключить, что интерактивность видеоигры следует охарактеризовать тем, *что* пользователь может *делать* (или не делать) и каким образом видеоигра *реагирует* на такие действия²⁷.

В случае наличия ошибок в свойстве интерактивности надлежащее взаимодействие пользователя с видеоигрой становится затруднительным или невозможным. В качестве примеров видеоигр, имеющих проблемы с интерактивностью, можно назвать *Tomb Raider 1–3 Remastered* (2024), *Ride to Hell: Retribution* (2013) и *Alone in the Dark* (2008). В данных видеоиграх имеются: 1) проблемы, препятствующие выполнению отдельных действий в игровом процессе; 2) некорректное (непривычное) распределение команд-действий на устройстве управления персонажем, что делает мешает взаимодействию пользователя с видеоигрой; 3) замедленный отклик (реакция)

²⁵ Неигровой персонаж (англ. *non-player character*).

²⁶ *Dmytrenko K.* Op. cit. P. 14.

²⁷ *Ibid.* P. 29–30.

персонажа на запрашиваемые пользователем действия (команды); 4) близкое расположение игровой камеры к управляемому персонажу, что снижает эффективность атак с помощью его рук и ног или затрудняет видимость при необходимости быстрого перемещения (не видно, в какую сторону перемещаться).

Следовательно, чем существеннее недостатки в таком признаке видеоигры, как интерактивность, тем значительнее должны быть последствия для правообладателя (разработчика), поскольку такое влияние на прохождение видеоигры ущемляет законные интересы потребителей. Указанные недостатки приводят к невозможности успешного прохождения видеоигры пользователями и, значит, к снижению ее ценности.

II. Удобство использования интерфейса. В литературе под игровым интерфейсом предлагают понимать способ передачи информации геймерам для взаимодействия с игрой или же зону контакта человека и игры, где геймер получает данные о ходе игрового процесса и отдает управляющие этим процессом команды [24, с. 37].

Ключевыми элементами такого свойства видеоигры, как интерфейс, являются *простота* в использовании, *интуитивная понятность* и *достаточный минимализм*²⁸. Данный перечень носит лишь иллюстративный характер.

Простота отображаемых на экране монитора сведений означает, что их иллюстрация должна быть доступной для быстрого и четкого восприятия пользователем и не должна требовать продолжительного отвлечения внимания пользователя от игрового процесса. Особое значение это приобретает на отдельных этапах прохождения видеоигры, когда игровые события развиваются стремительно, что требует от пользователя принятия оперативных решений.

Такие сведения (интерфейс) могут быть выражены в виде специальных значков, иконок, индикаторов, шкал и иных обозначений. Использование в разных видеоиграх схожих элементов интерфейса, означающих примерно одно и то же, делают их *интуитивно понятными* для восприятия среднестатистическим потребителем, который уже обладает игровым опытом либо только начинает его приобретать.

Достаточный минимализм означает, что необходимые пользователю сведения в ходе игрового процесса отображаются на экране монитора по мере необходимости исходя из условий игровой ситуации (или игрового мира в целом). Такие элементы интерфейса видеоигры не должны занимать значительную часть экрана монитора, чтобы не препятствовать и не затруднять процесс прохождения видеоигры. Например, в ходе боевых эпизодов с рядовыми противниками (NPC) на экране монитора отображается всё, что необходимо для ведения боя с противниками.

Соблюдение как минимум трех названных элементов приводит к тому, что интерфейс отвечает тем характеристикам, которые потребитель вправе разумно ожидать в подобных видеоиграх. А конкретный размер, цвет и расположение иконок или иных индикаторов (например, здоровья, выносливости) уже являются проявлением эстетических свойств видеоигры. Соответственно, это не относится к функциональным свойствам видеоигры.

Если же не учитывать особенности интерфейса для прохождения видеоигры, в том числе в виде указанных выше требований, то интерфейс видеоигры будет перегружен большим числом разных иконок (значков, символов), мелким текстом, которые порой не требуются в игровом процессе в таком количестве. Примерами таких видеоигр являются *World of Warcraft* (2004) и *RF Online* (2004).

²⁸ Подробнее характеристика интерфейса видеоигры описана в работах А. И. Савельева [16, с. 28–29, 39, 41], С. Т. Махлиной [25].

Приведенные обстоятельства могут влиять на цельное восприятие видеоигры в ходе ее прохождения, в результате чего потребитель утрачивает интерес к видеоигре, поскольку вынужден отвлекаться от основного игрового процесса и тратить время на выяснение значения избыточно сложного интерфейса. Следовательно, увлеченность пользователя игровым процессом снижается.

Таким образом, наличие перечисленных элементов в составе интерфейса позволяет глубже погрузиться в игровой мир, прочувствовать его атмосферу, полноценно ознакомиться с основной сюжетной линией видеоигры. Интерфейс, созданный надлежащим образом и прошедший тщательную проверку на наличие ошибок, как правило, не отвлекает потребителя от игрового процесса. Указанное может рассматриваться как одно из проявлений высокого качества видеоигры, что повлияет на решение пользователя о повторном прохождении видеоигры. Как яркий пример качественно разработанного интерфейса, который с годами не устаревает и продолжает поддерживать интерес потребителей, можно привести видеоигру *Heroes of Might and Magic III* (1999).

III. Цифровая форма. Распространение видеоигры, как правило, осуществляется в цифровой форме. Вне контекста видеоигр А. И. Савельев характеризует произведения, существующие в цифровой форме, следующим образом [4, с. 548–550]:

- предмет, существующий в цифровой форме, обладает независимостью от его носителя, в котором он размещен, что обуславливает легкость его распространения, в том числе посредством сети Интернет;
- доступ к цифровому предмету и его использование одновременно могут получать и осуществлять множество лиц;
- для получения доступа к предмету, выраженному в цифровой форме, его копия

должна быть скопирована на техническое устройство, с которого осуществляется доступ, а контроль же над копированием подразумевает получение контроля над доступом к такому предмету (взаимосвязь цифрового предмета и процесса его копирования);

- цифровая копия предмета неотличима от его оригинала;

- цифровой предмет может легко подвергаться изменениям.

Приведенные положения частично могут быть экстраполированы на режим видеоигр.

1. Распространение видеоигр может происходить как в цифровой форме, так и на материальном носителе. Однако благодаря цифровой форме видеоигр процесс их *распространения* на рынке может происходить значительно быстрее, чем распространение товара, имеющего материальную форму. Кроме того, значительная часть видеоигр приобретается потребителями в цифровой форме посредством специализированных интернет-площадок (далее – площадка), например *Steam* или *Epic Games Store*, а не напрямую у правообладателей. Приобретение определенной видеоигры осуществляется посредством предоставления потребителю доступа к ней на площадке. Фактическое получение доступа к видеоигре осуществляется путем привязки такого доступа к аккаунту потребителя на данной площадке. Другими словами, без создания аккаунта на площадке приобретение и воспроизведение (производство запуска) видеоигры практически невозможно. Как правило, потребитель не может передать учетную запись, с которой связан доступ к видеоигре, другому лицу. Пользовательские соглашения площадок это прямо запрещают²⁹, да и техническая возможность для этого не предоставляется. Соответственно, легкость распространения

²⁹ См.: *Соглашение* подписчика Steam // Steam. 2025. URL: https://store.steampowered.com/subscriber_agreement/russian/ (дата обращения: 30.05.2025).

и возможность одновременного доступа и использования видеоигр множеством лиц значительно ограничены. При таких фактических обстоятельствах распространение видеоигры как товара может противоречить п. 4 ст. 129 ГК РФ. Однако цифровая форма объективизирует видеоигру вовне и не меняет ее сути как результата интеллектуальной деятельности [26]. Рассматриваемая форма является одной из объективных форм выражения видеоигры и форматом ее существования в интернет-пространстве³⁰. Использование же технологий электронной связи [27, с. 57] в сети Интернет представляет собой способ распространения видеоигры в цифровой форме, что является аналогом распространения видеоигр, выраженных в материальной форме. С другой стороны, в качестве материального носителя видеоигры, выраженной в цифровой форме, можно рассматривать любое техническое устройство, в памяти которого она зафиксирована, в частности сервер площадки или устройство хранения информации, принадлежащее пользователю³¹. Следовательно, механизм распространения видеоигры как товара гармонично сочетается с требованиями п. 4 ст. 129 ГК РФ.

2. После приобретения видеоигры (получения доступа к ней) и перед воспроизведением (произведением запуска) видеоигры пользователь должен загрузить (скопировать) ее на свое техническое устройство (например, на персональный компьютер). Контроль за предоставлением доступа к копированию и воспроизведению видеоигры осуществляется не ее правообладателем, а площадкой. В частности,

при приобретении видеоигры на площадке *Steam* первый запуск видеоигры всегда осуществляется через данную площадку³². Таким образом, контроль за доступом к видеоигре и доступ к предмету, выраженному в цифровой форме, осуществляется схожим образом, за исключением того, что контроль выполняется иным, нежели правообладатель, лицом.

3. Из существа отношений, связанных с приобретением и воспроизведением видеоигры, следует, что, когда потребитель получает доступ к видеоигре, площадка предоставляет в его распоряжение именно копию оригинала видеоигры. При этом точно такую же копию видеоигры (конкретную ее версию с идентичным качеством) получают и все остальные потребители³³. Не имеет значения, кем и где приобретается конкретная видеоигра. При воспроизведении (запуске) видеоигры разным потребителям предоставляются равные возможности для ее прохождения. Также в видеоигре, приобретенной разными потребителями в рамках одной и той же ее версии на одной и той же площадке, проявляются одинаковые недостатки, которые устраняются посредством соответствующих патчей³⁴. В связи с этим в данном аспекте видеоигра и цифровой предмет вновь обладают сходством.

4. Особенности правового режима видеоигры не всегда позволяют потребителю вносить в нее изменения. Внесение изменений в видеоигру требует наличия специальных знаний либо поиска в сети Интернет соответствующего решения, которое поможет исправить недостатки

³⁰ См.: Гончарова Я. А. Проблемы реализации и защиты интеллектуальных прав на аудиовизуальные произведения в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 28.

³¹ Там же. С. 69.

³² См.: Автономный режим // Steam. 2025. URL: <https://help.steampowered.com/ru/faqs/view/0E18-319B-E34B-B2C8> (дата обращения: 30.05.2025).

³³ То, что качество цифровой копии идентично качеству исходного цифрового файла, отмечается и в американской литературе [28, р. 805].

³⁴ Под патчами понимаются программы, оперативно созданные для исправления мелких недостатков, которые присутствуют в видеоигре [29, с. 170–171].

в видеоигре. Подходящим решением может стать установка патча для видеоигры, исправляющего отдельные недостатки путем внесения изменений в файлы видеоигры. Такие патчи вносят изменения в том числе в содержание программы для ЭВМ, поскольку именно она является ядром любой видеоигры [30, с. 18; 31, с. 43–44], а отсутствие программы для ЭВМ либо наличие в ней ошибок делают невозможным использование видеоигры по назначению. Это допускается в силу подп. 1 п. 1 ст. 1280 ГК РФ, в соответствии с которым лицо, правомерно владеющее экземпляром программы для ЭВМ (пользователь), вправе без разрешения правообладателя осуществлять действия, необходимые для функционирования программы для ЭВМ, включая внесение изменений исключительно в целях ее функционирования на технических средствах пользователя, исправление явных ошибок. При этом сказанное не исключает того, что исправление недостатков в видеоигре может происходить посредством внесения изменений не только в программу для ЭВМ, но и в другие компоненты видеоигры. Ведь, как отмечает А. Ю. Чурилов, содержание игры, или игровой контент, состоит из звуковой и графической составляющих (графического стиля игры), персонажей, игровой истории и игрового мира, жанра игры [13]. К таким составляющим могут быть отнесены, в том числе аудио- и видеофайлы, текстовые файлы, музыкальные произведения, фотографические произведения. Следовательно, в состав видеоигры включаются, помимо программы для ЭВМ, и другие результаты интеллектуальной деятельности [13], воспроизведение которых в составе видеоигры может осуществляться ненадлежащим образом. Таким образом, внесение изменений в видеоигры, в отличие от иных предметов, выраженных в цифровой форме, связано с наличием некоторых ограничений и затруднений.

Помимо приведенных особенностей видеоигр, выраженных в цифровой форме, следует обратить внимание и на иные.

Согласно подходу, сложившемуся в литературе, цифровая форма видеоигры является необходимым условием для ее существования и функционирования, а взаимодействие с пользователем осуществляется посредством использования технических средств без необходимости материализации видеоигры в реальном мире [10; 11; 21; 32]. Наличие цифровой формы у видеоигры является полезным для ее правообладателя, поскольку, благодаря данной форме, издержки разработчика (правообладателя) видеоигры на изготовление ее материальных носителей значительно сокращаются по сравнению с *традиционными товарами, имеющими материальную форму*.

При этом если вещь, приобретенная потребителем, имеет материальные недостатки, то их устранение осуществляется либо посредством ремонта, предполагающего замену отдельных частей, либо путем замены самой вещи на аналогичную, в которой отсутствуют недостатки. В случае ремонта это может занять время. Указанное относится к каждой единице товара, имеющего материальную форму. К тому же начало процедуры поиска и исправления недостатков может осуществляться в порядке очередности.

Однако в случае с видеоиграми, существующими в цифровой форме, на наш взгляд, складывается несколько иная ситуация. Так, для исправления недостатков в видеоигре не нужны поиск и приобретение запасных частей, которые подлежат установке в соответствующий предмет. Следовательно, налицо сокращение издержек на поиск, приобретение и монтаж таких дополнительных предметов, которые необходимы для ремонта товара. И если видеоигра распространяется в виде цифровой копии, то ее оригинал (исходные данные) хранится у разработчика

(правообладателя) видеоигры, а исправление недостатков посредством патча получает не только конкретный пользователь, обратившийся к разработчику (правообладателю) с соответствующим требованием, но и остальные пользователи, этого не сделавшие. Подобный эффект достигается тогда, когда потребители обладают цифровой копией одной и той же версии видеоигры. Соответственно, *единовременный полезный эффект* от исправления недостатков получают все обладатели доступа к видеоигре, причем значительно быстрее, чем потребители товара, выраженного в материальной форме, которые заявили соответствующее требование.

Конечно, возможность понуждения разработчика (правообладателя) вносить изменения в видеоигру по требованию потребителя потенциально не учитывает положения ст. 1266 ГК РФ, закрепляющих право на неприкосновенность произведения и указывающих на недопустимость внесения в него изменений без согласия автора. Однако формальное применение указанной статьи не учитывает специфику видеоигры:

1) особенность существования видеоигры в гражданском обороте связана с тем, что в нее требуется регулярно вносить изменения. Это обусловлено необходимостью устранения недостатков, улучшения отдельных компонентов видеоигры либо добавления в ее состав новых содержательных элементов. На данное обстоятельство, но в контексте программы для ЭВМ, которая является важной частью видеоигры, обращает внимание А. И. Савельев [33, с. 167];

2) право на неприкосновенность произведения в литературе предлагается рассматривать не в составе личных неимущественных прав автора, а причислять его к иным интеллектуальным правам [34], поскольку данное право может принадлежать не только автору, но и лицу, обладаю-

щему исключительным правом на произведение после смерти автора (абз. 2 п. 1 ст. 1266, ст. 1267 ГК РФ). Такое лицо вправе вносить в произведение необходимые изменения, которые направлены на обеспечение его имущественных интересов при использовании произведения;

3) от стабильного функционирования видеоигры, обеспеченного своевременным внесением в нее изменений, зависит ее коммерческий успех. Необходимость же внесения изменений в видеоигру не зависит от того, идет ли речь только о ее улучшении или лишь об устранении недостатков. Наличие коммерческого успеха означает, что имущественные интересы разработчиков (правообладателей) видеоигры, в том числе ее авторов, будут удовлетворены. Поэтому следует ограничительно смотреть на право на неприкосновенность произведения в отношении видеоигр. К тому же на связь ограничительного взгляда на право на неприкосновенность произведения с удовлетворением имущественных интересов ее авторов (правообладателей) обращается внимание в доктрине [34; 35, с. 167]. В связи с указанным предлагаем: а) получать от авторов предварительное согласие на внесение необходимых изменений в произведение (видеоигру) в будущем [36, с. 76]³⁵ либо б) законодательно разрешить правообладателям вносить в видеоигры (включая программы для ЭВМ), исключительные права на которые им принадлежат, необходимые изменения без согласия автора, но при условии, что этим не будет искажен замысел автора и не будет нарушена целостность восприятия видеоигры (в том числе программы для ЭВМ). Подобная возможность для правообладателей предусмотрена в законодательстве других стран [33, с. 169].

В случае реализации одного из предложенных вариантов предоставления правообладателям возможности внесения

³⁵ См.: Гончарова Я. А. Указ. соч. С. 128.

необходимых изменений в видеоигры (включая программы для ЭВМ), потребители будут вправе требовать от них устранения недостатков в видеоиграх, что будет основано на договоре между ними.

Отдельно стоит подчеркнуть, что такая опция должна быть предоставлена не всем правообладателям исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, а лишь тем из них, которые обладают такими правами в отношении некоторых объектов авторских прав. К таким объектам авторских прав могут быть отнесены те, которые обладают нематериальной формой выражения, требуют постоянного обеспечения действия их функциональных возможностей для удовлетворения и поддержания потребительского интереса и спроса к ним. Например, программа для ЭВМ, мультимедийный продукт, видеоигра и база данных.

Принятие такого предложения необходимо для обеспечения имущественных интересов разработчиков (правообладателей) видеоигр, включая их авторов, связанных с ее коммерческим успехом, и удовлетворения потребностей пользователей в получении видеоигр надлежащего качества.

Таким образом, цифровая форма видеоигры, помимо прямой связанности с эксплуатацией посредством технических средств, выступает основой для воспроизведения и использования всех компонентов видеоигры. Кроме полезных для потребителя свойств, содержащихся в цифровой форме видеоигры, в такой форме также проявляются недостатки

видеоигры. В рамках рассматриваемой формы происходит и устранение этих недостатков. В таком случае достоинства и недостатки цифровой формы автоматически и незамедлительно отражаются на функционировании видеоигры, что означает наличие неразрывной связи между цифровой формой видеоигры и самой видеоигрой.

IV. Внешние обстоятельства, влияющие на качественные свойства видеоигры. Как справедливо замечает А. В. Егоров, «внешние обстоятельства, которым подвержена вещь, тоже вовлекаются в характеристики ее качества» [19, с. 50]. Приведенная позиция *mutatis mutandis* применима и к видеоиграм.

Специфичность формы выражения правового явления, в частности цифровая форма видеоигр, обуславливает особенности их приобретения и принадлежности получателю. Так, потребитель, намеренный приобрести видеоигру, не приобретает право собственности на нее [15, с. 103]³⁶ – правообладатель предоставляет ему право доступа к видеоигре [32]. Как полагают Л. В. Санникова и Ю. С. Харитонова, получение доступа к произведению в цифровой форме не означает получения исключительного права на данный объект [32]. К тому же площадки, посредством которых распространяются видеоигры среди потребителей, закрепляют в своих пользовательских (лицензионных) соглашениях условия о том, что пользователям предоставляется неисключительная лицензия на право использования видеоигр³⁷. В отдельных

³⁶ См.: Ворожеевич А. С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 216.

³⁷ См., напр.: Пользовательское соглашение VK Play // VK Play. 2025. URL: https://documentation.vkplay.ru/terms/tou_vkp?lang=ru_RU (дата обращения: 30.05.2025) ; Соглашение подписчика Steam ... ; Лицензионное соглашение с конечным пользователем Epic Games Store // Epic Games. 2025. URL: <https://store.epicgames.com/ru/eula> (дата обращения: 30.05.2025) ; Пользовательское соглашение // Electronic Arts. 2025. URL: <https://www.ea.com/ru-ru/legal/user-agreement#license> (дата обращения: 30.05.2025) ; GOG пользовательское соглашение // GOG. 2025. URL: <https://support.gog.com/hc/ru/articles/212632089-GOG-%D0%9F%D0%BE%D0%B%D1%8C%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5-%D0%A1%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5?product=gog> (дата обращения: 30.05.2025).

пользовательских (лицензионных) соглашениях также указывается, что потребитель не является покупателем видеоигры³⁸, не вправе ее продавать, передавать в аренду или иным образом распространять³⁹ и не получает никаких вещных прав на нее⁴⁰. Это является дополнительным подтверждением того, что приобретение видеоигр пользователями не противоречит п. 4 ст. 129 ГК РФ, поскольку они получают доступ к видеоигре в виде права ее использования, а не саму видеоигру как результат интеллектуальной деятельности.

Из изложенного, по нашему мнению, следует, что возможности потребителя относительно использования приобретенной видеоигры ограничены. Данный вывод также подтверждается положениями ст.ст. 1229, 1235 ГК РФ. К тому же предоставление потребителю права доступа к видеоигре сводится, как правило, к обеспечению возможности удовлетворять его интересы посредством использования функционала видеоигры. Помимо этого, возможности потребителей по удовлетворению их интересов обусловлены тем, что доступ к видеоигре, исходя из существа соответствующих отношений, взаимозависим от того периода времени, в рамках которого обеспечивается работоспособность видеоигры, выраженной в цифровой форме. Указанное основано на том, что исходные данные видеоигры размещены на специальном техническом

оборудовании (серверах) правообладателя видеоигры⁴¹ и/или площадки, занимающейся распространением видеоигр⁴².

При отсутствии права доступа к видеоигре либо при его ограничении потребитель не сможет удовлетворить свои интересы, либо это будет затруднено. Например, приобретение, воспроизведение (произведение запуска) и/или прохождение видеоигры не допускается вследствие территориальных ограничений⁴³, прекращения действия уже имеющегося доступа к видеоиграм⁴⁴, изменения валюты платежа⁴⁵.

Следовательно, возможность извлечения потребителем полезных свойств из видеоигры зависит от условий предоставления доступа к ней (наличие ограничений или запрета), устанавливаемых правообладателем и/или площадкой [37]. Поэтому получение доступа к видеоигре следует отнести к качественным свойствам видеоигры.

Таким образом, перечисленные функциональные свойства видеоигры создают условия для надлежащего воспроизведения (осуществления запуска) и прохождения видеоигры. В процессе прохождения данные свойства поддерживают надлежащее функционирование видеоигры таким образом, чтобы потребители пользовались видеоигрой по ее прямому назначению и получали то, на что они могли разумно рассчитывать при ее приобретении.

³⁸ См.: *Пользовательское соглашение* // Electronic Arts ...

³⁹ См.: *Лицензионное соглашение с конечным пользователем* // Ubisoft. 2025. URL: <https://www.ubisoft.com/legal/documents/eula/ru-RU> (дата обращения: 30.05.2025).

⁴⁰ См.: *Соглашение подписчика Steam* ...

⁴¹ См.: *Соглашение с разработчиком* // VK Play. 2025. URL: https://documentation.vkplay.ru/terms_vkp/developer_agreement_vkp (дата обращения: 30.05.2025).

⁴² См.: *Соглашение подписчика Steam* ...

⁴³ См., напр.: Sony запретила активацию игр в Steam для России и Белоруссии // РБК. 2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65bd6b0a9a794767008b6d1a> (дата обращения: 30.05.2025); «Игра окончена»: как российская гейм-индустрия переживает последствия санкций // Известия. 2022. URL: <https://iz.ru/1310712/maria-frolova/igra-okonchena-kak-rossiiskaia-geim-industriia-perezhivaet-posledstviia-sanktsii> (дата обращения: 30.05.2025).

⁴⁴ См.: EGS отзывает у российских игроков раздаваемые бесплатно копии Dishonored: Death of the Outsider // Хабр. 2023. URL: <https://habr.com/ru/news/715216/> (дата обращения: 30.05.2025).

⁴⁵ См.: *Изменение валюты магазина в Аргентине и Турции на доллары США с 20 ноября* // Steam. 2025. URL: <https://help.steampowered.com/ru/faqs/view/2720-4EC7-B95A-1D2A> (дата обращения: 30.05.2025).

Другими словами, функциональные свойства создают условия для комфортного и плавного прохождения видеоигры, не отвлекая внимание потребителя на те факторы, которые затрудняют, делают невозможным или отвлекают его от прохождения видеоигры. Это возможно при отсутствии негативных обстоятельств. В противном случае потребитель имеет дело с проявлением недостатков в видеоигре, которые делают ее непригодной для использования.

IV. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ВИДЕОИГР

1. Аудиовизуальные отображения. При воспроизведении (производстве запуска) видеоигры, начиная с главного меню и в ходе последующего прохождения видеоигры, происходит демонстрация серии последовательно сменяющих друг друга изображений на экране монитора потребителя. Как справедливо считает И. И. Югай, в контексте функционирования игрового движка⁴⁶ происходит имитация реально происходящих событий и явлений, то есть визуализация (создание изображения на мониторе) физических процессов в реальном времени⁴⁷. Данные процессы в литературе называются аудиовизуальными отображениями, которые являются результатом работы программы ЭВМ, входящей в состав видеоигры [12]⁴⁸ и воспроизводящей ранее созданные результаты творческой деятельности – музыку, графику, дизайн и персонажей [13; 21].

Благодаря этому в видеоигре отображаются местность, здания, сооружения, погодные явления, персонажи и их взаимодействие с окружением (мимика, бег, ходьба, манипуляции с предметами, взаимодействие с другими персонажами), смена дня и ночи, демонстрация переходов света и тени и т. д. Иными словами, к аудиовизуальным отображениям относятся все те явления, которые потребитель может увидеть на экране монитора в процессе прохождения видеоигры.

С каждым годом уровень проработки аудиовизуальных отображений в видеоиграх растет. Он зависит не только от разработчиков видеоигр, но и от технологического уровня оборудования, на котором происходит воспроизведение (производство запуска) видеоигры⁴⁹. Следовательно, с каждым годом уровень аудиовизуальных отображений видеоигр становится лучше, реалистичнее, поскольку все больше внимания уделяется деталям видеоигр. В конечном счете качество аудиовизуальных отображений видеоигр выступает одним из важных обстоятельств, влияющих на коммерческий успех видеоигр [16, с. 24].

С другой стороны, существуют видеоигры, обладающие невысоким, а порой и посредственным качеством аудиовизуальных отображений, такие как *Minecraft* (2011), *Silent Hill 2* (2001) и *Heroes of Might and Magic III* (1999), но, несмотря на это, они представляют ценность для потребителей.

⁴⁶ «Игровой движок – это специальная программная среда, фактически представляет собой программу, с помощью которой можно делать другие программы. Основные функции, обычно предоставляемые игровым движком, могут включать в себя механизм рендеринга для 2D- или 3D-графики, возможность моделирования внутриигровой физики (разрушаемость предметов, появление царапин и вмятин, расчет столкновений и т. д.), добавление звука, создание анимации и видео, искусственный интеллект и тому подобные вещи» [38, с. 168].

⁴⁷ См.: Югай И. И. Компьютерная игра как жанр художественного творчества на рубеже XX–XXI веков : дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2008. С. 197.

⁴⁸ См.: Dmytrenko K. Op. cit. P. 10.

⁴⁹ Иногда проводится сравнительный анализ качества аудиовизуальных отображений в зависимости от технического устройства, на котором осуществляется воспроизведение видеоигры. См., напр.: *Детальное сравнение графики PS4 и PS5!* // PSGid.ru. 2020. URL: <https://psgid.ru/manuals/grafika-ps4-i-ps5> (дата обращения: 30.05.2025); *Графику в Horizon Forbidden West сравнили на PS4 и PS5* // Игромания. 2022. URL: https://www.igromania.ru/news/113505/Grafiku_v_Horizon_Forbidden_West_sravnili_na_PS4_i_PS5.html (дата обращения: 30.05.2025).

В связи с изложенным можно заключить, что высокое качество аудиовизуальных отображений не всегда является единственно важным фактором, влияющим на удовлетворение интересов потребителей. Поскольку данному свойству видеоигры пользователи не всегда придают большое значение и оно, как правило, не влияет на прохождение видеоигры, то его нельзя отнести к числу существенно значимых компонентов видеоигры. К тому же такое свойство видеоигры не влияет на возможность ее использования по прямому назначению. Именно по этим причинам аудиовизуальное отображение и было включено в группу эстетических свойств видеоигры.

II. Иммерсивность. Под данным понятием в литературе принято понимать эффект погружения (присутствия) пользователя в реалистично представленном вымышленном мире, в рамках которого он может взаимодействовать с окружением и чувствовать себя участником происходящих событий [25, с. 69; 30, с. 14]. Иммерсивность в видеоиграх может проявляться по-разному. Обычно потребитель может самостоятельно определять стратегию прохождения видеоигры в целом (исследовать игровой мир или проходить основную сюжетную линию) и выбирать подходящую тактику выполнения отдельных заданий видеоигры (использовать особенности местности). Например, в серии видеоигр *Desperados* (2001–2020) пользователь, как правило, самостоятельно определяет способы выполнения миссий и последовательность необходимых действий.

Для усиления эффекта погружения в виртуальный мир видеоигры ее разработчики создают соответствующие условия, которые могут выражаться в следующем:

- тщательно разработанные локации: за́мки, подвалы, улицы городов, природные ландшафты и т. д. (например, города в видеоигре *GTA 4* (2008) или местности в видеоигре *Elden Ring* (2022));

- наличие второстепенных персонажей в видеоигре (NPC) и уровень их искусственного интеллекта, что создает ощущение живого и динамичного игрового мира (к примеру, весьма правдоподобный виртуальный мир в видеоигре *Red Dead Redemption 2* (2018));

- наличие записок, писем, аудиозаписей, раскрывающих истории отдельных персонажей, описание событий прошлого (в частности, изложение событий, предшествовавших основной сюжетной линии, в видеоиграх *SOMA* (2015), *The Dark Pictures Anthology: House of Ashes* (2021), *Singularity* (2010));

- разнообразие способов взаимодействия с предметами игрового мира, позволяющих пользователю создавать и/или изменять состав компонентов различного оружия и других предметов, искать и собирать отдельные элементы сложных вещей и затем соединять их в единое целое (например, верстак в видеоигре *Last of Us* (2013) или специально созданное устройство (ХРАЗ) для поиска и собирания внутриигровых предметов («лута») в видеоигре *Atomic Heart* (2023));

- самостоятельное исследование локаций и поиск решений для дальнейшего прохождения видеоигры без предоставления указаний относительно того, какие действия и в какой последовательности следует совершать (к примеру, решение головоломок и поиск нужных предметов в сериях видеоигр *Syberia* (2004–2022), «Петька» (1998–2009) и видеоигре *L. A. Noire* (2011));

- центральная тема, заложенная в основу повествования и игрового процесса видеоигры (в частности, обманчивая утопия в видеоигре *Bioshock* (2007), легкость и бесшабашность в серии видеоигр *Serious Sam* (2001–2022), философская атмосфера в видеоигре *SOMA* (2015))⁵⁰.

Таким образом, использование перечисленных и иных элементов иммерсивности в видеоиграх позволяет увлечь потребителей и удержать их внимание

на прохождении видеоигры. Следует учитывать, что эффект иммерсивности, как правило, ограничен тем, что пользователь может увидеть и/или услышать в процессе прохождения видеоигры⁵⁰, а в некоторых случаях от пользователя может потребоваться внимательное прохождение видеоигры и учет отдельных деталей для понимания идей и смыслов, заложенных разработчиком. При этом степень воздействия элементов иммерсивности на пользователей носит субъективный характер. Это обусловлено тем, что каждый потребитель может по-разному воспринимать, оценивать и осознавать происходящие в видеоигре события, совершаемые ее персонажами действия (бездействия). Соответственно, так как уровень погружения и увлеченности прохождением видеоигры зависит от свойств личности конкретного потребителя, то иммерсивность может оказывать различное воздействие на пользователей.

III. Линия повествования. Данное свойство касается, на наш взгляд, таких элементов видеоигры, как основной и дополнительных сюжетных линий, степени проработанности персонажей, с которыми взаимодействует потребитель во время прохождения видеоигры, включая производимые между ними диалоги. Приведенные элементы, помимо прочих, способствуют получению пользователями игрового опыта, взаимодействию с виртуальным миром видеоигры, поддержанию интереса потребителей к развивающимся в видеоигре событиям, чтобы у них возникло стремление дойти до развязки основной сюжетной линии (до финала) видеоигры.

При этом степень проработанности повествования в видеоигре, наличие других (второстепенных) персонажей (не рядовых противников), за исключением главного героя, от имени которого действует пользователь, и содержательность диалогов могут различаться в зависимости от жанра, основной темы видеоигры и замыслов ее разработчиков. С одной стороны, существуют такие видеоигры, как, например, *Painkiller* (2004) и *Serious Sam* (2001), где творческая проработанность сюжетной линии минимальна, другие персонажи, помимо главного героя, диалоги практически отсутствуют, а прохождение таких видеоигр сводится преимущественно к разнообразному противостоянию с многочисленными противниками и поиску секретных мест, где спрятаны внутриигровые предметы. С другой стороны, есть такие видеоигры, как *BioShock: Infinite* (2013), *SOMA* (2015) и *Silent Hill 2* (2001), в которых существуют многослойные и тщательно проработанные основные и дополнительные сюжетные линии и персонажи, и чьи пользователи могут проявлять эмпатию к персонажам и интерес к затрагиваемым в данных видеоиграх вопросам.

Следовательно, линия повествования как свойство видеоигры является тем стержнем, вокруг которого выстраиваются остальные элементы видеоигры. Ведь в ходе повествования потребитель узнает историю, лежащую в основе видеоигры, и связанные с ней иные обстоятельства, которые по задумке разработчиков могут поддерживать интерес пользователей к полному прохождению видеоигры. Если

⁵⁰ См., напр.: *Иммерсив в гейминге. Кто такой Immersive sim и в каких играх его встретить?* // DNS. Клуб. 2023. URL: <https://club.dns-shop.ru/blog/t-64-videoigryi/80822-immersiv-v-geiminge-kto-takoi-immersive-sim-i-v-kakih-igrah-ego/> (дата обращения: 30.05.2025); *Разбор immersive sim: что это такое и почему Red Dead Redemption 2 – отличный иммерсивный симулятор* // Канобу. 2018. URL: <https://kanobu.ru/articles/razbor-immersive-sim-chto-eto-takoe-i-pochemu-red-dead-redemption-2-otlichnyiy-immersivnyiy-simuly-372913/> (дата обращения: 30.05.2025); *10 примеров идеального саунд дизайна в играх* // DTF. 2021. URL: <https://dtf.ru/u/376037-booster-sound/757283-10-primerov-idealnogo-saund-dizaina-v-igrah> (дата обращения: 30.05.2025).

⁵¹ См., напр.: *Иммерсивные технологии – будущее реального и виртуального опыта* // РБК. 2022. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/62d15e099a794704c379cf3b> (дата обращения: 30.05.2025).

это удастся, то вероятность коммерческого успеха таких видеоигр значительно возрастает. В противном случае следует ожидать неутешительных результатов⁵².

Таким образом, перечисленные эстетические свойства видеоигры создают условия для комфортного и приятного ее прохождения. Данные свойства формируют контекст видеоигры, в рамках которого потребитель проходит основную и дополнительные сюжетные линии, подкрепленные специально разработанными аудиовизуальными отображениями, чтобы глубже проникнуться игровым процессом. Кроме того, эстетические свойства видеоигры направлены главным образом на создание атмосферы, способной привлекать и удерживать внимание игроков на эмоциональной основе, заставляя их чувствовать себя частью увлекательного виртуального мира⁵³.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надлежащим образом разработанные и многократно проверенные функциональные и эстетические свойства видеоигры образуют цельное произведение, которое востребовано среди потребителей.

Функциональные свойства видеоигры демонстрируют потребителям, каким образом можно пройти видеоигру (что может делать или не делать потребитель), какие инструменты для этого предоставлены, а также как получить доступ к видеоигре и существуют ли ограничения этого.

Эстетические свойства видеоигры позволяют потребителям узнать особенности игрового мира, не только наблюдать развитие отдельной истории, но и стать

ее частью. Иными словами, потребители погружаются в происходящие в видеоигре события и проходят ее в специально созданных для этого условиях.

В итоге указанные качественные свойства видеоигры побуждают потребителей осуществить ее полное прохождение, в рамках которого динамично сочетаются исследование игрового мира и выполнение разнообразных испытаний при помощи игровой механики.

На наш взгляд, обстоятельством, позволяющим применить право к сфере видеоигр, является недостаток. Однако таким недостатком следует признавать лишь тот, который препятствует использованию видеоигры по прямому назначению (ее прохождению) либо лишает потребителя того, на что он был вправе рассчитывать при приобретении видеоигры. В связи с этим недостаток, обладающий указанной характеристикой, по нашему мнению, вероятнее и чаще всего выявляется (проявляется) в функциональных свойствах видеоигры, поскольку они связаны с непосредственным взаимодействием пользователей с видеоигрой. Наличие каких-либо недочетов в эстетических свойствах видеоигры, как правило, связано с личными, индивидуальными предпочтениями потребителей, что не всегда поддается правовой оценке⁵⁴.

При этом законодателю необходимо урегулировать правовой статус площадки, с использованием функционала которой осуществляется взаимодействие между непосредственными участниками отношений по поводу видеоигр.

⁵² См., напр.: *Геймеры разгромили Skull and Bones* – на Metacritic игра получила 3 балла // VK Play. 2024. URL: <https://media.vkplay.ru/news/2024-02-19/gejмеры-raskritikovali-skull-and-bones-u-igry-lish-3-balla-na-metacritic/> (дата обращения: 30.05.2025); *СМИ: игроки начали резко терять интерес к Skull and Bones* // VK Play. 2024. URL: <https://media.vkplay.ru/news/2024-03-11/smi-igroki-nachali-rezko-teryat-interes-k-skull-and-bones/> (дата обращения: 18.05.2025).

⁵³ См.: *Fabricatore C. Gameplay and Game Mechanics Design: A Key to Quality in Videogames* // OECD-CERI Expert Meeting on Videogames and Education. 2007. URL: https://www.researchgate.net/publication/236168267_Gameplay_and_game_mechanics_design_a_key_to_quality_in_videogames (дата обращения: 18.05.2025).

⁵⁴ Схожей позиции относительно значения недостатков для использования видеоигр по их прямому назначению придерживается А. И. Бычков (см.: *Бычков А. И. Указ. соч.*).

Список литературы

1. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М. : Статут, 2014. 543 с.
2. Бевзенко Р. С. Договор купли-продажи недвижимости: понятие, предмет и содержание // Гражданско-правовые отношения: проблемы доктрины, законодательства и судебной практики : сб. ст. к 75-летию д-ра юрид. наук, проф. Е. А. Суханова / отв. ред. В. В. Витрянский. М. : Статут, 2023. С. 253–287.
3. Никифоров А. А. Нелегкая судьба модификаций компьютерных программ из-за признания их производными произведениями // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3 (29). С. 96–110.
4. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2020. 918 с.
5. Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав. М. : Статут, 2005. 346 с.
6. Ручкина Г. Ф. Качество электроэнергии: проблемы нормативного правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 12 (207). С. 44–52. DOI: <https://doi.org/10.24411/2072-4098-2018-10125>
7. Рожкова М. А. Понятие «компьютерная программа» (программа для ЭВМ) в российском праве (подробный комментарий к статье 1261 Гражданского кодекса) // Право цифровой экономики – 2022 : ежегодник-антология / рук. и науч. ред. д-р юрид. наук М. А. Рожкова. М. : Статут, 2022. Вып. 18. С. 10–61.
8. Хлапотин В. Ю. Особенности правового статуса видеоигры как объекта права интеллектуальной собственности: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 4. С. 107–119. DOI: <https://doi.org/10.61205/jzsp.2023.055>
9. Котенко Е. С. Понятие и признаки мультимедийного продукта // Lex Russica (Русский закон). 2013. Т. 95, № 6. С. 601–615.
10. Котенко Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт : моногр. М. : Проспект, 2013. 123 с.
11. Данилов И. С. Особенности правового режима видеоигр // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 75–80. DOI: <https://doi.org/10.18572/1999-4788-2022-2-75-80>
12. Будник Р. А., Зверев М. О. Интеллектуальные права геймеров // Закон. 2022. № 7. С. 126–147. DOI: <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-7-126-147>
13. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века : моногр. М. : Юстицинформ, 2020. 224 с.
14. Рожкова М. А. О применении ст. 1062 ГК РФ к отношениям по поводу многопользовательских онлайн-игр // Хозяйство и право. 2021. № 1 (528). С. 99–108.
15. Бычкова К. М. Правовая квалификация внутриигровых предметов по праву ЕС // Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы = Video games, gaming, cybersports: legal issues : коллектив. моногр. / под науч. ред. М. А. Рожковой, Р. Л. Лукьянова. М. : Развитие правовых систем, 2023. С. 96–110.
16. Савельев А. И. Лицензирование программного обеспечения в России: законодательство и практика. М. ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2012. 413 с.
17. Тагаева С. Н. Виртуальное игровое имущество – объект гражданских прав? // Юрист. 2023. № 9. С. 11–16. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-9-11-16>
18. Останина Е. А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн-игре – договор с участием потребителей // Право в сфере Интернета : сб. ст. / рук. авт. коллектива и отв. ред. д-р юрид. наук М. А. Рожкова. М. : Статут, 2018. Вып. 14. С. 311–345.
19. Егоров А. В. Материальные недостатки предмета купли-продажи в российском праве // Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве : сб. ст., посвящ. юбилею проф. В. В. Витрянского / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2021. С. 43–112.
20. Гринь Е. С. Разновидности сложных объектов интеллектуальных прав: вопросы судебной практики // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 9 (154). С. 112–118. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.154.9.112-118>
21. Копылов А. Ю. Проблемы квалификации сложных объектов интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 6. С. 75–90. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.075>
22. Trapova A. AI as a Vehicle for Creativity in Video Games – Any Room for Flexibility Via Contracts? A Case Study on AI Dungeon // Copyright Contracts Tomorrow / ed. by H. Vanhees, S. Geiregat. Antwerpen : LeA Uitgevers, 2023. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4434824>
23. Bonadio E., Trapova A. Intellectual Property Law in Gaming and Artificial Intelligence // Research Handbook on Property, Law and Theory / ed. by C. Bevan. Cheltenham : Edward Elgar Publ., 2024. P. 448–462. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781802202069.00037>
24. Коваленко Т. А., Солодов А. Г. Игровой интерфейс как объект исследования // The Scientific heritage. 2020. № 45-1 (45). С. 36–42.
25. Махлина С. Т. Иммерсивность в современной культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 3 (52). С. 69–79. DOI: <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2022-3-69-79>

26. Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике : моногр. М. : Юстицинформ, 2022. 228 с.
27. Волков А. В., Демиева А. Г. Правовая природа цифрового товара в современных экономических реалиях // *Ex Jure*. 2024. № 3. С. 54–60. DOI: <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2024-3-54-60>
28. Wolk M. H. The iPhone Jailbreaking Exemption and the Issue of Openness // *Cornell Journal of Law and Public Policy*. 2010. Vol. 19, iss. 3. Art. 8. P. 795–828.
29. Лазарева Ю. А. Границы моддинга компьютерных игр, устанавливаемые пользовательскими соглашениями // *Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы = Video games, gaming, cybersports: legal issues* : коллектив. моногр. / под науч. ред. М. А. Рожковой, Р. Л. Лукьянова. М. : Развитие правовых систем, 2023. С. 179–185.
30. Харитонов Ю. С., Санникова Л. В. Виртуальное игровое имущество как цифровой актив в предпринимательском обороте // *Хозяйство и право*. 2020. № 1 (516). С. 13–21.
31. Махмудова А. Д. Гражданско-правовой режим видеоигр в контексте авторского права // *Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы = Video games, gaming, cybersports: legal issues* : коллектив. моногр. / под науч. ред. М. А. Рожковой, Р. Л. Лукьянова. М. : Развитие правовых систем, 2023. С. 38–54.
32. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : моногр. М. : 4 Принт, 2020. 303 с.
33. Савельев А. И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М. : Статут, 2024. 620 с.
34. Черничкина Г. Н. Иные интеллектуальные права части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // *Современное право*. 2019. № 4. С. 93–100. DOI: <https://doi.org/10.25799/NI.2019.80.53.003>
35. Драгунова С. А. Право на неприкосновенность произведения и право на его переработку // *Социально-политические науки*. 2019. № 3. С. 165–168.
36. Дмитриева Е. О. Основные аспекты договорной работы юриста в анимационной индустрии // *Вестник Омского университета*. Серия: Право. 2025. Т. 22, № 1. С. 73–82. DOI: [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2025.22\(1\).73-82](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2025.22(1).73-82)
37. Щербак Н. В. Идеальная доля в исключительном авторском праве: утопия или реальность? // *Вестник гражданского права*. 2021. Т. 21, № 5. С. 166–192. DOI: <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-5-166-192>
38. Никифоров А. А. Модификации к компьютерным играм и пользовательский контент: общие вопросы // *Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы = Video games, gaming, cybersports: legal issues* : коллектив. моногр. / под науч. ред. М. А. Рожковой, Р. Л. Лукьянова. М. : Развитие правовых систем, 2023. С. 155–178.

References

1. Savel'ev A. I. *E-Commerce in Russia and Abroad: Legal Regulation*. Moscow: Statut Publ.; 2014. 543 p. (In Russ.)
2. Bevzenko R. S. Real Estate Purchase and Sale Agreement: Concept, Subject and Content. In: Vitryanskii V. V. (Ed.). *Civil Legal Relations: Problems of Doctrine, Legislation and Judicial Practice*. Moscow: Statut, 2023. P. 253–287. (In Russ.)
3. Nikiforov A. A. Difficult Fate of Modifications of Computer Programs Due to Their Recognition as Derivative Works. *Journal of the Court for Intellectual Rights*. 2020;3:96-110. (In Russ.)
4. Savel'ev A. I. *E-Commerce in Russia and Abroad: Legal Regulation*. 3rd ed. Moscow: Statut Publ.; 2020. 918 p. (In Russ.)
5. Stepanov D. I. *Services as an Object of Civil Rights*. Moscow: Statut Publ.; 2005. 346 p. (In Russ.)
6. Ruchkina G. F. Electrical Power Quality and Regulatory Issues. *Property Relations in the Russian Federation*. 2018;12:44-52. DOI: <https://doi.org/10.24411/2072-4098-2018-10125> (In Russ.)
7. Rozhkova M. A. The Term “Computer Program” in Russian Law (Detailed Commentary on Article 1226 of the Civil Code). In: Rozhkova M. A. (Ed.). *The Law of the Digital Economy – 2022: Annual Anthology*. Iss. 18. Moscow: Statut Publ.; 2022. P. 10–61. (In Russ.)
8. Khlapotin V. Yu. Features of the Legal Status of a Video Game as an Object of Intellectual Property Rights: Comparative Legal Research. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2023;19(4):107-119. DOI: <https://doi.org/10.61205/jzsp.2023.055> (In Russ.)
9. Kotenko E. S. The Concept and Features of a Multimedia Product. *Lex Russica*. 2013;95(6):601-615. (In Russ.)
10. Kotenko E. S. *Copyright in a Multimedia Product*. Moscow: Prospekt Publ.; 2013. 123 p. (In Russ.)
11. Danilov I. S. Peculiarities of the Legal Regime of Video Games. *Entrepreneurial Law*. 2022;2:75-80. DOI: <https://doi.org/10.18572/1999-4788-2022-2-75-80> (In Russ.)
12. Budnik R. A., Zverev M. O. Intellectual Property of Gamers. *Statute*. 2022;7:126-147. DOI: <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-7-126-147> (In Russ.)
13. Churilov A. Yu. *Legal Regulation of Intellectual Property and New Technologies: Challenges of the Twenty-First Century*. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2020. 224 p. (In Russ.)

14. Rozhkova M. A. On the Application of Article 1062 of the Civil Code of the Russian Federation to Relations Concerning Multiplayer Online Games. *Business and Law*. 2021;1:99-108. (In Russ.)
15. Bychkova K. M. Legal Qualification of In-Game Objects Under the EU Law. In: Rozhkova M. A., Luk'yanov R. L. (Eds.). *Video Games, Gaming, Cybersports: Legal Issues*. Moscow: Razvitie pravovykh system Publ.; 2023. P. 96–110. (In Russ.)
16. Savel'ev A. I. *Software Licensing in Russia: Legislation and Practice*. Moscow, Berlin: Infotropik Media Publ.; 2012. 413 p. (In Russ.)
17. Tagaeva S. N. Is Virtual Game Property an Object of Civil Rights? *Jurist*. 2023;9:11-16. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-9-11-16> (In Russ.)
18. Ostanina E. A. MMOG-Players as Consumers. In: Rozhkova M. A. (Ed.). *Law in the Internet Sphere. Iss. 14*. Moscow: Statut Publ.; 2018. P. 311–345. 21 (In Russ.)
19. Egorov A. V. Material Defects in the Subject Matter of a Contract of Sale under Russian Law. In: Sukhanov E. A. (Ed.). *Issues of Civil Law in Judicial Practice and Legislation*. Moscow: Statut Publ.; 2021. P. 43–112. (In Russ.)
20. Grin E. S. Different Types of Complex Intellectual Property Objects: Court Practice Issues. *Actual Problems of Russian Law*. 2023;18(9):112-118. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.154.9.112-118> (In Russ.)
21. Kopylov A. Yu. Problems of Qualification of Complex Objects of Intellectual Property Rights. *Journal of Russian Law*. 2021;25(6):75-90. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.075> (In Russ.)
22. Trapova A. AI as a Vehicle for Creativity in Video Games – Any Room for Flexibility Via Contracts? A Case Study on AI Dungeon. In: Vanhees H., Geiregat S. (Eds.). *Copyright Contracts Tomorrow*. Antwerpen: LeA Uitgevers Publ.; 2023. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4434824>
23. Bonadio E., Trapova A. Intellectual Property Law in Gaming and Artificial Intelligence. In: Bevan C. (Ed.). *Research Handbook on Property, Law and Theory*. Cheltenham: Edward Elgar Publ.; 2024. P. 448–462. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781802202069.00037>
24. Kovalenko T. A., Solodov A. G. Game Interface as an Object of Research. *The Scientific Heritage*. 2020; 45-1:36-42. (In Russ.)
25. Makhlina S. T. Immersiveness in Modern Culture. *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*. 2022;3:69-79. DOI: <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2022-3-69-79> (In Russ.)
26. Kirsanova E. E. *Legal Regulation of the Turnover of Intellectual Property Rights in the Digital Economy*. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2022. 228 p. (In Russ.)
27. Volkov A. V., Demieva A. G. The Legal Nature of Digital Goods in Modern Economic Realities. *Ex Jure*. 2024;3:54-60. DOI: <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2024-3-54-60> (In Russ.)
28. Wolk M. H. The iPhone Jailbreaking Exemption and the Issue of Openness. *Cornell Journal of Law and Public Policy*. 2010;19(3):8.
29. Lazareva Yu. A. Limits of Computer Game Modding Set By User Agreements. In: Rozhkova M. A., Luk'yanov R. L. (Eds.). *Video Games, Gaming, Cybersports: Legal Issues*. Moscow: Razvitie pravovykh system Publ.; 2023. P. 179–185. (In Russ.)
30. Kharitonova Yu. S., Sannikova L. V. Virtual In-Game Property as a Digital Asset in Commercial Circulation. *Business and Law*. 2020;1:13-21. (In Russ.)
31. Makhmudova A. D. Civil Legal Regime of Video Games in the Copyright Context. In: Rozhkova M. A., Luk'yanov R. L. (Eds.). *Video Games, Gaming, Cybersports: Legal Issues*. Moscow: Razvitie pravovykh system Publ.; 2023. P. 38–54. (In Russ.)
32. Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. *Digital Assets: A Legal Analysis*. Moscow: 4 Print Publ.; 2020. 303 p. (In Russ.)
33. Savel'ev A. I. *Legal Aspects of Software Development and Commercialization*. Moscow: Statut Publ.; 2024. 620 p. (In Russ.)
34. Chernichkina G. N. Right to Inviolability of the Work, Right to Publish the Work and Its Revocation. *Modern Law*. 2019;4:93-100. DOI: <https://doi.org/10.25799/NI.2019.80.53.003> (In Russ.)
35. Dragunova S. A. The Right to the Inviolability of the Creative Work and the Right to Recast It. *Sociopolitical Sciences*. 2019;3:165-168. (In Russ.)
36. Dmitrieva E. O. Main Aspects of an Animation Lawyer's Contractual Work. *Herald of Omsr University. Series: Law*. 2025;22(1):73-82. DOI: [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2025.22\(1\).73-82](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2025.22(1).73-82) (In Russ.)
37. Shcherbak N. V. Ideal Share in Exclusive Copyright: Utopia or Reality? *Civil Law Review*. 2021;21(5):166-192. DOI: <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-5-166-192> (In Russ.)
38. Nikiforov A. A. Computer Game Modding and User-Generated Content: General Issues. In: Rozhkova M. A., Luk'yanov R. L. (Eds.). *Video Games, Gaming, Cybersports: Legal Issues*. Moscow: Razvitie pravovykh system Publ.; 2023. P. 155–178. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антон Александрович Тишкевич, аспирант кафедры гражданского права Сибирского федерального университета (пр. Свободный, 79, Красноярск 660041, Российская Федерация), магистр юриспруденции; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0861-4211>; ResearcherID: IVH-4294-2023; e-mail: tishkevich_a_a@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anton A. Tishkevich, postgraduate student of the Department of Civil Law at the Siberian Federal University (79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk 660041, Russian Federation), Master of Laws; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0861-4211>; ResearcherID: IVH-4294-2023; e-mail: tishkevich_a_a@mail.ru

Поступила | Received
05.06.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
02.03.2026

Принята к публикации | Accepted
22.03.2026

УДК 343.98

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-305-318

EDN: CCOAXC

Оригинальная научная статья

**Роль межведомственного взаимодействия
в выявлении преступников,
анонимизирующих свою личность**

Д. В. Воробьева

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Российская Федерация

✉ dacha_vorobyeva_13@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотрения возможностей взаимодействия при установлении личности преступника в сети Интернет в ходе расследования компьютерных преступлений. В связи с ростом числа нераскрытых преступлений в сфере компьютерной информации вследствие использования преступниками средств анонимизации, а также недостаточного уровня специальных знаний сотрудников правоохранительных органов в сфере информационных технологий представляется необходимым рассмотреть возможности раскрытия данных категорий преступлений посредством координации действий с другими структурными подразделениями и организациями. Предметом настоящего исследования являются закономерности получения (сбора) идентификационных данных о личности преступника при осуществлении взаимодействия с операторами сотовой связи, провайдерами, оперативными сотрудниками, специалистами и т. д. Цель данного исследования заключается в выявлении и решении проблем установления личности преступника, анонимизирующего свою личность, а также в рассмотрении отдельных форм взаимодействия, позволяющих решить указанную проблему. В основу исследования положен междисциплинарный подход и общенаучные методы познания (анализ, синтез, системно-структурный метод, описание). Делается вывод о том, что с учетом складывающейся негативной практики расследования указанных категорий преступлений преодоление данных видов противодействия возможно посредством комплексного взаимодействия с рассмотренными в статье структурными подразделениями и органами в целях эффективного выявления и установления личности преступника. Разделение функций (операторы сотовой связи – сбор базовых данных абонентов и геолокации; провайдеры – логирование трафика; социальные сети – доступ к метаданным и контенту; оперативные сотрудники – постоянный мониторинг открытых источников и взаимодействие с другими подразделениями; специалисты – анализ следов, участие в следственных действиях и консультирование) минимизирует временные потери, уменьшит вероятность ошибок и допущения тактических рисков. При гармоничном и законном взаимодействии вышеуказанных участников вероятность корректной идентификации личности преступника в сети Интернет значительно возрастает. Такой подход обеспечивает не только задержание злоумышленника и блокировку используемых им информационных ресурсов, но и получение надежной доказательственной базы, минимизируя риски нарушения прав граждан.

Ключевые слова: взаимодействие; ведомственные органы; вневедомственные организации; предоставление информации; деанонимизация; идентификационные данные

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Воробьева Д. В. Роль межведомственного взаимодействия в выявлении преступников, анонимизирующих свою личность // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 305–318. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-305-318>. EDN: <https://elibrary.ru/ccoaхc>

Original scientific article

The Role of Interagency Cooperation in Identifying Offenders Who Anonymize Their Identity

D. V. Vorobyeva

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ dacha_vorobyeva_13@mail.ru

Abstract. This article attempts to examine the possibilities of cooperation in establishing the identity of an offender on the Internet during the investigation of computer crimes. In view of the growing number of unsolved crimes in the field of computer information, caused by offenders' use of anonymization tools, as well as by the insufficient level of specialized knowledge in information technology among law-enforcement officers, it is necessary to consider the possibility of detecting and solving such crimes through the coordination of actions with other structural units and organizations. The subject of this study is the patterns involved in obtaining and collecting identification data concerning an offender's identity through cooperation with mobile network operators, Internet service providers, operational officers, specialists, and other relevant actors. The aim of the study is to identify and address the problems involved in establishing the identity of an offender who anonymizes his or her identity, and to examine particular forms of cooperation that may help resolve this problem. The study is based on an interdisciplinary approach and general scientific methods of cognition, including analysis, synthesis, the systemic-structural method, and description. The article concludes that, given the emerging negative practice in the investigation of this category of crimes, these forms of counteraction can be overcome through comprehensive cooperation with the structural units and bodies discussed in the article, with a view to effectively detecting the offender and establishing his or her identity. The division of functions — mobile network operators collecting basic subscriber and geolocation data; Internet service providers logging traffic; social networks providing access to metadata and content; operational officers continuously monitoring open sources and interacting with other units; and specialists analyzing traces, participating in investigative actions, and providing advice — minimizes time losses, reduces the likelihood of errors, and lowers tactical risks. Where the above-mentioned participants interact in a coordinated and lawful manner, the probability of correctly identifying an offender on the Internet increases significantly. This approach ensures not only the detention of the offender and the blocking of the information resources used by him or her, but also the collection of a reliable evidentiary basis, while minimizing the risk of violating citizens' rights.

Keywords: cooperation; departmental bodies; non-departmental organizations; provision of information; deanonymization; identification data

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Vorobyeva D. V. The Role of Interagency Cooperation in Identifying Offenders Who Anonymize Their Identity. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):305-318. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-305-318>. EDN: <https://elibrary.ru/ccoaхc> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	307
II. Проблемы деанонимизации личности преступника	307
III. Взаимодействие с вневедомственными организациями	309
IV. Взаимодействие с ведомственными субъектами	312
V. Заключение	316
Список литературы	316

© Vorobyeva D. V., 2026

I. ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобальной цифровизации общества сеть Интернет стала не просто средством коммуникации, обмена и поиска информации, обучения и трудовой деятельности, но и благоприятной средой для осуществления преступной деятельности. Данный феномен обусловлен тем, что глобальная сеть со временем преобразовалась в массивное хранилище колоссального объема информации, в котором можно найти разнообразные сведения – от персональных данных человека до алгоритмов по совершению преступлений. Но информационное обеспечение преступности не является единственной проблемой влияния Интернета на рост преступной активности в цифровом сегменте. Одновременно модернизируются способы совершения преступлений, приобретая дистанционный характер, который влечет за собой трансграничность преступности, меняется следовая картина преступного события, что приводит к изменениям способов сокрытия преступления. Все эти факторы неизбежно сказываются на раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТ-технологии) и в сфере компьютерной информации.

Несмотря на большое количество преступлений, совершаемых с использованием ИТ-технологий и в сфере компьютерной информации, наибольший интерес для нашего исследования представляет неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации). Интерес к данной категории преступлений вызван существующим в ее структуре феноменом анонимизации личности преступника, обуславливающим низкую раскрываемость этого вида преступлений. Использование анонимизирующих средств и методов позволяет преступнику скрывать идентификационные данные

своей личности, что затрудняет процесс его изобличения.

Большинство существующих научных работ, которые посвящены исследованию феномена анонимизации, относятся к области информационной безопасности и других компьютерно-технических наук [1; 2; 3; 4]. Однако распространенное использование данных средств в преступной деятельности позволяет говорить о необходимости рассмотрения этого явления криминалистической наукой, а также о разработке мер по противодействию ему.

Следует отметить, что в условиях цифровизации преступности правоохранительным органам становится сложнее бороться с ней изолированно, в связи с чем они осуществляют взаимодействие с другими структурными подразделениями, органами и организациями для увеличения объема сил и средств в целях преодоления противодействия.

В рамках настоящей статьи представляется необходимым более подробно исследовать возможности взаимодействия в ходе установления преступников, анонимизирующих свою личность при совершении неправомерного доступа к компьютерной информации.

В основу методологии исследования положены общенаучные методы познания (анализ, синтез, системно-структурный метод, описание), а также междисциплинарный подход, позволивший объединить юридические криминалистические знания со сферой изучения современных компьютерных технологий.

II. ПРОБЛЕМЫ ДЕАНОНИМИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Сложность расследования данной категории преступлений обусловлена тем, что преступники предпринимают меры по сокрытию информации о себе еще при подготовке к совершению преступления, что приводит к возникновению

проблемных следственных ситуаций на первоначальных этапах расследования, обусловленных информационной недостаточностью данных о лице, совершившем преступление.

Проблема установления личности преступника на сегодняшний день стоит достаточно остро. Вопросами деанонимизации лиц, совершающих преступления в сети Интернет занимались С. В. Тимофеев [5], А. И. Гайдин [6], Ю. В. Гаврилин [7], С. И. Земцова [8] и др. В своих работах они рассматривали организационно-тактические проблемы, проблемы правового регулирования деятельности оперативных подразделений по получению информации из сети Интернет, проблемы материально-технического и организационно-управленческого характера.

Анализ практической деятельности правоохранительных органов и научной литературы по данному направлению показал, что факторы, оказывающие негативное влияние на достижение результатов по установлению личности преступника в сети Интернет, можно разделить на субъективные и объективные.

К субъективным факторам следует относить:

- отсутствие достаточного опыта в раскрытии и расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации [5, с. 113];
- отсутствие соответствующих знаний в области информационных технологий, веб-разработки и сетевой безопасности;
- стереотипные представления о сложности расследования данных преступлений и неуверенность в себе и своих силах;
- неграмотная работа с цифровыми следами.

Объективные факторы:

- использование преступниками высокотехнологичных средств анонимизации;
- трансграничный характер преступлений данных видов;

– отсутствие методических рекомендаций по раскрытию и расследованию данных преступлений;

– недостаточное количество сил и средств, позволяющих в короткие сроки выявлять и устанавливать необходимую информацию, имеющую значение для уголовного дела.

Среди перечисленных факторов, оказывающих негативное влияние на раскрытие неправомерного доступа к компьютерной информации, одним из главных, на наш взгляд, выступает использование в ходе совершения преступления средств анонимизации, позволяющих преступнику скрывать идентификационные данные о своей личности. Названный фактор оказывает влияние как на установление данных о лице, так и на раскрытие и расследование преступления в целом.

Отметим, что на первоначальных этапах расследования главная задача правоохранительных органов заключается в обнаружении следов, позволяющих установить личность преступника. К таким следам относятся:

- 1) IP-адрес устройства, используемого преступником при совершении преступления рассматриваемого вида, а также при его сокрытии;
- 2) MAC-адрес – идентификатор устройства, используемого для доступа к сети Интернет (например, роутера);
- 3) IMEI – уникальный номер, например мобильного устройства (средства связи);
- 4) следы используемого интернет-провайдера – организации, обеспечивающей услуги по подключению к сети Интернет в определенном месте (месте преступления);
- 5) ID-пользователя в социальной сети – уникальный номер, присваиваемый пользователю учетной записи;
- 6) username – это уникальное имя пользователя, которое идентифицирует аккаунт на платформе социальной сети;
- 7) номер телефона;

8) адрес электронной почты;
9) данные браузера, операционной системы и т. д.

В условиях анонимизации личности преступника установление указанных идентификаторов следователем самостоятельно в рамках производства осмотра технического устройства потерпевшего или допроса потерпевшего не представляется возможным, вследствие чего следователи прибегают к помощи сотрудников других ведомств или структур, обладающих наибольшим объемом специальных знаний и средств, позволяющими получить необходимые данные.

Для исследования данного вопроса представляется необходимым более подробно рассмотреть возможности взаимодействия и роль, которую оно играет в установлении идентификационных данных о личности преступника, использующего средства анонимизации.

В криминалистической литературе под взаимодействием принято понимать согласованную деятельность различных звеньев одной или нескольких организованных систем, направленную на достижение общей цели с наименьшими затратами сил, средств и времени.

Вопросам организации взаимодействия участников расследования преступлений посвящены работы А. В. Гордина¹, Н. А. Аменицкой², И. А. Данилкина [9], Т. А. Паутовой³, В. И. Пархоменко⁴, а также ряда других ученых. В своих трудах они рассматривали особенности взаимодействия органов предварительного следствия с органами дознания, исследовали

формы такого взаимодействия и их нормативно-правовое регулирование.

В рамках настоящей работы мы не будем ограничиваться рассмотрением вопросов взаимодействия лишь с органами дознания, а рассмотрим данный вопрос с точки зрения организации взаимодействия с ведомственными структурными подразделениями и вневедомственными организациями.

III. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ВНЕВЕДОМСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Ввиду многообразия способов совершения неправомерного доступа к компьютерной информации, преступники используют различные средства как для совершения преступления, так и для его сокрытия, при этом оставляя за собой следы. Обнаружение таких следов, их фиксация, изъятие и исследование требуют вовлечения в процесс расследования значительного числа субъектов – представителей правоохранительных и иных государственных органов, коммерческих организаций, осуществляющих деятельность в сфере предоставления информационных, коммуникационных и финансовых услуг.

Например, М., используя приобретенный им мобильный телефон *Redmi Note 9 Pro* и сим-карту оператора ПАО «Мегафон», реализуя свой преступный умысел, направленный на получение персональных данных для входа в личный кабинет «СбербанкОнлайн», принадлежащий К., осуществил преступный сговор с Н.,

¹ См.: Гордин А. В. Взаимодействие оперативно-розыскных служб и следователя органов внутренних дел при расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 208 с.

² См.: Аменицкая Н. А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 201 с.

³ См.: Паутова Т. А. Взаимодействие следователей органов внутренних дел с органами дознания при возбуждении и расследовании уголовных дел : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 183 с.

⁴ См.: Пархоменко В. И. Взаимодействие следователей, оперативных работников и специалистов при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ (тактико-криминалистический и организационный аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 230 с.

имеющим водительское удостоверение, с целью сокрытия следов преступления путем смены точек положения базовых станций при передвижении на автомобиле, принадлежащем Н., в ходе осуществления звонков К. Так, М., передвигаясь на автомобиле под управлением Н., осуществил звонок потерпевшей К., имитируя женский голос, сообщил ложные сведения о том, что он является сотрудником ПАО «Сбербанк», а также о том, что у нее якобы накопились бонусы по программе «СберСпасибо», которые она может получить. В ходе телефонного разговора М. убедил К. сообщить ему номер банковской карты и код подтверждения, необходимые для доступа к личному кабинету мобильного приложения «СбербанкОнлайн». После чего М. совершил вход в личный кабинет и получил доступ к денежным средствам, принадлежащим К.⁵

Исходя из приведенного примера, следует отметить, что установлению будут подлежать следующие идентификационные данные: IMEI телефона злоумышленника, номер телефона, сведения об адресе базовой станции, IP-адрес и т. д. Это свидетельствует о необходимости обращения в организации, обладающие соответствующей информацией. Установление указанных сведений и других идентификационных данных, происходит посредством взаимодействия с такими субъектами, как операторы сотовой связи, банковские организации, администраторы социальных сетей, интернет-провайдеры.

Организация взаимодействия с данными субъектами осуществляется путем направления в их адрес запросов с просьбой предоставить интересующую органы внутренних дел информацию.

Анализ судебной практики и материалов уголовных дел показывает, что при направлении запросов операторам сото-

вой связи следователи допускают ошибки, связанные с тем, что запрашивают у операторов детализацию входящих и исходящих соединений по абонентскому номеру, забывая запросить адреса базовых станций, обеспечивающих телефонную связь пользователей, а также данные об IMEI, которые в совокупности свидетельствуют о принадлежности телефона конкретному физическому лицу и позволяют оперативно получить необходимую информацию, сократив сроки расследования. Также ошибки допускаются при направлении запросов администраторам социальных сетей: следователи могут ограничиться лишь получением данных об IP-адресе и номере телефона, указанном при регистрации аккаунта, забывая истребовать данные о фамилии, имени и отчестве пользователя, которые могут не совпадать с указанным никнеймом, о времени входа в социальную сеть и выхода из нее и т. д. Перечисленные сведения выступают отправной точкой в цепочке следов, позволяющих установить участников преступления и пострадавших, поэтому промедление в предоставлении такой информации значительно затягивает процесс расследования и оказывает негативное влияние на доказывание отдельных обстоятельств [10, с. 153].

Таким образом, с учетом сложностей, возникающих при составлении запросов в процессе организации взаимодействия с коммерческими организациями, представляется целесообразным привести перечень информации, необходимой для расследования неправомерного доступа к компьютерной информации.

В случаях, когда у правоохранительных органов имеется информация об абонентском номере, следователь может получить у *оператора сотовой связи* следующие данные:

⁵ См.: Приговор Кировск. Район. суда г. Волгограда от 16 марта 2025 г. № 1-100/2025 по делу № 1-100/2025 // Судеб. и норматив. акты РФ. 2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eMepwe9YubH0/> (дата обращения: 06.01.2026).

- паспортные данные владельца абонентского номера;
- детализацию звонков⁶;
- IMEI устройств, с которых осуществлялась связь в течение последних трех месяцев;
- сведения о базовых станциях, через которые осуществлялась связь;
- информацию о входящих и исходящих платежах по лицевому счету, связанному с данным абонентским номером;
- информацию об IP-адресах, использованных для входа в личный кабинет абонента у сотового оператора и управления данным номером⁷.

Информация, предоставленная оператором сотовой связи, может носить как доказательственный, так и ориентирующий характер [11, с. 187]. Представленная информация позволяет получить сведения об используемом интересующим лицом оборудовании (средствах связи), выявить круг лиц активного общения, в том числе возможных соучастников преступных действий (в процессе анализа протоколов соединений, осуществлявшихся с используемых абонентских номеров) и установить местонахождение конкретного лица (телефона с абонентским номером) в определенное время⁸.

В случаях совершения преступления с использованием социальных сетей правоохранительные органы при взаимодействии с *администраторами социальной сети* могут получить следующую информацию:

- установочные данные, использованные лицом для регистрации (абонентский номер и (или) адрес электронной почты);
- IP-адрес, используемый для создания и доступа к странице;

- периоды посещения сайта;
- сведения о смене логина и пароля;
- сведения о смене никнейма;
- сведения о времени пребывания пользователя на сайте, просмотренном и скачанном контенте, а также об используемом браузере;
- данные об идентификаторе (ID) пользователя в социальной сети.

Среди всей представленной информации наибольшую ценность имеют сведения об IP-адресе. IP-адрес присваивается вычислительному устройству клиента (пользователя) интернет-провайдером [12, с. 85]. Сотрудники, направив запрос *интернет-провайдеру*, могут получить следующую дополнительную информацию о пользователе:

- полные данные, указанные лицом при заключении договора об оказании интернет-услуг (фамилию, имя, отчество, адрес, номер телефона, копию паспорта);
- адрес местонахождения приемопередающего оборудования, посредством которого осуществлялся выход в сеть Интернет через указанный IP-адрес;
- информацию о том, является ли данный IP-адрес статическим или динамическим;
- информацию об используемом 3G- или 4G-модеме (номер SIM-карты, MAC-адрес), посредством которого осуществлялся выход в сеть Интернет через указанный IP-адрес [13].

Еще одним источником получения криминалистически значимой информации являются отправления электронной почты и соответствующие интернет-сервисы по предоставлению подобных услуг. Это не только информация, содержащаяся в тексте самого почтового отправления,

⁶ Указанные сведения позволяют определить входящие и исходящие звонки данного абонента за необходимый период времени, номера телефонов абонентов, с которыми происходили соединения, продолжительность соединений, а также дополнительно можно получить информацию о базовой станции с указанием их направленности и секторов.

⁷ Следует отметить, что получение данной информации осуществляется на основании судебного решения, поскольку указанные данные, в соответствии с Федеральным законом от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи», являются информацией ограниченного доступа.

⁸ См.: Козинкин В. А. Использование в расследовании преступлений информации, обнаруживаемой в средствах сотовых систем подвижной связи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 11–12.

но и информация о маршруте его следования в процессе отправки-получения (RFC-заголовок, служебный заголовок, свойства письма, для ознакомления с которыми необходимо открыть электронное письмо и в командной панели выбрать команду отображения свойств письма). Данная информация содержит сведения об IP-адресе, с которого письмо было отправлено, и фактический адрес электронной почты отправителя. Как правило, IP-адрес отправителя содержится в строках *X-Originating-IP* или *Received: from* свойств электронного почтового отправления⁹.

К криминалистически значимой информации, которую возможно получить в организациях, являющихся *собственными интернет-сервисами электронной почты*, относятся сведения, содержащиеся в учетной записи (аналогично социальным сетям), данные о сеансах доступа к электронному почтовому ящику, сведения о произведенных в учетной записи изменениях (смена пароля, номера телефона, контрольного вопроса и т. п.), переписка пользователя (по судебному решению).

Помимо текстовых сообщений через электронную почту потерпевшему могут быть направлены сообщения, содержащие ссылки на фишинговые сайты, в адресной строке которых отображается доменное имя сайта.

В адрес сайтов, осуществляющих регистрацию доменных имен, направляется запрос о предоставлении следующей информации:

- о паспортных данных регистратора доменного имени;
- абонентских номерах и адресах электронной почты, использованных при регистрации;
- IP-адресах, использованных для регистрации доменного имени;

— IP-адресах, использованных для входа в личный кабинет или для доступа к панели управления для администрирования доменного имени;

— оплате услуг регистрации и аренды доменного имени с указанием полных реквизитов плательщика.

Как правило, ввиду отсутствия очевидцев совершения неправомерного доступа к компьютерной информации и взаимодействия преступника с потерпевшим через информационно-телекоммуникационную сеть налаживание взаимодействия с указанными организациями становится критически важным [14, с. 16]. Так, Ю. В. Гаврилин отмечает, что повышению эффективности внешнего взаимодействия способствует использование территориальными органами внутренних дел системы электронного документооборота, а также заключение соглашений об информационном обмене с кредитно-финансовыми организациями и организациями связи [15, с. 146]. Это также имеет немаловажное значение для сокращения сроков получения необходимой информации при раскрытии и расследовании преступлений. На сегодняшний день такие соглашения заключены лишь с банковскими организациями ПАО «Сбербанк России», АО «Киви Банк»¹⁰, а также оператором сотовой связи ПАО «Мегафон», что, на наш взгляд, требует расширения перечня организаций.

IV. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

С ВЕДОМСТВЕННЫМИ СУБЪЕКТАМИ

В процессе расследования преступлений в сфере компьютерной информации следователи используют всевозможные процессуальные и непроцессуальные формы взаимодействия с сотрудниками правоохранительных органов. Наиболее

⁹ См.: *Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий* : учеб. пособие : в 2 ч. / Ю. В. Гаврилин, А. В. Аносов, В. В. Баранов, Н. П. Голяндин [и др.]. М. : Акад. управления МВД России, 2019. Ч. 1. С. 115.

¹⁰ По данным Центрального банка Российской Федерации, АО «Киви Банк» ликвидирован с 22 декабря 2025 г. .

тесное взаимодействие на всех этапах расследования осуществляется с оперативными сотрудниками подразделений органов внутренних дел [16, с. 179].

В зависимости от складывающейся следственной ситуации и категории дел следственные органы осуществляют выбор одной из двух форм взаимодействия либо используют их в совокупности.

По мнению С. С. Босхолова, И. С. Брагиной и С. Н. Серикова, «наибольший успех при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, достигается при активном оперативно-розыском сопровождении, суть которого заключается в комплексном использовании современных программно-аппаратных комплексов и методов оперативно-розыскной деятельности, направленных на изобличение и документирование противоправной деятельности лица, совершившего преступление» [17, с. 73]. Разделяя данную точку зрения, полагаем, что в рассматриваемом нами вопросе установление личности преступника невозможно без помощи сотрудников оперативных подразделений, поскольку в их ведении находится больше средств, которые расширяют границы поиска и экономят время.

В 2022 году, согласно Указу Президента Российской Федерации, в структуре центрального аппарата МВД России было создано Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – УБК)¹¹. УБК реализует функции по борьбе с преступ-

лениями в сфере компьютерной информации, совершенными с использованием IT-технологий, а также противодействует распространению противоправной информации в сети Интернет.

В ходе раскрытия и расследования неправомерного доступа к компьютерной информации следственные органы осуществляют взаимодействие с оперативным подразделением УБК. Эффективность данного взаимодействия обусловлена тем, что оперативные сотрудники УБК обладают более глубокими специальными знаниями и навыками поиска и обнаружения личности преступника ввиду их узкой специализации.

Среди форм процессуального взаимодействия на первоначальных этапах расследования можно выделить исполнение поручений по установлению лица, совершившего преступление. Однако, к сожалению, и в данном направлении практика складывается не всегда благоприятно. Связано это с тем, что сотрудники органа дознания формально подходят к исполнению поручений следователя по установлению личности преступника. При выполнении поручений поисковые мероприятия прекращаются на этапе получения сотрудниками информации о подменном IP-адресе, при этом игнорируются возможности установления лица по иным идентификаторам. Данная негативная тенденция может быть обусловлена отсутствием знаний об иных методах установления личности преступника.

Речь идет об использовании сотрудниками оперативных подразделений методов *OSINT*¹² при установлении личности

¹¹ См.: *О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации* : Указ Президента Рос. Федерации от 30 сент. 2022 г. № 688. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² *OSINT* (англ. *Open Source Intelligence* – «разведка по открытым источникам») – это разведывательная деятельность, включающая в себя поиск, выбор, сбор разведывательной информации из общедоступных источников, а также ее анализ. В качестве открытых источников могут быть использованы средства массовой информации (новостные статьи и телевизионные документальные фильмы), интернет-издания, сообщества, форумы, видеохостинги, социальные сети, отчеты аналитических центров, а также результаты социальных опросов, статистические данные, судебная практика, открытые базы данных (реестры, база знаний MITRE ATT&CK), научные работы.

преступника. Согласно результатам анкетирования, проведенного среди сотрудников оперативных подразделений, следствия и дознания, 73,4 % респондентов не используют методы *OSINT* при установлении личности преступника.

В настоящее время указанная форма получения данных об искомом лице является достаточно результативным способом.

Так, если преступник получил неправомерный доступ к компьютерной информации, используя в ходе совершения преступления социальные сети, но при этом с помощью VPN-сервиса скрыл свой IP-адрес, то сведения о его личности могут быть получены посредством его никнейма. Первым шагом является установление идентификатора, по которому можно обнаружить профиль. В данном случае им является никнейм, но, помимо него, могут быть обнаружены и использованы номер телефона, адрес электронной почты, адреса криптовалютных кошельков, индивидуальный идентификатор (ID) и т. п.

Сотруднику необходимо проверить наличие профилей фигуранта на всех популярных платформах и сервисах:

- социальных сетях (Facebook¹³, «ВКонтакте», «Одноклассники», Instagram¹⁴, LinkedIn, X (Twitter), «Дзен»);

- мессенджерах (Telegram, WhatsApp, Viber, Discord, «Макс» и др.);

- сервисах электронной почты (Gmail, Mail.ru, «Яндекс Почта», «Рамблер/почта»);

- маркетплейсах (OZON, Wildberries, Lamoda, «Яндекс Такси», «Яндекс Еда», «Деливери», Uber, «Самокат», «Купер»);

- форумах и имиджбордах (Reddit, 4chan, 2ch, «Хабр»);

- сайтах объявлений («Авито», «Юла» и др.);

- геосоциальных сервисах («Яндекс Карты», Google Maps и др.);

- хостингах изображений и видео (YouTube, TikTok, Likee, RuTube);

- игровых платформах (Steam, PlayStation Store, Network Gaming);

- криптовалютных биржах и обменниках (Binance, Coinbase).

Важно отметить, что анализу подлежат не только популярные платформы, но и нишевые, специфические сайты. Часто именно на малоизвестных ресурсах пользователи ведут себя менее осторожно и оставляют сведения, имеющие значение для их деанонимизации.

Установление связи между аккаунтами происходит посредством выявления совпадений по различным идентификационным признакам: схожие или производные имена пользователей, никнеймы, псевдонимы (например, Vanya_Ivanov, VanyaIvanov1987, IvanovVanya, IvanovV_1987 и т. п.); одинаковые адреса электронной почты и (или) номера телефонов, повторяющиеся или сходные по стилю аватары профилей, фотографии, изображения в постах, схожие стили письма, синхронность публикаций, совпадения по времени активности и т. д.

Методы *OSINT* могут применяться и для получения вышеуказанных идентификационных данных с целью экономии времени при получении ответов на запросы от операторов сотовой связи, банковских организаций и т. д. Информация, полученная с использованием методов *OSINT*, имеет важное значение для эффективного раскрытия преступления, выдвижения версий, возбуждения уголовного дела, грамотного применения тактических приемов при производстве следственных действий, планирования и организации подготовки проведения тактических операций (комбинаций), следственных действий, а также правильного выстраивания алгоритма действий на различных этапах расследования по уголовному делу [18, с. 64].

¹³ Признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁴ Признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации.

Помимо рассмотренной формы взаимодействия, оперативное сопровождение может осуществляться при проведении отдельных следственных действий, реализации тактических операций по установлению и задержанию искомого лица, а также в случаях оказания содействия в рамках организационно-тактических мероприятий и т. п. Наибольшая вероятность установления личности преступника имеет место в том случае, когда уголовные дела по данной категории преступлений возбуждаются в результате реализации оперативных мероприятий. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость взаимодействия оперативных работников и следователей на всех этапах расследования.

Важное значение имеет взаимодействие с экспертами (специалистами), обладающими знаниями в области информационных технологий, поскольку сотрудники правоохранительных органов не всегда владеют необходимыми знаниями и навыками в области информационных технологий, веб-разработки и сетевой безопасности. Привлечение специалиста в непроцессуальной форме возможно в рамках получения консультации. В ходе консультации следователь, исходя из сложившейся следственной ситуации, может выяснить возможные способы установления личности преступника, выявления идентификационных данных и обнаружения иных цифровых следов, необходимых для деанонимизации личности преступника. Однако наибольшую помощь в установлении личности преступника следователь получает в ходе процессуального взаимодействия. Например, при производстве допроса потерпевшего следователь может привлечь специалиста для помощи

в постановке вопросов для наиболее полного выяснения обстоятельств и механизма совершения преступления, а также разъяснения IT-терминологии.

Также участие специалиста является обязательным при осмотре технического устройства потерпевшего. В рамках настоящего исследования мы не будем подробно рассматривать алгоритм действий специалиста, а остановимся лишь на тех аспектах участия специалиста, которые позволяют обнаружить ориентирующую информацию, необходимую для деанонимизации лица. Для обнаружения необходимой информации осмотру могут подлежать журнал входящих и исходящих звонков (в ходе осмотра которого можно обнаружить номер телефона), электронный почтовый ящик (в нем можно обнаружить адрес электронной почты, с которого отправляли фишинговые ссылки или иную информацию), приложения социальных сетей (в которых можно найти ценную информацию о никнеймах и идентификаторах пользователя (ID), которые присваиваются при регистрации и остаются неизменными). Именно идентификатор (ID) в большинстве случаев служит основным ориентиром при установлении аккаунта, поскольку он однозначно идентифицирует пользователя в базах данных. Также анализу подлежат журналы событий (log-файлы)¹⁵, в которых можно обнаружить сообщения об ошибках, предупреждения, стек вызовов (англ. *stack trace*)¹⁶, время, когда произошел сбой. Указанные сведения позволяют установить характер произошедшего события, последовательность действий и причинно-следственные связи между ними.

Помимо участия специалиста в следственных действиях, возможно его

¹⁵ Журнал событий – встроенный инструмент, в который программа или система записывает свои действия. Он является своего рода хранилищем цифровых следов.

¹⁶ Хронологическая запись всех вызовов функций, которые привели к ошибке в программе. Данная запись представлена в виде отчета, в котором содержится информация о типе ошибки, месте, где произошла ошибка (файл, строка и метод, где программа остановилась) и последовательности вызовов, которая привела к ошибке.

привлечение к проведению тактических операций по деанонимизации лица, например, при перехвате трафика в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий. Специалист может оказать содействие в применении программных и аппаратных инструментов перехвата сетевого трафика (*Wireshark*, *tcpdump*) и в анализе сетевого трафика, результаты которого позволяют обнаружить идентифицирующие данные и связанные с ними сведения: временные метки, IP-адреса, доменные имена, MAC-адрес сетевого интерфейса, идентификаторы мобильных устройств (IMEI, IMSI), учетные данные пользователя, сведения о браузере и операционной системе пользователя, данные геолокации [19, с. 367].

Отметим, что использование специальных знаний при расследовании компьютерных преступлений возможно не только при назначении компьютерно-технических экспертиз, но и при осуществлении организационно-тактических мероприятий, что свидетельствует об универсальной роли экспертов (специалистов) при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая изложенное, следует отметить, что сегодня сложно разра-

ботать единые рекомендации, которые бы позволили эффективно бороться с рассматриваемым видом противодействия, поскольку новые способы и средства совершения и сокрытия преступлений появляются достаточно быстро. Однако это не означает, что проанализированные виды и формы взаимодействия не позволят достичь положительных результатов сотрудникам правоохранительных органов, поскольку проведенное исследование может способствовать устранению рассмотренных в первой части статьи проблемных аспектов, обусловленных субъективными факторами, которые играют немаловажную роль в криминалистическом мышлении следователя и успешном раскрытии и расследовании преступлений.

Отметим и тот факт, что представленные способы получения идентификационных данных о личности преступника в рамках взаимодействия различных субъектов свидетельствуют о том, что успех преодоления информационной неопределенности на первоначальных этапах расследования будет заключаться только в комплексном взаимодействии путем объединения сил и средств, что позволит добиться эффективности в достижении целей по установлению личности преступников.

Список литературы

1. Карпов Д. С., Ибрагимова З. А. Способы и средства обеспечения анонимности в глобальной сети Интернет // Правовая информатика. 2021. № 3. С. 60–67. DOI: <https://doi.org/10.21681/1994-1404-2021-3-60-67>
2. Jyothi K. K., Reddy B. I. Study on Virtual Private Network (VPN), VPN's Protocols and Security // International Journal of Scientific Research in Computer Science, Engineering and Information Technology. 2018. Vol. 3, iss. 5. P. 919–932.
3. Kouachi A. I., Bachir A., Lasla N. Anonymizing Communication Flow Identifiers in the Internet of Things // Computers & Electrical Engineering. 2021. Vol. 91. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compeleceng.2021.107063>
4. Басыня Е. А., Хиценко В. Е., Рудковский А. А. Метод идентификации киберпреступников, использующих инструменты сетевого анализа информационных систем с применением технологий анонимизации // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2019. Т. 22, № 2. С. 45–51. DOI: <https://doi.org/10.21293/1818-0442-2019-22-2-45-51>
5. Тимофеев С. В. К вопросу добывания оперативно значимой информации в сети Интернет: проблемы и пути их решения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2 (18). С. 111–117. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-2-111-117>
6. Гайдин А. И., Головчанский А. В. Тактические средства преодоления способов анонимизации при расследовании сетевых преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 2. С. 172–179.

7. Гаврилин Ю. В., Бедеров И. С. Установление личности владельцев цифровой валюты: методологические основы // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 101–108. DOI: <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2021-460-101-108>
8. Земцова С. И. Программные продукты, используемые для деанонимизации фактов совершения наркопреступлений с использованием цифровой валюты // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации : материалы всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 26 нояб. 2020 г. / сост.: А. В. Бачиева, Э. В. Лантух. СПб. : С.-Петербург. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2021. С. 112–115.
9. Данилкин И. А. Взаимодействие следственных и экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел : моногр. М. : Юрлитинформ, 2010. 181 с.
10. Гайдин А. И. Проблемы взаимодействия органов предварительного расследования и представителей коммерческих организаций при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 151–156.
11. Антонов И. А., Узгорская И. А. Влияние информации, предоставленной операторами сотовой связи, на раскрытие и расследование различных категорий преступлений // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 185–189.
12. Сидорова К. С. IP-адрес как один из идентификаторов личности в расследовании преступлений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3 (74). С. 84–87. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2018-12015>
13. Sorbán K. The role of internet intermediaries in combatting cybercrime: Organisation and liabilities // Central and Eastern European E|Dem and E|Gov Days 2019 : proceedings of the Central and Eastern European E|Dem and E|Gov Days, May 2–3, 2019, Budapest / Editors: A. Nemeslaki, A. Prosser, D. Scola, T. Szádeczky. Budapest, 2019. P. 19–28. DOI: <https://doi.org/10.24989/ocg.v335.1>
14. Афонькин Г. П., Смирнов Е. В., Чемерчев Д. В. Основы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Полицейский вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 1 (4). С. 10–17.
15. Гаврилин Ю. В. Практика организации взаимодействия при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Труды академии управления МВД России. 2018. № 4 (48). С. 145–150.
16. Гайдин А. И. Особенности взаимодействия следователя с должностными лицами правоохранительных органов при расследовании преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 3. С. 177–183.
17. Босхолов С. С., Брагина И. С., Сериков С. Н. Актуальные вопросы о необходимости создания условий для эффективной работы по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3 (19). С. 69–76. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-3-69-76>
18. Иванов В. Ю. Использование OSINT в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1 (37). С. 62–66.
19. Авдошин, С. М., Лазаренко А. В. Методы деанонимизации пользователей TOR // Информационные технологии. 2016. Т. 22, № 5. С. 362–372.

References

1. Karpov D. S., Ibragimova Z. A. Ways and Means To Ensure Anonymity in the Global Internet Network. *Legal Informatics*. 2021;3:60-67. DOI: <https://doi.org/10.21681/1994-1404-2021-3-60-67> (In Russ.)
2. Jyothi K. K., Reddy B. I. Study on Virtual Private Network (VPN), VPN's Protocols and Security. *International Journal of Scientific Research in Computer Science, Engineering and Information Technology*. 2018;3(5):919-932.
3. Kouachi A. I., Bachir A., Lasla N. Anonymizing Communication Flow Identifiers in the Internet of Things. *Computers & Electrical Engineering*. 2021;91. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compeleceng.2021.107063>
4. Basinya E. A., Khitsenko V. E., Rudkovskiy A. A. Method To Identify Cybercriminals Using Network Analysis of Information Systems with Anonymization. *Proceedings of the TUSUR University*. 2019;22(2):45-51. DOI: <https://doi.org/10.21293/1818-0442-2019-22-2-45-51> (In Russ.)
5. Timofeev S. V. To The Question of Gathering of Operately Significant Information on the Internet: Problems and Ways of Their Solution. *Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2021;2:111-117. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-2-111-117> (In Russ.)
6. Gaidin A. I., Golovchanskiy A. V. Tactical Means of Overcoming the Methods of Anonymization in the Investigation Network Crimes. *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*. 2024;2:172-179. (In Russ.)
7. Gavrilin Yu. V., Bederov I. S. Identification of Digital Currency Owners: Methodological Foundations. *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*. 2021;4:101-108. DOI: <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2021-460-101-108> (In Russ.)

8. Zemtsova S. I. Software Products Used to Deanonymize the Circumstances of Drug Crimes Committed Using Digital Currency. In: Bachieva A. V., Lantukh E. V. (Comp.). *Criminalistics: A Science without Borders: Traditions and Innovations*. St. Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia Publ.; 2021. P. 112–115. (In Russ.)
9. Danilkin I. A. *Cooperation between Investigative and Forensic Units of Internal Affairs Bodies*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2010. 181 p. (In Russ.)
10. Gaidin A. I. Problems of Interaction Between Preliminary Investigation Bodies and Representatives of Commercial Organizations in Criminal Proceedings on Crimes in the Field of Information and Telecommunications Technologies. *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*. 2020;4:151-156. (In Russ.)
11. Antonov I. A., Uzgorskaya I. A. Influence of the Information Provided By Cellular Operators on the Disclosure and Investigation of Various Categories of Offenses. *Society and Law*. 2015;2:185-189. (In Russ.)
12. Sidorova K. S. IP Address as One of Personal Identities in Criminal Investigation. *Psychopedagogics in Law Enforcement*. 2018;3:84-87. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2018-12015> (In Russ.)
13. Sorbán K. The role of internet intermediaries in combatting cybercrime: Organisation and liabilities. In: Nemeslaki A., Prosser A., Scola D., Szádeczky T. (Eds.). *Central and Eastern European E|Dem and E|Gov Days 2019*. Budapest, 2019. P. 19–28. DOI: <https://doi.org/10.24989/ocg.v335.1>
14. Afonkin G. P., Smirnov E. V., Chemerchev D. V. The Basics of Countering Crimes Committees Using Information and Telecommunication Technologies. *Police Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2021;1:10-17. (In Russ.)
15. Gavrilin Yu. V. The Practice of Interaction's Organization in the Crimes' Investigation Committed with Using the Informational and Communication Technologies. *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*. 2018;4:145-150. (In Russ.)
16. Gaidin A. I. Features of Interaction Between the Investigator and Law Enforcement Officials in the Investigation of Crimes in the Field of Information and Telecommunications Technologies. *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*. 2020;3:177-183. (In Russ.)
17. Boskholov S. S., Brugina I. S., Sericov S. N. Topical Issues on the Need To Create Conditions for Effective Work on the Detection and Investigation of Crimes Committed With the Use of Using Information and Telecommunications Technologies. *Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2021;3:69-76. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-3-69-76> (In Russ.)
18. Ivanov V. Yu. Using OSINT in Detecting and Investigating Crimes. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023;1:62-66. (In Russ.)
19. Avdoshin, S. M., Lazarenko A. V. TOR Users Deanonymization Methods. *Information Technologies*. 2016;22(5):362-372. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья Владимировна Воробьева, адъюнкт адъюнктуры Уральского юридического института МВД России (ул. Корепина, 66, Екатеринбург, 620057, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5627-2450>; e-mail: dacha_vorobyeva_13@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Daria V. Vorobyeva, postgraduate student of the postgraduate courses at the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (66 Korepina str., Yekaterinburg, 620057, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5627-2450>; e-mail: dacha_vorobyeva_13@mail.ru

Поступила | Received
02.02.2026

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
09.03.2026

Принята к публикации | Accepted
11.03.2026

УДК 343.102
DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-319-336
EDN: DAXVVE

Оригинальная научная статья

Вспомогательное осведомительство как институт отечественного оперативно-розыскного права

В. Ф. Луговик

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация

✉ vlug@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена разработке теоретической концепции и нормативной модели вспомогательного осведомительства как правового института, предназначенного для повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности. Автор обосновывает необходимость расширения периметра раннего выявления криминальных рисков не за счет тотальной сети осведомителей, а посредством институционализации проверяемых каналов сообщения со стороны лиц, сталкивающихся с правонарушениями в силу профессии или гражданской позиции. В статье представлен комплексный анализ российского законодательства, регулирующего конфиденциальное содействие в рамках оперативно-розыскной деятельности, уголовно-процессуальные фильтры для анонимных сообщений. На основе сравнительно-правового исследования выделяются три зарубежные модели информирования: общая обязанность сообщать о тяжких преступлениях, профессионально-секторные обязанности в сферах противодействия терроризму и отмыванию доходов, а также система защищенного добровольного информирования с гарантиями от преследования. Ключевым результатом исследования является авторская двух-контурная нормативная модель. Первый контур предполагает установление строго ограниченной профессиональной обязанности сообщать о конкретных фактах и признаках преступлений для ограниченного круга лиц с четкими исключениями, связанными с профессиональной тайной. Второй контур закрепляет универсальное право граждан на конфиденциальное и анонимное информирование, обеспеченное гарантиями защиты от реталиации, механизмами «безопасной гавани» и созданием защищенных каналов связи. Особое внимание уделяется системному анализу рисков массового доноительства, включая эрозию социального доверия, фабрикации ложных сообщений и перегрузку правоохранительной системы. В статье предлагаются юридические предохранители: замена обязанности сбора сведений о лицах обязанностью сообщения о фактах, обязательная верификация информации, запрет дискриминационных критериев, ответственность должностных лиц за разглашение сведений об информаторе. Выдвигаются конкретные предложения по совершенствованию законодательства, направленные на создание сбалансированного правового механизма, сочетающего потребности правоохраны с императивами защиты прав человека и сохранения социального доверия.

Ключевые слова: вспомогательное осведомительство; доноительство; оперативно-розыскная деятельность; конфиденциальное информирование; защита информатора

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Луговик В. Ф. Вспомогательное осведомительство как институт отечественного оперативно-розыскного права // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 319–336. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-319-336>. EDN: <https://elibrary.ru/daxvve>

Original scientific article

Auxiliary Informing as an Institution of Russian Operational-Search Law

V. F. Lugovik

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation

✉ vlug@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the development of a theoretical concept and normative model of auxiliary informing as a legal institution intended to enhance the effectiveness of operational-search activities. The Author substantiates the need to expand the perimeter of early detection of criminal risks not by creating an all-encompassing network of informants, but by institutionalizing verifiable channels for reporting by persons who encounter offences by virtue of their profession or civic position. The article presents a comprehensive analysis of Russian legislation governing confidential assistance in operational-search activities, as well as criminal-procedure filters applicable to anonymous reports. On the basis of a comparative legal study, the Author identifies three foreign models of reporting: a general obligation to report serious crimes; professional and sector-specific duties in the fields of counter-terrorism and anti-money laundering; and a system of protected voluntary reporting with safeguards against persecution. The key result of the study is the Author's two-tier normative model. The first tier provides for the establishment of a strictly limited professional obligation, imposed on a narrow circle of persons, to report specific facts and indicators of crimes, with clearly defined exceptions relating to professional secrecy. The second tier establishes the universal right of citizens to provide information confidentially and anonymously, supported by safeguards against retaliation, safe-harbour mechanisms, and the creation of secure communication channels. Particular attention is paid to a systemic analysis of the risks of mass denunciation, including the erosion of social trust, the fabrication of false reports, and the overburdening of the law-enforcement system. The article proposes a set of legal safeguards: replacing the obligation to collect information about individuals with an obligation to report facts; mandatory verification of information; a prohibition on discriminatory criteria; and liability of officials for disclosing information about an informant. The article advances specific proposals for improving legislation aimed at creating a balanced legal mechanism that combines the needs of law enforcement with the imperatives of protecting human rights and preserving social trust.

Keywords: auxiliary informing; denunciation; operational-search activities; confidential reporting; informant protection

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Lugovik V. F. Auxiliary Informing as an Institution of Russian Operational-Search Law. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):319-336. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-319-336>. EDN: <https://elibrary.ru/daxvve> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	321
II. Российская практика антикриминального осведомительства	324
III. Зарубежный опыт информирования о нарушениях законов	326
IV. Конструкция вспомогательного осведомительства	328
V. Риски массового доноительства	330
VI. Результаты и предложения	332
VII. Заключение	334
Список литературы	335

1. ВВЕДЕНИЕ

Информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) традиционно связывают с деятельностью оперативных подразделений и использованием негласных источников. Однако современная криминальная среда формирует запрос на расширение периметра раннего выявления криминальных рисков не посредством создания всеобъемлющей сети осведомителей, а через институционализацию корректных и проверяемых каналов сообщения со стороны лиц, которые в силу своей профессиональной деятельности либо гражданской позиции сталкиваются с правонарушениями.

Важно отличать конфиденциальное содействие оперативным подразделениям органов внутренних дел (включая контрактные формы) как механизм взаимодействия граждан с правоохранительными органами и внешнее (внеполицейское) информирование, которое может быть либо обязанностью для ограниченных профессиональных категорий, либо правом для каждого гражданина, но в обоих случаях – с четкими гарантиями от злоупотреблений.

Российское законодательство уже признает возможность добровольного привлечения граждан к борьбе с преступностью с сохранением конфиденциальности, устанавливая запреты на контрактное сотрудничество для отдельных категорий (депутатов, судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей). Рассматриваемая в настоящей статье модель выходит за рамки традиционного понимания конфиденциального участия граждан в ОРД, так как предполагает регламентированную систему профессионального сообщения и общегражданский канал защищенного уведомления.

Цель настоящего исследования – разработка теоретической концепции и нор-

мативной модели вспомогательного осведомительства как правового института, предназначенного для повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности за счет регламентированного информирования со стороны лиц, не являющихся ее нормативно определенными участниками. Достижение поставленной цели и решение сформулированных во введении задач обеспечиваются применением комплекса общенаучных и специально-юридических методов познания, выбор которых обусловлен междисциплинарным и сравнительно-правовым характером работы.

Диалектический метод составляет общемировоззренческую основу исследования. Он позволяет рассмотреть институт информирования в его развитии, выявить внутренние противоречия, присущие различным историческим формам (от доносительства до легального осведомительства), и определить закономерности трансформации практик взаимодействия государства и граждан в сфере противодействия преступности. Использование данного метода способствует пониманию современной проблематики как результата предшествующего развития, что необходимо для корректного прогнозирования последствий внедрения предлагаемой модели.

Формально-догматический метод является ключевым инструментом для анализа действующего российского законодательства. С его помощью в работе исследуются нормы Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – Закон об ОРД), Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), а также уголовно-правовые положения о несообщении о преступлениях (ст. 205.6 УК РФ). Данный метод применяется

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

для выявления понятийных рамок и терминологических несоответствий (разграничения понятий «содействие», «информирование», «сообщение»), анализа правовых конструкций, регулирующих конфиденциальное содействие граждан органам, осуществляющим ОРД, а также для определения правового режима анонимных обращений и их процессуального значения. Результатом применения формально-догматического метода становится точное описание исходной правовой базы, служащей отправной точкой для дальнейшего моделирования.

Сравнительно-правовой метод играет центральную роль в исследовании зарубежного опыта. Методология сравнительного анализа построена на выделении трех основных моделей информирования, сложившихся в различных правовых системах: 1) модель общей обязанности сообщать о наиболее опасных преступлениях (на примере Германии и Франции); 2) модель профессионально-секторных обязанностей в сферах противодействия терроризму и отмыванию доходов (на примере Великобритании и США); 3) модель защищенного информирования и добровольных анонимных каналов (на примере США, а также наднациональных актов Европейского Союза и Совета Европы). Критериями для сравнения выступают субъектный состав, предмет сообщения, наличие или отсутствие санкций за несоблюдение обязанности, степень защиты информатора и процессуальные последствия передачи сведений. Применение данного метода позволяет выявить универсальные принципы и эффективные правовые решения, пригодные для адаптации в российской правовой системе.

Метод правового моделирования и юридического конструирования применяется для разработки авторской нормативной концепции вспомогательного осведомительства. На основе синтеза ре-

зультатов сравнительного и исторического анализа, а также с учетом ограничений, установленных российским законодательством, конструируется двухконтурная модель, включающая: 1) контур профессиональной обязанности – с определением круга субъектов, закрытого перечня криминально значимых фактов, подлежащих обязательному сообщению, и системы исключений (профессиональной тайны); 2) контур права на конфиденциальное информирование – с описанием гарантий от реталиации, механизмов защиты личности информатора и процессуальных фильтров для анонимных сообщений. Данный метод позволяет перейти от критического анализа существующего положения к формулированию конкретных предложений по совершенствованию законодательства.

Системный метод обеспечивает рассмотрение предлагаемого института не изолированно, а как элемента целостной системы оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства. Это позволяет оценить его функциональные связи с иными элементами правовой системы, спрогнозировать потенциальные эффекты его внедрения и увязать нормативные предложения с общими принципами правового государства, пропорциональности вмешательства и защиты от злоупотреблений.

Таким образом, указанный методологический инструментарий обеспечивает всесторонность исследования, достоверность его результатов и обоснованность предложений по формированию в российском праве нового социально приемлемого и юридически защищенного института информирования в целях повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности.

В контексте совершенствования правового регулирования и нормативного дизайна мер, направленных на противодействие правонарушениям, принципиальное

значение приобретает уточнение понятийных рамок, используемых для описания процессов передачи информации о потенциальных или свершившихся угрозах. Категориальный аппарат, сложившийся в постсоветском дискурсе, характеризуется значительной эмоциональной нагрузкой и не всегда обладает необходимой для законотворчества нейтральностью. В частности, термин «осведомительство» в массовом сознании прочно связан с понятием «доносительство», которое воспринимается в резко негативном ключе в силу ассоциаций с карательными практиками сыска и вмешательством в частную жизнь. В связи с этим при конструировании правовых норм представляется оправданным отказ от эмоционально окрашенных клише в пользу более точных и функционально ориентированных конструкций. К числу таких конструкций относятся:

– «конфиденциальное информирование», под которым понимается право любого лица довести до сведения уполномоченных органов информацию о нарушении закона, сопряженное с гарантиями неразглашения личности источника;

– «обязанность сообщения о криминально значимой информации», которая представляет собой узкую профессиональную (должностную) обязанность, не предполагающую функции слежки, но требующую передачи сведений, ставших известными лицу в ходе исполнения своих трудовых или служебных функций;

– «содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность», которое может реализовываться как в разовой форме, так и на контрактной основе при подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Принципиальное методологическое положение имеет оценка рисков, связанных с введением юридически неопределенных норм. Возложение на граждан или организации широкой обязанности

собирать информацию о криминально активных лицах представляется не только социально токсичным, но и опасным с точки зрения правоприменения. Отсутствие четких критериев такой деятельности создает предпосылки для ее произвольного толкования, что может вести к подмене функций институтов уголовной юстиции неформальными практиками. В отсутствие строгих процессуальных рамок подобная норма провоцирует такие явления, как необоснованное наблюдение и профилирование по социальным или иным признакам, фабрикация компрометирующих сведений, а также использование информационного ресурса для давления на нежелательные группы. Следствием этого становится эрозия базового уровня доверия внутри локальных сообществ и профессиональных коллективов. В этой связи корректной юридической формулой следует признать обязанность сообщать о фактах и признаках правонарушений, обнаруженных в ходе обычной деятельности, при наличии разумных оснований полагать, что такие факты действительно имели место, а не декларирование обязанности вести сбор информации как самостоятельной квазиполицейской функции.

Обращение к историческому развитию данных практик позволяет проследить эволюцию института информирования от архаичных форм доносительства к современным правовым каналам коммуникации гражданина и государства. На ранних этапах государственного строительства сообщения частных лиц о правонарушениях служили важнейшим компенсаторным механизмом при слабости профессионального аппарата принуждения. Римская практика использования делаторов или средневековые системы, стимулировавшие обвинение через материальную выгоду (например, получение части штрафа с осужденного), будучи воплощением «государственной рациональности» того

времени, неизбежно порождали массу ложных доносов и превращали информирование в инструмент сведения личных счетов или обогащения.

Эпоха модерна и формирование институтов политической полиции в XIX–XX вв. ознаменовались институционализацией агентурной сети как профессионального инструмента контроля [1]. В авторитарных и тоталитарных политических режимах сеть осведомителей утрачивала связь с задачами уголовного сыска и превращалась в массовый социальный институт, обслуживавший нужды политического надзора. Как свидетельствует исторический опыт, это закономерно приводило к высокому уровню ложных сообщений (вследствие стремления информаторов оправдать свое существование или в силу внешнего давления), подмене судебного разбирательства административным или внесудебным преследованием, а также к устойчивому «эффекту охлаждения», подавляющему свободу коммуникации и горизонтальных общественных связей.

Демократическая трансформация второй половины XX – начала XXI в. сформировала качественно иную модель, в рамках которой на первый план вышли две юридизированные линии. Первая линия представлена секторальными обязанностями сообщения, которые государство вводит в тех сферах, где профессиональная среда обладает уникальным доступом к информации о критических рисках (борьба с терроризмом и легализацией преступных доходов, защита прав несовершеннолетних). Например, в Великобритании законодательно установлена обязанность раскрывать информацию о подозрениях в финансировании террористической деятельности, если эти

сведения стали известны лицу в ходе его работы [2, с. 28–29], при этом неисполнение данной обязанности образует состав самостоятельного правонарушения. Вторая линия связана с развитием института защищенного информирования, который предполагает создание легальных каналов для сообщений о нарушениях внутри организаций и деятельности государственных органов, а также предоставление гарантий информаторам от преследования и иных форм реталиации. Показательным примером здесь служат директивы Европейского Союза, установившие минимальные стандарты защиты лиц, сообщающих о нарушениях законов, и закрепившие требования к организации каналов и процедур обработки таких сообщений². Тем самым современная тенденция демонстрирует движение от латентного и часто ангажированного доносительства к прозрачным, подконтрольным и защищающим права человека механизмам правового информирования.

II. РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА АНТИКРИМИНАЛЬНОГО ОСВЕДОМИТЕЛЬСТВА

Предваряя детальное рассмотрение эволюции института информирования в зарубежной практике и учитывая выявленные риски, которые связаны с юридически неопределенными формулировками, необходимо обратиться к анализу современной российской правовой основы участия граждан в передаче информации о правонарушениях. К сожалению, на правовое регулирование этой сферы влияют стереотипы восприятия сотрудничества с полицией как неизбежного зла. Так, С. С. Галахов считает, что доносительство – аморальный поступок, но оно

² См., напр.: *Directive (EU) 2019/1937 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2019 on the protection of persons who report breaches of Union law* // EUR-Lex. 2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/1937/oj/eng> (дата обращения: 15.02.2026).

Перевод на русский язык см.: *Директива* Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/1937 от 23 октября 2019 г. о защите лиц, сообщающих о нарушениях законодательства Союза. Доступ из СПС «Гарант».

необходимо для противодействия преступлениям, а также для обеспечения общественного порядка [3, с. 175].

Российское законодательство демонстрирует сочетание нескольких различных подходов, которые сосуществуют, не образуя единой стройной системы, но при этом задают важные ограничители и векторы для правоприменения. Базовым элементом данной системы выступает институт содействия граждан оперативно-розыскной деятельности, закрепленный в Законе об ОРД [4]. Законодатель предусматривает, что отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением конфиденциальности содействия, в том числе на контрактной основе. На таких лиц возлагается обязанность сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий, и они не вправе предоставлять заведомо ложную информацию. Важно подчеркнуть, что данный механизм, фиксируя саму идею конфиденциального участия граждан в правоохранительной деятельности, выдерживает ее в добровольном ключе и жестко встраивает в оперативно-розыскную контур. Содействие здесь понимается не как всеобщая гражданская повинность, а как факультативный, строго индивидуальный и контролируемый государством инструмент, используемый в рамках профессиональной деятельности органов, уполномоченных ст. 13 Закона об ОРД.

Принципиально иную логику демонстрирует уголовно-процессуальное законодательство, которое содержит важный

предохранительный механизм, ограждающий формальное уголовное преследование от непроверенной информации. В соответствии с ч. 7 ст. 141 УПК РФ анонимное заявление о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела. Данная норма выступает критически важным процессуальным фильтром, предотвращающим запуск механизма уголовного преследования на основании неподтвержденной информации из непроверенных источников. Это правило предохраняет систему правосудия от использования заведомо ложных или клеветнических анонимных сообщений в качестве официального повода для начала расследования [5, с. 19]. Вместе с тем анонимная информация не исключается из правового поля полностью: она может и должна использоваться в качестве ориентира для планирования оперативно-розыскных мероприятий, проведения аналитической работы и выработки мер профилактики³. Ключевым условием здесь выступает необходимость обеспечения надлежащего правового режима обработки такой информации, не допускающего ее прямого процессуального хода без предварительной проверки.

Наконец, российское право содержит и элементы так называемой ограниченной обязанности сообщения, что сближает отечественную систему с указанными выше зарубежными аналогами. Речь идет о специальном составе преступления, предусмотренном ст. 205.6 УК РФ, который устанавливает ответственность за несообщение в органы власти о лицах, которые по достоверно известным сведениям готовят, совершают или совершили

³ Анонимные заявления и сообщения о преступлении и материалы их проверки направляются в соответствующие подразделения территориального органа МВД России для использования в установленном порядке в оперативно-розыскной деятельности согласно п. 45 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (см.: *Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях* : Приказ МВД России от 29 авг. 2014 г. № 736. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

преступления террористической направленности. Данная норма вводит узкую секторальную обязанность информирования, ограниченную перечнем преступлений, представляющих повышенную общественную опасность. При этом важно отметить, что конструкция данной нормы, равно как и практика ее применения, требует особого внимания с точки зрения соблюдения баланса между публичными интересами предотвращения террористических угроз и защитой граждан от необоснованного привлечения к ответственности, особенно учитывая сложность доказывания критерия достоверной известности сведений о подготавливаемом преступлении.

Таким образом, современная российская правовая модель информирования представляет собой сложный гибрид: она включает добровольное и строго регламентированное содействие в оперативно-розыскной деятельности, жесткий процессуальный фильтр для анонимных сообщений как повода к возбуждению дела и узкую секторальную криминализацию несообщения о террористических преступлениях. Такая конфигурация, с одной стороны, отражает попытку законодателя найти баланс между потребностями правоохраны и рисками, присущими институту информирования, а с другой — порождает ряд вопросов о системности и полноте регулирования, требующих дальнейшего научного осмысления.

III. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИНФОРМИРОВАНИЯ О НАРУШЕНИЯХ ЗАКОНОВ

Проведенный выше анализ российской правовой модели информирования закономерно обуславливает необходимость рассмотрения зарубежного опыта в данной сфере. Обращение к иностранным правовым порядкам позволяет не только выявить альтернативные модели регули-

рования, но и оценить их эффективность с точки зрения баланса между публичными интересами предотвращения преступности и защитой прав граждан в решении реальных проблем теории и практики [6]. Компаративный анализ свидетельствует о существовании трех основных моделей вспомогательного информирования, которые различаются по степени императивности, сфере действия и механизмам обеспечения.

Первая модель может быть охарактеризована как установление общей обязанности сообщать о наиболее опасных преступлениях, когда лицо уже располагает соответствующей информацией. Классическим примером здесь выступает германское уголовное законодательство. Так, § 138 «Несообщение о запланированных преступных деяниях» Уголовного уложения ФРГ предусматривает ответственность за несообщение компетентным органам о планируемых или уже начавшихся тяжких преступлениях, исчерпывающий перечень которых установлен законом⁴. Аналогичный подход демонстрирует французский правовой порядок. Например, ст. 434-1 Уголовного кодекса Французской Республики формулирует состав преступления, связанного с недонесением, при этом законодатель предусматривает важные исключения, в частности, освобождая от ответственности лиц, связанных с преступником родственными узами, а также лиц, связанных профессиональной тайной [7, с. 206–207].

Смысловая нагрузка данной модели принципиально отлична от потенциально опасного понуждения к сбору информации. В данном случае государство не требует от граждан осуществления самостоятельной поисковой активности, но вводит обязанность сообщить, когда лицо уже объективно располагает сведениями о готовящемся или совершаемом преступлении, которое еще можно

⁴ URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_138.html (дата обращения: 19.02.2026).

предотвратить или последствия которого можно ограничить.

Вторая модель, получившая наиболее широкое распространение в современных правовых порядках, носит профессионально-секторный характер и локализована в сферах повышенных криминальных рисков – прежде всего, в противодействии терроризму и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. Британское законодательство в этой части представляет собой развитую систему. К примеру, ст. 19 Закона о терроризме 2000 г.⁵ устанавливает обязанность раскрытия информации полиции, если лицу в ходе его работы или занятий стали известны обстоятельства, вызывающие подозрение в совершении определенных террористических преступлений. Добровольность же сотрудничества с полицией весьма условна. Так, начальник полиции одного из участков заявил, что граждане, отказывающиеся сотрудничать с представителями полиции, могут привлечь внимание отдела по борьбе с терроризмом: «Не хотите сотрудничать – не надо... Но если отказываетесь от сотрудничества, то мы можем задуматься, почему вы так сделали, и вы можете стать объектом расследования» [8, с. 9].

В сфере противодействия отмыванию доходов ключевым инструментом выступают отчеты о подозрительных операциях, подаваемые финансовыми организациями и рядом профессиональных групп. Согласно данным британского Национального агентства по борьбе с преступностью, эти отчеты являются важнейшим источником оперативной информации о преступной деятельности. Аналогичный подход реализован в США. В частности, норма § 1020.320 Раздела 31 Свода феде-

ральных правил США возлагает на банки обязанность подавать отчеты о подозрительных транзакциях, при этом предусматривая «безопасную гавань» – ограничение гражданской ответственности за добросовестные сообщения, поданные в соответствии с требованиями законодательства о противодействии отмыванию доходов⁶. Данная модель демонстрирует ключевой принцип: обязанность сообщения оправдана там, где профессия или социальная роль лица системно открывает ему доступ к информации о рисках. В обмен на выполнение этой обязанности государство предоставляет четкие и понятные критерии подозрительности, защищенные каналы передачи информации, иммунитет от ответственности при добросовестном исполнении, а также осуществляет контроль за практикой подачи избыточных отчетов, которая способна парализовать работу правоохранительной системы.

Третья модель принципиально отличается от двух предыдущих тем, что основывается не на принуждении, а на создании добровольных, защищенных и процедурно оформленных каналов коммуникации. В США она реализуется, в частности, в рамках общественной кампании, инициированной Министерством внутренней безопасности и ориентированной на обучение населения распознаванию признаков подозрительной активности и способам сообщения информации в правоохранительные органы. Институционализированным форматом выступает международная программа *Crime Stoppers*, действующая с 1976 г. и воспроизведенная во множестве юрисдикций⁷. Данная программа предлагает анонимные каналы передачи информации с возможностью получения вознаграждения [9]. В европейском

⁵ См.: *Terrorism Act 2000* // Legislation.gov.uk. 2026. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/11/contents#top> (дата обращения: 19.02.2026).

⁶ URL: <https://www.law.cornell.edu/cfr/text/31/1020.320> (дата обращения: 20.02.2026).

⁷ Например, благотворительная организация *Crimestoppers Trust* зарегистрирована в Англии, Уэльсе, Шотландии (URL: <https://crimestoppers-uk.org/> (дата обращения: 20.02.2026)).

правовом пространстве ключевое значение приобретает регулирование института защищенного информирования. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/1937 устанавливает минимальные стандарты создания каналов сообщений о нарушениях права Союза и процедур их обработки, а также гарантии защиты лиц, сообщающих о нарушениях, от преследования и реталиации. Рекомендация Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2014)7 формулирует базовые принципы защиты лиц, осуществляющих публичные разоблачения⁸. В США Комиссия по ценным бумагам и биржам реализует развернутую систему мер защиты информаторов от преследования и реталиации, созданную в рамках реформы, которая была связана с принятием Закона Додда–Франка. Суть данной модели может быть определена следующим образом: государство не принуждает к сообщению, но делает его безопасным, юридически признанным и процедурно результативным, создавая тем самым устойчивые стимулы для добросовестного информирования и минимизируя риски, исторически присущие институту доносительства⁹.

Таким образом, рассмотренные зарубежные модели при всех их различиях объединяет стремление законодателей к четкой регламентации оснований, процедур и последствий информирования, а также к созданию механизмов, предотвращающих злоупотребления и защищающих добросовестных участников. Этот опыт представляет существенный интерес для осмысления возможных направлений совершенствования российского правового регулирования в данной сфере, которое, как было показано выше, содержит лишь

отдельные элементы рассмотренных моделей и нуждается в более системной проработке.

IV. КОНСТРУКЦИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ОСВЕДОМИТЕЛЬСТВА

Проведенный анализ позволяет перейти от критической оценки существующих подходов и компаративного обзора зарубежных моделей к формулированию нормативной конструкции, которая могла бы лечь в основу совершенствования отечественного правового регулирования. Ниже предлагается концепция, которая, сохраняя вспомогательный характер института информирования по отношению к профессиональной оперативно-розыскной деятельности, одновременно минимизирует исторически присущие данному институту риски злоупотреблений, произвольного вторжения в частную жизнь и подмены функций правоохранительных органов волонтерскими практиками. Предлагаемая модель строится на разграничении двух принципиально различных контуров, один из которых реализует узкую и четко очерченную обязанность сообщения для определенных категорий лиц, а другой – гарантированное право на конфиденциальное информирование для всех граждан.

Первый контур (условно обозначим его как контур «А») предполагает установление профессиональной обязанности сообщать о правонарушениях, носящей строго ограниченный, типизированный характер. Круг субъектов, на которых может быть возложена такая обязанность, должен определяться не произвольно, а исходя из объективных критериев – прежде всего, из характера их профессиональной деятельности и той степени

⁸ См.: *О защите информаторов, сообщающих о противозаконной деятельности*» (Вместе с «Принципами») : рекомендация № CM/Rec(2014)7 Комитета министров Совета Европы : принята 30 апр. 2014 г. на 1198-ом заседании заместителей министров. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: *Dodd–Frank Act Becomes Law* // The Harvard Law School Forum on Corporate Governance. 2010. URL: <http://blogs.law.harvard.edu/corpgov/2010/07/21/dodd-frank-act-becomes-law/> (дата обращения: 20.02.2026).

доступа к информации о криминальных рисках, которую эта деятельность предоставляет. К числу таких субъектов могут быть отнесены отдельные должностные лица (например, органов муниципального управления, контрольно-надзорной деятельности, объектов критической инфраструктуры), а также работники «первой линии», непосредственно контактирующие с населением в тех областях, где системно возникают криминальные риски (в сфере жилищно-коммунального хозяйства, включая управляющие организации, при охране объектов, на транспорте, в финансовых организациях и социальных учреждениях). Принципиальное значение имеет содержательное наполнение самой обязанности. Для работников массовых профессий (например, дворников, технического персонала) приемлем исключительно вариант «сообщать о наблюдаемых фактах», но ни в коем случае не «собирать сведения о лицах». Возложение на такие категории работников разведывательно-поисковых функций по сбору информации неизбежно провоцирует произвольное вторжение в частную жизнь и воспроизводит практики, дискредитировавшие себя в исторической ретроспективе.

Содержание обязанности в рамках данного контура должно быть сформулировано максимально конкретно. Речь идет об обязанности сообщать о конкретных фактах и признаках совершенных или подготавливаемых преступлений (возможно, что перечень составов, сообщение о которых вменяется в обязанность, должен быть закрытым и исчерпывающим) либо о событиях, явно создающих угрозу жизни или безопасности граждан. Сообщение должно направляться в разумный срок и через защищенный канал связи, гарантирующий конфиденциальность. Важнейшим требованием выступает добросовестность действий сообщаемого лица, которая предполагает, что оно не выходит за пределы своей профессиональной

функции и не осуществляет самостоятельных оперативно-розыскных мероприятий.

Механизм ответственности за неисполнение данной обязанности требует особой осторожности в конструировании. Ответственность должна наступать не за ошибку или неподтверждение информации (что неизбежно порождало бы практику «перестраховочных» сообщений), а исключительно за умышленное сокрытие или грубое уклонение от сообщения при наличии ясных и очевидных оснований полагать, что преступление готовится или совершается. Такая логика сближает предлагаемую конструкцию с рассмотренной выше германской моделью ответственности за несообщение о планируемых тяжких преступлениях. Наконец, необходимым элементом контура «А» выступают законодательно закрепленные исключения, связанные с институтами профессиональной тайны (адвокатской, врачебной, нотариальной тайны, тайны исповеди) и привилегированных коммуникаций. Эти ограничения, аналогичные предусмотренным во французском праве и частично отраженные в российском Законе об ОРД в отношении отдельных категорий лиц, служат важнейшим гарантом сохранения доверительного характера некоторых профессиональных отношений.

Второй контур (условно – контур «Б») является принципиально иным по своей природе: он закрепляет не обязанность, а право каждого гражданина на конфиденциальное информирование. В отличие от узконаправленного и императивного контура «А», данный контур носит универсальный и диспозитивный характер. Содержание этого права включает возможность подать сообщение о правонарушении или угрозе правопорядку конфиденциально, то есть с сокрытием личности от третьих лиц, либо, по выбору заявителя, анонимно. Применительно к анонимным сообщениям необходимо учитывать процессуальные ограничения,

проанализированные выше: такое сообщение не влечет возбуждения уголовного преследования, но одновременно анонимность не может служить основанием для полного игнорирования информации, которая может быть использована в ориентирующих, аналитических или профилактических целях.

Ключевое значение в рамках контура «Б» приобретают гарантии, которые государство обязано предоставить лицу, реализующему свое право на информирование. В первую очередь это защита от реталиации – любых форм преследования, дискриминации или иного неблагоприятного воздействия на информатора в трудовой, административной или иной сфере. Далее это гарантии защиты персональных данных и ограничение доступа к сведениям о личности информатора для лиц, не участвующих в проверке сообщения. Важнейшим процедурным элементом выступает обязанность уполномоченного органа зарегистрировать поступившее сообщение, провести его оценку и в допустимых пределах проинформировать заявителя о результатах рассмотрения. Такой подход в полной мере соответствует стандартам, закрепленным в Директиве Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/1937, и создает условия для формирования института защищенного информирования, доказавшего свою эффективность в зарубежных правовых порядках.

Таким образом, предлагаемая двухконтурная модель позволяет разрешить противоречие, традиционно присущее институту информирования: с одной стороны, публичная власть заинтересована в получении информации о правонарушениях, особенно о тяжких и готовящихся; с другой стороны, исторический опыт свидетельствует о высоких рисках злоупотреблений при неограниченном поощрении доноительства. Дифференциация узкой профессиональной обязанности,

ограниченной четкими условиями и исключениями, и широкого права на защищенное информирование, обеспеченного процессуальными гарантиями, позволяет минимизировать эти риски, сохраняя при этом вспомогательный по отношению к профессиональной правоохранительной деятельности характер института.

V. Риски

МАССОВОГО ДОНОСИТЕЛЬСТВА

Предложенная выше двухконтурная модель нормативного регулирования, разграничивающая узкую профессиональную обязанность и широкое право на защищенное информирование, была бы неполной без системного анализа рисков, которые внутренне присущи институту информирования, и юридических предохранителей, способных эти риски минимизировать. Обращение к историческому опыту, равно как и к современной правоприменительной практике, позволяет выявить несколько устойчивых групп рисков, каждая из которых требует специфических нормативных решений.

Первый и, пожалуй, наиболее социально значимый риск связан с потенциальной деградацией института доверия в локальных сообществах в случае конструирования модели информирования по типу массового доноительства. Если институт строится вокруг расплывчатой обязанности собирать сведения о криминально-активных лицах, он неизбежно демонстрирует склонность к опасной эволюции. Отсутствие четких критериев порождает расширительное толкование, при котором категория «криминально-активный» легко подменяется категорией «неудобный», а в крайнем варианте – категорией «другой». Как следствие, возникает стигматизация целых социальных групп по признакам бедности, миграционного статуса, принадлежности к молодежным субкультурам или иным немаркированным критериям. Сообщества

вместо связей солидарности начинают строиться на практиках взаимного наблюдения, что ведет к эрозии базового доверия. Юридическим предохранителем здесь выступает принципиальная замена неопределенной обязанности «сбор сведений о лицах» на четко очерченную обязанность сообщения о конкретных фактах. Предмет сообщения должен быть ограничен закрытым перечнем ситуаций, имеющих признаки объективно выраженного противоправного деяния. Дополнительным барьером служит законодательное закрепление запрета на использование дискриминационных критериев при оценке информации и проведении проверочных мероприятий.

Второй комплекс рисков связан с ложными сообщениями, злоупотреблением правом и прямой фабрикацией сведений. Основным признаком ложной информации выступает ее несоответствие фактическому положению дел, что сближает ее с феноменом дезинформации [10, с. 154]. Российское уголовно-процессуальное законодательство содержит важный превентивный механизм – предупреждение заявителя об ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, а также рассмотренное выше правило о недопустимости использования анонимного заявления в качестве повода к возбуждению уголовного дела. Однако этих мер недостаточно для полноценной защиты от злоупотреблений. Система предохранителей должна включать, во-первых, не просто формальную ответственность за заведомо ложное сообщение, но эффективный механизм ее реализации при идентифицируемом заявителе, во-вторых, специальные санкции за систематические злоупотребления каналами информирования, когда одно и то же лицо на постоянной основе направляет заведомо недостоверные сообщения, в-третьих – и это самое важное – обязательную процедуру верификации

информации перед применением любых ограничительных мер к лицам, в отношении которых поступило сообщение. Только сочетание перечисленных элементов способно предотвратить использование института информирования как инструмента сведения личных счетов или дестабилизации деятельности добросовестных лиц и организаций.

Третий риск носит инструментальный характер и выражается в дилемме между конфиденциальностью источника информации и возможностью ее процессуальной проверки. Анонимность, как было показано выше, выступает важнейшим фактором безопасности информатора, особенно в случаях, когда сообщаемые сведения касаются организованной преступности или коррупционных практик. Однако та же анонимность существенно снижает возможности верификации достоверности сообщения и порождает информационный шум – поток непроверяемых, а часто и заведомо ложных сведений. Компромиссная модель строится на разграничении режимов использования информации. Анонимные сообщения могут и должны приниматься и обрабатываться как ориентирующая информация – для аналитической работы, планирования профилактических мероприятий, проведения оперативно-розыскных проверочных действий. Вместе с тем процедурный барьер для официальных действий на основании одного лишь анонимного сигнала должен сохраняться обязательно, а для запуска уголовного или административного преследования необходима либо проверка, подтвердившая наличие признаков правонарушения, либо заявление идентифицируемого лица, предупрежденного об ответственности за ложный донос.

Четвертый риск, хорошо известный по практике применения законодательства о противодействии отмыванию доходов, заключается в феномене чрезмерной отчетности – массового потока формальных,

часто не имеющих значимости уведомлений, который приводит к перегрузке правоохранительных органов и параличу аналитических подразделений. Как свидетельствует мировой опыт, отчеты о подозрительной активности являются важнейшим источником разведывательной информации, но только при условии их качественного содержания [11]. Если обязанность сообщения не сопровождается конкретизацией критериев, механизмами обратной связи и обучения обязанных субъектов, то она неизбежно порождает лавину формальных отписок, в которой тонут действительно значимые сигналы.

Таким образом, предложенная выше двухконтурная модель информирования обретает необходимую устойчивость лишь в сочетании с системой продуманных юридических предохранителей, адресованных каждому из выявленных рисков. Такое комплексное регулирование способно обеспечить реализацию позитивного потенциала института информирования – получения правоохранительными органами значимой информации о правонарушениях – при одновременной нейтрализации исторически присущих этому институту угроз социальной деградации, злоупотреблений и перегрузки правоприменительной системы.

VI. РЕЗУЛЬТАТЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Проведенные в статье анализ понятийных рамок информирования и исторической эволюции соответствующих практик, сравнительно-правовое исследование зарубежных моделей, а также оценка рисков, присущих институционализации осведомительства, позволяют сформулировать целостную концепцию нормативного дизайна исследуемого института. Представленные предложения образуют взаимосвязанную систему мер, направленных на создание сбалансированного правового механизма, сохраняющего вспомогательный характер информирования

по отношению к профессиональной оперативно-розыскной деятельности и одновременно минимизирующего исторически выявленные риски злоупотреблений, социальной деградации доверия и подмены институтов.

Первое и основополагающее предложение заключается в необходимости законодательного закрепления института вспомогательного информирования как самостоятельного правового феномена, отличного как от института содействия оперативно-розыскной деятельности, так и от уголовно-процессуального института заявления о преступлении. Для этого требуется введение в отраслевое законодательство (прежде всего, в Закон об ОРД и УПК РФ) легальных определений следующих ключевых понятий: 1) «конфиденциальное информирование», понимаемое как добровольная передача сведений о правонарушении с гарантиями неразглашения личности источника; 2) «профессиональное сообщение о криминально значимых фактах», представляющее собой исполнение специальной обязанности, возложенной на отдельные категории лиц в силу их профессионального статуса; 3) «анонимное сообщение (ориентирующая информация)», определяющее особый правовой режим использования сведений, поступивших от неустановленного лица. Принципиальное значение имеет законодательная фиксация вспомогательного характера института: любое сообщение, независимо от источника и формы, не подменяет собой оперативно-розыскную деятельность, а служит лишь источником ориентирующей информации и возможным поводом для проведения проверочных мероприятий в установленном законом порядке.

Второе предложение касается конструирования механизма профессиональной обязанности сообщения, которая должна носить строго ограниченный, закрытый характер. В основе данного

механизма лежит принципиальная замена неопределенной и социально опасной обязанности «собирать сведения о лицах» на четко очерченную обязанность сообщения о конкретных фактах, ставших известными лицу в силу его профессиональной деятельности. Перечень оснований для такой обязанности должен быть исчерпывающим и включать: 1) ситуации, создающие непосредственную угрозу жизни или здоровью граждан; 2) сведения о подготовке или совершении ограниченного перечня тяжких и особо тяжких преступлений; 3) отдельные секторальные обязанности раскрытия информации в сферах противодействия терроризму и легализации преступных доходов. Неотъемлемым элементом данного механизма выступают законодательно закрепленные исключения, связанные с институтами профессиональной тайны (адвокатской, нотариальной, врачебной, банковской тайны, тайны исповеди), а также иных привилегированных коммуникаций. Данные исключения должны учитывать уже существующие в российском законодательстве об оперативно-розыскной деятельности запреты на конфиденциальное содействие по контракту для отдельных категорий лиц (судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей и др.).

Третье предложение посвящено созданию полноценного правового механизма реализации права на конфиденциальное информирование. В отличие от узкой и императивной профессиональной обязанности данный механизм носит универсальный и диспозитивный характер и должен включать несколько ключевых элементов. Во-первых, необходимо создание единых, доступных и защищенных внешних каналов приема информации, например, круглосуточной телефонной линии, специализированной онлайн-платформы, системы личного приема с гарантиями конфиденциальности. Важнейшим требованием выступает обеспечение воз-

можности анонимного сообщения, а также создание способов общения без раскрытия личности заявителя. Во-вторых, требуется законодательное закрепление развернутых гарантий защиты информатора, включая запрет любых форм реталиации (преследования, дискриминации, увольнения) в связи с добросовестным сообщением, а также строгие правила обеспечения конфиденциальности, ограничивающие доступ к данным о личности заявителя. В-третьих, представляется оправданным встраивание в предлагаемую модель социально-практических механизмов с возможностью получения вознаграждения за информацию, приведшую к раскрытию тяжкого преступления, а также публичных образовательных кампаний, направленных на обучение граждан распознаванию признаков подготавливаемых правонарушений и способам безопасной передачи информации.

Четвертое предложение касается процессуальных фильтров, контрольных механизмов и ответственности собственно правоохранительных органов за обработку поступающих сообщений. В этой части необходимо, во-первых, законодательно закрепить, что анонимное сообщение может и должно выступать законным основанием для проведения аналитической работы и оперативно-розыскных проверочных мероприятий при неукоснительном соблюдении требований законности. Во-вторых, требуется введение системы внутреннего и внешнего аудита обработки сообщений, включающей обязательный учет всех действий с информацией о личности заявителя, соблюдение жестких сроков первичной оценки поступившего сообщения, а также императивный запрет на применение любых карательных мер без предварительной верификации информации. В-третьих, необходимо установление четкой юридической ответственности должностных лиц за разглашение личности информатора, использование каналов

информирования для оказания давления или шантажа, а также за фальсификацию результатов проверки сообщений. Только наличие эффективных санкций за подобные нарушения способно обеспечить реальную, а не декларативную защиту прав лиц, добросовестно реализующих свое право на информирование.

Предлагаемый комплекс мер, будучи реализованным в законодательстве и правоприменительной практике, позволит сформировать институт вспомогательного информирования, отвечающий современным правовым стандартам и учитывающий как потребности правоохранительной системы в получении значимой информации о правонарушениях, так и императивы защиты прав граждан, сохранения социального доверия и предотвращения исторически присущих институту осведомительства злоупотреблений. Тем самым будет создана нормативная конструкция, в равной мере удаленная как от архаичных практик массового доноительства, так и от правового нигилизма, игнорирующего потенциал гражданского участия в противодействии преступности.

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование феномена осведомительства в контексте его понятийных рамок, сравнительно-правового анализа и рисков институционализации позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Ключевым выводом выступает положение о том, что развитие институтов информирования за пределами собственно оперативно-розыскной сферы является не только возможным, но и потенциально полезным для системы противодействия преступности направлением правовой политики. Однако реализация этого потенциала напрямую обусловлена корректной юридической настройкой соответствующих механизмов, учитывающей как по-

требности правоохранительной системы в получении оперативно значимой информации, так и исторически выявленные риски деградации института до практик массового доноительства, подмены функций профессиональных субъектов и эрозии социального доверия.

Обращение к зарубежному опыту демонстрирует, что наиболее устойчивыми и эффективными оказываются те модели, в которых государство придерживается сбалансированного подхода, основанного на трех ключевых элементах.

Во-первых, это точечное введение обязанности сообщения, ограниченное строго определенными секторами профессиональной деятельности и закрытым перечнем категорий угроз (прежде всего, террористической направленности, легализации преступных доходов, подготовки тяжких преступлений против жизни и общественной безопасности). Такая обязанность оправдана лишь там, где профессиональная среда объективно обладает уникальным доступом к информации о рисках, и не должна подменяться неопределенной обязанностью по сбору сведений о лицах.

Во-вторых, это создание безопасных, доступных и процедурно результативных каналов добровольного сообщения, подкрепленных надежными гарантиями защиты информатора от преследования и реталиации, а также строгим режимом конфиденциальности. Как свидетельствует практика, именно безопасность и предсказуемость последствий выступают ключевыми факторами, побуждающими граждан к добросовестному информированию при одновременном отсечении заведомо ложных и клеветнических сообщений.

В-третьих, это наличие процедурных фильтров и контрольных механизмов, предотвращающих как использование института информирования для необоснованного уголовного преследования,

так и перегрузку правоохранительной системы массой формальных уведомлений, не прошедших проверку. Российское законодательство, устанавливающее, что анонимное заявление не может служить поводом к возбуждению уголовного дела, содержит важный предохранитель, однако нуждается в дополнении механизмами, которые позволили бы использовать анонимную информацию в ориентирующих, аналитических и оперативно-проверочных целях при сохранении процессуального барьера для начала уголовного преследования.

Таким образом, предлагаемая и обоснованная в настоящем исследовании модель вспомогательного информирования принципиально отличается как от архаичных практик массового доносительства, дискредитировавших себя в исторической ретроспективе, так и от правового нигилизма, игнорирующего потенциал гражданского участия в охране правопорядка. В предлагаемой конструкции ин-

формирование перестает быть механизмом тотального социального контроля и превращается в инструмент раннего обнаружения криминальных рисков, органично встроенный в правовую систему гарантий прав личности. Именно такая модель, сочетающая узкую профессиональную обязанность, широкое право на защищенное сообщение и надежные процессуальные фильтры, представляет собой оптимальный баланс между целями охраны правопорядка и императивами защиты прав человека, между потребностью правоохранительной системы в информации и необходимостью сохранения базового уровня социального доверия. Дальнейшая разработка данной модели, включая конкретизацию перечней составов преступлений, подлежащих обязательному сообщению, и создание организационно-правовых механизмов функционирования защищенных каналов, составляет перспективную задачу как для законодателя, так и для правовой науки.

Список литературы

1. Иванов А. А., Манян Н. М. Историография тайной полиции Российской империи конца XIX – начала XX века // Известия лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19, № 4 (49). С. 137–145. DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-137-145>
2. Кикоть-Глухodedова Т. В. Конституционно-правовые основы деятельности государственных органов в системе обеспечения национальной безопасности Великобритании // Мониторинг правоприменения. 2016. № 2 (19). С. 27–34.
3. Галахов С. С. Использование религиозных воззрений в профилактике рецидива преступлений и противодействии экстремизму и терроризму // Теория и практика общественного развития. 2025. № 9 (209). С. 166–177. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2025.9.20>
4. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Содействие граждан правоохранительным органам как правовой институт: постановка проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 166–175. DOI: <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A033>
5. Аснис А. Я., Хазиев Ш. Н. Анонимность в праве, криминалистике и судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18, № 3. С. 16–27. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-3-16-27>
6. Тарасов А. А. Уголовно-процессуальная компаративистика – территория открытий и заблуждений // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 133–141. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.17>
7. Крылова Н. Е., Харламов Д. Д. Преступные деяния против правосудия по уголовному праву Франции и Германии // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 6. С. 202–228. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-65-6-13>
8. Воронина Н. А. Британский подход к проблеме дерадикализации исламистов: успех или провал? // Исламоведение. 2023. Т. 14, № 2 (56). С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2023-14-2-5-18>
9. Поликарпова Е. В. Зарубежный опыт работы по взаимодействию с гражданами в сфере профилактики правонарушений // Актуальные проблемы деятельности участкового уполномоченного полиции на современном этапе : сб. науч. тр. всерос. науч.-практ. конф., 22 нояб. 2022 г. / [сост. И. В. Потапенкова]. М. : Москов. ун-т МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. С. 95–97.

10. Булавина Е. В. Теоретическая модель информационно-психологической устойчивости сотрудников полиции // Психология и Психотехника. 2025. № 4. С. 152–168. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2025.4.77509>

11. Сергунина В. В. Механизм учета и анализа информации о рисках, содержащейся в сообщениях о подозрительных операциях: зарубежный опыт // Проблемы анализа риска. 2021. Т. 18, № 1. С. 32–39. DOI: <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2021-18-1-32-39>

References

1. Ivanov A. A., Manian N. M. Historiography of the Secret Police in Russian Empire in the Late XIX-th and Early XX-th Centuries. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2023;19(4):137-145. DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-137-145> (In Russ.)

2. Kikot'-Glukhodedova T. V. Constitutional Law Foundations for the Operation of Government Agencies in the System Ensuring the National Security of the United Kingdom. *Monitoring of Law Enforcement*. 2016;2:27-34. (In Russ.)

3. Galakhov S. S. The Use of Religious Beliefs in the Prevention of Recidivism and Countering Extremism and Terrorism. *Theory and Practice of Social Development*. 2025;9:166-177. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2025.9.20> (In Russ.)

4. Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. Citizens' Assistance to Law Enforcement Agencies as a Legal Institution: Statement of the Problem. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2022;3:166-175. DOI: <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A033> (In Russ.)

5. Asnis A. Ya., Khaziev Sh. N. Anonymity in Law, Criminalistics and Forensic Examination. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2023;18(3):16-27. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-3-16-27> (In Russ.)

6. Tarasov A. A. Criminal Procedure Comparativistics – A Territory of Discoveries and Misconceptions. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*. 2024;1:133-141. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.17> (In Russ.)

7. Krylova N. E., Kharlamov D. D. Criminal Acts Against Justice Under the Criminal Law of France and Germany. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2024;6:202-228. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-65-6-13> (In Russ.)

8. Voronina N. A. The British Approach to Islamists Deradicalisation: Success or Failure? *Islamic Studies*. 2023;14(2):5-18. DOI: <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2023-14-2-5-18> (In Russ.)

9. Polikarpova E. V. Foreign Experience in Cooperation with Citizens in the Prevention of Offences. In: Potapenkova I. V. (Comp.). *Current Issues in the Work of District Police Officers at the Present Stage*. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia Publ.; 2022. P. 95–97. (In Russ.)

10. Bulavina E. V. A Theoretical Model of Information and Psychological Stability of Police Officers. *Psychology and Psychotechnics*. 2025;4:152-168. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2025.4.77509> (In Russ.)

11. Sergunina V. V. The Mechanism for Recording and Analyzing Information About the Risks Contained in the Reports of Suspicious Transactions: Foreign Experience. *Issues of Risk Analysis*. 2021;18(1):32-39. DOI: <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2021-18-1-32-39> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Федорович Луговик, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России (пр. Комарова, 7, Омск, 644092, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9106-3506>; e-mail: vlug@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Viktor F. Lugovik, Professor of the Department of Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies at the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (7 Komarova ave., Omsk, 644092, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9106-3506>; e-mail: vlug@yandex.ru

Поступила | Received
25.02.2026

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
06.04.2026

Принята к публикации | Accepted
10.04.2026

УДК 343.2

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-337-359

EDN: EOGALU

*Оригинальная научная статья***Структурные элементы уголовной политики****Д. В. Новокшенов** *Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Российская Федерация*✉ d_novoksh@mail.ru

Аннотация. Предметом настоящего исследования является уголовная политика как комплексная система государственного управления в сфере противодействия преступности. Цель работы заключается в системном анализе ее структурных элементов, выявлении их взаимосвязи и функционального назначения для формирования целостной теоретической модели. Методологическую основу составляют системно-структурный и диалектический подход, уголовно-правовой анализ, а также сравнительное исследование доктринальных позиций. В результате исследования обоснована концепция уголовной политики как целостной системы, интегрирующей шесть взаимосвязанных элементов: уголовно-правовой, гарантирующий справедливую процедуру; уголовно-процессуальный, обеспечивающий реализацию материального права; уголовно-розыскной, обеспечивающий раскрытие преступлений; уголовно-предупредительный, направленный на устранение причин преступности; уголовно-исполнительный, регулирующий исполнение наказаний; уголовно-организационный, координирующий всю систему. Особое внимание уделено диалектическому взаимодействию материального и процессуального компонентов, где первый задает содержание, а второй – форму реализации данного взаимодействия, выступая одновременно мечом правосудия и щитом прав личности. Уголовная политика не может ограничиваться исключительно оперативно-профилактической функцией борьбы с преступностью. Ее предмет включает в себя более широкий круг задач научно-методологического обеспечения процессов совершенствования уголовного законодательства, оптимизации системы уголовного правосудия и пенитенциарной практики. В сферу компетенции уголовной политики закономерно входят такие фундаментальные вопросы, как разработка критериев криминализации и декриминализации деяний, определение сравнительной общественной опасности преступлений, установление допустимых пределов внесудебного воздействия и иные проблемы. Подобные вопросы, требующие глубокого научного обоснования, непосредственно затрагивают существенные общественные интересы и определяют качественный уровень отправления правосудия, несмотря на то что не всегда относятся к текущим задачам борьбы с преступностью. Делается вывод о детерминированности эффективности уголовной политики уровнем правосознания и правовой культуры. Обосновывается необходимость ее дальнейшего развития в соответствии с принципами правового государства, гуманизации законодательства и усиления гарантий судебной защиты. В качестве перспективы рассматривается углубление междисциплинарной интеграции в рамках криминальных наук (криминоведения) и системное вовлечение научной экспертизы в законотворческий процесс, что позволит повысить обоснованность и эффективность государственно-правового регулирования в сфере борьбы с преступностью.

Ключевые слова: уголовная политика; борьба с преступностью; уголовно-правовая политика; уголовно-процессуальная политика; структура уголовной политики; криминологическая политика; государственная стратегия; правоохранительная деятельность; системный подход

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Новокшенов Д. В. Структурные элементы уголовной политики // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 337–359. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-337-359>. EDN: <https://elibrary.ru/eogalu>

Original scientific article

Structural Elements of Criminal Policy

D. V. Novokshonov

Academy of the National Guard Troops, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ d_novoksh@mail.ru

Abstract. The subject of this study is criminal policy as a complex system of public administration in the sphere of countering crime. The aim of the article is to provide a systemic analysis of its structural elements, to identify their interrelations and functional purpose, and to develop an integrated theoretical model. The methodological basis of the study is formed by the systems-structural and dialectical approaches, criminal-law analysis, and a comparative examination of doctrinal positions. As a result of the study, the Author substantiates the concept of criminal policy as an integral system comprising six interrelated elements: the criminal-law element, which guarantees fair procedure; the criminal-procedural element, which ensures the implementation of substantive law; the criminal-investigative element, which ensures the detection and solving of crimes; the crime-prevention element, which is aimed at eliminating the causes of crime; the penal-enforcement element, which regulates the execution of punishments; and the organizational element, which coordinates the system as a whole. Particular attention is paid to the dialectical interaction between the substantive and procedural components: the former determines the content, while the latter provides the form through which that content is implemented, serving at the same time as the sword of justice and the shield of individual rights. Criminal policy cannot be confined solely to the operational and preventive function of combating crime. Its subject matter encompasses a broader range of tasks relating to the scholarly and methodological support of processes aimed at improving criminal legislation, optimizing the criminal justice system, and refining penitentiary practice. The sphere of criminal policy naturally includes such fundamental issues as the development of criteria for the criminalization and decriminalization of acts, the determination of the comparative social dangerousness of offences, the establishment of permissible limits of extrajudicial influence, and other matters. Such issues, which require thorough scholarly substantiation, directly affect significant public interests and determine the qualitative level of the administration of justice, even though they do not always fall within the immediate tasks of combating crime. The article concludes that the effectiveness of criminal policy is determined by the level of legal consciousness and legal culture. It substantiates the need for the further development of criminal policy in accordance with the principles of the rule-of-law state, the humanization of legislation, and the strengthening of guarantees of judicial protection. As a future line of development, the article considers deeper interdisciplinary integration within the criminal-law sciences and criminological studies, as well as the systematic involvement of scholarly expertise in the law-making process. This would make it possible to enhance the validity and effectiveness of state legal regulation in the sphere of countering crime.

Keywords: criminal policy; countering crime; criminal-law policy; criminal-procedural policy; structure of criminal policy; criminological policy; state strategy; law-enforcement activity; systemic approach

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Novokshonov D. V. Structural Elements of Criminal Policy. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):337-359. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-337-359>. EDN: <https://elibrary.ru/eogalu> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	339
II. Генезис и теоретические основы уголовной политики как научной дисциплины	339
III. Проблема детерминации уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики со стороны уголовной политики	344
IV. Актуальные дискуссии правоприменения и перспективы развития уголовной политики ...	349
V. Заключение	355
Список литературы	356

© Novokshonov D. V., 2026

I. ВВЕДЕНИЕ

Термин «уголовная политика» получил терминологическое закрепление в научном дискурсе сравнительно недавно – около двух столетий назад. Однако как государственно-правовой феномен, отражающий отношение публичной власти к преступности, уголовная политика возникает одновременно с формированием самих институтов государства и права¹.

Сущность уголовной политики в правовой сфере заключается в том, что государство, осуществляя регулирование определенной области общественных отношений, не ограничивается констатацией существующего положения. Оно формулирует стратегические цели, определяет желаемое состояние регулируемого объекта и разрабатывает комплекс мер для его достижения. Важно отметить, что политика права представляет собой целенаправленную нормотворческую и правоприменительную деятельность, эффективность которой детерминирована глубоким научным анализом причин и условий возникновения соответствующих социальных явлений. Данная методологическая установка в полной мере имплементируется в сферу борьбы с преступностью. Реакция государства на преступность, концептуальное видение ее желаемых параметров, уровень, структура, динамика и избранный для этого инструментарий составляют содержание уголовной политики.

II. ГЕНЕЗИС И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Как самостоятельная учебная дисциплина уголовная политика ведет свою историю с эпохи Просвещения (XVIII в.). В трудах таких мыслителей, как Ч. Бек-

кариа, Ш. Монтескьё и Вольтер, были систематизированы и развиты отдельные уголовно-политические идеи, содержащиеся еще в работах античных и раннехристианских авторов. Их основная научная ценность заключается в серьезном анализе существовавшей в тот период системы уголовной юстиции и формировании теоретической основы для ее гуманизации и рационализации.

Необходимо подчеркнуть, что принципиальный вклад в становление уголовной политики как науки внес немецкий философ-материалист Л. А. фон Фейербах, который не только ввел данный термин, но и определил ее соотношение с уголовным правом. Согласно его концепции, «уголовная политика является научной отраслью, призванной вырабатывать для законодателя обоснованные рекомендации по оптимизации отправления правосудия»². Л. А. фон Фейербах обоснованно указывал на необходимость эмпирической базы для уголовно-политических построений. По его мнению, без комплексного изучения действующих правовых систем их детерминация конкретными историческими, географическими, социально-нравственными и политическими условиями, а также любые предложения реформаторов рискуют остаться умозрительными и оторванными от практики [1, с. 3].

Значительный научный интерес представляют работы И. Бентама, который сформулировал ключевую задачу уголовной политики – «системное исследование преступности и арсенала средств противодействия ей»³. В его трактовке основанием для криминализации деяния должно служить причиняемое или потенциальное социальное зло. Важнейшим аспектом уголовно-политической программы

¹ Принято считать, что термин «уголовная политика» впервые употребил А. Фейербах в труде *Versuch einer Criminaljurisprudenz des Koran* (1804), но не дал определения этого понятия.

² Чубинский М. П. Курс уголовной политики. Ярославль : Тип. Губ. правл., 1909. С. 3.

³ Там же. С. 22.

И. Бентама стало рассмотрение не только репрессивных (карательных) мер, но и превентивных предупредительных стратегий, что существенно расширило предметное поле данной науки [2, с. 47].

Г. В. Бёмер, внесший значительный вклад в разработку концепции уголовной политики, характеризовал ее как «прекрасную науку», функциональное назначение которой заключается в обеспечении борьбы с преступностью. В рамках своей концепции Г. В. Бёмер определял ключевые задачи данной науки: выработка адекватных репрессивных мер, а также разработка стратегии предупреждения или как минимум криминализации преступных деяний. Принципиальным элементом его подхода являлось требование к уголовной политике включать в свой предмет исследование детерминант преступности. Ученый предупреждал, что игнорирование причинно-следственных связей приведет к неконтролируемому росту преступности, которая подобно бурному потоку, преодолеет любые законодательные барьеры. По его мнению, без глубокого изучения этих условий и исторического опыта уголовного право рискует превратиться в эклектичный набор норм, произвольно сочетающих рациональные и гуманные положения с решениями, противоречащими базовым принципам человечности [2].

Аналогичной позиции о необходимости исследования генезиса преступлений придерживался А. Хенке. Он аргументировал, что истоки противоправного поведения часто кроются не столько в индивидуальной моральной деформации личности преступника, сколько в структурных дефектах и институциональных недостатках общества, членом которого он является. С точки зрения А. Хенке, уголовная политика призвана разрешать сложную диалектическую задачу. Она должна, с одной стороны, признавать в обвиняемом человеческое достоинство и гарантировать действие презумпции невиновности,

а с другой – адекватно реагировать на социальный запрос общества на безопасность и восстановление нарушенной справедливости [3, с. 146].

Важное место в развитии доктрины принадлежит Ф. фон Листу, рассматривавшему уголовную политику в качестве методологической основы и руководящего начала для законодателя. Ее задача, по мнению ученого, заключается в формировании систематизированных принципов для глубокого анализа действующего законодательства и определения вектора его реформирования. Эта деятельность должна опираться на эмпирическое изучение причин преступности и эффективности применяемых санкций. Однако Ф. фон Лист указывал на необходимость соблюдения баланса: без фундаментального знания догмы действующего права, владения законодательной техникой и строгой юридической логики уголовно-политического построения можно деградировать до уровня поверхностного социологизма, оторванного от правовой реальности [4, с. 97].

Обобщая взгляды И. Бентама, Г. В. Бёмера, Л. А. фон Фейербаха, А. Хенке и Ф. фон Листа, можно определить, что классическая школа понимала уголовную политику как научную отрасль, разрабатывающую оптимальные модели организации борьбы с преступностью. Ее методология предполагает синтез правовых догматических начал с учетом конкретного социально-исторического контекста, включающего культурные, национальные и нравственные особенности общества. Являясь теорией политического элемента противодействия преступности, уголовная политика составляет необходимую теоретико-методологическую базу для всех наук уголовно-правовой направленности.

В отечественной юридической науке формирование теории уголовной политики связано с именем М. П. Чубинского, чьи

работы заложили основы системного понимания данной дисциплины. В его трактовке уголовная политика представляет собой специализированный раздел науки уголовного права, функцией которого является разработка научно обоснованных рекомендаций для оптимизации системы уголовного правосудия в конкретных социально-исторических условиях. Достижение этой цели, по мнению М. П. Чубинского, предполагает комплексный подход, включающий как совершенствование уголовного законодательства, так и проведение соответствующих социальных реформ. Ученый подчеркивал социальную и гносеологическую необходимость этой отрасли знаний, поскольку она призвана давать ответы на актуальные вызовы социальной реальности и удовлетворять фундаментальную потребность научного мышления в критической рефлексии над существующим правовым порядком с целью его прогрессивного преобразования. Догматическое же «преклонение перед положительным правом» он рассматривал как фактор, ведущий к стагнации и господству правового консерватизма⁴.

Анализируя статус уголовной политики в системе юридического знания, М. П. Чубинский констатировал наличие в научном дискурсе дискуссий о легитимности политической составляющей в праве. Он также оказался вовлечен в эту полемику, в которой уголовно-политический и этиологический элементы долго не имели права на признание в качестве полноправных структурных компонентов дисциплины. При этом ученый приводил аргументы о том, что уголовно-политический элемент исторически присущ правовой материи, тогда как его институционализация в качестве самостоятельной научной дисциплины относится к более

позднему периоду. Несмотря на первоначальное сопротивление части научного сообщества, влияние прогрессивных идей, по мнению М. П. Чубинского, обусловило признание необходимости выхода за рамки исключительно догматического анализа действующих норм. Криминалистическая наука была вынуждена включить в свою повестку не только вопрос о том, «что существует», но и нормативную проблематику того, «что должно существовать», что стимулировало масштабные правовые реформы.

В советской юридической доктрине терминологическое оформление уголовной политики как концепта произошло лишь в 1970-е гг. Работы этого периода впервые поставили вопрос о ней как об относительно автономной, специфической сфере государственной социальной политики, требующей целенаправленной научной разработки и теоретического осмысления [5; 6; 7]⁵.

Важно отметить, что активизация научного интереса к теории уголовной политики в отечественной науке хронологически совпала с аналогичным процессом в зарубежной криминологической мысли. Так, значимым событием стал IV конгресс Международного общества криминологии (Мадрид, 1970 г.), в фокусе внимания которого находились вопросы определения понятия, сущности и содержания уголовной политики современных государств, что свидетельствует об интернациональном характере данной научной проблематики.

Существенным фактором развития теории и практики противодействия преступности стал наметившийся методологический переход от аналитического изучения разрозненных аспектов борьбы с преступностью к их синтетическому

⁴ См.: Чубинский М. П. Указ. соч. С. 22.

⁵ См., напр.: Загородников Н. И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел : учеб. пособие. М. : МВШМ, 1979. 99 с. ; Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве : учеб. пособие. М. : Изд-во Акад. МВД СССР, 1979. 130 с. ; и др.

рассмотрению в качестве взаимосвязанных структурных компонентов целостной системы – уголовной политики. Данный переход, несмотря на имеющиеся внутренние противоречия, создал необходимые предпосылки для формирования теоретического фундамента, позволяющего оптимизировать государственное воздействие на преступность в социально заданном направлении.

Уголовная политика представляет собой специализированный сегмент государственной политики, обладающий собственной спецификой, которая детерминируется уникальным сочетанием объекта, целевых установок, методов и инструментария [8, с. 131].

Первичным и конечным объектом целенаправленного воздействия уголовной политики выступает преступность. В данном контексте она понимается в двух взаимосвязанных аспектах: как совокупность всех фактически совершенных в конкретный период уголовно наказуемых деяний, а также как комплексное негативное социально-правовое явление, обладающее статистически измеряемыми количественными и качественными параметрами. Воздействие на указанный объект реализуется через скоординированную деятельность системы специализированных правоохранительных институтов, иных государственных и общественных структур, которые в рамках своих компетенций и социальных функций участвуют в решении задач противодействия преступности.

В отличие от большинства иных сфер государственного управления, стратегической задачей уголовной политики является не укрепление и развитие объекта управления, а его последовательная минимизация, ослабление и деструктуризация. Тем самым она вносит вклад в решение макросоциальной задачи – ограничения масштабов преступности с перспективой ее максимального вытеснения из общественной жизни.

Исходя из изложенного, представляется возможным констатировать утопичность идеи полной и окончательной ликвидации преступности. Данная цель, скорее, носит характер социального идеала, отражающего устойчивое этическое стремление общества к доминированию правомерных моделей поведения. Однако как в медицине, где искоренение всех болезней признается недостижимым, но служит вектором развития, так и в сфере уголовной политики этот идеал задает направление для поиска наиболее эффективных средств сдерживания социального зла.

Эмпирические данные подтверждают невозможность полной элиминации преступности в современных условиях. Как отмечается в научной литературе, даже высокая эффективность деятельности правоохранительных органов в государствах с рыночной экономикой, включая страны с развитыми демократическими институтами и участием гражданского общества, не приводит к искоренению преступности. Об этом свидетельствует устойчивая статистика уголовно наказуемых деяний в подобных обществах, где даже высокий уровень материального благосостояния населения не коррелирует однозначно со значительным снижением криминальной активности. Тем не менее исторический опыт, в том числе отечественный, демонстрирует принципиальную возможность достижения существенной редукции уровня преступности посредством целенаправленной и научно обоснованной политики [9, с. 42].

Уголовная политика не может ограничиваться исключительно оперативно-профилактической функцией борьбы с преступностью. Ее предмет включает в себя более широкий круг задач научно-методологического обеспечения процессов совершенствования уголовного законодательства, оптимизации системы уголовного правосудия и пенитенциарной

практики. В сферу ее компетенции закономерно входят такие фундаментальные вопросы, как разработка критериев криминализации и декриминализации деяний, определение сравнительной общественной опасности преступлений, установление допустимых пределов внесудебного воздействия и другие проблемные вопросы. Все эти вопросы, требующие глубокого научного обоснования, непосредственно касаются важнейших общественных интересов и определяют качественный уровень отправления правосудия, хотя и не всегда относятся к сиюминутным задачам противокриминальной борьбы [10].

В отечественной юридической доктрине сформировалось несколько концептуальных подходов к определению содержания уголовной политики. Один из первых подходов был предложен А. А. Герцензоном, который трактовал уголовную политику в качестве деятельности, реализуемой через применение как специальных юридических мер (уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, исправительных, криминологических), так и мер общесоциального характера (экономических, идеологических, социально-медицинских) [5, с. 179].

Альтернативный, более узкий, подход был разработан Н. А. Стручковым. Он ограничивал содержание уголовной политики исключительно комплексом мер, специально и непосредственно направленных на противодействие преступности. Из ее рамок им были исключены общие социальные меры (повышение материального благосостояния, культурного уровня, правосознания), поскольку, по его мнению, их основное социальное назначение находится за пределами специальной криминологической профилактики, хотя объективно они и влияют на детерминанты преступности [6, с. 405].

Третий, наиболее развернутый, подход был сформулирован Н. И. Загороднико-

вым, который выделил следующие взаимосвязанные стороны содержания уголовной политики:

1) доктринально-принципиальная сторона: выработка стратегической линии борьбы с преступностью, основанной на применении уголовного наказания, иных мер государственного принуждения и общественного воздействия, и формулирование общих принципов этой деятельности;

2) практико-реализационная сторона: конкретная деятельность государства, его органов и общественных институтов по претворению выработанной линии в жизнь, включающая нормотворчество в сфере уголовного права, правоприменения и разрешение социальных конфликтов на основании уголовного, уголовно-процессуального, исправительного и административного законодательства;

3) научно-аналитическая сторона: теоретическое осмысление стратегии и тактики противодействия преступности, изучение практики реализации уголовной политики и выработка рекомендаций по оптимизации структуры и деятельности соответствующих государственных и общественных институтов⁶.

Представляется, что подход Н. И. Загородникова в обобщенной форме наиболее полно охватывает основные направления уголовной политики. Однако характерным методологическим недостатком данного подхода является отсутствие четкого разграничения сущности, содержания самой уголовной политики как стратегического курса и конкретных средств, механизмов и отраслевой политики (уголовно-правовой, процессуальной, пенитенциарной), через которые она реализуется.

Учитывая продолжающуюся в научном сообществе полемику, считаем, что внимания заслуживает дефиниция уголовной политики, предложенная Н. А. Беляевым. Согласно его концепции, уголовная

⁶ См.: Загородников Н. И. Указ. соч. С. 19.

политика представляет собой направление деятельности государственных и общественных институтов, основанное на познании объективных закономерностей общественного развития. Ее цель — охрана законных интересов личности и общества от криминальных посягательств посредством применения наказания или иных мер государственного и общественного воздействия к виновным лицам, а также реализации превентивной функции, обеспечиваемой угрозой назначения уголовной санкции [11, с. 15].

Особо следует выделить определение, сформулированное С. С. Босхоловым, который предлагает рассматривать уголовную политику в трех взаимосвязанных аспектах:

- как государственную доктрину противодействия преступности, получающую формальное выражение в системе нормативно-правовых актов (законы, указы, постановления);

- специальную научную теорию, синтезирующую политические, социологические и правовые знания;

- особый вид социальной практики, носящий активный, наступательный характер и направленный на нейтрализацию преступности и иных правонарушений [12].

Следует отметить, что в доктринальной литературе представлено множество иных дефиниций и подходов к интерпретации рассматриваемого понятия. В этом контексте Г. М. Миньковский акцентировал внимание на системообразующей роли уголовной политики, отмечая, что независимо от терминологических нюансов речь идет о ключевом элементе внутренней политики государства, обеспечивающем эффективность экономической, идеологической и социальной политики [13, с. 39].

Это дает основание говорить, что уголовная политика репрезентирует отношение государственной власти к феномену преступности в его целостности. Через ее призму раскрывается аксиологи-

ческий и инструментальный выбор государства: какие деяния криминализируются, каков арсенал средств борьбы, какие процессуальные гарантии установлены для граждан, каково содержание карательной практики и профилактических стратегий. В конечном счете именно уголовная политика демонстрирует степень реальной готовности власти противостоять декларируемым социальным угрозам.

Фундаментальной, исходной задачей в этой сфере является демаркация преступного и непроступного поведения. Вопрос о процессуальной организации правосудия является вторичным, поскольку без законодательно установленного состава преступления отсутствует и предмет судопроизводства. Установление данной границы, сопряженное с серьезными социальными последствиями, представляет собой краеугольный вопрос уголовной политики. Исторически, как отмечалось еще мыслителями XVIII в., существует различие между «естественными» преступлениями, посягающими на универсальные ценности, и конвенциональными, криминальность которых обусловлена конкретным социально-правовым контекстом.

Однако, наряду с совершенствованием материального уголовного закона, не менее важным является оптимизация системы правосудия и процессуальных механизмов. Как верно отмечают В. Н. Кудрявцев и А. И. Трусов, именно процессуальные нормы и практика их применения в решающей степени определяют, кто становится объектом уголовного преследования и каковы будут итоговые последствия такого вмешательства для личности [14, с. 177].

III. ПРОБЛЕМА ДЕТЕРМИНАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ СО СТОРОНЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Уголовный процесс как форма правоприменительной деятельности государ-

ства, направленной на реализацию уголовной ответственности, находится в прямой зависимости от доминирующих уголовно-политических установок конкретной исторической эпохи. Данный тезис находит всестороннее подтверждение в историческом развитии правовых систем.

Уголовная политика государства оказывает определяющее воздействие на природу и эволюцию уголовного судопроизводства. История отечественного уголовного процесса, даже в ретроспективе последних полутора–двух столетий, наглядно иллюстрирует, как под влиянием смены политических парадигм трансформируется правовая культура и изменяется процессуальный статус личности.

Российское уголовное судопроизводство неоднократно подвергалось масштабным реформам, каждая из которых коррелировала с соответствующим этапом изменения общественно-политического строя, выступая своего рода отражением актуальной политической конъюнктуры. Параллельно уголовный процесс зачастую использовался властью в качестве инструмента для решения политических задач. Ярким примером служат декреты «О суде» № 1 и № 2⁷, которые упразднили прежнюю судебную систему и предписали руководствоваться не формальным правом, но революционным правосознанием, а также последующее введение упрощенных процедур следствия и суда по делам так называемых врагов народа. Эти и другие исторические прецеденты подтверждают глубокую взаимосвязь между политическим курсом и процессуальной формой [15].

Изложенное подчеркивает фундаментальную значимость научно обоснованной и последовательной уголовной политики. В научной доктрине уголовная политика нередко характеризуется как сложная система. Основанием для такой квалифи-

кации служит совокупность следующих присущих ей признаков:

- сложность (комплексность): наличие в структуре уголовной политики нескольких взаимосвязанных подсистем (например, уголовно-правовой, процессуальной, пенитенциарной) и множества отдельных элементов;

- структурность: сохранение устойчивой, инвариантной совокупности базовых компонентов, определяющих ее сущность, несмотря на вариативность и динамику отдельных элементов;

- упорядоченность (организованность): существование устойчивых связей и взаимозависимостей как между составными частями самой уголовной политики, так и между ней в целом и иными социальными системами;

- относительная замкнутость (автономность): обладание определенной степенью самостоятельности и внутренней логикой развития, что позволяет выделить ее в качестве специфического вида социальной политики, отличного от экономической, культурной и иных.

Рассмотрение уголовной политики в качестве сложной системы, обладающей внутренней структурой, соответствует объективной реальности и позволяет преодолеть односторонние подходы, обеспечивая комплексность и многоаспектность ее научного анализа [16, с. 85].

Приступая к анализу структурной организации и внутрисистемных характеристик уголовной политики, целесообразно выделить пять ключевых элементов, образующих ее каркас: уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-розыскная (оперативно-розыскная), уголовно-предупредительная (криминологическая) и уголовно-исполнительная (пенитенциарная) политика. К ним добавляется шестой, сквозной, элемент – уголовно-организационная политика,

⁷ См.: *О суде* : Декрет СНК РСФСР от 24 нояб. 1917 г. ; *О суде* : Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

обеспечивающая координацию и эффективное функционирование остальных компонентов. Приведенные термины имеют полное право на самостоятельное употребление для обозначения специфических направлений в рамках единой государственной уголовной политики [2, с. 128].

Как отмечал в своих работах С. В. Бородин, правомерно использовать такие понятия, как уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, судебная и исправительно-трудовая политика. При этом ученый подчеркивал, что они являются именно структурными компонентами общей уголовной политики, поскольку предмет регулирования каждой из них входит неотъемлемой частью в ее общий предмет [17, с. 27].

Аргументация в пользу относительной самостоятельности уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-розыскной и уголовно-исполнительной политики в значительной степени детерминирована наличием соответствующих автономных отраслей законодательства — уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и уголовно-исполнительного. Специфика правового регулирования в этих сферах действительно обуславливает их самостоятельный характер. Аналогичным образом обоснована необходимость выделения уголовно-предупредительной и уголовно-организационной политики, которые не сводятся ни к одному из других элементов в отдельности, ни к их простой совокупности.

Важно отметить, что наш вклад в развитие теории уголовной политики заключается не в простом перечислении известных элементов, а в их системной реконфигурации и обосновании новой структурной модели. Новизна предлагаемого подхода состоит в следующем:

1) впервые обосновывается необходимость выделения шести взаимосвязанных элементов. Данная модель позволяет охва-

тить все существенные аспекты государственного противодействия преступности в отличие от распространенных в литературе трех- и четырехэлементных моделей;

2) принципиальной новацией является выделение уголовно-организационной политики в качестве самостоятельного, сквозного, элемента. В предшествующих исследованиях организационные вопросы либо игнорировались, либо рассматривались как факультативные приложения к основным элементам. Предлагаемая модель исходит из того, что без специального организационного компонента, выполняющего координационную и обеспечительную функции, система уголовной политики утрачивает целостность и эффективность;

3) впервые последовательно проведено разграничение уголовно-процессуальной и уголовно-розыскной политики как самостоятельных, хотя и тесно связанных, подсистем. Это позволяет преодолеть распространенную в доктрине тенденцию к неоправданному поглощению одной из них другой.

Однако это не противоречит тезису о системном единстве уголовной политики, поскольку все ее компоненты направлены на регулирование общественных отношений в одной сфере — сфере борьбы с преступностью. Следовательно, научный анализ не должен ограничиваться рамками одной подсистемы и требовать комплексного изучения как отдельных элементов, обладающих общими и специфическими чертами, так и их взаимодействия в составе целостной системы.

Необходимо подчеркнуть, что вопрос о конкретном составе и номенклатуре элементов уголовной политики остается дискуссионным в научной литературе. Существуют различные подходы к определению структуры уголовной политики.

Так, Н. И. Загородников, оперируя понятием единой уголовной политики, выделял в ее рамках уголовную политику

в узком смысле (уголовно-правовую), судебную политику и исправительно-трудовую политику. Согласно его позиции, уголовно-правовая политика предполагает закрепление в нормах права принципов уголовной ответственности, составов конкретных преступлений и основ криминологической профилактики; судебная политика направляет нормотворческую и практическую деятельность органов дознания, следствия, розыска и суда; исправительно-трудовая (уголовно-исполнительная) политика определяет законодательные основы и практику исполнения наказаний⁸. Однако представленная классификация представляется дискуссионной по нескольким основаниям. Во-первых, использование терминов в узком и широком смысле вносит терминологическую неопределенность и затрудняет однозначное понимание содержания ключевого понятия. Во-вторых, подмена устоявшегося и содержательно точного термина «уголовно-правовая политика» на «уголовная политика в узком смысле» является концептуально неоправданной, поскольку первый термин более точно отражает специфику данной подсистемы. Помимо этого, определение судебной политики, предложенное Н. И. Загородниковым, вызывает методологические возражения. Охватывая деятельность не только судов, но и органов розыска и предварительного расследования, оно фактически описывает совокупность уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной (уголовно-розыскной) политики, которые, в силу существенных различий в принципах и методах, должны быть разграничены.

Иную трехэлементную структуру предлагает И. А. Исмаилов, выделяя предупредительную, уголовно-правовую (уголовно-судебную) и исправительно-трудовую политику [18, с. 112]. Несмотря на рациональное зерно данная классифика-

ция также порождает терминологическую и содержательную путаницу. Во-первых, уголовно-судебная политика имманентно включает в себя превентивную функцию. Во-вторых, если ограничить ее лишь деятельностью судов по применению права, то ключевые законотворческие и доктринальные вопросы уголовно-правового регулирования ошибочно перейдут в сферу предупредительной политики. Такое смещение существенно упрощает и сужает теоретическое и практическое значение фундаментальных проблем уголовного права.

Представленный анализ подходов Н. И. Загородникова и И. А. Исмаилова позволяет выявить их системные недостатки, которые преодолеваются в предлагаемой нами шестиэлементной модели. Так, в классификации Н. И. Загородникова, на наш взгляд, допущено методологически некорректное отождествление судебной политики с деятельностью органов дознания и следствия, что приводит к смешиванию принципиально различных по своей природе видов деятельности – судебной, осуществляемой в условиях состязательности и гласности, и досудебной, носящей розыскной и следственный характер. Это смещение нивелирует важнейшее различие между уголовно-процессуальной и уголовно-розыскной политикой, которые имеют разные цели, методы и правовые основания.

Подход И. А. Исмаилова, напротив, страдает излишним укрупнением элементов: уголовно-судебная политика поглощает как уголовно-правовую, так и уголовно-процессуальную составляющие. Это создает риск методологического редуционизма – сведения многообразия уголовно-политических стратегий к упрощенной триаде, не отражающей реальной сложности правоприменительной практики.

Предлагаемая нами шестиэлементная модель, в отличие от рассмотренных выше,

⁸ См.: Загородников Н. И. Указ. соч. С. 14.

обладает рядом преимуществ: 1) обеспечение функциональной дифференциации, где каждый элемент соответствует специфическому виду государственной деятельности (нормотворчество, судопроизводство, розыск, профилактика, исполнение наказаний, организация); 2) сохранение системного единства через выделение сквозного организационного элемента, отсутствующего в иных классификациях; 3) учет современных тенденций дифференциации правового регулирования, выделения оперативно-розыскного законодательства в самостоятельную отрасль.

Новая модель не просто объединяет известные подходы, а представляет собой оригинальную теоретическую конструкцию, позволяющую преодолеть фрагментарность предшествующих классификаций.

Таким образом, на основе детального анализа существующих подходов можно утверждать, что уголовная политика представляет собой целостную систему, отражающую стратегическое отношение государства к преступности, реализуемое преимущественно через инструментарий уголовного закона. Ее внутренняя структура включает шесть взаимосвязанных, но специфичных элементов: уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-розыскную, уголовно-предупредительную, уголовно-исполнительную и обеспечивающую их координацию уголовно-организационную политику.

В структурном единстве уголовной политики каждый из ее элементов обладает специфическим содержанием и функциональным назначением.

Уголовно-правовая политика представляет собой стратегическое направление деятельности государства по формированию и реализации материального уголовного закона. Ее содержание охватывает выработку общих принципов и институтов уголовной ответственности, определение круга криминализируемых деяний,

конструирование системы и видов наказаний, установление санкций за конкретные преступления, а также избрание справедливых и эффективных мер воздействия в отношении виновных лиц [19, с. 89].

Уголовно-процессуальная политика есть выражение воли государства в сфере уголовного судопроизводства. Она направлена на разработку и применение процедурных форм, обеспечивающих реализацию материальных уголовно-правовых норм на всех стадиях процесса — от возбуждения уголовного дела до исполнения приговора.

Уголовно-розыскная (оперативно-розыскная) политика определяет основные подходы к выработке и применению специальных методов и средств, направленных на раскрытие латентных преступлений, установление лиц, их совершивших, а также на сбор информации для решения задач уголовного судопроизводства.

Уголовно-предупредительная (криминологическая) политика формирует научно обоснованную систему мер общественного и специально-криминологического характера, нацеленных на выявление, устранение или нейтрализацию причин и условий преступности, а также на предотвращение замышляемых и подготавливаемых преступлений.

Уголовно-исполнительная (пенитенциарная) политика устанавливает цели, принципы и основные средства исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Она направляет деятельность государственных органов и институтов гражданского общества в сфере исправления осужденных и ресоциализации лиц, отбывших наказание.

Уголовно-организационная политика выполняет системообразующую и обеспечивающую функцию. Она нацелена на научное, методическое, кадровое, материально-техническое и статистическое обеспечение всех остальных элементов уголовной политики, придавая ей

целостность и эффективность. В сфере ее внимания входят вопросы юридического образования, профессиональной подготовки и социальной защиты кадров, научной экспертизы законопроектов, мониторинга правоприменительной практики и формирования необходимых ресурсов для функционирования всей системы противодействия преступности. Данный элемент имеет сквозной характер, интегрируя и координируя деятельность остальных подсистем.

В современных российских условиях представляется необходимым дальнейшее развитие системной интегративной науки криминоведения, объединяющей в исследовательский комплекс уголовное право и уголовный процесс, криминологию, криминалистику, судебную экспертизу, теорию оперативно-розыскной деятельности, историю борьбы с преступностью и смежные дисциплины. Государственная власть при совершенствовании законодательства должна учитывать выводы и рекомендации научного сообщества, а непосредственное участие ученых-криминалистов в экспертизе и обсуждении законопроектов должно стать системной практикой.

IV. АКТУАЛЬНЫЕ ДИСКУССИИ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Рассмотрим подробнее характер взаимодействия двух ключевых элементов уголовной политики – уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики.

Уголовно-правовой элемент обладает приоритетным и детерминирующим значением по отношению к другим подсистемам. Это обусловлено тем, что именно уголовно-правовая политика, реализуемая через нормы уголовного права, устанавливает материально-правовое основание всей правоохранительной деятельности: определяет круг общественно опасных деяний, систему и виды наказаний, принципы их назначения.

Уголовно-процессуальная политика, воплощенная в нормах уголовно-процессуального права, разрабатывает процессуальную форму, в рамках которой осуществляется расследование, судебное рассмотрение дел и избрание наказания. Существование уголовно-процессуальной политики в отрыве от уголовно-правовой методологически невозможно, поскольку форма не может существовать без содержания. В то же время нельзя преуменьшать роль процессуального элемента, так как именно он создает процедурные механизмы реализации материально-правовых предписаний. Таким образом, связь этих элементов носит диалектический характер: содержание (уголовно-правовая политика) требует адекватной формы (уголовно-процессуальной политики) для своей реализации, а форма получает смысл и направленность только через содержание.

Следует согласиться с профессором А. И. Александровым, что значение уголовно-процессуальной политики является фундаментальным. Используя известную метафору, можно сказать, что если уголовно-правовая, уголовно-розыскная и уголовно-исполнительная политика ассоциируются с мечом правосудия – карательным и репрессивным инструментом, то уголовно-процессуальная и отчасти уголовно-предупредительная политика олицетворяют щит, обеспечивающий защиту личности. Уголовный процесс выступает в качестве процессуального щита гражданина от необоснованного уголовного преследования и осуждения. Его задача – определить виновного и невиновного, обеспечить защиту непричастного и создать правовые гарантии для законного применения меча уголовного права к виновному. Этим обусловлено образное сравнение: уголовный кодекс предназначен прежде всего для преступника, тогда как уголовно-процессуальный кодекс – для защиты честного, законопослушного гражданина [20, с. 122].

Анализируя взаимодействие уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики, необходимо рассматривать его не только на уровне конкретных процедурных схем, но и в системном ключе, как взаимосвязь двух целостных, относительно самостоятельных подсистем, каждая из которых вносит уникальный вклад в достижение общих целей уголовной политики.

Исследование природы, исторического развития или духовной сферы человеческой деятельности позволяет увидеть сложную картину, представляющую собой бесконечное переплетение взаимосвязей и взаимодействий. Реальность, доступная познанию, формируется в процессе «великого поступательного развития», осуществляющегося именно через взаимодействие. Свойства любого конкретного явления проявляются исключительно в его отношениях с другими явлениями.

Универсальная взаимосвязь явлений выступает в качестве фундаментального принципа и всеобщего закона движения материи [21, с. 187]. Его осмысление формирует основу мировоззренческих и общеправовых представлений, тогда как анализ конкретных типов связей служит необходимым условием научного исследования закономерностей, присутствующих в отдельных формах и видах материального мира. Однако познание сущности явлений не может ограничиваться лишь констатацией их взаимодействия. Оно требует целостного и всестороннего анализа функций, места и роли каждого феномена в рамках системы.

Категории «отношение» и «связь» традиционно занимают центральное место как в философских изысканиях, так и в частнонаучных исследованиях, особенно в рамках системно-структурного анализа и общей теории систем. В контексте настоящего исследования данные понятия требуют методологического уточнения [22, с. 61].

Термины «отношение», «связь», «взаимодействие», «причинно-следственная зависимость», «функциональная зависимость» не являются тождественными. Они различаются как по своему смысловому содержанию, так и по характеру отражаемых ими реальных зависимостей [23].

Наиболее общей категорией является «отношение», под которым понимается взаимная обусловленность нескольких объектов (членов отношения), их «взаимное определение» или то, что конституирует целостность из данных элементов. Сложность изучения отношения заключается в его нечувственной природе – в чистом виде, отдельно от своих членов, оно не дано в непосредственном восприятии. Абстрагированное от конкретного содержания, оно рискует превратиться в пустую схему.

Как верно отмечала П. С. Элькинд, уголовно-процессуальные правоотношения находятся в неразрывной диалектической связи с отношениями материально-правовыми. Будучи вторичными (производными), процессуальные отношения выступают содержательной формой реализации отношений уголовно-правовых, которые, в свою очередь, являются формой иных социальных отношений. В той мере, в какой процесс представляет собой форму жизни закона, уголовно-процессуальные отношения возникают и развиваются в связи с уголовно-правовыми и по их поводу, тогда как последние могут быть реализованы исключительно через уголовно-процессуальную форму [24, с. 9–10, 14].

Рассматривая указанную связь подробнее, необходимо отметить, что подавляющее большинство исследователей признает первичность (базисность) уголовно-правовых отношений и производный характер процессуальных. Однако это не означает, что уголовный процесс теряет смысл исключительно при их отсутствии. Его задача заключается

не только в установлении события и состава преступления, но и в констатации их отсутствия. Более того, процесс может инициироваться и в случаях, когда уголовно-правовые отношения как таковые отсутствуют (например, при производстве о применении принудительных мер медицинского характера) [25, с. 94].

Производный характер процессуальных отношений не подразумевает их автоматического возникновения непосредственно вслед за совершением преступления. Юридическим фактом, порождающим уголовно-процессуальные отношения, выступает наличие установленного законом повода для возбуждения уголовного дела (информация о готовящемся или совершенном деянии). Следовательно, деятельность по проверке данной информации уже регламентируется процессуальными нормами. Следует отметить, что в доктрине существует и иная позиция, согласно которой уголовное судопроизводство начинается лишь с момента официального возбуждения уголовного дела.

Можно выделить следующие ключевые характеристики уголовно-процессуальных правоотношений:

1) правообразующая природа: уголовно-процессуальные правоотношения – это общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства, существующие исключительно в форме, урегулированной правом (в форме правоотношений);

2) государственно-властный (императивный) характер: данные отношения в большинстве случаев возникают и развиваются в силу прямого предписания закона, независимо от воли отдельных участников [26, с. 12];

3) системная связь с уголовно-правовыми отношениями: процессуальные отношения неразрывно связаны с материально-правовыми, выступая формой их реализации и защиты;

4) единство с уголовно-процессуальной деятельностью: правоотношения не-

отделимы от системы процессуальных действий, составляющих их динамическое содержание;

5) специфический субъектный состав: круг участников уголовно-процессуальных отношений строго определен законом и обладает особыми правовыми статусами.

Несмотря на общность основных научных позиций, в доктрине сохраняются дискуссии относительно точного места и значения процессуальных отношений в общем механизме правового регулирования.

Таким образом, правоотношения могут быть рассмотрены в двойственном ключе: одновременно как способ реализации правовых норм и как результат правового регулирования. Соответственно, уголовно-процессуальные отношения представляют собой правовую форму деятельности органов следствия, прокуратуры и суда, в то время как сама эта право-реализующая деятельность составляет их содержание.

Несмотря на кажущуюся тщательную разработанность доктринальных положений, характеризующих место процессуальных отраслей в механизме правового регулирования, проблема демаркации материального и процессуального права не может считаться исчерпанной. В настоящее время в науке существуют лишь самые общие критерии такого разграничения [27].

Так, С. С. Алексеев, характеризуя структуру системы права, выделял три ключевых звена: 1) основополагающее звено – государственное право; 2) материальные отрасли, регулирующие поведение субъектов вне непосредственной связи с деятельностью государственно-властных институтов («рабочий механизм» регулирования); 3) процессуальные отрасли (уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное право), выполняющие функцию своеобразной надстройки

над материальными отраслями. При этом ученый полагал, что не каждой материальной отрасли соответствует особая процессуальная. В последующих работах С. С. Алексеев определял процессуальные отрасли как производное продолжение соответствующих материальных отраслей, объединяя их с последними в категорию фундаментальных, профилирующих отраслей [28, с. 131–137].

Представленная концепция в целом является методологически верной, однако требует дальнейшей конкретизации. В первую очередь необходимо определить соотношение материального и процессуального компонентов в архитектонике права как целостной системы. Представляется, что материальное и процессуальное право являют собой неразрывно связанные элементы, а их разделение носит в значительной степени функционально-условный характер [29, с. 262].

Имманентным признаком права как социального регулятора является гарантированная возможность принудительной реализации установленных норм. Следовательно, любая норма любой отрасли права требует специального механизма обеспечения. Структура и порядок деятельности этого механизма и образуют процессуальную составляющую права в широком смысле. При этом было бы неверно ограничивать ее изучение лишь сложившимися кодифицированными процессуальными отраслями.

Вопрос заключается главным образом в степени институционализации и специализации данного обеспечительного механизма. Некоторые материальные отрасли не имеют собственного детализированного процессуального регламента, используя уже существующие универсальные процедуры. Так, гражданский процесс сегодня обеспечивает принудительную реализацию норм не только гражданско-го, но и трудового, семейного и иных отраслей права. Это не означает полного

отсутствия у данных отраслей собственного специального процессуального инструментария (например, особого порядка реализации административно-правовых предписаний или разрешения споров между органами государственной власти в рамках государственного права) [30].

Это дает основание утверждать, что проблема выделения самостоятельных процессуальных отраслей носит преимущественно количественный и исторически обусловленный характер, определяясь степенью развития механизма реализации и наличием предпосылок для его обособления. Существующие же процессуальные отрасли по своей природе в определенной мере универсальны и могут обслуживать потребности различных сегментов правовой системы. Как уже отмечалось, гражданский процесс обеспечивает нужды ряда смежных отраслей. Даже такая специализированная отрасль, как уголовный процесс, не только руководствуется принципами всей правовой системы, но и в отдельных случаях непосредственно обеспечивает реализацию гражданско-правовых притязаний, что находит отражение в таком институте, как гражданский иск в уголовном деле.

Сущностная характеристика материальных правоотношений заключается в их непосредственной близости к объективным производственным отношениям, что детерминирует их функциональную роль в качестве инструмента прямого нормативного регулирования последних, получившую доктринальное закрепление в понятии «регулятивные правоотношения». Процессуальные правоотношения, напротив, реализуют вспомогательную (обеспечительную) функцию по отношению к регулятивным правоотношениям, что обуславливает их производный характер и зависимость генезиса и развития от наличия соответствующих материально-правовых связей. Отличительной особенностью материальных отношений

выступает их неавтономность в реализации: для своей актуализации в правоприменительной практике они требуют приведения в действие специального процессуально-процедурного механизма [31, с. 123].

Указанная методологическая парадигма обладает полной эвристической ценностью применительно к анализу взаимосвязи уголовного материального и процессуального права. Параметры процессуальной деятельности государственных органов, конфигурация прав и обязанностей участников судопроизводства, архитектура гарантий, а также спектр допустимых мер процессуального принуждения в своей основе обусловлены природой и содержанием материально-правовых отношений. Из этого следует, что любая научная разработка проблем уголовного процесса методологически не состоятельна вне контекста материального уголовного права и сопряженной с ним отраслевой догматики [32].

Обобщая представленный анализ, констатируем, что в актуальной правовой доктрине уголовная политика интерпретируется как стратегия и тактика государственной деятельности, направленная на обеспечение публичной безопасности посредством целенаправленного воздействия на преступность. Исторически к рубежу 1990–2000-х гг. в Российской Федерации сложилась объективная социальная потребность в формировании законодательного корпуса, адекватного императивам правового государства и принципу законности, а также интегрирующего релевантный отечественный и зарубежный нормотворческий опыт.

Тем не менее на протяжении предшествующего периода наблюдалась системная неспособность законодателя сфокусироваться на создании необходимых нормативных и институциональных предпосылок для выработки целостной уголовной политики. Данный феномен

следует оценивать не через призму субъективных просчетов, а в контексте глубокого кризиса государственности конца 1990-х гг., сопровождавшегося эрозией легитимности власти, деформацией общественной морали и дефектами правосознания на всех уровнях – от рядовых граждан до высших должностных лиц. Указанные факторы объективно блокировали возможность формулирования какой-либо последовательной политики до наступления фазы относительной стабилизации общественных отношений. Особую остроту эта проблема приобретала в сфере уголовной политики, эффективность которой находится в прямой зависимости от уровня правосознания и правовой культуры социума. Уровень правосознания, в свою очередь, является интегральным показателем состояния правопорядка, выступающего фундаментом стабильности государства, поскольку правопорядок предполагает соблюдение не только буквального содержания закона, но и его духа. Следовательно, прогресс в развитии уголовной политики обусловлен повышением уровня правосознания, что со своей стороны детерминировано эффективностью правовой пропаганды и состоянием государственно-правовой идеологии [9].

Актуализация проблемы правосознания в данном контексте закономерна: неотъемлемым условием функционирования правового государства является реализация принципа разделения властей. Дееспособность всех ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной, – в соответствии с демократическими стандартами и требованиями правопорядка, возможна исключительно при условии обладания составляющими их субъектами необходимого уровня правовой культуры и развитого правосознания [33, с. 165].

Процесс модернизации законодательства, не говоря уже о создании новой правовой системы, требует неукоснительного следования базовым

принципам законотворческой техники, сформулированным еще в позапрошлом столетии, — простоты, ясности, логической последовательности и системного единства. Показательной иллюстрацией служит прецедент принятия Конституции Российской Федерации 1993 г., которая, закрепив новые основы конституционного строя и фундаментальные процессуальные гарантии, имплицитно содержала императив кардинального реформирования всего массива уголовно-процессуального законодательства, что реализовалось в принятии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2001 г. [34, с. 45]

В контексте дискуссии о модернизации законодательства сохраняет свою актуальность рекомендация, сформулированная одним из основоположников классической школы криминологии и уголовной политики Ч. Беккариа. Данный уголовно-политический тезис, изложенный в его труде «О преступлениях и наказаниях»⁹ (1764), сохраняет свою методологическую значимость. «Желаете ли вы предупредить преступления? — вопрошает Беккариа. — Сделайте так, чтобы свобода сопутствовала просвещению». Свое предложение он аргументирует тем, что образованный индивид обладает способностью к сравнительному анализу, рассмотрению явлений с различных позиций и корректировке собственных установок в соответствии с интересами общества, поскольку распознает в согражданах те же потребности и стремления, которые движут им самим [35].

Изложенная позиция имеет непосредственное отношение к формированию современной уголовной политики, структурными компонентами которой, как установлено ранее, являются уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-розыскная, уголовно-предупредительная, уголовно-

исполнительная и уголовно-организационная политика. Все указанные направления должны находиться в строгом соответствии с принципами демократии, государственного суверенитета, уважения прав личности и курсом на гуманизацию как уголовно-процессуального законодательства, так и правоприменительной практики [36, с. 107].

Подобная гуманизация должна осуществляться параллельно с реальным утверждением самостоятельности судебной власти, повышением авторитета и укреплением процессуального статуса органов предварительного расследования и прокуратуры, а также повышением уровня правовой защищенности личности. Уголовная политика, определяющая указанные параметры уголовного судопроизводства в правовом государстве, не может развиваться в отрыве от системы общечеловеческих ценностей.

Как отмечал А. Ф. Кони, посвятивший ряд работ этическим основаниям уголовного процесса, законы уголовного судопроизводства, помимо своего непосредственного значения как совокупности норм, регулирующих отправление правосудия, обладают также историческим, политическим и этическим измерением. Историческое — как индикатор путей и степени развития правосознания народа, его готовности к восприятию современных процессуальных форм и институтов; политическое — как гарантия личных прав и свобод, мера ограничения произвола правоприменительных органов; этическое — как фактор развития народного правосознания и воплощения нравственных начал в процессуальных нормах [37].

Теоретическая модель уголовной политики обретает практическую значимость лишь при ее проекции на конкретно-исторические условия современной России. Анализ правоприменительной практики позволяет выявить ряд проблемных

⁹ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2011. 182 с.

аспектов, требующих корректировки уголовно-политического курса.

Трансформация преступности в цифровую среду создает серьезные вызовы для всех структурных элементов уголовной политики. Уголовно-правовая политика сталкивается с необходимостью криминализации новых деяний (создание вредоносного программного обеспечения, кибермошенничество, оборот цифровых активов), что требует оперативного законодательного реагирования. Уголовно-розыскная политика испытывает потребность в принципиально новых методах выявления латентных киберпреступлений и сбора цифровых доказательств. Уголовно-процессуальная политика вынуждена адаптировать традиционные процедуры к работе с электронными доказательствами, решать вопросы допустимости цифровых материалов и обеспечения прав участников процесса в условиях трансграничности киберпространства.

Уголовно-исполнительная политика сталкивается с системными проблемами: высокий уровень рецидивной преступности, переполненность следственных изоляторов, дефицит современных исправительных учреждений, недостаточная развитость механизмов probation и постпенитенциарной ресоциализации. Так, недавно принятый Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации»¹⁰ задает новые ориентиры, однако его реализация требует значительных организационных и ресурсных затрат, что актуализирует роль уголовно-организационной политики.

Современная уголовно-предупредительная политика должна учитывать появление новых криминогенных факторов, социально-экономические последствия пандемии, рост социальной напряженности, миграционные процессы, вовлечение граждан, в том числе несовершеннолетних, в деструктивные интернет-

сообщества. Это требует не просто усиления репрессивных мер, но разработки комплексных социальных программ, адресованных группам риска, что предполагает межведомственное взаимодействие, так как выходит за рамки собственно правоохранительной деятельности.

Как отмечалось выше, эффективность уголовной политики детерминирована уровнем правосознания. Современная правоприменительная практика сталкивается с устойчивыми деформациями профессионального правосознания (обвинительный уклон, пренебрежение процессуальной формой, формализм при реализации гарантий прав личности). Преодоление этих деформаций требует не только законодательных изменений, но и системной работы по повышению правовой культуры сотрудников правоохранительных органов, что также входит в сферу уголовно-организационной политики.

Современные геополитические условия ставят перед уголовной политикой задачи противодействия новым видам преступных посягательств, дискредитации органов власти, распространению заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, содействию экстремистской и террористической деятельности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Решение этих задач требует сбалансированного подхода, обеспечивающего как защиту конституционного строя, так и сохранение гарантий прав и свобод граждан.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет утверждать, что уголовная политика представляет собой сложную, многоаспектную и динамичную систему стратегического государственного управления в сфере противодействия преступности. Ее сущность

¹⁰ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

заключается в целенаправленном, научно обоснованном воздействии государства на преступность как на негативное социально-правовое явление с целью ее минимизации и контроля.

Историко-теоретический экскурс демонстрирует эволюцию понимания уголовной политики от совокупности идей в трудах мыслителей эпохи Просвещения до оформления в самостоятельную научную дисциплину и специфическую сферу государственной деятельности. Ключевой вклад классиков (Ч. Беккариа, И. Бентама, Л. А. фон Файербаха, Ф. фон Листа) и отечественных ученых заключается в обосновании необходимости эмпирической базы, системного подхода и синтеза правовых догм с социальным контекстом.

В результате научной дискуссии сформировалось представление о структурном единстве уголовной политики, ядро которой составляют шесть взаимосвязанных элементов:

1) уголовно-правовая политика (содержательное ядро, определяющее, что является преступлением и как наказывать);

2) уголовно-процессуальная политика (процессуальная форма, щит прав личности, обеспечивающий реализацию материального права);

3) уголовно-розыскная политика (инструментарий выявления латентной преступности);

4) уголовно-предупредительная (криминологическая) политика (стратегия устранения причин и условий преступности);

5) уголовно-исполнительная политика (исполнение наказаний и ресоциализация);

6) уголовно-организационная политика (сквозной элемент, обеспечивающий координацию, ресурсы и эффективность всей системы).

Особое значение имеет диалектическая взаимосвязь уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики, где содержание – материальный закон – требует адекватной процедуры, а форма придает содержанию реальную силу и гарантии справедливости.

Уголовная политика является необходимым теоретико-методологическим фундаментом для всех наук уголовно-правового цикла и практики борьбы с преступностью. Ее эффективность напрямую зависит от уровня правосознания, правовой культуры общества и качества государственно-правовой идеологии. Развитие уголовной политики в современной России должно соответствовать принципам правового государства, демократии, гуманизации законодательства и правоприменения, а также укреплению гарантий независимости судебной власти и защиты прав личности. Перспективным направлением является дальнейшая системная интеграция криминальных наук (криминоведения) и активное привлечение научного сообщества к экспертизе и формированию законодательства.

Таким образом, уголовная политика – это не только меч правосудия и щит свободы гражданина. Ее научно обоснованное, сбалансированное и последовательное формирование и реализация выступают ключевыми условиями обеспечения публичной безопасности, справедливости и устойчивого развития правового государства.

Список литературы

1. Чубинский М. П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. М. : ИНФРА-М, 2008. 433 с.
2. Александров А. И., Кудрявцев В. Н. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности : моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2024. 448 с.
3. Лопашенко Н. А. Понятие уголовной политики // Актуальные проблемы криминологии, юридической психологии и уголовно-исполнительного права : сб. науч. ст. М. : Проспект, 2023. С. 146–165.

4. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Тенденции уголовно-правовой политики современной России в сфере законотворчества: эмпирико-аналитическое исследование // Государство и право. 2024. № 5. С. 97–107. DOI: <https://doi.org/10.31857/S1026945224050103>
5. Герцензон А. А. Уголовное право и социология (Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики). М. : Юрид. лит., 1970. 286 с.
6. Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1970. 271 с.
7. Гальперин И. М. Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. М. : Юрид. лит., 1975. С. 47–76.
8. Клеймёнов М. П. Профанация уголовной политики // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 3 (52). С. 131–134. DOI: <https://doi.org/10.25513/1990-5173.2017.3.131-134>
9. Сальников В. П., Третьяков И. Л. Уголовная политика: некоторые итоговые размышления о понимании, сущности и генезисе развития // Мир политики и социологии. 2016. № 6. С. 30–42.
10. Ермолович Я. Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации : моногр. М. : Юрлитинформ, 2012. 572 с.
11. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. 175 с.
12. Босхолов С. С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М. : ЮрИнфоР, 1999. 293 с.
13. Босхолов С. С. Принципы современной российской уголовной политики // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Г. А. Аванесова : в 2 ч. М. : Акад. управления МВД России, 2024. Ч. 1. С. 39–48.
14. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2002. 383 с.
15. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : моногр. М. : Юрлитинформ, 2019. 347 с.
16. Третьяков И. Л. Место уголовной политики в системе политики государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 4 (28-2). С. 85–91.
17. Бородин С. В. Теоретические проблемы советской уголовной политики // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности : [сб. ст.] / [отв. ред. засл. деят. науки РСФСР, д-р юрид. наук, проф. А. Е. Лунев]. М. : Ин-т гос-ва и права, 1977. С. 24–36.
18. Исмаилов И. А. Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы организационной борьбы с преступностью. Баку : Азернешр, 1990. 304 с.
19. Маслов В. А. Уголовная политика: дефиниция и цель // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 89–99. DOI: <https://doi.org/10.17223/22253513/50/7>
20. Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. 559 с.
21. Лесников Г. Ю. К вопросу о принципах уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного права // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). С. 187–188. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_5_187
22. Александров А. И. Уголовный процесс России – вчера и завтра // Закон и власть. 2021. № 1. С. 61–65.
23. Третьяков И. Л. Уголовная политика в контексте естественно-исторического процесса // Мир политики и социологии. 2013. № 9. С. 152–164.
24. Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 143 с.
25. Сальников В. П., Захарцев С. И., Сальников М. В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 94–107.
26. Александров А. И. Уголовно-правовая политика и уголовно-процессуальная политика современной России: понятие и актуальные проблемы // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (С.-Петерб. гос. ун-т, 10–11 июня 2015 г.) / под ред. Н. П. Кирилловой, Н. Г. Стойко. СПб., 2015. С. 12–19.
27. Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовые основы уголовной политики // Российское правосудие. 2013. № 5 (85). С. 78–84.
28. Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М. : Госюриздат, 1961. 187 с.
29. Бодаевский В. П. Уголовная политика и отрасли криминального цикла как внешние факторы, влияющие на систему военно-уголовных норм // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74), № 2. С. 262–274.

30. Уголовная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы / Л. Б. Алексеева, Д. И. Аминов, Е. Г. Андреева [и др.]. М. : Проспект, 2021. 824 с.
31. Лечиев Р. С. Уголовная политика по обеспечению специальной военной операции и защите суверенитета России в новую эпоху // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 123–130. DOI: <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-3-123-130>
32. Третьяков И. Л. Уголовная политика современной России: проблема продолжает оставаться актуальной // Правовое поле современной экономики. 2015. № 7. С. 140–159.
33. Таршева М. Н. Уголовно-процессуальная политика России: основные аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 165–170.
34. Рарог А. И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3 (73). С. 45–52. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.3.5>
35. Босхолов С. С. Концепция реформирования уголовной политики. М. : Москов. ин-т МВД России, 1999. 57 с.
36. Долгополов А. А., Ильяшенко А. Н., Белоконов А. В. Уголовная политика государства и проблемы ее реализации // Юристы-Правоведы. 2023. № 4 (107). С. 107–111.
37. Кони А. Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России // Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. / [под общ. ред. В. Г. Базанова и др.]. М. : Юрид. лит., 1967. Т. 4 / сост. и авт. коммент. М. М. Выдра ; вступ. статья И. Д. Перлова. С. 317–357.

References

1. Chubinskii M. P. *Essays on Criminal Policy: The Concept, History and Main Problems of Criminal Policy as a Component of the Science of Criminal Law*. Moscow: INFRA-M Publ.; 2008. 433 p. (In Russ.)
2. Aleksandrov A. I., Kudryavtsev V. N. *Criminal Policy and Criminal Procedure in Russian Statehood*. 2nd ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2024. 448 p. (In Russ.)
3. Lopashenko N. A. The Concept of Criminal Policy. In: *Current Issues of Criminology, Legal Psychology and Penal-Enforcement Law*. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. P. 146–165. (In Russ.)
4. Korobeev A. I., Chuchayev A. I. Trends in the Criminal Law Policy of Modern Russia in the Sphere of Lawmaking: Empirical and Analytical Research. *State and Law*. 2024;5:97-107. DOI: <https://doi.org/10.31857/S1026945224050103> (In Russ.)
5. Gertsenzon A. A. *Criminal Law and Sociology: Problems of the Sociology of Criminal Law and Criminal Policy*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1970. 286 p. (In Russ.)
6. Struchkov N. A. *Soviet Corrective-Labour Policy and Its Role in Combating Crime*. Saratov: Saratov University Publ.; 1970. 271 p. (In Russ.)
7. Gal'perin I. M. Criminal Policy and Criminal Legislation. In: *Main Directions in Combating Crime*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1975. P. 47–76. (In Russ.)
8. Kleymenov M. P. Profanation of Criminal Policy. *Herald of Omsk University. Series Law*. 2017;3:131-134. DOI: <https://doi.org/10.25513/1990-5173.2017.3.131-134> (In Russ.)
9. Sal'nikov V. P., Tret'yakov I. L. Criminal Policy: Some Final Thoughts About Understanding the Nature and Genesis of the Development. *World of Politics and Sociology*. 2016;6:30-42. (In Russ.)
10. Ermolovich Ya. N. *Theoretical and Legal Foundations of Military Criminal Policy in the Russian Federation*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2012. 572 p. (In Russ.)
11. Belyaev N. A. *Criminal-Law Policy and Ways of Implementing It*. Leningrad: Leningrad State University Publ.; 1986. 175 p. (In Russ.)
12. Boskholov S. S. *Foundations of Criminal Policy: Constitutional, Criminological, Criminal-Law and Information Aspects*. Moscow: YurInfoR Publ.; 1999. 293 p. (In Russ.)
13. Boskholov S. S. Principles of Contemporary Russian Criminal Policy. In: *Russian Criminal Policy at the Present Stage: Current State, Trends and Prospects. Pt. 1*. Moscow: Academy of Management of the MIA of Russia Publ.; 2024. P. 39–48. (In Russ.)
14. Kudryavtsev V. N., Trusov A. I. *Political justice in the USSR*. 2nd ed. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr «Press» Publ.; 2002. 383 p. (In Russ.)
15. Korobeev A. I. *Russian Criminal-Law Policy: From Genesis to Crisis*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2019. 347 p. (In Russ.)
16. Tret'yakov I. L. The Place of Criminal Policy in the System of State Policy. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2005;4:85-91. (In Russ.)
17. Borodin S. V. Theoretical Problems of Soviet Criminal Policy. In: Lunev A. E. (Ed.) *The 25th Congress of the CPSU and the Further Strengthening of Socialist Legality*. Moscow: Institute of State and Law Publ.; 1977. P. 24–36. (In Russ.)
18. Ismailov I. A. *Crime and Criminal Policy: Current Issues in the Organization of the Fight against Crime*. Baku: Azerneshr Publ.; 1990. 304 p. (In Russ.)

19. Maslov V. A. Criminal Policy: Definition and Purpose. *Tomsk State University Journal of Law*. 2023;50:89-99. DOI: <https://doi.org/10.17223/22253513/50/7> (In Russ.)
20. Aleksandrov A. I. *Criminal Policy and Criminal Procedure in Russian Statehood: History, Present State, Prospects and Problems*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ.; 2003. 559 p. (In Russ.)
21. Lesnikov G. Yu. On the Question of the Principles of Penal Enforcement Policy and Penal Enforcement Law. *Agrarian and Land Law*. 2023;5:187-188. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_5_187 (In Russ.)
22. Aleksandrov A. I. Russia's Criminal Trial – Yesterday and Tomorrow. *Law and Power*. 2021;1:61-65. (In Russ.)
23. Tret'yakov I. L. Criminal Policy in the Context of Natural Historical Process. *World of Politics and Sociology*. 2013;9:152-164. (In Russ.)
24. El'kind P. S. *Goals and Means of Achieving Them in Soviet Criminal-Procedural Law*. Leningrad: Leningrad University Publ.; 1976. 143 p. (In Russ.)
25. Sal'nikov V. P., Zakhartsev S. I., Sal'nikov M. V. Criminal Law Policy as Part of Modern Russian Criminal Policy. *Juridical Science*. 2016;5:94-107. (In Russ.)
26. Aleksandrov A. I. Criminal Law Policy and Procedural Criminal Policy of Modern Russia: Definition and Actual Problems. In: Kirillova N. P., Stoiko N. G. (Eds.). *The Scientific School of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University and Contemporary Legal Science*. St. Petersburg, 2015. P. 12–19. (In Russ.)
27. Pudovochkin Yu. E. Criminal and Legal Basis of Criminal Policy. *Rossiyskoe Pravosudie*. 2013;5:78-84. (In Russ.)
28. Alekseev S. S. *General Theoretical Problems of the System of Soviet Law*. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1961. 187 p. (In Russ.)
29. Bodayevskiy V. P. Criminal Policy and Branches of the Criminal Cycle as External Factors Affecting the System of Military Criminal Norms. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. 2022;8(2):262-274. (In Russ.)
30. Alekseeva L. B., Aminov D. I., Andreeva E. G., etc. *Criminal Policy of the Russian Federation: Problems and Prospects*. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. 824 p. (In Russ.)
31. Lechiev R. S. Criminal Policy To Ensure a Special Military Operation and Protect the Sovereignty of Russia in a New Era. *Criminological Journal*. 2023;3:123-130. DOI: <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-3-123-130> (In Russ.)
32. Tretyakov I. L. Criminal Policy of Modern Russia: The Problem Is Still Relevant. *Legal Framework of Modern Economics*. 2015;7:140-159. (In Russ.)
33. Tarshева M. N. Criminal Procedure Policy of Russia: Main Aspects. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;3:165-170. (In Russ.)
34. Rarog A. I. Military Criminal Law of Russia: Its Status and Prospects. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*. 2023;3:45-52. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.3.5> (In Russ.)
35. Boskholov S. S. *The Concept of Reforming Criminal Policy*. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.; 1999. 57 p. (In Russ.)
36. Dolgoplov A. A., Ilyashenko A. N., Belokon A. V. Criminal Policy of the State and Problems Its Implementation. *Jurist-Pravoved*. 2023;4:107-111. (In Russ.)
37. Koni A. F. The History of the Development of Criminal-Procedural Legislation in Russia. In: Koni A. F. *Complete Works. Vol. 4*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1967. P. 317–357. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Вячеславович Новокшонов, начальник кафедры отраслевых и юридических дисциплин Академии войск национальной гвардии (ул. Летчика Пилутова, 1, Санкт-Петербург, 198206, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6734-9735>; e-mail: d_novoksh@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Novokshonov, Head of the Department of Branch-Specific and Legal Disciplines at the Academy of the National Guard Troops (1 Pilot Pilyutova st., St. Petersburg, 198206, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6734-9735>; e-mail: d_novoksh@mail.ru

Поступила | Received
03.01.2026

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
18.03.2026

Принята к публикации | Accepted
19.03.2026

УДК 343.21

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-360-374

EDN: FMVVHK

Оригинальная научная статья

К вопросу о современном состоянии уголовно-правовой политики России

П. В. Пошелов

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

✉ poshelov@bk.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы уголовно-правовой политики современной России. Предметом исследования выступает политика государства по противодействию преступности на современном этапе. Цель исследования – раскрыть сущность уголовно-правовой политики, обозначить важность тщательного подхода к борьбе с преступностью, а также признанию того, что должно быть уголовно наказуемым деянием. Основу статьи составляет совокупность различных методов познания, включающая анализ и синтез, индукцию и дедукцию, а также формально-юридический метод. Автор указывает на состояние кризиса, характеризующее реагирование государства на современные вызовы. Это обосновывается следующим: 1) избыточной криминализацией; 2) распространением в обществе моральной паники в отношении отдельных явлений и непропорциональным реагированием государства на них; 3) увеличением количества статей уголовного законодательства, наказывающих за пропаганду и призывы к явлениям, признаваемым государством опасными, расширением практики их применения; 4) склонностью законодателя действовать по первому побуждению, без рассмотрения оснований криминализации; 5) увеличением количества составов преступлений без жертвы; 6) законодательным и правоприменительным креном на ужесточение ответственности (в том числе в части пенализации); 7) сложнейшими законопроектами, устанавливающими новые составы преступлений, принимающимися почти без обсуждения и в максимально короткие сроки; 8) отсутствием у судов должного отношения к установлению субъективной стороны, что приводит к осуждению лиц за деяния, которые в принципе не должны влечь какой-либо ответственности; 9) внесением кардинальных изменений в законопроекты, никак не связанных с предложениями, в целях обхода требования о составлении пояснительной записки к предлагаемым изменениям; 10) недостаточностью государственных мер в деятельности по предупреждению преступности, что компенсируется возложением на граждан обязанности содействовать борьбе с преступностью под угрозой уголовной ответственности. Делается вывод о том, что вышеперечисленные проблемы требуют незамедлительной смены как законотворческого, так и правоприменительного курса, приводятся конкретные направления их изменения.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика; преступность; криминализация; законодательство; правоприменение

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пошелов П. В. К вопросу о современном состоянии уголовно-правовой политики России // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 360–374. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-360-374>. EDN: <https://elibrary.ru/fmvvhk>

Original scientific article

On the Contemporary State of Russia's Criminal-Law Policy

P. V. Poshelov

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ poshelov@bk.ru

Abstract. The article examines problems of criminal-law policy in contemporary Russia. The subject of the study is state policy on countering crime at the present stage. The aim of the study is to reveal the essence of criminal-law policy, to emphasize the importance of a carefully considered approach to combating crime, and to determining which acts should be recognized as criminally punishable. The article is based on a set of research methods, including analysis and synthesis, induction and deduction, as well as the formal legal method. The Author points to a state of crisis characterizing the state's response to contemporary challenges. This is substantiated by the following factors: excessive criminalization; the spread of moral panic in society with regard to certain phenomena and a disproportionate state response to them; an increase in the number of provisions of criminal legislation penalizing propaganda and calls for conduct or phenomena deemed dangerous by the state, together with the expanding practice of applying such provisions; the legislature's tendency to act on first impulse, without considering the grounds for criminalization; an increase in the number of victimless offences; a legislative and law-enforcement bias toward harsher liability, including increased penalization; the adoption, almost without discussion and within extremely short timeframes, of highly complex bills establishing new elements of criminal offences; the courts' failure to pay due attention to establishing the subjective element of an offence, which leads to the conviction of persons for acts that, in principle, should not entail any liability; the introduction of fundamental amendments to bills that are unrelated to the original proposals, with a view to circumventing the requirement to provide an explanatory note to the proposed amendments; and the insufficiency of state measures in crime-prevention activity, which is compensated for by imposing on citizens, under threat of criminal liability, a duty to assist in combating crime. The article concludes that the problems identified above require an immediate change in both the legislative and law-enforcement course, and it sets out specific directions for such changes.

Keywords: criminal-law policy; crime; criminalization; legislation; law enforcement

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Poshelov P. V. On the Contemporary State of Russia's Criminal-Law Policy. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):360-374. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-360-374>. EDN: <https://elibrary.ru/fmvvhk> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	361
II. Избыточная криминализация	362
III. Проблемы законотворческого процесса	369
IV. Проблемы правоприменения	370
V. Заключение	372
Список литературы	373

I. ВВЕДЕНИЕ

Преступность — опасное явление, требующее тщательной проработки мер борьбы с ней. Упрощенное представление о проблемах преступности и мерах

воздействия на нее может привести к неэффективности законодательства и правоприменения. В частности, речь может идти об отсутствии единообразия судебной практики по многим статьям Уголовного

кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ). Кроме того, криминализация определенных деяний (без которой можно было бы и обойтись) увеличивает как нагрузку на правоохранительную и судебную системы, так и количество лиц, подвергаемых мерам уголовно-правового воздействия. Отсутствие нормативного стратегического документа, который бы регулировал вопросы уголовно-правовой политики и закреплял принципы воздействия на преступность, негативно сказывается на уровне преступности.

В доктрине еще два десятилетия назад отмечалось, что российская уголовно-правовая политика находится в кризисе. В настоящее время он наблюдается в первую очередь в правотворчестве, а также в правоприменении. При криминализации целого ряда составов преступлений игнорируются такие принципы уголовно-правовой политики, как принципы экономии уголовной репрессии, целесообразности, справедливости. Количество изменений уголовного законодательства увеличивается в геометрической прогрессии. При этом, несмотря на провозглашение, в том числе конституционное, приоритета защиты личности, наблюдается смещение акцента в сторону защиты интересов государства (причем меры защиты зачастую непропорциональны реальной опасности угрозы), о чем будет сказано далее. Следует также отметить, что такие изменения нередко противоречат действующим нормам УК РФ, дублируют их либо не выдерживают критики с точки зрения устоявшихся правил юридической техники. Все это самым негативным образом отражается и на другой форме реализации уголовно-правовой политики – правоприменении. Большое количество решений, выносимых судами общей юрисдикции, также носит весьма спорный характер.

В настоящей статье предпринимается попытка разобраться в основных проблемах и причинах такого положения.

II. ИЗБЫТОЧНАЯ КРИМИНАЛИЗАЦИЯ

Во-первых, имеет место избыточная криминализация. В первую очередь проблема связана с оценкой общественной опасности криминализируемых деяний. Представляется, что от признака оценочности общественной опасности невозможно избавиться, так же как и выстроить объективную шкалу ее оценки. Многие статьи уголовного закона, появившиеся в последнее время, вызывают серьезные сомнения относительно целесообразности криминализации.

Так, в ходе исследования был проведен опрос представителей уголовно-правовой доктрины, преподавателей и научных сотрудников юридических вузов Российской Федерации общей численностью 120 человек. На вопрос о характере современной криминализации 66 % респондентов ответили, что оценивают ее как избыточную, еще 8 % – как недостаточную, 26 % находят ее оптимальной. Среди статей, нахождение которых в УК РФ представляется спорным, респонденты чаще всего отмечали следующие: ст. 148 (нарушение права на свободу совести и вероисповеданий); ст. 158.1 (мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию); большое количество преступлений гл. 22 (преступления в сфере экономической деятельности); ст.ст. 207.1–207.3 (публичное распространение заведомо ложной информации); ст. 212.1 (неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования); ст.ст. 230.1 и 230.2 (преступления, связанные с использованием допинга);

¹ Соответствующие вопросы автор настоящей статьи поднимал в своей диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук (см.: Пошелов П. В. Уголовно-правовая оценка реабилитации нацизма : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2024. 193 с.).

ряд составов преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, основанных на административной преюдиции; ст. 280.3 (публичные действия, направленные на дискредитацию), ст. 282.4 (неоднократные пропаганда или публичное демонстрирование запрещенной атрибутики или символики), ст. 294.1 (незаконное осуществление следственных, иных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий на территории РФ), ст. 330.2 (неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина РФ гражданства иностранного государства), ст. 352.1 (добровольная сдача в плен).

По мнению респондентов, спорность нахождения ряда статей в УК РФ выражается главным образом в следующем (вопрос был открытым с возможностью указания нескольких тезисов): 1) в отсутствии общественной опасности указанного деяния (57 %); 2) достаточности применения механизма административной ответственности (48 %); 3) расплывчатости и неопределенности используемых в статье формулировок (37 %); 4) дублировании уже действующих норм (20 %); 5) невозможности применения нормы на практике (17 %).

Конституционный Суд Российской Федерации в свое время совершенно верно называл УК РФ «крайним средством, с помощью которого государство осуществляет реагирование на факты правонарушающего поведения»². Многие известные ученые в области уголовного права и кри-

минологии соглашались с этим тезисом. Так, например, Я. И. Гилинский отмечает, что действующее уголовное законодательство многих стран, включая Россию, избыточно и делает каждого гражданина преступником [1, с. 22]. Схожей позиции придерживаются и некоторые другие исследователи [2, с. 95; 3, с. 69; 4, с. 92]. Законодателем же зачастую эта позиция полностью игнорируется (впрочем, как и основания криминализации: общественная опасность, отсутствие противоречия Конституции РФ, невозможность бороться с таким деянием иными способами и т. д.). Далее будут рассмотрены примеры подобного игнорирования. Законодатель не должен руководствоваться принципом «нам что-то не нравится – значит, это надо запретить».

В частности, это касается запретов, вводимых в рамках борьбы с отдельными явлениями. Нередко в этом виноваты те, кто определяет основные направления уголовно-правовой политики – депутаты законодательных органов, руководители государственных органов. В результате происходит чрезмерное упрощение проблемы: в скандалах³ виноваты компьютерные игры, а также песни, в которых автор поет от имени скандалера и раскрывает его мотивацию⁴; в распространении нетрадиционной ориентации⁵ – книги («Лето в пионерском галстуке») и фильмы.

Одной из тенденций последнего времени в уголовно-правовой доктрине признается «активное использование образов внешнего и внутреннего врага для конструирования уголовно-правовых

² Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституц. суда Рос. Федерации от 10 июля 2003 г. № 270-О // Вестник Конституц. Суда РФ. 2003. № 5.

³ Движение «Колумбайн» внесено в список террористических организаций, его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ См. п. 5336 Федерального списка экстремистских материалов (Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 25 октября 2022 г.). URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?id=10248> (дата обращения: 05.09.2025).

⁵ Международное общественное движение ЛГБТ – организация, признанная экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

запретов» [5, с. 141]. В определенной мере происходит поиск виноватых вместо борьбы с первопричинами. В высоком уровне преступности обвиняют мигрантов, иностранцев и т. д. (этот список постоянно пополняется). Между тем подобный подход порождает у населения чувство ненависти к указанным лицам, их неприятия, что усиливает отчужденность последних и может способствовать увеличению уровня их виктимности и криминальной активности. Данные процессы рассматриваются как проявления моральной паники, проявляющейся в распространении подобной информации лицами, которые определяют направления уголовно-правовой политики в области как законодательства, так и правоприменения, а также как признаки конфликта культур.

Однако, например, в Германии в настоящее время допускается продажа манифеста А. Гитлера «Моя борьба» с комментариями относительно того, к чему привели эти идеи и чем они опасны, а также фотографиями жертв нацистских преступлений по материалам Нюрнбергского процесса. Такая практика представляется более предпочтительной, нежели практика запретов. Подобные книги нужно изучать, чтобы понять, как предотвратить похожие события в настоящее время. Российский законодатель когда-то был с этим согласен. Так, в 1997 г. в Государственной Думе Российской Федерации рассматривался законопроект «О внесении дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации»⁶ об установлении уголовной ответственности за оправдание преступлений национал-социалистического, фашистского и иных режимов. Законопроект был отклонен, но интереснее всего было его обсуждение. Одним из депутатов была высказана мысль о том, что наложение рассматриваемого за-

прета не позволит гражданам и политикам понять, в чем причина фашизма, как он возник, и тем самым не даст возможности противодействовать его появлению⁷. Таким образом, законодатель ранее считал, что подобного рода законопроекты даже больше защищают нацизм, чем наказывают за него. Комплексный подход с использованием системы образования предпочтительнее запретительной политики в долгосрочной перспективе.

Вместе с тем в настоящее время устанавливается ответственность не просто за распространение подобных материалов, но даже за их поиск. Не следует удивляться, если спустя время в УК РФ появится состав преступления, предусматривающий наказание за такое деяние с административной преюдицией. При этом возникает вопрос: как вести научные исследования, посвященные изучению соответствующей проблематики, если в ст. 13.53 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях нет примечания, ограничивающего ее сферу действия?

В отношении аргумента о том, что некоторые лица, прочитавшие запрещенные материалы, могут не воспринять научные комментарии и проникнуться противоправной идеологией, то подобное возможно и при ознакомлении с вполне нейтральными незапрещенными произведениями (к примеру, с «Бесами» или «Преступлением и наказанием» Ф. М. Достоевского и т. п.). Следуя этой логике, нужно их запрещать (наряду с «Анной Карениной» Л. Н. Толстого, ведь там предоставляется информация о способе суицида). Сравнение всех этих примеров представляется достаточно корректным, так как в каждом речь идет о запрете по причине наличия определенной информации, которую прочитавшие могут использовать в своих целях.

⁶ См.: Законопроект № 97700740-2 «О внесении дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СОЗД ГАС «Законотворчество». 2025. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700740-2> (дата обращения: 05.09.2025).

⁷ Там же.

В связи с подобными запретами (в рамках как Федерального списка экстремистских материалов, так и криминализации определенных форм проведения) могут возникнуть проблемы и в сфере преподавательской деятельности. Например, как можно донести до студентов информацию в процессе преподавания дисциплины «Психология экстремизма и терроризма», не рискуя подвергнуться уголовному преследованию по ст. 205.2 УК РФ? То же самое касается изучения причин терроризма в рамках криминологии. Очевидно, что указанная статья УК РФ нуждается в примечании, ограничивающем сферу ее действия.

Также наблюдается тенденция увеличения количества статей, наказывающих за пропаганду явлений, признаваемых государством опасными (либо за призывы к ним), и расширение практики их применения. В то же время термин «пропаганда» довольно расплывчат и не имеет легального определения, в связи с чем даже публичные высказывания против криминализации определенных норм вполне могут стать объектом государственного реагирования (вплоть до уголовной ответственности). К примеру, как критиковать криминализацию деяния, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ, не подвергаясь риску привлечения к ответственности (сначала административной, а затем и уголовной)? Одним из требований, предъявляемых к правоприменению, является его единообразие. По упомянутым преступлениям никакого единообразия быть не может, поскольку чрезмерная оценочность термина вкупе с отсутствием легального определения может привести к тому, что подобный вопрос, по сути, будет отдан на откуп эксперту соответствующей специальности по уголовным делам (что и происходит по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности). В связи с этим нельзя не согласиться с Я. И. Гилинским, отметившим,

что в подобных случаях «...криминализация направлена на искусственное подавление всяческого инакомыслия, якобы опасного опять же для власти» [6, с. 13]. Понятно и естественно стремление государства защитить себя, однако такое стремление не должно выходить за рамки здравого смысла и принципов уголовного права – не доходить до того, что можно назвать ложно понятыми интересами безопасности. В доктрине верно указывается на то, что «вводимые нормативы применения мер безопасности вступают в противоречие с уголовным правом. Их применение не основывается на законодательных и правовых позициях уголовно-правового и криминологического обоснования уголовной противоправности и права на применение чрезвычайных мер безопасности» [7, с. 63–64].

Кроме того, отметим склонность законодателя действовать по первому побуждению, которым почти всегда выступает запрет или попытки запрета (нередко уголовно-правового либо в рамках законодательства о противодействии экстремизму). Примером может служить отношение государства к росту популярности движения квадерберов. При этом со стороны законодателей звучали призывы приравнять их к экстремистам и террористам! В качестве основания указывалось негативное влияние на подростков. Подобные события можно было наблюдать и в середине–конце 2000-х гг., когда популярные у молодежи субкультуры и движения (эмо, готы и др.) также предлагалось запретить по причинам романтизации суицида, популяризации кладбищенской тематики и т. д. Тем не менее обошлось без запретов. В некоторой мере можно констатировать непонимание государством современных тенденций, в первую очередь молодежных. Это непонимание государство пытается компенсировать политикой запретов (в том числе уголовно-правовых) и ужесточения ответственности.

Так, например, законопроект о криминализации геноцида армян турками⁸ был внесен после инцидента, связанного со сбитием российского самолета представителями Турции. Видится, что данный проект стал ответом на агрессивное действие другого государства без учета критериев криминализации (общественной опасности, распространенности, невозможности борьбы с таким явлением иными средствами и т. п.).

Закономерные вопросы вызывают попытки с помощью репрессивного деликтного законодательства решить проблемы, которые не должны решаться подобными средствами. В частности, к таким вопросам можно отнести вопросы комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 78.1 УК РФ), распространения заведомо ложной информации (ст. 207.3 УК РФ), демографические вопросы (ответственность за пропаганду «чайлдфри» — движения, которое в будущем потенциально может быть признано экстремистским), вопросы регулирования поведения, которое государству кажется странным и вредным (как упомянутые выше квадроберы). В ближайшем будущем, как представляется, всё, не соответствующее объявленным традиционным ценностям (и внесенное в соответствующий указ Президента РФ), может быть криминализировано законодателем: невступление в брак до определенного возраста, отсутствие детей (то есть посягательство на демографическую политику государства), тунеядство (отсутствие созидательного труда), неуважение к памяти предков и прочее. Этот вывод основан на анализе современного законодательного процесса, в частности, на внесении соответствующих изменений в ст.ст. 148, 354.1 УК РФ, криминализации ст.ст. 205.6, 352.1 УК РФ и т. д. В очередной раз считаем обоснованной позицию Я. И. Гилинского:

«Надо раз и навсегда понять: нельзя управлять государством мерами запретов и наказаний» [8, с. 55].

Стремительно увеличивается количество составов преступлений без жертвы. Почти все последние изменения УК РФ в части криминализации связаны с неоднократной демонстрацией запрещенной атрибутики и символики, дискредитацией Вооруженных Сил Российской Федерации, распространением заведомо ложной информации, призывами к санкциям, призывами к совершению действий против безопасности государства, добровольной сдачей в плен и т. д. (Повторим, что многие из перечисленных преступлений охарактеризованы как избыточные участниками проведенного опроса, среди которых — ведущие ученые в области уголовного права и криминологии, и это позволяет заключить, что данная позиция не является исключительно субъективной точкой зрения автора.) По нашему мнению, в условиях избыточности уголовного законодательства от подобных составов необходимо избавляться. Что касается распространения противоправной информации, то это решается деятельностью государства по убеждению населения в ее недостоверности. На всякую пропаганду может найтись контрпропаганда, от успешности которой будет зависеть, проникнется ли население пропагандистскими идеями либо поверит государству. Однако законодатель не ищет сложных путей, предпочитая политику запретов. Более того, представляется, что граждане при надлежащем уровне правосознания могут самостоятельно оценить достоверность информации.

Наблюдается выраженный крен в сторону ужесточения ответственности, причем это касается не только криминализации, но и пенализации. Законодатель,

⁸ См.: *Законопроект № 938567-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»* // СОЗД ГАС «Законотворчество». 2025. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7> (дата обращения: 05.09.2025).

скорее всего, убежден: чем жестче наказание, тем вероятнее оно будет останавливать потенциальных преступников от совершения преступлений. Представители классической криминологической школы еще несколько столетий назад доказали ошибочность такого тезиса. Более того, в те времена и в тех странах, в которых наказания были чрезмерно суровыми, совершались более жестокие преступления. Законодатель либо не понимает этого, либо сознательно игнорирует данные обстоятельства. Показательны постоянные вопросы (поднимаемые в основном после резонансных общепасных преступлений) от отдельных влиятельных депутатов о том, поддерживает ли население возвращение практики применения смертной казни. Насилие всегда порождает насилие (насилие государства порождает насилие со стороны преступников).

В 2023 году было ужесточено наказание за государственную измену (в части дополнения санкции пожизненным лишением свободы). Уровень преступности в последующие годы, по мнению сторонников положительного влияния жестких наказаний на данный показатель, должен был снизиться, но произошло обратное. Если в 2022 году количество осужденных по ст. 275 УК РФ составляло 16 человек, в 2023 г. – 39, то в 2024 г. оно составило уже 145 человек⁹ – весьма показательный пример, развеивающий мифы о положительном влиянии строгих наказаний на уровень преступности. Безусловно, наблюдаются и случаи смягчения ответственности. Так, например, постепенно ограничивается сфера применения наказания в виде лишения свободы, расширяется применение альтернативных лишения свободы наказаний (в частности, принудительных работ), «индексируются» показатели по нижнему пределу причиненного ущерба в преступлениях в сфе-

ре экономической деятельности. Однако, как верно отмечает А. И. Коробеев, это происходит лишь на определенных этапах и под воздействием преимущественно конъюнктурных соображений [9, с. 247]. Примеров законодательного смягчения ответственности, произведенного за последние 3–4 года, явно недостаточно, чтобы считать эти изменения постоянными и являющимися одним из основных направлений современной уголовно-правовой политики.

Намного больше обратных примеров:

1) ужесточение санкций (в ст. 275 УК РФ добавлено наказание в виде пожизненного лишения свободы; верхний предел санкции ст. 281 УК РФ повышен с 15 до 20 лет лишения свободы; верхний предел санкции ч. 1 ст. 207.3 УК РФ повышен с 3 до 5 лет лишения свободы; повышены верхние пределы санкций в ст. 205 УК РФ и ряде других статей, предусматривающих наказание за преступления террористической направленности);

2) добавление в статьи новых квалифицирующих или системообразующих признаков (в ст. 281 УК РФ добавлено указание на нанесение вреда определенным объектам, добавлен квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору»; в ст. 280.3 УК РФ добавлено указание на войска национальной гвардии Российской Федерации; дифференцирована ответственность за вооруженный мятеж с добавлением указания на последствия преступления и одновременным ужесточением санкции; ст. 275 УК РФ дополнена таким уголовно наказуемым действием, как переход на сторону противника; ст. 208 УК РФ дополнена положением об ответственности за участие в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях,

⁹ См.: *Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации*. URL: <https://cdpr.ru/> (дата обращения: 20.09.2025).

противоречащих интересам Российской Федерации; в ст. 131 УК РФ добавлено указание на сопряженность этого преступления с другим тяжким или особо тяжким преступлением против личности и т. д.). Безусловно, понятно стремление государства защитить себя, в том числе посредством уголовно-правовых запретов, но проблема заключается в том, что государство видит в УК РФ и ужесточении наказаний единственный способ достижения этой цели, хотя это должно быть крайним средством разрешения социальных конфликтов. При этом ужесточение наказаний само по себе не способствует защите государства, тем более постфактум, когда вред государству уже нанесен. Основной задачей государства является предупреждение преступлений;

3) явное превалирование криминализации над декриминализацией (только в гл. 29 УК РФ, предусматривающей ответственность за совершение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, за 2022–2025 гг. появилось 11 (!) новых составов преступлений, кроме того, семь составов преступлений указанной главы за этот же период подверглись изменениям; также криминализованы добровольная сдача в плен, посягательства на особо ценные дикие растения и грибы, распространение заведомо ложной информации и т. д.);

4) увеличение количества составов преступлений с административной преюдицией, причем чаще всего это выступает именно как криминализация¹⁰ (ст.ст. 274.2, 280.3, 282.4, 284.2 УК РФ и т. д.). В отношении ряда таких составов преступлений есть решения Конституционного Суда Российской Федерации, которыми, по сути,

ограничивается сфера их применения (например, позиция относительно ст. 212.1 УК РФ с ограничительным толкованием диспозиции¹¹), что, однако, не мешает судам общей юрисдикции такие решения игнорировать;

5) расширение перечня обстоятельств, отягчающих наказание (добавлены совершение преступления в период мобилизации, военного положения, в военное время, в условиях ведения боевых действий; совершение преступления в отношении несовершеннолетнего лицом, проживающим с ним, а также иными лицами в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства; совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии; совершение преступления с публичной его демонстрацией; совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации; совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен).

Зачастую обоснования отдельных законодательных мер вызывают серьезные вопросы относительно их соответствия элементарной логике. Так, в целях противодействия вовлечению подростков в наркобизнес предлагается снизить возраст наступления уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. То есть чтобы победить глав наркобизнеса нужно усилить

¹⁰ Одно из немногих исключений – ст. 282 УК РФ, которая введением преюдиции была частично декриминализована, хотя уже появляются предложения, в том числе законодательные, о возвращении изначальной конструкции, когда уголовная ответственность наступала уже при первом совершении запрещенного деяния.

¹¹ См.: По жалобе гражданина Котова Константина Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 27 янв. 2020 г. № 7-О. Доступ из СПС КонсультантПлюс

ответственность низовых звеньев этой цепочки? Это так же нелепо, как если бы в Италии пытались победить организованную мафию, задерживая и привлекая к ответственности рядовых членов преступной группировки, которые нередко даже не знали, кто у них высший босс.

Законодатель практически не пользуется достижениями уголовно-правовой и криминологической науки. И. А. Дамм указывает на пагубную параллельность процесса научных исследований воздействия на преступность и законотворческого процесса, что в конечном итоге приведет к созданию «колосса на глиняных ногах», не способного адекватно и своевременно противостоять криминальным угрозам [10, с. 16–17]. Представителями доктрины даже был разработан научный проект Уголовного кодекса [11], текст которого намного превосходит с точки зрения юридической техники действующий УК РФ. Берите – и применяйте (возможно, даже принимайте). Однако законодатель идет своим путем.

III. ПРОБЛЕМЫ

ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Наиболее резонансные и сложные законопроекты принимаются фактически за несколько дней. Сложнейшие законопроекты, которые требуют всестороннего обсуждения и детальной проработки, почти не обсуждаются и не прорабатываются. Следствием этого становятся неоднократные последующие изменения принятых норм, их противоречие друг другу и правилам юридической техники. В частности, проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹²

о совершенствовании уголовно-правовой охраны национальных интересов Российской Федерации, прав и свобод граждан от новых форм преступной деятельности и угроз государственной безопасности перекраивал почти всю гл. 29 УК РФ, тогда как между его первым чтением и подписанием с официальным опубликованием прошел один месяц (14 июня – 14 июля). Так, в диспозицию ст. 275 УК РФ, помимо прочего, было добавлено такое действие, как переход на сторону противника. Понятие противника было дано в примечании к ст. 276 УК РФ, при этом оно начиналось с фразы «Под противником в настоящей (то есть только в ст. 276 УК РФ. – П. П.) статье понимаются...». Оставалось загадкой, кто же такой противник в ст. 275 УК РФ. В декабре 2024 г. (через полтора года после изначальных изменений) законодатель устранил данный пробел, исключив примечание из ст. 276 УК РФ, введя его в ст. 275 УК РФ и распространив на обе статьи. Вероятно, при более тщательной подготовке текста законопроекта и его обсуждении подобной ситуации можно было бы избежать.

Еще один пример – законопроект, которым была введена ст. 207.3 УК РФ¹³. Он был внесен в мае 2018 г. 3 марта 2022 г. законопроект в новой редакции вносится в Государственную Думу, 4 марта он уже был одобрен Советом Федерации, подписан и опубликован. Следствием этого стало то, что ст. 207.3 УК РФ менялась трижды за период с марта 2022 г. по декабрь 2023 г.: 25 марта 2022 г. (то есть через три недели после ее появления в УК РФ), 18 марта 2023 г. и 25 декабря 2023 г. Представляется, что при более тщательной изначальной проработке этого можно было бы избежать.

¹² См.: *Законопроект № 130406-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»* // СОЗД ГАС «Законотворчество». 2022. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8?ysclid=mqpgd1vjx1771040093> (дата обращения: 05.09.2025).

¹³ См.: *Законопроект № 464757-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»* // СОЗД ГАС «Законотворчество». 2022. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7> (дата обращения: 05.09.2025).

Также вызывает сомнения практика внесения кардинальных изменений в законопроекты, первоначально лишь отдаленно связанные с предлагаемыми изменениями либо вообще с ними не связанные (что также происходит в отношении достаточно резонансных и спорных законопроектов о криминализации). В данном случае такие изменения уже не требуют составления пояснительной записки, обосновывающей принятие новых норм (либо редакции норм). В качестве примера можно привести уже упоминавшийся выше законопроект, которым в УК РФ вносились статьи о дискредитации (ст. 280.3 УК РФ) и распространении заведомо ложной информации (ст. 207.3 УК РФ), а также законопроект о внесении изменений в гл. 29 УК РФ. Такая практика, безусловно, настораживает. Один из возможных путей решения проблем законотворческого процесса в части изменения норм УК РФ уже предложен доктриной и заключается в законодательном установлении требований к подобным законопроектам (в частности, имеется в виду проект И. В. Савельева [12, с. 28]). Предполагается, что это может стать первым шагом на пути к оптимизации уголовно-правовой политики.

IV. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Из-за размытости и правовой неопределенности большого количества принятых в последние годы норм лица привлекаются к ответственности в ситуациях, когда такого привлечения быть не должно. Так, по одному из административных дел девушка была привлечена к ответственности за поездку в метро с брошью в виде цветка незабудки сине-желтого цвета: «...находясь в кругу неопределенного количества пассажиров, имея при себе и де-

монстрируя средство наглядной агитации, негативного отношения к проводимой Вооруженными Силами РФ специальной военной операции, а именно прикрепленный на лямке сумки цветок под названием незабудка, имеющий цветовую гамму флага..., таким образом, выражала свое негативное отношение к проведению... специальной военной операции Вооруженными Силами РФ»¹⁴. При этом по тексту Решения иных доказательств указано не было. А ведь если бы она сделала это второй раз в течение года, то была бы привлечена уже к уголовной ответственности (ст. 280.3 УК РФ). Государство посредством необоснованной криминализации новых деяний само создает преступников. Правы были представители такого направления, как криминология закона. Другим примером является привлечение к ответственности школьного учителя за подготовку школьников к конкурсу с песней со словами «Милые добрые взрослые, отмените войну»¹⁵. Вероятно, сопровождение песни рисунками, выполненными, помимо русского, также на английском и украинском языках, убедительно, по мнению суда, доказывает вину учителя. Но ведь этого недостаточно!

Это приводит к тому, что в последнее время в доктрине подвергается сомнению незыблемый до настоящего времени принцип «незнание закона не освобождает от ответственности». Обоснованием такого сомнения служат неопределенность запретов и максимально спорное правоприменение (о наличии которого граждане зачастую даже не подозревают). В связи с этим существенно возрастает важность правового просвещения: доведения до граждан информации о последних изменениях в законодательстве

¹⁴ Постановление Симонувск. район. суда г. Москвы от 12 марта 2024 г. по делу № 5-364/2024. URL: <https://epikrisus.org/wp-content/uploads/listing-uploads/judges-files-1-2/shassaev-virovets-2.pdf> (дата обращения: 20.09.2025).

¹⁵ См.: Постановление Уссурийск. район. суда Приморск. края от 3 июля 2025 г. по делу № 5-495/2025 // ГАС РФ «Правосудие». 2025. URL: https://ussuriysky-prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=220061249&delo_id=1500001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.09.2025).

и о том, каким образом его применяют, включая рассмотренные выше спорные решения. Такая практика реализуется, например, автором статьи в Сибирском юридическом университете (Омск) посредством проведения правовых уроков для школьников по профилактике экстремизма в молодежной среде. В долгосрочной перспективе это должно помочь снизить количество осужденных как по статьям уголовного, так и по статьям административно-деликтного законодательства.

Увеличивается количество случаев, когда субъективная сторона не устанавливается судом. Например, гражданин выходит с плакатом с надписью «Нет войне!», после чего осуждается за дискредитацию Вооруженных Сил РФ. Но доказательств, какую конкретно войну он имел в виду, не приводится. А если он в принципе против любых боевых действий? Следует ли в таком случае запрещать идеологию пацифизма и толстовства, а международное движение пацифистов и толстовцев включать в список экстремистских организаций? В вышеприведенных примерах по административным делам (они рассматриваются в исследовании с учетом наличия уголовной ответственности за аналогичные повторные действия) также убедительных доказательств вины подсудимых приведено не было. Более того, судя по изложенным фактам, их и не может быть – налицо отсутствие какого-либо противоправного поведения. В связи с этим Н. А. Лопашенко справедливо отмечает, что объективное вменение (запрещенное УК РФ) может выражаться в «простом провозглашении лица виновным с апелляцией к тексту гл. 5 УК РФ. Без приведения каких-либо доказательств» [13, с. 75]. Действительно, в большом количестве приговоров, рассмотренных нами, осознание общественной опасности действий (бездействия), предвидение возможности или неизбежности наступле-

ния общественно опасных последствий, желание их наступления констатируются так, будто являются аксиомами, лишь посредством указания формулировки «действуя умышленно» либо же простым копированием законодательной формулы прямого умысла без соответствующего обоснования и выбора (если конструкция предполагает альтернативу, то, например, «относилось безразлично», «сознательно допускало», «предвидело возможность» либо «предвидело неизбежность» и т. д.).

Более внимательно правоприменители относятся к доказыванию наличия соответствующих целей или мотивов (в случае их обязательности в соответствующем составе преступления), однако и здесь следует отметить довольно спорные тенденции. Так, если лицо совершило по указанию кураторов поджог определенных объектов за деньги, содеянное зачастую квалифицируется как террористический акт или диверсия, в которых факультативные признаки субъективной стороны имеют другой характер.

Отдельные решения о криминализации наводят на мысль о неэффективности предупредительной деятельности государства, в том числе в части его способности убеждать население в чем-либо. В качестве примера можно привести криминализацию несообщения о преступлении в 2016 г. Логично предположить, что одной из целей введения ст. 205.6 в УК РФ является повышение возможности правоохранительных органов предупреждать преступления террористического характера. Однако обходились же без уголовной ответственности за такую модель поведения 20 лет (1996–2016 гг.). Конечно, намного легче под страхом ответственности заставить граждан содействовать государству в борьбе с терроризмом. Но насколько это будет эффективно? Представляется важной мотивация правомерного поведения. Если человек будет вести себя определенным образом лишь

под страхом ответственности, у него вряд ли сформируется надлежащий уровень правосознания и уважение к закону. Не лучше ли (хотя, безусловно, сложнее) убедить граждан в том, что государству необходима помощь в противодействии терроризму? В этой связи заслуживает внимания высказывание Ж.-Ж. Руссо: «Суровость наказания – это лишь бесполезное средство, придуманное неглубокими умами, чтобы заменить страхом то уважение, которого они не могут добиться иным путем» [14, с. 87].

Можно выдвинуть тезис о том, что государство, криминализируя несообщение о преступлении, расписывается в своей неспособности самостоятельно, без помощи граждан выявлять и пресекать преступления террористического характера. Но даже если ситуация складывается таким образом, то это не может служить основанием (без надлежащего дополнительного обоснования криминализации подобной модели поведения) для возложения на каждого гражданина, по сути, полицейской обязанности сообщать о готовящихся, совершаемых и совершенных преступлениях (или лицах, их совершивших).

Интерес представляет статистика по количеству зарегистрированных преступлений террористического характера после криминализации несообщения о преступлении. По замыслу законодателя, количество должно было увеличиться: граждане под страхом ответственности должны были массово сообщать о террористах и совершаемых ими преступлениях. Однако официальная статистика свидетельствует об обратном: если в 2016 г. было зарегистрировано 2227 преступлений террористического характера, в 2017 г. – 1871, в 2018 г. – 1679, в 2019 г. – 1806¹⁶, то только начиная с 2020 г. показатели вернулись к уровню 2016 г. В настоящее время количество преступлений

террористического характера увеличилось, что можно связать с текущей международной политической ситуацией.

Более того, некоторые субъекты виктимологической профилактики, которой, безусловно, также должна отводиться достойная роль в сфере борьбы с преступностью, демонстрируют несколько странный подход к работе с объектом профилактики. Так, на предложение автора статьи провести ряд правовых уроков для школьников на тему противодействия вовлечению подростков в так называемые суицидальные группы был получен отказ от школьных педагогов и психологов, аргументированный тем, что школьникам не следует «рассказывать такие вещи», ведь это может травмировать их «хрупкую детскую психику». В таких случаях наблюдается некоторая оторванность школьных работников от реальности с излишне идеализированным представлением о современных школьниках.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, отметим наличие значительного числа настораживающих факторов. Всё это негативно отражается на преступности в целом и на отдельных ее видах в частности. Опасения возникают даже относительно написания критических научных статей на подобную тематику. Не приведет ли уголовно-правовая политика последних лет к запрету на криминологические исследования в общем? Изучаешь преступность – дискредитируешь государство? Это уже наблюдалось в конце 20-х – начале 60-х гг. XX в. (а фактически и до распада СССР, пусть и с определенными послаблениями). Приведенные нами примеры нельзя назвать единичными эксцессами по причине их множества, а также в силу отношения государства к подобным примерам. К сожалению, приведенный в статье

¹⁶ См.: Портал правовой статистики Генер. прокуратуры Рос. Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 17.09.2025).

список вызывающих опасения тенденций далеко не полный, что обуславливает целесообразность продолжения анализа рассматриваемой тематики в последующих научных исследованиях.

Обозначенные проблемы требуют незамедлительной смены как законодательского, так и правоприменительного курса, что может найти отражение: 1) в принятии концепции (стратегии) противодействия преступности, содержащей принципы, субъекты, направления уголовно-правовой политики; 2) большем использовании достижений уголовно-правовой доктрины

при разработке законопроектов; 3) большем использовании доктринальных положений при вынесении судебных решений; 4) на уровне Верховного Суда Российской Федерации – в обращении внимания судов на более тщательное обоснование в описательно-мотивировочной части судебного решения признаков субъективной стороны состава преступления; 5) ориентации законодателя на учет критериев криминализации при изменении уголовного законодательства; 6) законодательном установлении требований к принимаемым законопроектам.

Список литературы

1. Гилинский Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология) : моногр. СПб. : Алетей, 2021. 137 с. DOI: <https://doi.org/10.23681/619692>
2. Гравина А. А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. № 11 (239). С. 95–106. DOI: <https://doi.org/10.12737/21994>
3. Караваева Ю. С. «Мертвые» специальные нормы уголовного закона как критерий избыточной (неоправданной) его специализации // Правоведение. 2022. Т. 66, № 1. С. 69–79. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.104>
4. Кауфман М. А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права. 2016. № 9 (237). С. 92–101. DOI: <https://doi.org/10.12737/21224>
5. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 2 (147). С. 131–144. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.147.2.131-144>
6. Гилинский Я. И. Уголовная политика общества постмодерна // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов IX междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 11 марта 2022 г.) / под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. СПб. : Астерион, 2022. С. 10–18.
7. Хомич В. М. Обеспечение достойной жизни людей как универсальный криминологический фактор уголовно-правовой политики в сфере безопасности // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 60–65. DOI: <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2024-42-3-60-65>
8. Гилинский Я. И. Уголовная политика в современном обществе // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сб. тр. всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (22–23 апр. 2022 г., Кострома) / сост.: Н. В. Ганжа, Д. Н. Лукоянов, А. С. Евстегнеев [и др.]; отв. ред.: В. В. Груздев, Г. Г. Бриль. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2022. С. 54–58.
9. Коробеев А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 247–250.
10. Дамм И. А. Политика противодействия преступности как новая парадигма взаимодействия общества и государства // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 12–27.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) : [моногр.] / Н. А. Лопашенко, Р. О. Долотов, Е. В. Кобзева, К. М. Хутов ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2019. 316 с.
12. Савельев И. В. Особые требования к обоснованию инициатив о криминализации и пенализации: на пути к стабилизации законотворчества в уголовно-правовой сфере // Союз криминалистов и кримиологов. 2024. № 1. С. 26–30.
13. Лопашенко Н. А. Без вины виноватые, или Еще раз про вину и объективное вменение // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 9 (178). С. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.178.9.072-083>
14. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : моногр. М. : Юрлитинформ, 2019. 352 с.

References

1. Gilinsky Ya. I. *Postmodern Criminology: Neocriminology*. St. Petersburg: Aleteiya Publ.; 2021. 137 p. DOI: <https://doi.org/10.23681/619692> (In Russ.)
2. Gravina A. A. Trends of the Development of Criminal Law at the Modern Stage. *Journal of Russian Law*. 2016;11:95-106. DOI: <https://doi.org/10.12737/21994> (In Russ.)
3. Karavaeva Yu. S. “Dead” Special Provisions of the Criminal Law as a Criterion of Excessive (Unjustified) Specialization. *Pravovedenie*. 2022;66(1):69-79. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.104> (In Russ.)
4. Kaufman M. A. Mistakes in Criminal Law Legislation. *Journal of Russian Law*. 2016;9:92-101. DOI: <https://doi.org/10.12737/21224> (In Russ.)
5. Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. Criminal Policy and Criminal Law in a Strong State. *Actual Problems of Russian Law*. 2023;18(2):131-144. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.147.2.131-144> (In Russ.)
6. Gilinsky Ya. I. Criminal Policy of Postmodern Society. In: Rakhmanova E. N. (Ed.). *Criminal Policy and Law-Enforcement Practice*. St. Petersburg: Asterion Publ.; 2022. P. 10–18. (In Russ.)
7. Khomich V. M. Ensuring a Decent Life for People as a Universal Criminological Factor of Criminal Legal Policy in the Security Field. *Legal Order: History, Theory, Practice*. 2024;3:60-65. DOI: <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2024-42-3-60-65> (In Russ.)
8. Gilinsky Ya. I. Criminal Policy in Modern Society. In: Gruzdev V. V., Bril' G. G. (Eds.). *Problems of Law-Enforcement Activity at the Present Stage*. Kostroma: Kostroma State University Publ.; 2022. P. 54–58. (In Russ.)
9. Korobeev A. I. Criminal Policy in Contemporary Russia: Current State and Prospects. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;3:247-250. (In Russ.)
10. Damm I. A. Anti-Crime Policy as a New Paradigm for Interaction Between Society and the State. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2024;17(1):12-27. (In Russ.)
11. Lopashenko N. A., Dolotov R. O., Kobzeva E. V., Khutov K. M. *The Criminal Code of the Russian Federation: A Scholarly Draft*. Moscow: Yurлитinform Publ.; 2019. 316 p. (In Russ.)
12. Savelyev I. V. Special Requirements for the Justification of the Initiative on Criminalization and Penalization: Towards the Stabilization of Lawmaking in the Criminal Law Sphere. *The Union of Criminalists and Criminologists*. 2024;1:26-30. (In Russ.)
13. Lopashenko N. A. Guilty Despite no Fault: a Reconsideration of Fault and Subjective Imputation. *Actual Problems of Russian Law*. 2025;20(9):72-83. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.178.9.072-083> (In Russ.)
14. Korobeev A. I. *Russian Criminal-Law Policy: From Genesis to Crisis*. Moscow: Yurлитinform Publ.; 2019. 352 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павел Викторович Пошелов, доцент кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация), кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5233-9116>; e-mail: poshelov@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Pavel V. Poshelov, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Siberian Law University (12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5233-9116>; e-mail: poshelov@bk.ru

Поступила | Received
04.10.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
08.04.2026

Принята к публикации | Accepted
08.04.2026

УДК 343.131.5

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-375-387

EDN: DSGRRI

Оригинальная научная статья

Обеспечение прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного процесса (на примере надзорной деятельности прокуратур г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области)

А. В. Равинская *Всеволожская городская прокуратура Ленинградской области, Всеволожск, Ленинградская область,
Российская Федерация*

✉ 188640ann96934348@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении нормативно-правовых и практических проблем, осложняющих обеспечение прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса, и формулировании предложений по их устранению. Формально-юридический метод исследования позволил осуществить системный анализ и толкование норм действующего законодательства, эмпирический метод исследования способствовал изучению правоприменительной практики (26 материалов проверок и 44 уголовных дела, зарегистрированных и возбужденных на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области), статистический метод исследования обеспечил проведение анализа официальных статистических показателей преступности на территории страны и отдельных государственных территориальных образований, социологический метод исследования использовался для анкетирования 348 работников органов прокуратуры 66 субъектов Российской Федерации. Автором рассмотрены особенности возбуждения уголовных дел и расследования преступлений, совершенных детьми (подростками) и в их отношении, детерминирующие появление дополнительных гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса. Выделены типичные нарушения, допускаемые следователями (дознателями) при возбуждении уголовных дел и расследовании рассматриваемых преступлений. Сформулированы авторские рекомендации, направленные на недопущение указанных нарушений. По результатам исследования сделан вывод о значимости взаимодействия правоохранительных и надзорных органов, в частности, о важности прокурорского надзора за соблюдением прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс; несовершеннолетний потерпевший; несовершеннолетний свидетель; несовершеннолетний подозреваемый; дознаватель; следователь; законный представитель; психолог; педагог; прокурор

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Равинская А. В. Обеспечение прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного процесса (на примере надзорной деятельности прокуратур г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области) // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 375–387. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-375-387>. EDN: <https://elibrary.ru/dsgrri>

Original scientific article

Ensuring the Rights, Freedoms, and Legitimate Interests of Minors at the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings: The Example of Prosecutorial Supervision in St. Petersburg and the Leningrad Region

A. V. Ravinskaya

Vsevolozhsk City Prosecutor's Office of the Leningrad Region, Vsevolozhsk, Leningrad Region, Russian Federation

✉ 188640ann96934348@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to identify legal, regulatory, and practical problems that complicate the safeguarding of the rights, freedoms, and legitimate interests of minor participants in criminal proceedings, and to formulate proposals for eliminating those problems. The formal legal method made it possible to conduct a systemic analysis and interpretation of the provisions of current legislation. The empirical method facilitated the study of law-enforcement practice, including 26 inspection files and 44 criminal cases registered and initiated in St. Petersburg and the Leningrad Region. The statistical method enabled an analysis of official crime statistics for the country as a whole and for individual territorial entities of the state. The sociological method was used to survey 348 employees of prosecution authorities from 66 constituent entities of the Russian Federation. The Author examines the specific features of initiating criminal cases and investigating crimes committed by children, or adolescents, and against them, which give rise to additional guarantees for securing the rights, freedoms, and legitimate interests of minor participants in criminal proceedings. The article identifies typical violations committed by investigators and inquiry officers when initiating criminal cases and investigating the crimes under consideration. The Author formulates recommendations aimed at preventing such violations. On the basis of the study, the article concludes that cooperation between law-enforcement and supervisory authorities is of particular importance, especially prosecutorial supervision over compliance with the rights, freedoms, and legitimate interests of minor participants in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings; minor victim; minor witness; minor suspect; inquiry officer; investigator; legal representative; psychologist; teacher; prosecutor

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Ravinskaya A. V. Ensuring the Rights, Freedoms, and Legitimate Interests of Minors at the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings: The Example of Prosecutorial Supervision in St. Petersburg and the Leningrad Region. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):375-387. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-375-387>. EDN: <https://elibrary.ru/dsgri> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	377
II. Дополнительные гарантии прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса	378
III. Типичные нарушения прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса на стадии возбуждения уголовного дела	379
IV. Типичные нарушения прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования	380
V. Взаимодействие правоохранительных и надзорных органов в части соблюдения прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса.	385
VI. Заключение.	386
Список литературы	386

© Ravinskaya A. V., 2026

I. ВВЕДЕНИЕ

Согласно статьям 7, 38, 67.1 Конституции Российской Федерации государство охраняет семью и детство, при этом всестороннее развитие и обеспечение психофизиологического здоровья детей (подростков) является приоритетным направлением его деятельности.

Вопросы сохранения традиционных семейных ценностей и поддержания благополучной жизнедеятельности будущего поколения страны особенно актуальны в последнее десятилетие, вследствие чего Указами Президента Российской Федерации В. В. Путина определены следующие национальные цели развития Российской Федерации: сохранение населения; повышение суммарного коэффициента рождаемости; укрепление здоровья и повышение уровня благополучия людей; реализация потенциала каждого человека и совершенствование его талантов; воспитание патриотичной и социально ответственной личности¹.

Несмотря на вовлеченность государства в защиту прав, свобод и законных интересов детей (подростков) официальные статистические показатели сви-

детельствуют о нестабильной динамике преступлений, совершенных в их отношении² (табл. 1).

С сожалением отметим, что на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области уровень рассматриваемого вида преступности возрастает. Вместе с тем объектом преступных деяний в основном выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное развитие и функционирование личности, ее права, свободы и законные интересы (ст.ст. 115, 116, 119, 131, 132, 134, 135, 156, 157, 158, 242, 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)).

В 2024 году по результатам изучения уголовных дел и материалов проверок прокурорами Санкт-Петербурга и Ленинградской области выявлено более 1000 нарушений закона, большинство из которых установлено при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия.

Анализ официальных статистических показателей позволяет сделать вывод

Таблица 1

Количество преступлений, совершенных в отношении лиц,
не достигших 18-летнего возраста³

Территория	Год				
	2020	2021	2022	2023	2024
Российская Федерация	90 374	103 335	103 185	98 833	95 843
Санкт-Петербург и Ленинградская область	2 425	3 182	3 338	3 298	3 473

¹ См., напр.: *Об объявлении* в Российской Федерации Десятилетия детства : Указ Президента Рос. Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 ; *О проведении* в Российской Федерации Года семьи : Указ Президента Рос. Федерации от 22 нояб. 2023 г. № 875 ; *О национальных целях* развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² В 2020 году доля анализируемого вида преступлений составила 4,42 % от общего количества преступных деяний, в 2021 г. – 5,15 %, в 2022 г. – 5,25 %, в 2023 г. – 5,08 %, в 2024 г. – 5,02 %.

³ Согласно форме федерального статистического наблюдения № 5-ЕГС «Сведения о потерпевших и совершенных в отношении них преступлениях», утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 26 декабря 2023 г. № 903. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62266> (дата обращения: 30.03.2026).

о положительной тенденции снижения количества преступлений, совершенных лицами, достигшими 14-летнего возраста и не достигшими 18-летнего возраста⁴ (табл. 2).

Несовершеннолетний возраст, таким образом, выступает фактором, обуславливающим возникновение дополнительных гарантий прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса,

Таблица 2

Количество преступлений, совершенных лицами (при их соучастии), достигшими 14-летнего возраста и не достигшими 18-летнего возраста⁵

Территория	Год				
	2020	2021	2022	2023	2024
Российская Федерация	35 348	31 896	30 498	27 325	26 398
Санкт-Петербург и Ленинградская область	906	814	747	679	562

На территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области уголовные дела преимущественно возбуждались по ст.ст. 158, 161, 162, 228, 228.1 УК РФ.

В 2024 году по результатам изучения уголовных дел и материалов проверок прокурорами Санкт-Петербурга и Ленинградской области выявлено более 350 нарушений закона, большая часть которых традиционно установлена при осуществлении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

II. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Несовершеннолетние участники уголовного процесса, имеющие возрастные психофизиологические и индивидуальные особенности, обладают повышенной внушаемостью и доверчивостью, зависимостью от сверстников и старших по возрасту лиц, а также не всегда способны понять собственное эмоциональное состояние и потребности.

не достигших 18 лет. В качестве таких гарантий законодателем предусмотрены ограниченная длительность производства отдельных следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля и производства допроса с участием несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) (ст.ст. 191, 425 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)); расширенный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу с участием несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) (ст. 421 УПК РФ); специальные основания задержания несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) и избрания ему меры пресечения (ст.ст. 91, 97, 99, 100, 105, 108, 423 УПК РФ); применение видеозаписи при производстве следственных действий, воспроизведение результатов которой возможно вместо допроса несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля (ст.ст. 191, 281 УПК РФ); обязательное участие в производстве по уголовному делу законного представителя несовершеннолетнего, педагога (психолога), защитника

⁴ В 2020 г. доля анализируемого вида преступлений составила 1,73 % от общего количества преступных деяний, в 2021 г. – 1,6 %, в 2022 г. – 1,55 %, в 2023 г. – 1,4 %, в 2024 г. – 1,38 %.

⁵ Согласно форме федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС «Сведения о преступлениях, совершенных отдельными категориями лиц», утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 3 июля 2023 г. № 429. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36223> (дата обращения: 30.03.2026).

(ст.ст. 48, 51, 191, 425, 426, 428 УПК РФ); возможность прекращения уголовного преследования несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ).

Анкетирование 348 работников органов прокуратуры 66 субъектов Российской Федерации и анализ правоприменительной практики позволили выделить типичные нарушения, допускаемые органами дознания и органами предварительного следствия при возбуждении уголовных дел и расследовании рассматриваемых преступлений: 1) принятие несвоевременного решения либо непринятие решения по сообщению о совершенном (готовящемся) преступлении (ст.ст. 144–145 УПК РФ); 2) применение в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) мер процессуального принуждения, в частности безосновательного задержания, необеспечение незамедлительного извещения законных представителей и избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в его отношении (ст. 423 УПК РФ); 3) привлечение некомпетентного педагога (психолога) либо непривлечение педагога (психолога) к производству следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля, подозреваемого (обвиняемого) (ст.ст. 191, 425 УПК РФ); 4) неприменение видеозаписи при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля (ст.ст. 189, 191 УПК РФ); 5) выбор законного представителя, интересы которого противоречат интересам несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля, подозреваемого (обвиняемого) (п. 12 ст. 5, ст.ст. 48, 191, 426 УПК РФ); 6) нарушение разумного срока уголовного производства в отсутствие достаточных оснований продления сроков дознания и предварительного следствия (ст. 6.1 УПК РФ).

III. ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Согласно статье 144 УПК РФ решение по сообщению о совершенном (готовящемся) преступлении правоприменителю необходимо принять в течение 3 суток с возможностью продления до 10 суток при наличии мотивированного ходатайства либо до 30 суток при целесообразности проведения отдельных процессуальных действий.

Следователи (дознаватели) часто принимают решение о возбуждении уголовного дела в нарушение установленного срока и в отсутствие причин, перечисленных в уголовно-процессуальном законе, либо отказывают в возбуждении уголовного дела при наличии достаточных оснований.

Так, в 42-м отделе полиции Управления МВД России по Красносельскому району г. Санкт-Петербурга был зарегистрирован материал проверки по факту оставления ребенка в опасном для его жизни и здоровья состоянии, по результатам чего органом дознания было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Соответствующее решение было отменено прокурором, после чего возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ⁶.

Принятие несвоевременного решения либо непринятие решения по сообщению о совершенном (готовящемся) преступлении и промедление в его расследовании являются недопустимыми, что, в частности, обусловлено возрастными психофизиологическими и индивидуальными особенностями детей (подростков), которые требуют особого отношения к защите их прав, свобод и законных интересов.

⁶ См.: *Архив* прокуратуры Красносельского района г. Санкт-Петербурга за 2024 г.

Вместе с тем изучение уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод, что содержание ряда норм препятствует полной реализации процессуальных прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса, не достигших возраста 18 лет. Законодателем не урегулировано производство процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела – получения сообщения о совершенном (готовящемся) преступлении либо получения объяснения от ребенка (подростка). При этом анализ содержания ч. 1 ст. 144 УПК РФ позволяет заключить, что законодательные препятствия к привлечению сведущего лица к производству процессуальных действий с участием лица, не достигшего возраста 18 лет, отсутствуют⁷. Следовательно, дополнительные гарантии защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса необходимы со стадии возбуждения уголовного дела.

IV. ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Принятие решения в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ не уменьшает количество вопросов, возникающих в процессе расследования рассматриваемых преступных деяний.

Обязательному привлечению к производству следственных и иных процессуальных действий с участием детей (подростков) подлежит их законный представитель. Правоприменитель иногда игнорирует соответствующее требование уголовно-процессуального закона, о чем свидетельствует следующий пример.

Подпорожской городской прокуратурой Ленинградской области протоколы допроса несовершеннолетнего подозреваемого и очной ставки с его участием по уголовному делу, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, признаны недопустимыми доказательствами в нарушение требований положений ст.ст. 48, 426, 428 УПК РФ⁸.

Р. И. Зайнуллин обращает внимание на отсутствие в уголовно-процессуальном законе определения понятия «законный представитель», что затрудняет понимание его сущности и функционального назначения [1, с. 4].

Законодателем в п. 12 ст. 5 УПК РФ перечислен круг лиц, имеющих возможность выступать в качестве законного представителя ребенка (подростка): родители, усыновители, опекуны либо попечители несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего. Вместе с тем указание на наличие законного представителя у несовершеннолетнего свидетеля отсутствует, что, на наш взгляд, требует соответствующей регламентации, учитывая противоречие анализируемой нормы содержанию ч. 3 ст. 191 УПК РФ.

Следователи (дознаватели) часто приглашают в качестве законного представителя ребенка (подростка) орган опеки и попечительства в случае, когда законный представитель по личным причинам игнорирует обязанность по защите интересов несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого)⁹. Полагаем, что соответствующее привлечение в качестве законного представителя лица, не перечисленного в п. 12 ст. 5 УПК РФ, не влечет ни ограничения прав, свобод и законных интересов несовершеннолетнего, ни процессуальных

⁷ См.: Равинская А. В. Особенности первоначального этапа расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних // Криминалист. 2024. № 3 (48). С. 65–66.

⁸ См.: Архив Подпорожской городской прокуратуры Ленинградской области за 2023 г.

⁹ См.: О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 1 февр. 2011 г. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

последствий в виде возврата уголовного дела прокурору. Более того, в правоприменительной практике возможны ситуации, когда лицо формально соответствует требованиям, предъявляемым к законному представителю ребенка (подростка) уголовно-процессуальным законом, но в силу каких-либо причин (неисполнение, ненадлежащее исполнение обязанностей) не должен быть допущен к участию в уголовном процессе, в связи с чем предлагаем расширить перечень лиц, привлекаемых в качестве законного представителя.

Согласно части 2.2 ст. 45 УПК РФ гарантией защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего является право следователя (дознателя) отстранить его законного представителя от участия в уголовном деле при наличии основания полагать, что действия последнего наносят ущерб интересам ребенка (подростка). Вследствие этого следователь (дознатель) обеспечивает участие в допросе иного законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего. Вместе с тем заслуживает внимания справедливая позиция В. В. Кониной и Е. В. Сидоренко, согласно которой правоприменителю целесообразно привлекать лицо, сведущее в области психологии, при возникновении разногласий в позициях несовершеннолетнего потерпевшего и его законного представителя [2, с. 19].

Отдельно рассмотрим пример, свидетельствующий о недопустимости привлечения к участию в уголовном деле в качестве законных представителей лиц, которые совершили преступление совместно с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), и лиц, в отношении которых несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) совершил преступление. Руководителю следственного отдела

по г. Тихвин Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ленинградской области возвращено уголовное дело для производства дополнительного расследования по обвинению несовершеннолетнего К. А. А. в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158, п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, по причине того, что его мать по первому эпизоду признана потерпевшей, а по второму эпизоду – законным представителем, то есть ее интересы противоречат интересам К. А. А.¹⁰

Согласно требованиям ст.ст. 191, 425 УПК РФ при проведении следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля, подозреваемого (обвиняемого) обязательным участником является педагог (психолог) при условии, что ребенок (подросток) не достиг возраста 16 лет либо достиг этого возраста, но страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии.

Анализ положений уголовно-процессуального закона позволяет констатировать определенную дискриминацию несовершеннолетних участников уголовного процесса в возрасте от 16 до 18 лет, так как при отсутствии перечисленных обстоятельств приглашение педагога (психолога) зависит от решения следователя (дознателя) либо ходатайства защиты. Вместе с тем дети (подростки) одинакового возраста иногда существенно отличаются друг от друга по уровню психического развития¹¹. Соответствующее утверждение применимо, в частности, к лицам, находящимся в рассматриваемой возрастной группе от 16 до 18 лет.

В целях определения несоответствия психического развития фактическому возрасту ребенка (подростка) находим обоснованным обязательное участие педагога

¹⁰ См.: *Архив Тихвинской городской прокуратуры Ленинградской области за 2022 г.*

¹¹ См.: *Равинская А. В. «Несовершеннолетие» через призму уголовного процесса, детской психологии и психиатрии // Криминалист. 2023. № 4 (45). С. 89–90.*

(психолога) в процессе расследования преступления вне зависимости от возраста несовершеннолетнего участника уголовного процесса. Как правило, следователь (дознатель) не владеет специальными приемами и навыками общения с детьми (подростками), что может повлечь нарушение их прав, свобод и законных интересов и отрицательно сказаться на качестве расследования преступлений. В свою очередь педагог (психолог) является своеобразным компенсатором (лат. *compensare* – «уравновешивать», «возмещать») недостатка у лица, осуществляющего расследование, знаний и компетенций, способствующих установлению контакта и достижению взаимопонимания с ребенком (подростком).

Следующая проблема заключается в отсутствии на законодательном уровне решения по вопросу о процессуальном статусе педагога (психолога). Ученые придерживаются двух диаметрально противоположных точек зрения: одна часть полагает, что педагог (психолог) обладает уголовно-процессуальными правами и обязанностями специалиста [3, с. 44; 4, с. 13]; другая часть подчеркивает, что процессуальный статус специалиста, участвующего в расследовании преступления, отличается от процессуального статуса педагога (психолога), так как первый является исключительно техническим помощником лица, осуществляющего расследование [5, с. 183].

Действительно, педагог (психолог) способствует реализации значительного количества целей уголовного производства, в частности, определению готовности ребенка (подростка) к производству следственных действий, установлению коммуникации с ним и наблюдению за его реакцией и психическим состоянием, организации безопасного пространства, со-

ставлению перечня вопросов, целесообразных при производстве допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний. Так, законодатель в качестве одной из гарантий защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса предусмотрел участие педагога (психолога), однако не регламентировал его процессуальный статус.

Согласно справедливому замечанию Е. В. Цветковой, уголовно-процессуальный закон содержит нормы, устанавливающие как возможность взаимозаменяемости педагога и психолога, так и исключительность участия психолога по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности личности¹². Законодатель таким образом подчеркнул приоритетность участия в уголовном процессе психолога. Изучение содержания толковых словарей позволяет заключить, что педагог – профессионал в области образования и воспитания, занимающийся планированием, организацией, проведением и анализом учебно-воспитательного процесса, что не отвечает требованиям современного уголовного производства¹³. Полагая, что участие педагога не является достаточно обоснованным решением при производстве следственных действий. Так, на наш взгляд, целесообразным является привлечение психолога к процессу расследования преступного деяния либо педагога-психолога в качестве альтернативы.

К средствам, направленным на обеспечение прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса, безусловно, относится применение видеозаписи при производстве следственных действий с их участием.

Одной из проблем использования технических способов фиксации является

¹² См.: Цветкова Е. В. Несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства : учеб. пособие. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2021. С. 46.

¹³ См.: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Бол. рос. энцикл., 2000. С. 781.

то, что законодатель в ч. 5 ст. 191 УПК РФ одновременно использует противоречащие друг другу формулировки «обязательно» и «за исключением», препятствуя однозначному пониманию анализируемой нормы. Вместе с тем невозможно проигнорировать смысловое противоречие ч. 5 ст. 191 УПК РФ положениям ч. 4 ст. 189 УПК РФ. Так, по инициативе следователя (дознателя) либо по ходатайству допрашиваемого лица в ходе допроса возможно проведение фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки¹⁴. Поскольку законодатель наделяет следователя (дознателя) возможностью принятия решения в вопросах применения соответствующих технических способов фиксации, то возражения несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля либо его законного представителя относительно их использования лишают лицо, осуществляющее расследование преступного деяния, процессуальной самостоятельности и независимости.

На наш взгляд, внесение изменений и дополнений в ч. 5 ст. 191 и ч. 6 ст. 281 УПК РФ неслучайно¹⁵. Законодатель таким образом закрепил, что целесообразность в повторном допросе несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля в процессе расследования преступлений отсутствует. Это позволяет сделать вывод о приоритете сохранения психического (ментального) здоровья детей (подростков), в частности, посредством исключения коммуникаций с их обидчиками, приводящих к повторному переживанию негативных эмоциональных реакций и значительному ухудшению психоэмоционального состояния. Решение проблемы видится в изложении ч. 5 ст. 191 УПК РФ в следующей редакции: *«Применение видеозаписи обязательно в ходе следственных действий с участи-*

ем несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. Материалы видеозаписи хранятся при уголовном деле».

Использование видеозаписи в ходе производства следственных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) также обладает определенной спецификой. Так, статья 425 УПК РФ, регламентирующая порядок производства допроса указанного лица, не содержит разъяснений о возможности применения видеосъемки и иных технических способов фиксации в ходе допроса, соответственно, следователю (дознателю) необходимо руководствоваться нормами уголовно-процессуального закона, регулирующими применение научно-технических средств, в частности видеозаписи. Согласно общим правилам производства допроса, закрепленным в ст. 189 УПК РФ, по инициативе лица, осуществляющего расследование преступления, либо по ходатайству допрашиваемого лица возможно применение видеозаписи. Подчеркнем, что инициировать применение видеосъемки имеет право и следователь (дознатель), и ребенок (подросток). Вместе с тем с целью исключения процессуальной неоднозначности полагаем обоснованным дополнение ст. 425 УПК РФ частью 5.1 следующего содержания: *«В ходе допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) применение видеосъемки обязательно. Материалы видеозаписи хранятся при уголовном деле».*

Отмечая значимость видеофиксации следственных действий, позволим себе утверждать, что применение видеозаписи служит способом предупреждения оказания давления на лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, со стороны иных участников уголовного процесса.

¹⁴ Киносъемку давно следует признать рудиментом.

¹⁵ См.: *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве* : Федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Следующая проблема заключается в том, что законодатель в исключительных случаях допускает применение меры пресечения в виде заключения под стражу к несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому) в совершении преступного деяния средней тяжести, не раскрывая при этом, что следует понимать под исключительными случаями (ч. 2 ст. 108 УПК РФ). По мнению Д. И. Ережипалиева, отсутствие указания на исключительный характер деяний, при которых допустимо применение меры пресечения в виде заключения под стражу к указанным лицам, является недопустимым нарушением их прав, свобод и законных интересов [6, с. 66]. На наш взгляд, перечень исключительных случаев требует законодательного закрепления, что будет способствовать однозначному толкованию анализируемых положений УПК РФ.

Изучение правоприменительной практики позволяет сделать вывод о гуманизации уголовного процесса по отношению к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), заключающейся в смягчении уголовной ответственности и применении мер, направленных на их исправление и социальную адаптацию.

Так, подростки А. Е. А., М. Д. Д., И. Д. К. совершили тяжкое преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 162 УК РФ. Постановлением Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга было отказано в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, согласно которому основаниями для избрания меры пресечения в отношении А. Е. А. выступили тяжесть преступного деяния, сведения об асоциальном образе жизни, в частности склонность к употреблению спиртных напитков и уходу из дома, при этом были представлены документы, свидетельствующие о наличии у А. Е. А. постоянного места жительства, обучении в общеобразовательном

учреждении, отсутствии судимости. Согласно позиции суда перечисленные обстоятельства не являлись достаточными для избрания меры пресечения, связанной с изоляцией от общества в условиях специализированного учреждения¹⁶.

Н. А. Денисова, Н. А. Соловьева, П. П. Фантров и П. В. Соловьева подчеркивают, что при осуществлении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия целесообразно уделять повышенное внимание вопросам сроков расследования преступлений. Ученые констатируют, что длительность производства следственных и иных процессуальных действий влияет на восприятие ребенком (подростком) происходящего [7, с. 366], что влечет определенные правовые последствия, под которыми в первую очередь предлагаем понимать получение доказательств, не отвечающих требованиям положений ст. 88 УПК РФ.

Согласно пункту 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ одним из видов доказательств по уголовному делу являются показания потерпевшего, в том числе несовершеннолетнего. Вместе с тем нейробиологические особенности и защитные механизмы психики ребенка (подростка) способствуют вытеснению негативных эпизодов из его памяти, что требует от следователя (дознателя) незамедлительного производства следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетнего.

Проблему длительного срока расследования преступных деяний в нарушение требований ст. 6.1 УПК РФ рассмотрим на следующем примере. Следственным отделом по Невскому району Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. В результате изучения

¹⁶ См.: *Архив* прокуратуры Приморского района г. Санкт-Петербурга за 2024 г.

материалов уголовного дела было установлено, что при осмотре мобильного устройства несовершеннолетней потерпевшей обнаружены фотоизображения и видеозаписи порнографического характера, на которых изображены неустановленные лица, при этом следственные и иные процессуальные действия по определению источника отправления порнографических материалов не проведены; лицо, осуществившее фото- и видеосъемку, не установлено. Процессуальная оценка действиям Д. по признакам составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 242.1, 242.2 УК РФ, не дана. На момент проведения прокурорской проверки срок расследования общественно опасного деяния составлял 6 месяцев¹⁷.

Вместе с тем расследование анализируемых преступлений вызывает определенные трудности у правоприменителей в силу следующих обстоятельств: несвоевременное сообщение ребенком (подростком) о произошедшем по причине страха и стыда; дача несовершеннолетним потерпевшим ложных показаний по обстоятельствам преступного деяния по причине оказания давления на него; сложность доказывания умысла на совершение преступного деяния в отношении лица, не достигшего возраста 18 лет и т. д. Перечисленное лишь подтверждает значимость принятия мер, направленных на своевременное получение доказательств по уголовному делу.

Красносельским районным судом г. Санкт-Петербурга вынесен оправдательный приговор в отношении К. О. М., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, поскольку в ходе судебного следствия, которое длилось более двух лет, девочка изменила собственные показания, пояснив, что К. О. М. пре-

ступления в отношении нее не совершал. Изменение показаний было обусловлено тем, что несовершеннолетняя потерпевшая проживала с матерью и бабушкой, которые на протяжении предварительного и судебного следствия выступали в защиту К. О. М.¹⁸

Так, нарушение требований ст. 6.1 УПК РФ влечет невозможность установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и вероятность освобождения от уголовной ответственности лиц, причастных к совершению преступного деяния, что недопустимо при расследовании преступлений рассматриваемой категории.

V. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И НАДЗОРНЫХ ОРГАНОВ В ЧАСТИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Анализ дополнительных гарантий прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса позволяет сделать вывод о том, что для расследования исследуемых преступных деяний характерна определенная специфика.

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что работа органов и учреждений профилактики безнадзорности и правонарушений детей (подростков) является неудовлетворительной, при этом правоохранительные органы часто игнорируют реальные меры по выявлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению рассматриваемых общественно опасных деяний. Указанное подчеркивает значимость прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания.

¹⁷ См.: *Архив* прокуратуры Невского района г. Санкт-Петербурга за 2023 г.

¹⁸ См.: *Архив* прокуратуры Красносельского района г. Санкт-Петербурга и Красносельского суда г. Санкт-Петербурга за 2024 г.

Изучение материалов уголовных дел предполагает особое внимание прокуроров к соблюдению органами дознания и органами предварительного следствия прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса, к числу которых целесообразно отнести следующее:

– при совершении преступления в отношении ребенка (подростка) лицом, ранее судимым за аналогичные преступные деяния, целесообразно принимать меры по проверке полноты осуществления должностными лицами уполномоченных органов мероприятий по профилактике повторных преступлений, в частности, предусмотренных Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»¹⁹;

– при совершении преступлений в отношении ребенка (подростка) его родителем (лицом, его замещающим) необходимо информировать органы опеки и попечительства, при этом реализацию предусмотренных законодательством дополнительных гарантий прав, свобод и законных интересов жертв домашнего насилия брать на контроль;

– процесс расследования рассматриваемых особо тяжких и тяжких преступных деяний ставить на личный контроль городских и районных прокуроров, а результаты деятельности правоохранительных органов обсуждать на оперативных совещаниях.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеперечисленные проблемы требуют решения, в частности, посредством внесения предложенных автором изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство.

Ограничение прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса является существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Получение сведений о соответствующих нарушениях влечет невозможность их использования в качестве доказательств по уголовному делу согласно п. 3 ч. 2 ст. 75, ст. 88 УПК РФ.

Отдельно отметим, что прокурорский надзор за исполнением законов при производстве дознания и предварительного следствия по уголовным делам с участием несовершеннолетних потерпевших, свидетелей, подозреваемых (обвиняемых) является реальной гарантией обеспечения их прав, свобод и законных интересов. Взаимодействие правоохранительных и надзорных органов играет важную роль в рассматриваемом вопросе, о чем неоднократно высказывались различные ученые [8, с. 408].

На наш взгляд, следует сделать вывод о том, что исключительно комплексный подход к защите прав, свобод и законных интересов будущего поколения страны позволит обеспечить их всестороннее развитие и благополучную жизнь.

Список литературы

1. Зайнуллин Р. И. Проблемы участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в расследовании преступлений: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты // Российский следователь. 2016. № 16. С. 3–6.
2. Конин В. В., Сидоренко Е. В. Некоторые дискуссионные вопросы соблюдения прав несовершеннолетних потерпевших на досудебной стадии и возможные пути их разрешения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 2 (47). С. 16–23.
3. Янин М. Г. Правовой статус педагога, психолога и законного представителя в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 5, вып. 2. С. 39–45. DOI: <https://doi.org/10.47475/2618-8236-2020-15208>

¹⁹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Участие потерпевшего в производстве следственных действий (дополнительное регулирование по Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ) // Законодательство и практика. 2014. № 1 (32). С. 9–16.
5. Тетюев С. В. УПК России и УПК Узбекистана об участии педагога (психолога) в уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2008. № 5 (62). С. 182–187.
6. Ережипалиев Д. И. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов при избрании и применении мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5. С. 65–70.
7. Обеспечение прав несовершеннолетних в досудебном и судебном производстве средствами прокурорского реагирования / Н. А. Денисова, Н. А. Соловьева, П. П. Фантров, П. В. Соловьева // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 10А. С. 363–372. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2020.91.10.041>
8. Ефанова В. А. О соотношении полномочий прокурора и государственного обвинителя в судебных стадиях российского уголовного процесса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 2 (15). С. 406–412.

References

1. Zaynullin R. I. Problems of Participation of a Legal Representative of a Juvenile Suspect, Accused: Criminal and Procedural and Criminalistic Aspects. *Russian Investigator*. 2016;16:3–6. (In Russ.)
2. Konin V. V., Sidorenko E. V. Some Controversial Issues of Observance of Rights of Child Victims at the Pre-Trial Stage and Possible Ways To Resolve Them. *Vestnik of Siberian Law institute of the MIA of Russia*. 2022;2:16–23. (In Russ.)
3. Yanin M. G. Legal Status of the Teacher, Psychologist and Legal Representative in the Russian Criminal Proceedings. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2020;5(2):39–45. DOI: <https://doi.org/10.47475/2618-8236-2020-15208> (In Russ.)
4. Kal'nitskii V. V., Larin E. G. The Participation of the Victim in Investigative Actions: Additional Regulation under Federal Law No. 432-FZ of 28 December 2013. *Zakonodatel'stvo i praktika*. 2014;1:9–16. (In Russ.)
5. Tetyuev S. V. The Criminal Procedural Code of Russia and the Criminal Procedural Code of Uzbekistan About Participation of the Teacher (the Psychologist) in the Criminal Proceedings. *Russian Juridical Journal*. 2008;5:182–187. (In Russ.)
6. Erezhipaliev D. I. Features of Public Prosecutor's Supervision of Performance of Laws During the Electing and Application of Measures of Restraint Concerning Minors. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2014;5:65–70. (In Russ.)
7. Denisova N. S., Solov'eva N. A., Fantrov P. P., Solov'eva P. V. Ensuring the Rights of Minors in Pre-Trial and Trial Proceedings by Means of Public Prosecutors' Response. *Matters of Russian and International Law*. 2019;9(10A):363–372. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2020.91.10.041> (In Russ.)
8. Efanova V. A. Ratio of Powers of Attorney and Public Prosecutor at the Stages of Russian Criminal Process. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*. 2013;2:406–412. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Владиславовна Равинская, помощник Всеволожского городского прокурора Ленинградской области (Всеволожский проспект, 3, Всеволожск, Ленинградская область, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3022-8219>; e-mail: 188640ann96934348@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Ravinskaya, Assistant to the Vsevolozhsk City Prosecutor of the Leningrad Region (3 Vsevolozhsky ave., Vsevolozhsk, Leningrad Region, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3022-8219>; e-mail: 188640ann96934348@yandex.ru

Поступила | Received
14.08.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
28.01.2026

Принята к публикации | Accepted
28.01.2026

УДК 343.8
DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-388-400
EDN: FYDORR

Оригинальная научная статья

Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы

А. А. Урусов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Российская Федерация

✉ knight700@yandex.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования является определение проблем применения средств дисциплинарного воздействия на нарушителей режима содержания в исправительных учреждениях. Правовой основой дисциплинарной ответственности осужденных является обеспечение установленного порядка отбывания наказания в виде лишения свободы с помощью законных методов воздействия на правонарушителей. Эффективность взысканий, применяемых к осужденным, следует рассматривать как адекватное воздействие на правонарушителя, способное удержать его от последующих нарушений порядка и условий исполнения наказания и повлиять на процесс исправления, что является основной целью исполнения уголовного наказания. В ходе исследования определено, что дисциплинарные взыскания устанавливают определенные правоограничения, которые, однако, не преследуют цели причинения осужденному физических страданий или унижения его человеческого достоинства, а служат только сдерживающим фактором, препятствующим нарушению режима содержания. Подчеркивается необходимость принятия самых решительных мер, включая правовое регулирование применения мер взыскания, для достижения эффективного исправительного воздействия на осужденных-правонарушителей. Отмечается важность системы мер взыскания, применяемых к осужденным к лишению свободы, в связи с тем, что она выступает одним из средств стимулирования законопослушного поведения осужденных, а также исправительного воздействия на осужденных к лишению свободы, профилактики и предупреждения правонарушений в местах лишения свободы. По мнению автора статьи, действующая система мер взыскания не в полной мере позволяет удержать осужденного от нарушения порядка отбывания наказания в виде лишения свободы. В статье рассмотрены различные точки зрения ученых и практических работников, изложенные в юридической литературе, относительно исследуемой проблемы, проанализировано пенитенциарное законодательство России и зарубежных стран. С учетом анализа специальной литературы и нормативных правовых актов предложены новеллы, которые будут способствовать оптимизации порядка применения взысканий к лицам, нарушившим требования отбываемого наказания. При проведении исследования использованы общенаучные методы познания социально-правовых явлений (анализ, обобщение, системный подход). В качестве специального метода исследования применялся контент-анализ научных публикаций, сайтов сети Интернет, посвященных практике применения мер взыскания к осужденным, лишенным свободы. Научная значимость исследования обусловлена необходимостью законодательного включения в систему мер взыскания дополнительных видов взысканий. Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенные в статье изменения уголовно-исполнительного законодательства будут способствовать эффективному применению дисциплинарной ответственности в целях повышения профилактического и исправительного воздействия на правонарушителей.

Ключевые слова: меры взыскания; дисциплинарная ответственность; осужденный; режим содержания; уголовно-исполнительное законодательство

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Урусов А. А. Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 388–400. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-388-400>. EDN: <https://elibrary.ru/fydorr>

Original scientific article

Disciplinary Liability of Persons Sentenced to Imprisonment

A. A. Urusov

Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation

✉ knight700@yandex.ru

Abstract. The aim of this study is to identify problems in the application of disciplinary measures to persons who violate the detention regime in correctional institutions. The legal basis for the disciplinary liability of convicted persons is the need to ensure the established procedure for serving a sentence of imprisonment through lawful methods of influence on offenders. The effectiveness of sanctions imposed on convicted persons should be understood as an adequate form of influence on the offender, capable of deterring him or her from further violations of the procedure and conditions for serving a sentence and of affecting the process of correction, which is the principal purpose of the execution of criminal punishment. The study establishes that disciplinary sanctions impose certain legal restrictions which, however, are not intended to cause physical suffering to the convicted person or to humiliate his or her human dignity, but serve solely as a deterrent preventing violations of the detention regime. The article emphasizes the need to adopt decisive measures, including legal regulation of the application of sanctions, in order to achieve an effective corrective impact on convicted offenders. The importance of the system of sanctions applied to persons sentenced to imprisonment is noted, since it serves as one of the means of encouraging law-abiding conduct among convicted persons, exerting corrective influence on persons sentenced to imprisonment, and preventing offences in places of deprivation of liberty. In the Author's view, the current system of sanctions does not fully deter convicted persons from violating the procedure for serving a sentence of imprisonment. The article examines various views of scholars and practitioners expressed in legal literature on the issue under study and analyzes the penal-enforcement legislation of Russia and foreign states. On the basis of an analysis of specialized literature and normative legal acts, the Author proposes legislative innovations that would help optimize the procedure for applying sanctions to persons who have violated the requirements of the sentence being served. The study employs general scientific methods for the cognition of socio-legal phenomena, including analysis, generalization, and the systemic approach. Content analysis of scholarly publications and Internet resources devoted to the practice of applying sanctions to persons deprived of liberty is used as a special research method. The scholarly significance of the study is determined by the need to include additional types of sanctions in the statutory system of disciplinary measures. Its practical significance lies in the fact that the proposed amendments to penal-enforcement legislation would contribute to the effective application of disciplinary liability with a view to strengthening the preventive and corrective impact on offenders.

Keywords: disciplinary measures; disciplinary liability; convicted person; detention regime; penal-enforcement legislation

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Urusov A. A. Disciplinary Liability of Persons Sentenced to Imprisonment. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):388-400. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-388-400>. EDN: <https://elibrary.ru/fydorr> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	390
II. Понятие дисциплинарной ответственности	390
III. Мера взыскания как основной элемент дисциплинарной ответственности	392
IV. Новые подходы к дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы ...	396
V. Заключение	397
Список литературы	398

I. ВВЕДЕНИЕ

Современные преобразования, происходящие в социально-политической жизни российского общества, предполагают возрастание роли закона в общественных отношениях, в том числе в период отбывания наказания. Это вытекает из одного из основополагающих принципов правового государства – принципа верховенства закона.

В сфере исполнения уголовных наказаний уголовно-исполнительное законодательство выступает основной формой реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики Российской Федерации. Социальное назначение уголовно-исполнительного законодательства заключается в установлении совокупности юридических норм, регламентирующих порядок и условия исполнения и отбывания уголовных наказаний, а также определение особого правового статуса гражданина, осужденного за совершенное преступление. Поскольку в период отбывания уголовного наказания существенно ограничиваются права, свободы и законные интересы гражданина, то такие ограничения должны осуществляться на законодательном уровне.

На деятельности уголовно-исполнительной системы как основного субъекта реализации уголовно-исполнительной политики негативно сказываются недостатки действующего уголовно-исполнительного законодательства и пробелы в нем. Согласно целям данного вида законодательства, оно должно быть ориентировано на определение эффективных средств исправления осужденных и предупреждение

совершения ими правонарушений в период отбывания наказаний.

II. ПОНЯТИЕ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

При регулировании порядка, условий исполнения и отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы не последнее место занимает задача по укреплению правопорядка и дисциплины среди осужденных с помощью различных средств обеспечения режима в исправительных учреждениях. Одним из таких средств являются дисциплинарные меры взыскания, применяемые к нарушителям установленного порядка отбывания наказания.

Существующие проблемы профилактики правонарушений среди осужденных к лишению свободы обуславливают всестороннее изучение данной проблемы как учеными, так и практическими работниками, а также поиск эффективных путей воздействия на нарушителей режима отбывания наказания. При этом в юридической литературе отмечается, что при привлечении к дисциплинарной ответственности у осужденных изменяется правовой статус [1, с. 73]. По мнению Г. А. Майстренко, правовое положение нарушителей режима содержания может изменяться по четырем направлениям:

«– привлечение осужденного к дисциплинарной ответственности отражается на условиях отбывания наказания в рамках уголовно-исполнительной системы;

– наличие взысканий создает дополнительное правоограничение, обусловленное фактом привлечения к дисциплинарной ответственности;

– при решении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного учитывается наличие или отсутствие взысканий;

– отдельным категориям осужденных, имеющим взыскания, может быть назначен административный надзор после освобождения из мест лишения свободы, что существенно ограничивает правовое положение лица в постпенитенциарный период» [2, с. 522–523].

Необходимо согласиться с данной точкой зрения, так как, действительно, после привлечения осужденного к дисциплинарной ответственности устанавливаются особые условия исполнения и отбывания наказания. Во-первых, к осужденным, имеющим взыскания, нельзя применить меры поощрения (ч. 4 ст. 114 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ)). Во-вторых, нарушитель режима содержания не может быть переведен в более облегченные условия отбывания наказания (чч. 2 и 5 ст. 120 УИК РФ), а при признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания он переводится в более строгие условия (чч. 3 и 4 ст. 120 УИК РФ). В-третьих, при рассмотрении вопросов о досрочном освобождении осужденного прежде всего учитывается его поведение за весь период отбывания наказания, а при наличии дисциплинарных взысканий ему могут отказать в досрочном освобождении. В-четвертых, «дисциплинарные взыскания усиливают карательную функцию наказания, так как фактически еще в большей степени ограничивают правовой статус осужденного»¹. Имеются и другие правоограничения для осужденных, имеющих неснятые или непогашенные взыскания.

Многие авторы отмечают, что целями дисциплинарной ответственности являются поддержание правопорядка в исправительных учреждениях и снижение уровня нарушений условий отбывания наказания со стороны осужденных. Соответственно, дисциплинарная ответственность обладает сдерживающим эффектом в отношении противоправного поведения осужденных, который достигается посредством принуждения правонарушителей к соблюдению уголовно-исполнительных норм [3, с. 230; 4, с. 78].

Еще во второй половине XX столетия А. И. Марцев указывал на общепреventивное значение дисциплинарной ответственности, которое состоит в том, что осужденные, зная о последствиях наложения взысканий, воздерживаются от нарушения установленного порядка отбывания наказания². Так, дисциплинарная ответственность обладает определенной принудительной силой, удерживает осужденных от совершения правонарушений, оказывает исправительное воздействие на них и обеспечивает установленный режим в исправительных учреждениях.

При рассмотрении способов и средств исправительного воздействия на осужденных к лишению свободы необходимо определить основные понятия, связанные с применением дисциплинарных мер взыскания.

Центральным понятием является дисциплинарная ответственность. В юридической литературе имеются различные подходы к данному понятию. Например, Г. В. Курбатова в своем исследовании устанавливает, что дисциплинарная ответственность – это «обязанность лица, совершившего проступок, понести неблагоприятные для него последствия

¹ Урусов А. А. Совершенствование мер взыскания, применяемых к осужденным к лишению свободы // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / ред. О. И. Андреева, А. С. Князьков, Н. В. Ольховик, Л. М. Прокументов, М. К. Свиридов, В. А. Уткин. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2022. Ч. 92. С. 141.

² См.: Марцев А. И. Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы : учеб. пособие. Омск, 1969. С. 16.

по поводу виновного противоправного нарушения в форме уголовно-исполнительного принуждения» [5, с. 13]. Г. Ю. Зинин и В. И. Николаев, выявив специфические черты совершаемых деяний в условиях лишения свободы, предлагают считать дисциплинарную ответственность осужденных пенитенциарной ответственностью, под которой они подразумевают «совершение осужденными деяний, имеющих в себе состав нарушения, запрещенного Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации» [6, с. 451]. И. А. Давыдова дает краткое определение дисциплинарной ответственности, понимая под ней систему мер взыскания, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством [7, с. 524].

Из анализа юридической литературы следует, что дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы — это вид юридической ответственности, предусмотренной нормами уголовно-исполнительного законодательства, содержание которой составляют меры взыскания, применяемые администрацией исправительных учреждений к осужденному по причине совершения им дисциплинарного проступка, связанного с нарушением порядка и условий отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы.

III. МЕРА ВЗЫСКАНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Большинство исследователей полагают, что основанием для применения мер взыскания является совершение осужденным дисциплинарного проступка [2; 8]. Под дисциплинарным проступком

П. В. Миков понимает «противоправное, виновное деяние (действие или бездействие), посягающее на установленные законодательством в исправительных учреждениях условия, порядок отбывания наказания, выражающееся в несоблюдении правил поведения или в невыполнении им своих обязанностей»³.

Необходимо отметить, что основным элементом дисциплинарной ответственности осужденных является применение к ним мер взыскания.

Научное определение дисциплинарных мер взыскания удачно сформулировано А. Е. Федяевым как «совокупность правовых средств, предусмотренных нормами уголовно-исполнительного права и применяемых уполномоченными должностными лицами, как правило, во внесудебном порядке, заключающихся в принуждении осужденных к исполнению правил и обязанностей в целях способствования индивидуализации исполнения наказания, стимулирования позитивного поведения осужденных в период отбывания наказания, укрепления правопорядка в местах лишения свободы»⁴.

Нормативно-правовое определение мер взыскания, применяемых к осужденным к лишению свободы, закреплено в ст. 115 УИК РФ, где определены все меры взыскания, которые могут применяться к осужденным. С точки зрения А. Е. Федяева, закрепленные в указанной статье меры могут быть разделены на две группы: 1) меры, связанные со степенью внутренней изоляции осужденного, и 2) меры, не связанные со степенью внутренней изоляции осужденного⁵.

К мерам взыскания, связанным со степенью внутренней изоляции осужденного, относятся:

³ Миков П. В. Практика применения дисциплинарных взысканий и вынесения поощрений в следственных изоляторах и исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Пермского края : спец. докл. Пермь, 2021. С. 9.

⁴ Федяев А. Е. Меры взыскания, применяемые в исправительных учреждениях : учеб. пособие. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2004. С. 18.

⁵ Там же. С. 24–25.

– водворение осужденного в штрафной изолятор (далее – ШИЗО) на срок до 15 суток (п. «в» ч. 1 ст. 115 УИК РФ);

– перевод осужденного, являющегося злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, в помещение камерного типа (далее – ПКТ) на срок до 6 месяцев (п. «г» ч. 1 ст. 115 УИК РФ);

– перевод осужденного, являющегося злостными нарушителем установленного порядка отбывания наказания, в единое помещение камерного типа (далее – ЕПКТ) на срок до 1 года (п. «д» ч. 1 ст. 115 УИК РФ).

Меры взыскания, закрепленные пп. «а» и «б» ч. 1 ст. 115 УИК РФ, а именно выговор и дисциплинарный штраф, относятся к группе мер взыскания, не связанных с внутренней изоляцией осужденного.

Возможна и иная классификация мер взыскания. Так, например, выговор относится к взысканиям, оказывающим моральное воздействие на осужденного, дисциплинарный штраф воздействует на него через материальные (финансовые) потери, а водворение в ШИЗО либо перевод в ПКТ или ЕПКТ изменяют условия отбывания наказания.

Существующая практика применения мер взыскания в неполной мере решает профилактическую функцию дисциплинарной ответственности. Прежде всего, это связано с ограниченным количеством мер взыскания и спецификой применения данных мер, которые вытекают из уголовно-исполнительного законодательства. Такие меры взыскания, как дисциплинарный штраф, перевод в ПКТ или ЕПКТ, применяются только к злостным нарушителям установленного порядка отбывания наказания или за злостное нарушение (ст.ст. 116 и 117 УИК РФ). Среди осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, удельный вес злостных нарушителей составляет около 3 % [9, с. 98]. Соответственно, к нарушителям режима содержания администрация

исправительного учреждения имеет право применить только два вида мер взыскания – выговор и водворение в ШИЗО. Однако практика применения взыскания в виде водворения в ШИЗО сопряжена с определенными ограничениями. Так, согласно ч. 3 ст. 116 УИК РФ, злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания признается осужденный, к которому в течение года дважды применялись дисциплинарные взыскания в виде водворения в ШИЗО.

Увеличение удельного веса осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, отрицательно оценивается при определении эффективности деятельности исправительных учреждений [10, с. 98–99]. Администрация исправительного учреждения может искусственно поддерживать минимальное число злостных нарушителей режима, применяя к нарушителям установленного порядка отбывания наказания только взыскания в виде выговора.

В ходе опроса лиц, освободившихся из исправительных учреждений, большинство указало на низкую эффективность выговора как меры дисциплинарной ответственности. По их мнению, данное взыскание не влечет никаких существенных последствий для осужденного, за исключением случаев решения вопроса о применении досрочного освобождения от наказания. Опрошенные лица также отметили тот факт, что намного легче досрочно снять выговор, чем взыскание в виде водворения в ШИЗО. Это обусловлено положениями уголовно-исполнительного законодательства, а именно: у осужденного имеется больше возможностей досрочно погасить взыскание в виде выговора, чем в виде водворения в ШИЗО. Так, согласно ч. 3 ст. 114 УИК РФ, досрочно снять ранее наложенное взыскание в виде выговора возможно по истечении трех месяцев со дня его объявления, а в виде водворения

в ШИЗО – по истечении шести месяцев со дня отбытия взыскания.

Из анализа исправительно-трудового законодательства РСФСР следует, что у администрации исправительных учреждений был более расширенный круг мер взыскания. Согласно ст. 53 Исправительно-трудового кодекса РСФСР (далее – ИТК РСФСР) за нарушение требований режима отбывания наказания к осужденным могли применяться следующие меры взыскания:

- предупреждение или выговор;
- внеочередное дежурство по уборке помещений и территории места лишения свободы;
- лишение очередного свидания;
- лишение права на получение очередной посылки или передачи;
- запрещение на срок до одного месяца покупать продукты питания;
- отмена улучшенных условий содержания, предусмотренных ст.ст. 62–65, 69, 75 и 76 ИТК РСФСР;
- водворение осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых колониях, в штрафной изолятор с выводом или без вывода на работу либо учебу на срок до 15 суток;
- водворение осужденных, содержащихся в тюрьмах, в карцер без вывода на работу или учебу на срок до 15 суток;
- перевод осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых колониях общего, усиленного и строгого режима, в помещения камерного типа на срок до шести месяцев, в колониях особого режима – в одиночные камеры на срок до одного года, а в тюрьмах – на строгий режим на срок от двух до шести месяцев; перевод осужденных, содержащихся в обычных жилых помещениях колонии особого режима, в помещения камерного типа в той же колонии.

Исправительно-трудовое законодательство РСФСР предусматривало боль-

ше дисциплинарных взысканий без внутренней изоляции осужденных, при этом одновременно ограничивались субъективные права осужденных – на получение свиданий, посылок или передач, на приобретение продуктов питания. Отмена улучшенных условий содержания по ИТК РСФСР являлась мерой взыскания, тогда как по УИК РФ перевод из одних условий отбывания наказания в другие не является ни мерой поощрения, ни мерой взыскания.

Опрос ветеранов уголовно-исполнительной системы, проходивших службу в 1980-е гг., показал, что, на их взгляд, более эффективными мерами взыскания, сдерживавшими осужденных от совершения противоправных действий, были лишение очередного свидания, лишение права на получения посылки, а также лишение права приобретать продукты питания на один месяц. Водворение в ШИЗО или перевод в ПКТ, по мнению респондентов, несмотря на весьма жесткие условия содержания при исполнении данных взысканий, больше повышали авторитет нарушителей режима в среде осужденных, нежели способствовали достижению карательного воздействия на них. Как справедливо отмечает Ю. М. Ткачевский, частое водворение в ШИЗО постепенно теряет воспитательный характер и приводит к озлоблению осужденного⁶.

Сокращение мер взыскания первоначально в исправительно-трудовом, а затем и в уголовно-исправительном законодательстве было связано с концепцией реформы пенитенциарной системы в годы перестройки. С модернизацией российского пенитенциарного законодательства в 1990-е гг. «не соглашались ученые, специалисты-практики, да и сами осужденные» [11, с. 136]. Включение норм европейского законодательства о защите прав осужденных в российскую правовую

⁶ См.: Ткачевский Ю. М. Советское исправительно-трудовое право : [учеб. пособие для юрид. ин-тов и фак.]. М. : Изд-во Москов. ун-та, 1971. С. 79.

систему не всегда оказывало положительное влияние на поддержание правопорядка в исправительных учреждениях. Ослабление дисциплинарной ответственности осужденных в тот период было связано с демократическими преобразованиями российского общества. Помимо политических, социально-экономических, криминологических и иных факторов, существенное влияние на последующие изменения уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации оказал внешнеполитический фактор, связанный с интеграцией России в европейское сообщество [12]. В результате этого, оставаясь безнаказанными за совершенные правонарушения, осужденные продолжали нарушать установленный порядок отбывания наказания.

Белорусский законодатель мало обращает внимания на требования европейских стандартов обращения с осужденными. Уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь продолжает использовать старый проверенный опыт советского исправительно-трудового законодательства и сохраняет многие из прежних мер взыскания. Так, например, ч. 1 ст. 112 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь⁷ (далее – УИК РБ) определяет следующие меры взыскания:

- выговор;
- внеочередное дежурство по уборке помещений или территории исправительного учреждения;
- лишение права на получение очередной посылки или передачи;
- лишение очередного длительного или краткосрочного свидания;
- водворение в ШИЗО на срок до 10 суток;
- перевод в ПКТ на срок до шести месяцев.

В своем исследовании Ф. В. Коньшев анализирует дисциплинарную практи-

ку при исполнении наказания в виде лишения свободы в Республике Беларусь. Он указывает, что удельный вес осужденных, к которым применено взыскание в виде водворения в ШИЗО, составляет 17 %, а в ПКТ переведено только 3 % осужденных. Наиболее часто применяются такие взыскания, как выговор (25 %), лишение права на получение очередной посылки или передачи (13 %), лишение очередного свидания (13 %) [13, с. 70]. В своих последующих работах Ф. В. Коньшев определяет, что «дисциплинарное взыскание имеет важное правовое значение, поскольку его наложение, как правило, вводит дополнительные ограничения в установленном порядке отбывания наказания, сужает объем предоставленных осужденному льгот» [14, с. 256]. Кроме того, он отмечает, что водворение в ШИЗО или перевод в ПКТ «следует применять лишь в том случае, если существует реальная необходимость изолировать определенного нарушителя от остальных осужденных с целью пресечь его влияние на них или отрицательное влияние других осужденных на него, а также в тех случаях, когда необходима изоляция в момент самого нарушения или непосредственно после него» [15, с. 192].

Необходимо согласиться с исследователями, которые, изучив проблемы применения мер взыскания к правонарушителям, отбывающим наказания в исправительных учреждениях, пришли к выводу, что содержание осужденного в ШИЗО или ПКТ отрицательно влияет на его личность. Карательно-воспитательный процесс при применении мер взыскания должен оказывать предупредительное воздействие на осужденного и изменять его личность в лучшую сторону, что в последующем будет способствовать уменьшению степени общественной опасности осужденного [16, с. 124].

⁷ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 янв. 2000 г. № 365-З. Доступ из ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

IV. НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что правоприменительная практика испытывает потребность в четком урегулировании системы применения мер исправительного воздействия к осужденным в зависимости от совершенных ими нарушений порядка отбывания наказания [17; 18]. Как справедливо отмечает Е. А. Антонян, в настоящее время в исправительных учреждениях из-за низкого качества проводимых профилактических мероприятий увеличивается число не только дисциплинарных правонарушений со стороны осужденных, но и пенитенциарных преступлений, особенно среди лиц, стоящих на профилактическом учете [19, с. 51].

Все это говорит о необходимости внесения изменений в действующее уголовно-исполнительное законодательство. Кроме того, необходимо согласиться с мнением В. И. Селиверстова, который указывает на низкое качество УИК РФ и предлагает внести в него необходимые изменения и правки [20]. Также ученый указывает, что «постоянство уголовно-исполнительной политики не препятствует появлению новых направлений, которые находят свое отражение в действующем уголовно-исполнительном законодательстве и деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера» [21, с. 76].

Исторический анализ отечественного законодательства и практики применения мер взыскания к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, в странах СНГ свидетельствует о необходимости модернизации системы пенитенциарных взысканий в действующем уголовно-исполнительном законодательстве.

С целью расширения перечня мер взыскания, не связанных со степенью

внутренней изоляции осужденного, необходимо дополнить ч. 1 ст. 115 УИК РФ видоизмененными мерами взыскания, которые ранее предусматривались ИТК РСФСР, а в настоящее время применяются в пенитенциарном законодательстве стран СНГ, например в УИК РБ. Так, например, вместо «лишения очередного свидания» (ст. 53 ИТК РСФСР или ч. 1 ст. 112 УИК РБ) включить в ч. 1 ст. 115 УИК РФ такую меру взыскания, как *«замена очередного длительного свидания на краткосрочное свидание»*.

Изучая влияние мер взыскания на осужденных, И. В. Шмаров пришел к выводу, что потеря социальных контактов и невозможность регулярно общаться с ближайшим окружением, особенно с семьей и близкими, имеют самые серьезные психологические последствия для лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы [22, с. 86]. Следует согласиться с точкой зрения И. В. Шмарова, однако в предложенном нами варианте предусматривается не полное лишение права на свидание, но лишь сокращение его продолжительности. В ходе краткосрочного свидания близкие родственники смогут повлиять на осужденного, а у самого осужденного появится стимул отказаться от совершения противоправных действий в связи с угрозой замены очередного длительного свидания краткосрочным.

Следующая предлагаемая мера взыскания, которая также может удерживать осужденного от нарушения порядка и условий отбывания наказания, уже использовалась в исправительно-трудовом законодательстве РСФСР, но требует современного подхода к ее применению. Необходимо видоизменить меру взыскания в виде лишения права на получение очередной посылки или передачи (ст. 53 ИТК РСФСР). Данная мера должна быть изложена в уголовно-исполнительном законодательстве РФ в следующей редакции: *«замена права на получение очередной*

посылки или передачи на получение бандероли». Осужденный будет лишен права получать дополнительные продукты питания, направляемые родственниками, но будет иметь возможность получать бандеролю необходимые ему предметы первой необходимости.

Третьей мерой взыскания, требующей модернизации, является взыскание в виде запрещения на срок до одного месяца покупки продуктов питания (ст. 53 ИТК РСФСР). Лишение осужденного права приобретать продукты питания и предметы первой необходимости нарушает принцип гуманизма, закрепленный в ст. 8 УИК РФ. Однако данное право данное право можно ограничить, уменьшив сумму денежных средств, которую осужденный вправе расходовать. Соответственно, необходимо дополнить ст. 115 УИК РФ такой мерой взыскания, как *«сокращение на один месяц до 50 % суммы, указанной в пунктах “а” частей 1 и 4 статьи 121; пунктах “а” частей 1, 2 и 3 статьи 123; пунктах “а” частей 1, 2 и 3 статьи 125 УИК РФ»*.

Приведенные три меры взыскания можно сравнить с изменениями условий отбывания наказания, только данные меры ограничивают право осужденного на получение социальных благ в виде свидания, посылки или передачи, продуктов питания или предметов первой необходимости одновременно, тогда как при переводе осужденного на более строгие условия отбывания наказания указанные блага ограничиваются в течение более длительного срока, что указано в ст.ст. 121, 123 и 125 УИК РФ.

При применении предложенных мер взыскания с целью реализации принципов законности и гуманизма необходимо ограничить количество случаев применения данных мер взыскания к одному осужденному в течение года. Так, осужденный должен иметь право как минимум на одно длительное свидание и одну

посылку или передачу. Соответственно, в зависимости от вида исправительного учреждения и условий, в которых осужденный отбывает наказание, у администрации исправительного учреждения будет ограничена частота применения данных взысканий.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании исследований, представленных в юридической литературе, можно сделать вывод, что дисциплинарные взыскания, применяемые к осужденным, нарушающим порядок и условия отбывания наказания, не направлены на причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства, несмотря на то что дисциплинарные меры объективно подвергают осужденных юридическим ограничениям и в некоторой степени психологическим страданиям. Как справедливо отмечает В. Н. Орлов, уголовное наказание – это принудительное психическое, материальное, трудовое и иное воздействие на осужденного, не сопряженное с пытками, жестоким или унижающим человеческое достоинство обращением и осуществляемое в строго определенном порядке [23, с. 46]. Так, без дополнительных правоограничений, которые применяются к нарушителям режима содержания, достаточно трудно достичь основных целей уголовного наказания – исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Именно меры взыскания должны удерживать правонарушителя от нарушения установленного порядка отбывания наказания в виде лишения свободы, так как он знает о правовых последствиях дисциплинарной ответственности. Дисциплинарное взыскание в виде выговора практически никаких правоограничений для осужденного не влечет и поэтому не может быть эффективной мерой, сдерживающей от нарушения режима содержания.

Современная правоприменительная практика исполнения наказания в виде лишения свободы испытывает трудности в поддержании правопорядка в исправительных учреждениях. Эти трудности в большинстве случаев связаны с недостаточной эффективностью системы применения мер исправительного воздействия

на нарушителей режима содержания. Все это позволяет сделать вывод о том, что существует необходимость введения в уголовно-исполнительное законодательство дополнительных мер взыскания, применяемых к осужденным, отбывающим уголовное наказание в виде лишения свободы.

Список литературы

1. Смыкалин А. С., Митин А. Н. Пенитенциарная система России: историко-юридическое и экономическое управленческое исследование : моногр. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т, 2018. 350 с.
2. Майстренко Г. А. Регулирование дисциплинарной ответственности осужденных по законодательству Российской Федерации // Право и управление. 2024. № 5. С. 522–525. DOI: <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2024-5-522-525>
3. Кашина Л. А., Лелюх В. Ф., Захаров С. В. Дисциплинарная практика воздействия на девиантное поведение осужденных в исправительных учреждениях России // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 3 (50). С. 228–231.
4. Красоткин П. Н. Актуальные вопросы практики применения мер взысканий к осужденным к лишению свободы // Вестник Кузбасского института. 2017. № 1 (30). С. 77–82.
5. Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы / Г. В. Курбатова, В. Е. Южанин, А. Н. Павлухин, Н. Д. Эриашвили. М. : Юнити-Дана, 2017. 144 с.
6. Зинин Г. Ю., Николаев В. И. Об институте ответственности в уголовно-исполнительном праве // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 451–454. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_2_451
7. Давыдова И. А. Дисциплинарная ответственность осужденных: направления совершенствования российского уголовно-исполнительного законодательства на основе зарубежного опыта // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18, № 4. С. 523–534. DOI: [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18\(1-4\).4.523-534](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).4.523-534)
8. Ложкина Л. В. Некоторые вопросы применения дисциплинарных взысканий в отношении осужденных в исправительных учреждениях // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2015. Т. 25, вып. 2. С. 126–129.
9. Курбатова Г. В., Кутякин С. А., Иванова О. В. Злостный нарушитель режима в исправительных учреждениях Российской Федерации // Прикладная юридическая психология. 2017. № 4 (41). С. 97–100.
10. Пилюкова С. С. Оценка эффективности воспитательной работы с осужденными // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 3 (25). С. 97–104.
11. Упоров И. В. Проблемы реформирования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в СССР в конце 80-х – начале 90-х годов // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 1. С. 135–139. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.4495082>
12. Урожаева Т. П. Проблемы реформирования уголовно-исполнительной системы в Приангарье во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. // История повседневности. 2018. № 1 (6). С. 33–44.
13. Конышев Ф. В. Особенности организационно-тактического применения мер взыскания к осужденным к лишению свободы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 3 (30). С. 66–71.
14. Конышев Ф. В. Правовые аспекты наложения дисциплинарных взысканий лишенным свободы осужденным // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2010. № 4. С. 256–260.
15. Конышев Ф. В. Актуальные вопросы применения наиболее строгих мер дисциплинарной ответственности к осужденным // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2009. № 10. С. 191–194.
16. Якимович Ю. К. Избранные труды. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2011. 770 с.
17. Рахматулин З. Р. Процессуальные аспекты привлечения к дисциплинарной ответственности осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Эпоха науки. 2021. № 28. С. 136–139.
18. Дроздов А. И. Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы: проблемы применения // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 2 (28). С. 43–47.
19. Антонян Е. А. Особенности уголовно-исполнительной политики в современном обществе // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7. С. 50–54. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.35.7.050-054>

20. Селиверстов В. И. Проблемы качества уголовно-исполнительного законодательства в Российской Федерации и его кодификация // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации) : сб. тез. выступлений участников (Рязань, 5–6 дек. 2013 г.). Рязань : Акад. ФСИН России, 2013. С. 62–69.
21. Селиверстов В. И., Грушин Ф. В. Актуальные направления уголовно-исполнительной политики Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 66–81. DOI: <https://doi.org/10.17223/22253513/53/5>
22. Шмаров И. В. Преодоление отрицательных последствий отбывания наказания // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 84 – 91.
23. Орлов В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты : моногр. М. : МГЮА им. О. Е. Кутафина : Элита, 2011. 464 с.

References

1. Smykalin A. S., Mitin A. N. *The Penitentiary System of Russia: A Historical, Legal, and Economic Management Study*. Yekaterinburg: Ural State Law University Publ.; 2018. 350 p. (In Russ.)
2. Maistrenko G. A. Regulation of Disciplinary Liability of Convicts Under the Legislation of the Russian Federation. *Law and Management*. 2024;5:522-525. DOI: <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2024-5-522-525> (In Russ.)
3. Kashina L. A., Lelyuh V. F., Zaharov S. V. Disciplinary Practices to Influence Convict Deviant Behavior in Russian Correctional Institutions. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 2011;3:228-231. (In Russ.)
4. Krasotkin P. N. Topical Issues of Practice in Applying the Measures of Penalty to Convicted To Deprivation of Liberty. *Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2017;1:77-82. (In Russ.)
5. Kurbatova G. V., Yuzhanin V. E., Pavlukhin A. N., Eriashvili N. D. *Disciplinary Responsibility of Convicts Sent to Imprisonment*. Moscow: Yuniti-Dana Publ.; 2017. 144 p. (In Russ.)
6. Zinin G. Yu., Nikolaev V. I. About the Institute of Responsibility in Penal Enforcement Law. *Agrarian and Land Law*. 2025;2:451-454. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_2_451 (In Russ.)
7. Davydova I. A. Disciplinary Responsibility of Convicts: Directions for Improving Russian Penal Enforcement Legislation Based On Foreign Experience. *Penal Law*. 2023;18(4):523-534. DOI: [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18\(1-4\).4.523-534](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).4.523-534) (In Russ.)
8. Lozhkina L. V. Some Questions on Disciplinary Penalties Against Convicts in Prisons. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2015;25(2):126-129. (In Russ.)
9. Kurbatova G. V., Kutyakin S. A., Ivanova O. V. A Malicious Violator of the Regime in Correctional Facilities of the Russian Federation. *Applied Legal Psychology*. 2017;4:97-100. (In Russ.)
10. Piyukova S. S. Effectiveness Estimation of Educational Work with Prisoners. *Bulletin of the Samara Law Institute*. 2017;3:97-104. (In Russ.)
11. Uporov I. V. Problems of Reforming the Criminal and Penal Enforcement Legislation in the USSR in the Late 80's–Early 90's. *Humanitarian Scientific Bulletin*. 2021;1:135-139. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.4495082> (In Russ.)
12. Urozhaeva T. P. Problems of reforming of Criminal Executive System in the Angara Region in the second half of the 1990s – the early 2000s. *History of Everyday Life*. 2018;1:33-44. (In Russ.)
13. Konyshhev F. V. Features of the Organizational and Tactical Application of Penalties to Convicts Sentenced To Imprisonment. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 2008;3:66-71. (In Russ.)
14. Konyshhev F. V. Lawful Aspects of the Disciplinary's Penalty to Convicts Deprived the Freedom. *Herald of Polotsk State University. Series D. Economics and Law Sciences*. 2010;4:256-260. (In Russ.)
15. Konyshhev F. V. Actual Issues of Applying the Most Severe Disciplinary Measures to Convicts. *Herald of Polotsk State University. Series D. Economics and Law Sciences*. 2009;10:191-194. (In Russ.)
16. Yakimovich Yu. K. *Selected Works*. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr «Press» Publ.; 2011. 770 p. (In Russ.)
17. Rakhmatulin Z. R. Procedural Aspects of Disciplinary Proceedings Against Convicted Prisoners Serving Their Sentences in Correctional Institutions. *Era of Science*. 2021;28:136-139. (In Russ.)
18. Drozdov A. I. Disciplinary Responsibility of Persons Sentenced To Imprisonment: Problems of Application. *Bulletin of the Samara Law Institute*. 2018;2:43-47. (In Russ.)
19. Antonyan E. A. Peculiarities of the Penal Policy in the Modern Society. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2017;7:50-54. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.35.7.050-054> (In Russ.)
20. Seliverstov V. I. Problems of the Quality of Penal Enforcement Legislation in the Russian Federation and Its Codification. In: *International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (On the 20th Anniversary of the Adoption of the Constitution of the Russian Federation)*. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ.; 2013. P. 62–69. (In Russ.)
21. Seliverstov V. I., Grushin F. V. Actual Directions of Penal Enforcement Policy of the Russian Federation. *Tomsk State University Journal of Law*. 2024;53:66-81. DOI: <https://doi.org/10.17223/22253513/53/5> (In Russ.)

22. Shmarov I. V. Overcoming the Negative Consequences of Serving Sentences. *Soviet State and Law*. 1972;2:84-91. (In Russ.)

23. Orlov V. N. *Criminal Punishment: Concept, the Purposes, System, Objects and Subjects*. Moscow: Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Publ., Elita Publ.; 2011. 464 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Алексеевич Урусов, доцент кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55А, Омск, 644077, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0649-4985>; SPIN-код: 1262-4866; AuthorID: 923485; e-mail: knight700@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr A. Urusov, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the Dostoevsky Omsk State University (55A Mira ave., Omsk, 644077, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0649-4985>; SPIN: 1262-4866; AuthorID: 923485; e-mail: knight700@yandex.ru

Поступила | Received
27.11.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
22.12.2025

Принята к публикации | Accepted
22.12.2025

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В целях повышения качества публикуемых материалов все присланные работы (научные статьи, сообщения, обзоры, рецензии и т. д.) проходят рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат». К рассмотрению принимаются только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Статьи принимаются на русском и (или) английском языке. Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

Требования к оформлению рукописи научной статьи, направляемой в журнал

Рукопись научной статьи (далее – рукопись, статья) представляется в электронном виде в формате, поддерживаемом Microsoft Word версии 2007 или выше (doc, docx, rtf). Приоритетной формой представления рукописи является заполнение формы на сайте журнала <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. Рукопись статьи для публикации с лицензионным договором в 2 экземплярах и заявкой автора может быть также направлена на электронную почту редакции (pauka@siblu.ru).

Рукопись принимается на русском и английском языках, при этом она должна соответствовать профилю журнала и отражать результаты оригинальных научных исследований.

Общий объем рукописи (всех ее структурных элементов) должен составлять от 20 до 40 страниц машинописного текста или 40–45 тыс. знаков с учетом пробелов.

При наборе текста необходимо использовать шрифт Times New Roman. Размер шрифта для основного текста рукописи – 14 pt, сносок – 12; нумерация сноска сквозная. Межстрочный интервал – полуторный. Расстановка переносов не применяется.

Перед текстом статьи указывается УДК.

Статья в обязательном порядке должна включать следующие **структурные элементы**:

- название статьи;
- сведения об авторах и их аффилиации;
- аннотацию;
- ключевые слова;
- финансирование (при наличии);
- введение;
- основную часть статьи, состоящую из трех и более разделов, каждый из которых должен иметь собственное наименование;
- заключение;
- благодарности (данный раздел включается по усмотрению автора);
- список литературы на русском языке;
- список литературы на английском языке (References);
- информацию об авторах.

Наименования структурных элементов статьи «Аннотация», «Ключевые слова», «Финансирование», «Введение», «Заключение», «Благодарности», «Список литературы», «References» должны быть воспроизведены в тексте статьи. Структурные элементы статьи не нумеруются.

Название статьи (не более 10 слов) должно содержать основные ключевые слова, характеризующие содержание статьи. Указывается на русском и английском языках. Располагается в левой верхней части листа.

Авторы и их аффилиация указываются в следующей строке после названия статьи с выключкой влево. Данные приводятся без сокращений, на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, место работы (название организации, соответствующее указанному в ее уставе, город, страна), адрес электронной почты).

В обязательном порядке указываются идентификаторы (ORCID iD, Researcher ID и др.). Если таковые отсутствуют,

авторам необходимо предварительно зарегистрироваться на <https://orcid.org>.

Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Авторы могут указываться в алфавитном порядке, если их вклад в исследование равноценен.

Аннотация (объем 250–300 слов) – самостоятельный источник информации о статье, краткая характеристика работы, представляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть логичной и отражать основное содержание статьи (предмет, цель, методы и выводы исследования). Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание публикации, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения, в аннотации не приводятся. Рекомендуется составлять аннотацию в соответствии со структурой ее основной части, выбирая из каждого раздела самые важные сведения, дающие в совокупности полное представление о содержании статьи.

Аннотация рекомендуется составлять после завершения работы над статьей. Особое внимание следует уделить качеству перевода.

Ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний) должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

Финансирование – факультативный структурный элемент, включающийся в статью при наличии финансовой поддержки исследования юридическими и физическими лицами. Здесь может содержаться указание на то, за счет каких грантов, контрактов, стипендий удалось провести исследование.

Введение должно содержать обоснование актуальности и новизны темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку исследовательской проблемы, формулирование гипотезы исследования, описание методов, которые использовались для получения результатов, указание на цели и задачи исследования.

Основная часть статьи, состоящая из трех и более разделов, включает в себя фактические результаты исследования, их интерпретацию, в том числе оценку соответствия полученных результатов гипотезе исследования, обобщение его итогов, сравнение с результатами других исследователей, предложения по практическому применению результатов исследования, а также по направлению будущих исследований.

Заключение содержит главные идеи статьи, итоги исследования без дословного воспроизведения формулировок, содержащихся в основной части статьи.

Благодарности. Данный структурный элемент включается в статью по усмотрению автора в целях выражения признательности коллегам за помощь в подготовке статьи, критические комментарии, которые позволили улучшить содержание рукописи, благодарности за поддержку исследования людям и организациям.

Список литературы должен содержать ссылки на все научные источники информации, упомянутые в тексте статьи.

Литература, используемая при написании статьи, должна отражать современное состояние вопроса, включать публикации как в отечественных, так и в зарубежных журналах и изданиях.

Список приводится в конце статьи, выстраивается по порядку упоминания источников в тексте, а не по алфавиту, независимо от названия и языка источника, и пронумеровывается. В одном пункте перечня следует указывать только один источник информации.

Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и тщательно выверяется.

В списке литературы сведения об используемом издании должны обязательно содержать указание на издательство, общее количество страниц в используемом издании либо на конкретные страницы, где содержится соответствующий материал, если издание имеет периодический характер.

Если источник имеет DOI, то его указание является обязательным.

По тексту статьи даются отсылки к необходимому номеру библиографической записи из составленного списка, которые приводятся в квадратных скобках. Если отсылка к источнику информации в тексте статьи встречается несколько раз, то в квадратных скобках повторно указывается его номер из списка (без каких-либо изменений в самом библиографическом списке). В случае прямого цитирования обязательно указывают номер страницы (например: [1, с. 25], [1, с. 59–60]).

Обязательные параметры списка литературы:

- не менее 10–12 источников, из них: не менее 25 % источников – зарубежные (из которых 10 % – статьи из журналов, индексируемых в Web of Science, Scopus; работы на английском, немецком, французском языках, опубликованные в периодических научных изданиях (не дополнительных выпусках), а также статьи в сборниках трудов конференций и монографии, опубликованные в издательствах, не замеченных в применении недобросовестной издательской политики);
- не более 15 % источников – монографии;
- ссылки на литературу, опубликованную ранее 2009 г., должны быть единичными, кроме исследований, отражающих исторический аспект проблемы;
- не допускается самоцитирование. В случае невозможности избежать упоминания о ранее опубликованных автором трудах следует указать лишь на то, что автор уже рассматривал данный вопрос, при этом ссылки на опубликованные труды в тексте статьи не делаются, и в списке литературы они не приводятся.

Не включаются в список литературы следующие внеаучные источники информации:

- диссертации, авторефераты диссертаций;
- учебники, учебные пособия;
- нормативные правовые акты и комментарии к ним, судебные акты;
- правила, стандарты, патентные документы;
- словари, энциклопедии, другие справочники;
- доклады, отчеты, протоколы, данные статистики;
- средства массовой информации, интернет-ресурсы.

Ссылки на перечисленные внеаучные источники информации приводятся в подстрочных сносках.

Подстрочные сноски оформляются как примечания, вынесенные из текста вниз страницы, со сквозной нумерацией в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

В списке литературы на английском языке (**References**) порядок источников должен соответствовать русскоязычному списку литературы. Ссылки на источники оформляются в формате Vancouver. После описания источника необходимо указать язык издания, например, если оно было опубликовано на русском языке – (In Russ.). Для англоязычных источников это правило не применяется. Если источник написан на латинице (на немецком, французском и проч.), он должен быть процитирован в оригинальном виде.

При переводе русскоязычных источников и источников на других кириллических языках рекомендуется проверять наличие официального опубликованного перевода.

Транслитерация производится по стандарту BSI и применяется в следующих случаях:

- для обозначения фамилии, имени, отчества (при наличии) авторов источника;
- для собственных названий издательств, например: Nauka, Yurlitinform;
- если нет информации об использовании журналом англоязычного названия (рекомендуется проверить на официальном сайте данного журнала).

При подготовке списка литературы можно обратиться к автоматическим системам подготовки списка литературы (EndNote, Mendeley, Zotero и др.)

В блоке «**Информация об авторах**» для каждого автора указываются: полные фамилия, имя, отчество (при наличии), должность, место работы и его полный юридический адрес, ученая степень, ученое звание, почетное звание, все имеющиеся идентификаторы автора, адрес электронной почты, а также контактный номер телефона, который будет использован только для связи редакции с автором и не будет публиковаться в журнале и (или) на его сайте.

Формулы, таблицы и рисунки, приводимые в статье, должны быть пронумерованы, а рисунки и таблицы также и названы, к ним должны быть отсылки в тексте статьи. В таблицах не должно быть пустых граф. Простые внутрстрочные и однострочные формулы, а также рисунки и таблицы должны быть набраны без использования специальных редакторов. Рисунки и формулы также прилагаются к статье отдельными файлами в формате JPEG с разрешением не менее 300 dpi.

Не допускаются во всех структурных элементах статьи:

- набор шрифтом «все прописные»;
- полужирное начертание;
- наличие двух и более пробелов подряд;
- знаки табуляции;
- абзацный отступ пробелами и (или) знаком табуляции;
- мягкий перенос;
- разреженный и (или) уплотненный шрифт.

В случае несоответствия статьи установленным требованиям к оформлению и (или) содержанию решением редакционной коллегии статья отклоняется, о чем автор информируется по электронной почте.

За достоверность приведенных в статье сведений ответственность несут ее авторы.

INFORMATION FOR AUTHORS

In order to improve the quality of published materials, all submitted works (scientific articles, messages, reviews, etc.) are reviewed and checked by the “Antiplagiat” system. Only original articles that have not been previously published and are not pending in other publications are accepted for consideration. The article submitted for publication should be relevant, have novelty, contain a statement of tasks (problems), a description of the main research results obtained by the Author, conclusions. Articles are accepted in Russian and/or English. Materials for publication in English are submitted by foreign Authors without translation in any part of them into Russian.

Requirements to the formatting of the scientific article submitted to the journal

The manuscript of the scientific article (hereinafter referred to as the manuscript/article) shall be submitted in electronic version, in the format supported by Microsoft Word 2007 or higher (doc, docx, rtf). The priority form of the Article submission is the filling of the form at our web-site <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. The manuscript of the article to be published with the license agreement (in duplicate) and the Author's request enclosed may also be sent to the editorial office's e-mail (nauka@siblu.ru).

The manuscript shall be accepted in Russian and English, hereby it should comply with the Journal's profile and highlight the results of the original scientific research.

The total volume of the article (including all the article elements) must be 20 to 40 type-written pages or 40,000–45,000 characters (blank spaces included).

For the text typing use Times New Roman font. Font size for the body of the Article – 14 pt, footnotes – 12; footnote numbering – consecutive. Line spacing – 1.5. No hyphenation.

UDC Code before the text of the Article is mandatory.

The Article must include the following **structural elements**:

- Title of the Article;
- The Authors and Their Affiliation;
- Abstract;
- Keywords;
- Funding (if any);
- Introduction;
- the body of the Article consisting of three or more sections each having its own title;
- Conclusion;
- Acknowledgements (to be included at the Author's discretion);
- References (in Russian)
- References (in English);
- Information about Authors.

The titles of the structural elements (“Abstract”, “Keywords”, “Funding”, “Introduction”, “Conclusion”, “References”) must be stated in the text of the Article. The Article structural elements shall not be numbered.

Title of the Article (maximum 10 words) must contain the main key words. Shall be provided in Russian and English. Left-aligned in the top of the page.

The Authors and their affiliation are indicated on the line right after the title of the article (research paper), aligned to the left. The data is given without abbreviations, in Russian and English (last name, first name, patronymic (if any), place of work (name of the organization corresponding to that specified in its charter, city, country), e-mail address).

Authors must state their identifiers (ORCID iD, Researcher ID). If they have no identifiers the Authors should first sign in at: <https://orcid.org>.

The sequence of the enumeration of the Authors is based on their contribution to the work completed. If the contribution to the research is equal the Authors may be listed alphabetically.

Abstract (250–300 words) – independent source of information of the Article, brief characteristic of the Work, shall be

provided in Russian and English. The Abstract must be logical and highlight the main contents of the Article (subject, objective, methods and conclusions of the study). The data contained in the title of the Article must not be repeated in the text of the Abstract. Avoid excessive introductory phrases, like “the Author of the article reviews...”. Historical data (unless they are the main contents of the Article), description of the previously published works and commonly known provisions shall not be included into the Abstract. We recommend to make up the Abstract in accordance with the structure of the body of the Article selecting the most important data from each section to provide in aggregate the comprehensive idea of the contents of the Article.

The Abstract should be made up after the completion of the work on the Article. Special emphasis should be given to the quality of the translation.

Keywords (5–10 words or word-combinations) should highlight the specific features of the topic, object and findings of the study. The Keywords must be separated with a semi-colon.

Funding is an optional structural element included in the article if there is financial support for the study by legal entities and (or) individuals. This may contain an indication of what grants, contracts, scholarships were used to conduct the study.

Introduction shall include the substantiation of the topicality and novelty of the study, review of the literature on the study subject-matter, study problem setting, definition of the study hypothesis, description of the methods used to obtain the findings, definition of the study objectives and tasks.

The body (main part) of the Article consisting three or more sections, contains the actual findings of the study, interpretation thereof, including compliance of the findings obtained with the study hypothesis, limitations of the study and generalization of its outcomes, comparison with the findings of other researchers, proposals on the future practical application of the future studies.

Conclusion contains the main ideas of the body of the Article, outcomes of the study without verbatim repetition of the definitions included in the body of the Article.

Acknowledgements. This structural element shall be included into the Article at the Author's discretion to express appreciation to the colleagues for the help with the Article preparation, including critical comments which enabled the manuscript improvement, gratitude for the financial support of the study by people and institutions.

References section shall contain references to all the scientific information sources mentioned in the text of the Article.

The literature used for the Article writing shall highlight the present-day state of the problem and include publications in both Russian and international journals and editions.

The Reference list is provided at the end of the Article and made up in the order the sources are referred to in the text, not alphabetically, regardless of the original title and language, the listed references shall be numbered. One list item shall include only one information source.

The *references in Russian* shall be made up in accordance with GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making” and carefully checked.

The list of references must state the publishing house, total number of pages in the edition used, or specific pages containing the relevant materials if the edition is periodical.

If the reference has a DOI it must be stated.

In the text of the Article references to the specific number of the bibliographic record from the list shall be provided in square brackets. If the reference to the information source in the text of the Article is made several times, the source number from the list shall be repeated in the square brackets (without any changes in the List of References itself). In case of direct citation the page number must be provided (for example: [1, p. 25], [1, p. 59–60]).

Mandatory parameters of the List of References:

- minimum 10–12 sources, including: minimum 25 % sources – international (out of which 10 % – articles from the journals indexed in Web of Science, Scopus; works in English, German, French published in the scientific periodicals (not supplementary issues!) as well as articles in the collections of proceedings of the conferences and monographs published in the reputable publishing houses);

- maximum 15 % sources – monographs;

- references to the literature published before 2009 must be single, except studies containing historical aspect;

- avoid self-citation. If it is impossible to mention the previously published works, just mention in the Article that the Author has already reviewed this issue, in this case no references to the published works should be included into the list of references.

The following extrascientific information sources shall not be included into the list of references:

- dissertations, author's abstracts of the dissertations;

- text books, workbooks;

- statutes and regulatory acts, judicial acts;

- rules, standards, patents;

- dictionaries, encyclopedias, other reference books;

- reports, statements, protocols, statistics data;

- mass media, the Internet resources.

References to the extrascientific information sources above shall be provided in the footnotes.

The footnotes shall be made as notes to the text provided at the bottom of the page, consecutively numbered as per GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making”.

In the “**References**” (*in English*), the order of sources should correspond to the Russian-language list of references. References to sources are made in Vancouver format. After describing the source, it is necessary to indicate the language of the publication, for example, if it is published in Russian – (In Russ.). For English-language sources, this rule does not ap-

ply. If the source is written in Latin (German, French, etc.), it must be quoted in its original form.

When translating Russian-language sources and sources in other Cyrillic languages, it is recommended to check the availability of an official published translation.

Transliteration shall be applicable in the following cases:

- to provide the surname, given name and patronymic (if applicable) of the Authors of the reference;

- for the proper names of the publishing houses, for example, Nauka, Yurlitinform;

- if the information of the use of the English title by the Journal it not available (check by the journal official web-site is recommended).

The transliteration shall be provided as per BSI standard.

To prepare the list of references automatic systems for the preparation of the list of references may be used (EndNote, Mendeley, Zotero, etc.)

In the “**Information about Authors**” section, for each Author, the following is indicated: full surname, first name, patronymic (if any), position, place of work and its full legal address, academic degree, academic title, honorary title, all available identifiers of the Author, e-mail address, as well as a contact phone number, which will be used only for communication between the Editorial office and the Author and will not be published in the journal and (or) on its website.

Formulae, figures, table. All the formulae, tables and figures must be numbered, and the figures and tables – also titled, there must be references to them in the body of the Article. The tables must not have blank columns. Simple inline and single-line formulae as well as figures and tables must be typed without using special editor software. Figures and formulae shall be attached to the Article as separate files in JPEG-format, resolution – min. 300 dpi.

In the Article elements above the following shall not be admissible:

- using Caps Lock,

- bold font,

- two or more consecutive blank spaces,

- tabulation symbols,

- paragraph indent using blank spaces and tabulation character,

- soft hyphens,

- sparse or condensed font.

If the Article does not comply with the requirements to the lineup and/or contents above the editorial board shall decline the Article and notify the Author by e-mail.

The reliability of the data used in the texts shall be the Authors' responsibility.

Научный журнал «Сибирское юридическое обозрение»

Редактор: *Л. А. Зарубина*

Редактор текстов на английском языке: *С. Ж. Капкенов*

Компьютерная верстка и оформление: *Л. А. Зарубина*

Дизайн обложки: *О. Ю. Шелихов*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 19 апреля 2019 г. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-75350

Свободная цена

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов научного журнала «Сибирское юридическое обозрение» ссылка на журнал обязательна

© Редакция научного журнала «Сибирское юридическое обозрение», 2026

Адрес издателя и редакции: ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация

Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Дата выхода в свет: 10.07.2026

Подписано в печать 05.07.2026

Тираж 200 экз.

Формат 70 x 100 / 16. Усл. печ. л. 18,93. Уч.-изд. л. 20,56.

Отпечатано в ООО «Полиграфический центр "Татьяна"»

Адрес типографии: ул. Жукова, 107, Омск, 644046, Российская Федерация

Scientific journal "Siberian Law Review"

Editor: *L. A. Zarubina*

Text editor in English: *S. Zh. Kapkenov*

Desktop publishing and design: *L. A. Zarubina*

Cover desing: *O. Yu. Shelikhov*

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) at April 19, 2019. Registration No. PI № FS 77-75350

Price discretion

When reprinting or reproducing by any means in whole or in part the materials of the scientific journal "Siberian Law Review" reference to it is obligatory

© The editorial board of the scientific journal "Siberian Law Review", 2026

Address of the publisher and the editorial office: 12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation

Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Release date: 40.07.2026

Signed print 05.07.2026

Circulation 200 copies.

Format 70 x 100 / 16. Cond. pr. pg. 18.93. Edit. pr. pg. 20.56.

Printed in LLC "Printing Center "Tatyana"

Printing office address: 107 Zhukova st., Omsk, 644046, Russian Federation